

Алексей Федотов

**СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
ТОМ II.**

СЛОМАННЫЙ МИР

Романы

Рассказы

*Издание осуществлено при поддержке
Благотворительного Фонда
Святителя Николая Чудотворца
в год литературы в России*

Иваново

2015

ББК 84.5

Ф34

Федотов А. А.

Ф34 Собрание сочинений: в 4 т./ А.А. Федотов. – Иваново: Издательство МИК, 2015.

ISBN 978-5-89222-155-9

Том II. Сломанный мир. Романы. Рассказы. – 2015. – 534 с.

ISBN 978-5-89222-157-3

Во второй том собрания сочинений А.А. Федотова вошли романы «Наследники Ост-Индской компании»(2012), «Призрачная Америка»(2012) и рассказы «Сон разума»(2013), «Пробуждение хуже сна»(2013), «Сломанный мир»(2013) и «Границы познания»(2013). Это собрание очень эклектичных произведений, составляющих единое целое. Трагичное в них соседствует с комичным, фантастические элементы с реализмом, очень серьезное с тем, что может показаться легкомысленным. Сквозь все это проходит основной мотив – даже «маленькое» добро или зло, совершенное человеком, не проходит незаметно, откладывая свой отпечаток на его дальнейшую судьбу, а порой, меняя не только его жизнь, но и жизнь вокруг него. Это книга о мире, который действительно сломан человеческим грехом, и пока человек в нем живет, он не может быть вполне свободен от его законов. Но для каждого возможен выбор, результат которого иногда может изменить и мир вокруг и применение его законов. И пока человек жив, возможность сделать самый трудный и важный, может быть, последний выбор, для него не закрыта.

ISBN 978-5-89222-157-3 (т. 2)

ISBN 978-5-89222-155-9

© Федотов А. А., 2015

© Журавлев В.С.,

иллюстрации, 2015

Какую силу будут иметь написанные слова, зависит не от меня. Как можно взвесить любовь, измерить совесть, потрогать прощение? Почему главное для одного человека ничего не значит для другого и наоборот? Так многое в нашей жизни неуловимо, представляет собой лишь ускользающие образы, которые словами почти невозможно передать...

О чем эта книга? Я не случайно назвал ее «Сломанный мир». Она о мире, который действительно сломан человеческим грехом, и пока человек в нем живет, он не может быть вполне свободен от его законов. Но для каждого возможен выбор, результат которого иногда может изменить и мир вокруг и применение его законов. И пока человек жив, возможность сделать самый трудный и важный, может быть, последний выбор, для него не закрыта.

Автор

Вяч. Океанский

Доктор филологических наук, профессор

СРЕДНИЕ ВЕКА ПРОДОЛЖАЮТСЯ

**Размышления над книгой Алексея Федотова
"Сломанный мир"**

Вопреки суетной спешке историков, человечество всё ещё не вошло в то время, которое могло бы быть названо Новым, ибо это – такое эоническое время, где близится Непреходящее и уже существенно переходятся грани самого ветхого времени, подтачивается ось его брэнного веретена – наша же эпоха с её летучими смыслами и скользящей бессмыслицей всецело принадлежит канализационному сливу в ту величественную державинскую «реку времён», которая «уносит все дела людей»... Унесёт и эту грязь, и уже уносит – близится «Новое Средневековье».

Люди общаются друг с другом, быть может, наиболее глубоко и содержательно отнюдь не лицом к лицу, а каким-то опосредованным образом, нажимая на космизированные клавиши эпох, миров и символических форм. Для этого требуются «дистанции огромного размера» – и не в этом ли смысле отмечал ещё Кант, что «всё великое – плоды необщительности»?

Я прочёл с немалым интересом написанное Алексеем Федотовым и оформленное в его книге с многозначительно-однозначным названием «Сломанный мир» (что может быть многозначительнее мира – и однозначнее слома!): разбитую чашу не склеишь и, при всём житейском добродушии автора, здесь имеет место неотменимый приговор, ведь и правда, что чашку не склеишь, а мир не починишь, хотя кто-то ещё копошится на руинах, «что-то вроде получается» – но что?

Меня увлекло чтение текстов достаточно высокого литературного качества, но и поразило пронзительное обнажение онтологически врождённого гротеска, перманентного кошмара человеческого существования, увиденного и запечатленного. Ни в «Ригведе», ни в Евангелиях, ни в «Точном изложении Православной веры», ни в «Войне и мире» нет туалетов, и художественный мир, где этот символический объект занимает центральное место, является сломанным миром – входом в антимир...

Не хотелось бы тут заниматься скучным литературоведческим анализом сюжетно-композиционных особенностей книги, которая исходно читалась по ещё не связанным в целое частям – мы, подобно Новалису со Фр. Шлегелем, пошли путём живой «со-философии» и ниже приведём некоторые её в ряде моментов любопытные фрагменты (как оценочного – так и проблематического планов):

- Спасибо за "Призрачную Америку", чтению которой посвятил истекшую ночь. Прочёл Ваш роман с большим интересом. Первая часть в чисто литературном отношении мне показалась увлекательнее, но и дальше не менее интересно во всех остальных отношениях. Конец очень добрый, если и не счастливый, то, по крайней мере – "капли на ночь". В целом же, мы с Вами думаем об одном, и хорошо, что Вы сконцентрировали всё это в таком замечательном произведении – надо бы его перевести на английский и запустить в качестве "бродила" в описываемый Вами мир, если там ещё не разучились читать... Два взаиморазличных момента всё же мне показались несколько сомнительными: это – безраздельное (иногда похожее на навязчивую идею) отрицание империи (получается, что всякая империя – империя зла, "град земной", если не хуже, но ведь при всех издержках и проблемах были небесно-ориентированные империи: российская, византий-

ская и даже китайская...) и чрезмерная эксплуатация всё-таки (при всём его отмеченном критиками "атлантизме") светлого имени Иосифа Бродского (отсутствие законченного советского образования помогло ему увидеть и показать то, чему нет аналогов – полное опустошение т. наз. цивилизованного человека, его антропологическую катастрофу).

- По внимательном прочтении написанного Вами сразу скажу, что вне зависимости от того, роман это либо же рассказ – ЗАМЕЧАТЕЛЬНО, в некоторых моментах я едва удерживался от хохота, потрясающе правдоподобно всё и одновременно не к чему придаться. Хотелось бы увидеть всё это в качестве читаемой людьми книги, пусть и небольшой, но весьма своевременной!

- Что-то, вероятно – самое существенное, в Вашем художественном мире мне понятно и близко, находит какой-то внутренний отклик. Кроме того, Я думаю, что Вы действительно хорошо пишете в чисто литературном плане: и по стилистике, и по тематике Ваши создания вполне заслуживают быть более широко известными в писательско-читательских мирах.

- Позвольте возразить на тезис: "именно здесь мы создаем реальность, в которой будем вечно" – именно так (каждому – по вере его) думали носители основных тоталитарных идеологий в XX веке и, кстати, булгаковский Воланд соглашается и одновременно смеётся над этим... Св. апостол Павел полагал иначе: "не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим его" – здесь есть фундаментальный контрапункт, как и в том, что "одними добрыми делами никто не спасётся", из чего, конечно, не следует тщета

добра... Я часто читаю и слушаю афонское Добротолюбие: создавшие эту книгу более тысячи лет показывали несоизмеримость Закона и Благодати – по этому же пути шёл первый русский митрополит...

- Дело не в оптимизме и пессимизме, а в том, что я подобен вдохновенному режиссёру драматического театра, которому предлагаются какие-то психо-клипы, рассчитанные на посредственное сознание...

- Если естественная смертность голубей парализует нашу энергию тяготения к Жар-Птице – то этот мир вообще не заслуживает одухотворённого внимания и пусть разлетается в Тартарары вместе со своими галактиками. На его руины всё равно вернётся Вечная Жар-Птица.

- Гераклит, как известно, "проплакал" всю жизнь – но кое-что существенное – получилось, не уступающее в своей значимости "просмеявшемуся" по жизни Демокриту. В исходном тезисе Вы правы, но – на идеальном уровне. Каждый относится ко всему в свою меру; Шопенгауэр, например, как хорошо известно, одну тётку с лестницы спустил, а потом – выплачивал ей всю жизнь... евробуддист!

- Я думаю, что рассказ Ваш, когда в нём будет поставлена точка (или - многоточие), надо будет распространить среди останков мыслящих людей, пребывающих в нашей системе (иным оно может представляться вполне фантастическим и непонятным), дабы они могли увидеть её в зеркале и дополнительно ужаснуться, а вместе с тем и – поискать выход...

- Предметом же научного изучения эти процессы никогда не станут, поскольку наука умрёт прежде, чем закончится на земле описываемая Вами антропологическая гадость. Достаточно выехать за город и взглянуть на обочины весенних дорог, дабы понять – в каком безнадёжном состоянии находится человек. Его не спасут, говоря словами отца Серафима Роуза, "никакие мёртвые академии этого гибнущего мира"... Уже теперь высокая учёность умирает под натиском уничтожающего поиска неисчислимых соответствий.

- На вопрос затрудняюсь ответить: *можете ли Вы не писать*, раз начали – но само описываемое, конечно же, полная жуть.

- Вся Ваша трилогия представляется весьма весомой и значимой при том, что изображаемая там фактура порою труднопереносима: кинооператору без скафандра невыносимо душно – нечем дышать, метановые облака, как на Юпитере, другая планета – и хочется какого-то второго плана, может быть – лирическо-романтических отступлений, свежести природы, шелеста трав, берегов тихой речки, проплывающих облаков в небе, далее необъятных – как у Гоголя в "Мёртвых душах" есть ведь лироэпические отступления, и это – целый сюжетный план, выражающий особую философию писателя...

Не могу согласиться со Святейшим Патриархом Кириллом, который в 2012 году на вручении Патриаршей литературной премии говорил, что, мол, «русских писателей всегда интересовали не столько внешняя действительность, сколько внутренние мотивы, глубинные причины человеческих поступков — греховных и праведных, низких и высоких» – это, пожалуй, какая-то англосаксонская

редакция русских писателей. Напротив, отечественной словесности присуща особая поэтика пространства, геопоэтика и астропоэтика, отворяющие жизненный мир как ословесненный космос, в котором можно жить – отнюдь не психоделика является тут ведущей силой, но запечатленный в «русской песне» гоголевско-аксаковский «дух и образ могучего пространства», лермонтовское «люблю, за что не знаю сам, её степей холодное молчанье», равнодушное к «преданиям заветной старины», к истории изнутри сугубо антропологической размерности – **НЕСЛОМАННЫЙ МИР**.

Правда, до этого, на заседании Палаты Попечителей премии Патриарх вполне справедливо говорил о том, что писателям «становится всё труднее следовать своему истинному призванию — свидетельствовать о непреходящих ценностях, об идеалах, к которым должен стремиться человек, художественным путём раскрывать внутреннюю борьбу ради достижения этих идеалов, показывать драматизм того, что означает поиск целей и смысл человеческой жизни». Патриарх подчёркивал, что «ни в коем случае не следует отделять произведение от личности автора, от его жизненной позиции, от его отношения к Родине, к семье, к ближним, от его философских взглядов и убеждений».

Но стоит тут обратить серьёзное внимание и на возможные возражения в наследии величайших русских философов, столь разных, как, например, метафизик отец Павел Флоренский и феноменолог И. А. Ильин: первый из них писал, что «сочинитель не есть надёжный толковник своего труда, и сказать что именно написал он, нередко может с меньшей уверенностью, нежели любой из внимательных его читателей» («Пути и средоточия»); второй же отмечал, что «художник часто знает о своём произведении меньше, чем его произведение ”высказывает“ о самом себе» («О чтении и критике»).

Книга Алексея Федотова «Сломанный мир» – причём, как видно вопреки глубоко почитаемым нами Флоренскому, Лосеву, Генону и Гвардини, относившим Средневековье к «высочайшим эпохам человеческой истории» и скорбевшим по его утрате – в очередной раз навела нас на мысль о его продолжении и смысловой неисчерпанности...

Средние века имеют не столько христианское и, уж во всяком случае, не евангельско-святоотеческое, а вполне магическое и гностическое происхождение: это – уже сломанный мир, безнадежно (хотя единойдержавно и соборно!) подлаживаемый под компромисс между «свиночеловечеством» и грядущим «воцарением Христа в мире» (образы из книг отца Сергия Булгакова). Судя по всему, что происходило столетиями, происходит и ещё долго будет происходить в реальности «сломанного мира» со всеми его «Суммами», «Камасутрами», «Искусствами управления» и «Новыми Органонами» – Средние века продолжают, а Новые времена объявлены человечеству преждевременно известными мошенниками и фальшивомонетчиками...

КТО НА НОВЕНЬКОГО?!

*Предисловие к роману
«Наследники Ост-Индской компании»*

- Ну, господа?! Кто на новенького?...

Как правило, именно так истошно вопрошал всех и вся друг моей юности Пашка Самойлов, поздним вечером выходя сильно под шафе из ресторана «Россия» (ныне «Атлант»). И тут же непременно и predeterminedенно «влезал», как рак-отшельник в свою раковину, в любую драку, с энтузиазмом бультерьера воюя все равно на какой стороне, безразлично ради какого конфликта, зато с хорошо предсказуемыми последствиями. В лучшем случае дело заканчивалось свернутым в сторону носом, истекающим на грязный, заплыванный асфальт кровью рюриковичей (Паша имел в числе предков князей Серебряных-Оболенских и был, по сути, родовитее царственных Романовых)...

К чему это я? А вот к чему.

Вы держите в руках эту книгу, а меня так и подмывает повторить с памятными пашиными пафосными интонациями:

- Ну, господа?! Кто на новенького?..

Сдается мне, что первый роман Алексея Федотова принесет ему немало тумачков и зуботычин — в первую голову, конечно, от «братьев-писателей», известных своей добротой и чувством радости за успехи коллег, ну, а уж во вторую — от читателей самого широкого спектра. Бить будут, как говорил Остап Бендер, ногами. И маститые литераторы, и прыщавые кандидаты в пелевиных и быковых, и критики, поднаторевшие в боях без правил, и те, кто любит вздремнуть на диванчике с томиком Батюшкова, и те, кто кроме как «по матушке» разговаривать не умеет и не хочет. Дамы и господа, старцы и сопляки, эстеты и антиэстеты, коммунисты и антикоммунисты, консерваторы и либералы, молчуны и болтуны, даже «нашисты» (а они еще остались?) - все кому не лень и даже кому лень — всенепременнейше постарают-

ся побольнее ударить начинающего романиста. А не ударить, так хотя бы плюнуть. А не плюнуть — так обругать.

И это не потому что роман не удался. Не потому что он плох. Роман-то как раз удался и он хорош.

Только вот общество наше не удалось. К сожалению! И не хочется этому обществу в зеркало смотреть. Как ни посмотри — рожа получается кривая. А временами — очень кривая...

И действительно — в романе много и «разнообразно» пьют, много и гнусно поют, ведут вечные бесконечные разговоры, на которые так тароваты бездельники и плуты всех времен и народов, а особенно нашего времени и нашего же народа. Автор не поскупился, изображая людей малоприятных, а временами мерзковатых, мерзких и мерзопакостнейших. Он населил действие народцем, действительно в основном малоприятным. И тут же принялся его воспитывать и цивилизовывать. А потому как сделать это в принципе невозможно, то перед нами — роман-утопия. Вот я и опасаясь, что читатель поймет это не сразу. И, не разобравшись, как все тот же Паша, приступит к активным действиям. Делать этого ни в коем случае не следует, потому что роман и в правду очень хорош. А его автор вообще добрейшей души человек. И смелый!

Бессмертный Николай Васильевич Гоголь задумывал свои «Мертвые души» как трилогию - «Ад», «Чистилище» и «Рай». Он смог создать один лишь «Ад». Алексей Федотов на этом зациклиться не стал, пошел дальше, описав все ипостаси мятущейся души русского человека. Действие романа начинается в сумасшедшем доме, а заканчивается почти что в Царствии Небесном.

Схема? Нет, не схема! Это совершенно искреннее и выстраданное желание видеть человека Человеком. Утопия, ради которой и стоит жить.

Автор предварил роман несколькими эпитафиями. Все из классиков... А я бы добавил еще один, но сильно его переработал.

Помните «объяснение» которым открывается роман Марка Твена «Приключения Гекльберри Финна»? Я напомним...

«Лица, которые попытаются найти в этом повествовании мотив, будут отданы под суд; лица, которые попытаются найти в нем мораль, будут сосланы; лица, которые попытаются найти в нем сюжет, будут расстреляны».

Я бы обратился к читателям романа Алексея Федотова «Наследники Ост-Индской компании» с менее свирепым приветствием. Написал бы так:

«Лица, которые не найдут в этом повествовании ни мотива, ни морали, ни сюжета, подлежат должному внушению, публичной порке и ссылке в город Лузервиль на вечные времена»...

Кто тут на новенького?!

***Михаил Смирнов,
президент Издательского Дома
«Наша Родина»***

НАСЛЕДНИКИ
ОСТ-ИНДСКОЙ
КОМПАНИИ

Роман

Я долго принимал перо за шпагу, теперь я убедился в нашем бессилии. Неважно: я пишу, я буду писать книги; они нужны, они все же полезны. Культура ничего и никого не спасает, да и не оправдывает. Но она – создание человека: он себя проецирует в нее, узнает в ней себя; только в этом критическом зеркале видит он свой облик. Весь человек, вобравший всех людей, он стоит всех, его стоит любой.

Ж.П. Сартр «Слова»

Сама по себе радость скорее похожа на особую печаль, но это именно те муки, которых мы жаждем. Несомненно, каждый, кто их испытал, не променял бы их на все удовольствия мира. Удовольствия, как правило, в нашем распоряжении; радость нам неподвластна.

К.С. Льюис «Настигнут радостью»

- Что же еще можно сделать с героем, - спросила миссис Макинтош, - как не поклониться ему?

- Его можно распять, - сказала Джоан.

Г.К. Честертон «Перелетный кабачок»

ДУША И МЕДЯК

ОТ АВТОРА

Автор одной из спорных философских систем, порожденных двадцатым столетием, Айн Рэнд считала, что «если бы от всех философов потребовали представить их идеи в форме романов и драматизировать точнее, без тумана, значения и последствия их философии в человеческой жизни, философов стало бы намного меньше, но они были бы намного лучше».

Предлагаемый вниманию читателя роман, конечно же, не философская система. Но в нем поднимаются очень многие проблемы, затрагивающие современного человека, как глобальные, так и мелкие, казалось бы, но влекущие за собой совсем не мелкие последствия. Мелочей вообще не бывает – эта одна из мыслей, сквозной нитью проходящих через весь роман, который можно охарактеризовать, как очень эклектичное произведение. Трагичное в нем соседствует с комичным, фантастические элементы с реализмом, очень серьезное с тем, что может показаться легкомысленным. Сквозь все это проходит основной мотив – даже «маленькое» добро или зло, совершенное человеком, не проходит незаметно, откладывая свой отпечаток на его дальнейшую судьбу, а порой, меняя не только его жизнь, но и жизнь вокруг него. И пока человек жив – эта возможность выбора и связанных с ним перемен для него остается открытой.

Проблемы политического мироустройства и проблемы здоровья отдельной человеческой души – казалось бы, как они могут быть между собой связа-

ны? Как простой человек может изменить жизнь вокруг себя? Есть ли грань, за которой для человека уже невозможно вернуться к Богу? Роман ставит эти и много других вопросов. В нем много умолчаний – самые светлые стороны человеческого бытия невозможно выразить словами, а о самых темных сегодня и так много пишут.

При написании этой книги хотелось, чтобы она не была ни скучной, ни затянутой. Но в то же время стремление к краткости не должно быть абсурдным. Великая советская актриса Фаина Раневская вспоминала, что в доме отдыха, где она была, объявили конкурс на самый короткий рассказ. Тема – любовь, но есть три условия: 1) в рассказе должна быть упомянута королева; 2) чтобы было немного секса; 3) присутствовала тайна. Первую премию получил рассказ размером в одну фразу: « - Я, кажется, беременна и неизвестно от кого! - воскликнула королева». Хочется надеяться, что роман не получился таким, как этот рассказ...

Один из наиболее известных православных проповедников двадцатого века митрополит Антоний (Блум) писал, что «Царство Божие – поистине царство тех, которые поняли, что они бесконечно богаты: ведь мы можем *всего* ожидать от любви Божией и от человеческой любви. Мы богаты, потому что *ничем не обладаем*, мы богаты, потому что все нам *дано*. И, кроме того, как только мы цепляемся за что бы то ни было, мы становимся рабами. Мне вспоминается, что когда я был молодым, один человек сказал мне: Разве ты не понимаешь, что в момент, когда ты зажал в руке медяк и не готов раскрыть руку и отпустить этот медяк, ты потерял свою зажатую ладонь, ты потерял руку и по-

терял тело, потому что все твое внимание будет сосредоточено только на том, как бы не потерять этот медяк; обо всем остальном будет забыто...»

Этот роман – о тех, кто предпочел потерять себя, лишь бы сохранить свой «медяк» и о тех, кто, казалось бы, зайдя за край бездны, из которой нет возврата, нашел силы вернуться к Богу. При его написании я советовался со многими людьми – одни советовали убрать из книги одни места, а другим, наоборот, именно эти места казались лучшими, и они советовали убрать именно то, что нравилось первым... Поэтому я решил в основном оставить все так, как оно написано. И еще хотелось предупредить: этот роман не развлекательное чтение, хотя я и пытался писать его так, чтобы он не был скучным.

ЧАСТЬ I

**ПАДШИЕ
И ВОССТАВШИЕ**

Сэр Джон и Элизабет в интернате

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Интернат

Сэр Джон быстро шел по занесенному снегом огромному двору районного комплекса социального обслуживания населения. За ним, увязая в снегу, пыталась не отставать его переводчица Элизабет.

- Какое ужасное место! – по-русски с отвращением сказала она, в очередной раз споткнувшись. Даже чуть не сломав каблук, Лиз ухитрялась сохранять английскую чопорность.

- Ужасное нам еще предстоит увидеть, – также по-русски ответил хозяин. Его попутчики видели, как он упорно тренировался говорить на этом языке, который раньше не знал, уже второй месяц, и достиг больших успехов.

Через двадцать метров им попался паренек глуповатого вида, чистивший снег.

- Ты здесь работаешь? – спросил его сэр Джон, которого все интересовало в этом интернате.

- Нет, я здесь лежу. Уже второй год, – блаженно улыбаясь, сказал парень.

- А почему ты чистишь снег? Тебя заставляют работать?

- Нет, мне Людмила Владимировна разрешает снег чистить.

- А кто такая Людмила Владимировна?

- Как кто? Директор!

- Вот как! И она *разрешает* тебе чистить снег?

- Ну да. Она говорит, что без физической нагрузки мышцы атрофируются, и поэтому надо работать. А

если не работать, то я быстро умру. А я хочу жить долго!

- А дворника здесь нет?

- Почему нет? Есть – дядя Людмилы Владимировны. Но он старенький, ему наплевать, если и мышцы атрофируются. А мне ведь нужно жить и жить, я молодой, я хочу долго жить!

В глазах англичан блеснули веселые искорки, но вслух они сказали, что для того, чтобы жить долго, нужно работать еще больше. Пройдя еще метров пятнадцать они, наконец, вошли в главный корпус комплекса социального обслуживания населения.

- Вы к кому? – недоверчиво спросил их угрюмого вида вахтер, лицо которого напомнило чистившего снег парнишку, словно на оба их наложили какую-то печать, но было не в пример более злобным.

- На семинар.

Вахтер начал сосредоточенно обдумывать незнакомое слово, мучительно пытаюсь хотя бы отдаленно понять, что оно могло бы значить. Но тут к ним уже подбежала молодая улыбающаяся женщина в белом халате:

- А мы вас так заждались! Идемте скорее, без вас не начинают.

В небольшом зале сидело человек пятнадцать. Семеро из них были иностранцы, остальные – представители администрации интерната, руководства областного управления соцзащиты. Была даже заместитель федерального министра, отвечавшего за социальную сферу. Увидев сэра Джона – представителя влиятельного британского благотворительного фонда,

все они встали и по очереди подошли засвидетельствовать свое почтение.

Программу семинара, посвященного международным благотворительным проектам, составлял заместитель начальника управления соцзащиты – здоровый пропитой мужик, который считал, что весь смысл любого научного мероприятия заключается в том, чтобы под его предлогом хорошенько напиться и нажраться за государственный счет, а если уж совсем повезет, то и положить себе в карман какую-нибудь денежку. Поэтому на пленарное заседание было отведено всего полтора часа. Начальник управления была в этой сфере человеком новым. Наивная женщина, она верила всему, чтобы ей не говорили.

- А это правда так нужно, Валерий Петрович? – спросила она своего заместителя.

- Конечно, я ведь уже сто иностранных делегаций принял.

О том, что восемьдесят шесть из них были нелегальными бригадами рабочих из Средней и Юго-Восточной Азии, заместитель благоразумно промолчал.

Заместитель министра, приехавшая из Москвы из-за сэра Джона, одобрила такой план:

- Нечего на публику треп разводить, все равно все разговоры будут кулуарно.

Сэр Джон же любил наблюдать, и делать выводы, поэтому программу согласовал без возражений. Остальные иностранцы были его подчиненными.

Через полтора часа все участники семинара сидели за столом, накрытом в очень большой комнате, по

всей видимости, представлявшей собой конференц-зал из которого вынесли стулья. Стол ломился от обилия выпивки и всевозможных закусок.

Валерий Петрович разлил всем спиртное, и, чтобы показать, как нужно пить, залпом проглотил содержимое трехсотграммового фужера с водкой.

- Ах ты, шалунишка! – добродушно укорила его начальница. Обычно вежливая, выпив пятьдесят грамм, она становилась очень развязной, все у нее становились «Валерами», «Славами», «Машами», «Петями».

- Зочка, - обратилась она к заместителю министра, - ты представляешь, что если нас, посторонних людей здесь так кормят, то насколько лучше тех, кто живет здесь на государственном обеспечении!

- Ты кого имеешь в виду? – усмехнулась та.

- Пациентов.

- Я по ту сторону пока не была. А у тебя есть шанс все это узнать опытным путем.

- В каком смысле?

- Да нет, я просто так, - отмахнулась заместитель министра, поняв, что сказала лишнее этой недалекой тетке, которая ничего не понимает и пьянеет от одной рюмки.

А тем временем директор интерната Людмила Владимировна демонстрировала гостям местную самодельность – хор медсестер, врача-гармониста. Если они работали так же хорошо как пели, то дела интерната должны были идти в гору. Валерий Петрович все подливал всем. В какой-то момент забыли даже про сэра Джона, который воспользовавшись этим,

потянув за рукав Элизабет, вышел из комнаты и отправился побродить по интернату.

В коридоре им попался больной, дергавший за руку женщину в белом халате с жалобами на то, что у него болит зуб.

- Ну а я что сделаю? – спросила она.

- Как что? Ведь вы зубной врач!

- И верно, - сокрушенно сказала та. – Ну, иди, прыгай немного.

- Так ведь от этого зуб не пройдет!

- А ты пробовал прыгать?

- Нет.

- Ну, так попробуй сначала, а потом мы будем рассматривать, насколько целесообразно применение иных методов лечения.

Завернув за угол, они почувствовали запах нестерпимой вони. Здесь начинались палаты с лежащими больными. У многих из них по несколько дней не меняли судно, забывали кормить. Сэр Джон внимательно осмотрел несколько палат, при этом никто из персонала ему не попался – все были на мероприятии. Наконец, они с Лиз пошли обратно. По дороге им попался Валерий Петрович, которого отправили их искать.

Заместитель начальника управления был вконец пьян.

- О, а я вас ищу! – улыбнулся он. И тут же, нагнувшись, поймал толстую белую кошку и ткнул ею, чуть ли не в нос англичанину. Тот инстинктивно отшатнулся.

- Люськина кошка! Знаешь, каких она крыс ловит?

- Каких? – поинтересовался пришедший в себя сэр Джон.

- Вот таких! – для того чтобы показать Петровичу пришлось отпустить кошку. Если верить ему, то получалось, что крысы больше кошки. – А у нее котята есть. То же крысоловы будут. Хочешь, мы тебе одного подарим?

- Зачем?

- Будет у тебя в замке крыс ловить!

- У меня нет крыс.

- А мы тебе наловим на развод.

- Боюсь, что это сложно будет решить с таможенной, ведь на каждого зверя нужен отдельный ветеринарный документ, - серьезно ответил англичанин, любивший такие абсурдные ситуации, которые его развлекали.

- Жаль, - расстроился Петрович. – А вон и Люська бежит. Елы-палы, и Зойка с ней!

Через несколько минут сэр Джон и шокированная всем увиденным, несмотря на всю свою подготовку, Элизабет вернулись за стол.

За столом

Пока сэр Джон ходил по интернату, атмосфера за столом становилась все более непринужденной. Врачи и медсестры, участвовавшие в самодеятельности, по приглашению Петровича присоединились к сидевшим за столом, а еще через пятнадцать минут он начал петь русские народные песни, которые подхватили многие из собравшихся.

Валерий Петрович

Заместитель начальника управления соцзащиты обладал красивым густым басом, и знал наизусть десятки песен. Но все портило то, что он слишком уж задумывался над их содержанием. Когда Петрович в чем-то не соглашался со словами песни, то он резко прерывал пение, и начинал объяснять, почему петь такое невозможно. Так, начав петь песню «То не ветер ветку клонит», дойдя до слов:

«Не житье мне здесь без милой,

С кем теперь пойду к венцу?
Знать судил мне рок с могилой
Обвенчаться молодцу» -

он резко перестал петь и громогласно заявил: «Еще чего не хватало! Из-за какой-то бабы в могилу идти! А дальше, ведь там еще гаже: «Расступись, земля сырая, дай мне молодцу покой; приюти меня, родная, в тихой келье гробовой». И что, петь такую дурь? Ну, уж нет!»

Вдохновленная примером чиновника и одна из медсестер, изрядно захмелевшая, когда запели песню «Напилася я пьяна», начала ее комментировать.

«Расскажи-ка мне, расскажи-ка мне,
Где мой милый ночует.

Если спит при дороге -

Помоги ему, Боже.

Если с Любушкой на постелюшке -

Накажи его, Боже», - с чувством, уже не следя за мелодией, и перекрикивая друг друга, пели виртуозы социальной самодеятельности.

- А я вот пою: «помоги ему тоже», - заявила медсестра Даша.

- Дура ты, Дашка, - назидательно сказал Петрович. - Разве можно так легкомысленно к мужу относиться?

- Да она просто уверена в своем Андрюше, - вмешалась медсестра Лена. - Поэтому и понтуется!

«Черный ворон,

Что ты вьешься,

Над моею головой,

Ты добычи не дождешься -

Черный ворон, я не твой!» - затянул заместитель начальника управления, а за ним подхватили все со-

бравшиеся, кроме англичан, которые с большим интересом смотрели на всю эту «экзотику».

- Слава, спой, наконец, что-то женское, - сказала заместитель министра Зоя Георгиевна, которой, глядя на происходящее, то же захотелось попеть. И затянула противным сопрано: «Что стоишь, качаясь, тонкая рябина». Хотя подстроиться к пению не имеющей слуха высокой гостье было не просто, все старались подпевать, как могли. Когда песня кончилась, Петрович заметил: «А там потом еще один куплет есть!»

- Какой? – удивилась Зоя Георгиевна.

И пьяный чиновник с чувством пропел:

«Но однажды ночью

Буря разыгралась.

И тогда рябина

К дубу перебралась».

И тут же заявил:

- А есть и еще один вариант окончания! – и с еще большим воодушевлением скорее прокричал, чем спел:

«Но однажды ночью

Дуб к ней перебрался,

И о чем-то долго

С нею он шептался.

После этой ночи

Кто-то появился;

Даже сам Мичурин

Очень удивился».

- Дурак! – заявила заместитель министра, но тут же выпила рюмку водки, и заставила врача - проктолога Пал Палыча, который почему-то работал здесь психиатром, и который, умея теоретически блестяще объ-

яснить, в чем связь психиатрии с проктологией, причем объяснения его были складны, но абсурдны; на практике одинаково плохо разбирался в том, в чем должны разбираться и психиатры и проктологи, однако был в то же время хорошим гармонистом, аккомпанировать ей и запела романс: «Мне сегодня так больно». Пела она премерзко, но все в один голос заявили, что Зоя Георгиевна поет ни чем не хуже, чем Изабелла Юрьева.

- Барыню! – скомандовала Пал Палычу заместитель министра и, схватив за руку Петровича, начала с ним отплясывать посреди комнаты.

Потом пришла пора частушек, в том числе и матерных. А осоловелая начальник управления соцзащиты Нина Петровна блаженно улыбалась и, закатив глаза, объясняла англичанам, что они видят таинство явления русской души. Петрович ее услышал и заявил, что хочет сказать тост:

- Этот тост затронет за самое живое каждого русского человека. Каждый почувствует здесь что-то родное и близкое его душе, затрагивающее самые глубокие и потаенные струны его сердца!

И после этого он с чувством хрюкнул. Все засмеялись, кроме английских гостей, которые были в шоке.

А заместитель начальника управления распорядился, чтобы включили магнитофон, и тут же принялся комментировать песню.

«Помни, не забывай,

Буду ждать, хоть целую вечность», - пела Кристина Орбакайте.

- И недели бы не стала ждать, слово вам даю! – заявил Петрович.

«Я спасу тебя там, где никто не спасает» - на этих словах певицы Валерий вообще сморщился и провозгласил, что звучит здорово, но на самом деле было бы хорошо, если бы она не то что спасла, а хотя бы сама в гроб не вогнала того, кто ее полюбит.

- Валера, а может ты к ней равнодушен, вот и хаешь девушку? – лукаво спросила Нина Петровна.

- Да ну тебя, Нина, еще скажи, что я Джону завидую, что он английский лорд, а я нет, - недовольно отмахнулся от нее заместитель, но почему-то покраснел, что вообще-то за ним не водилось.

Директор интерната вдруг увидела, что нет сэра Джона и сказала об этом Зое Георгиевне. А та тотчас всполошилась, и отправила Петровича искать англичанина. Не слишком ему доверяя, заместитель министра выпила еще рюмку водки и отправилась вслед за ним.

Григорий Александрович

- Сэр Джон, я посмотрела материалы с вашими требованиями. С местными кадрами мы ничего не сделаем, - сказала Зоя Георгиевна, отведя вице-президента фонда в сторону.

- Что дальше?

- У меня есть нам примете один человек, которому можно было бы это поручить, если он за это возьмется. Но он сейчас в Москве, то есть нужно сделать перерыв в переговорах до завтра.

- Хорошо, тогда мы поедem в гостиницу в областной центр.

- Охота вам туда тащиться? Остановимся у Людмилы, условия в ее доме намного лучше, чем в любой гостинице. Правда, Люсь? – сказала заместитель министра.

- Ну да, - подтвердила директор интерната, прикидывая, сколько дополнительно денег и из каких фондов можно будет списать за размещение иностранцев «на постой» в ее коттедже.

Этот «калькулятор» включался у нее в голове вне зависимости от того, с кем ей приходилось иметь дело: даже из помощи родственникам она умела извлекать выгоду. Сейчас перед ней были люди, значившие для нее намного больше, чем родной брат и его сын, но и в отношении их Скотникова начала считать, даже не осознавая, что делает.

- Я не против, - сэр Джон любил экзотику. – Но разве все мы поместимся?

- Конечно! – подтвердила Людмила Владимировна.

А Зоя Георгиевна уже набирала телефонный номер.

...Григорий Александрович еще несколько лет назад работал профессором кафедры психиатрии в одном из московских институтов. Темой его научных интересов было манипулирование сознанием. Но некоторые статьи стареющего профессора не понравились «наверху», и ученому предложили написать заявление об увольнении «по собственному желанию».

Чтобы не существовать только на скромную пенсию, Григорий Александрович, нередко проводил то, что называл «наработкой экспериментальной базы по

наработке практического материала по индивидуальному манипулированию сознанием».

Профессор в общении был необычайно интересным человеком. Сколько всего он рассказывал такого, да так убедительно, что некоторые, не знавшие его, поначалу даже начинали верить. Да и как не верить убеленному сединами шестидесятитрехлетнему мужчине, который без тени иронии рассказывает о том, какими неординарными событиями была наполнена его жизнь! Вот и сейчас, сидя за столиком в летнем кафе с новым знакомым, пареньком из провинции, приехавшим в Москву в надежде познакомится со знаменитостями, втрое моложе профессора, потягивая коньяк из фужера, Григорий рассказывает истории из своей жизни:

– Мы были простые ребята, вместе росли во дворе, вместе дрались, вместе начали курить и выпивать, вместе портили девок. Вместе поступили в институт и вместе вылетели оттуда за лоботрясничество в армию, вместе в ней отслужили. А сейчас мои друзья – один в аппарате Президента, другой – советник Председателя Правительства, третий – генерал ФСБ. Да и я ...

– Что – вы? – с интересом спрашивает провинциал Сергей, с интересом ловящий каждое слово человека, сумевшего самому сделать себя в жизни.

– Полковник ФСБ, – говорит Григорий Александрович и допивает коньяк. Потом обращается к собеседнику: – Сереж, купи еще немного.

Парень, хотя у него и плохо с деньгами, бежит к стойке и вскоре возвращается с фужером, в котором двести граммов коньяка и маленькой тарелочкой с порезанным лимоном. Ведь не каждый день подворачи-

вается честь угостить такого человека. Григорий залпом выпивает коньяк, нюхает дольку лимона, затем пристально смотрит на Сергея и говорит:

Григорий Александрович

– Вообще-то я генерал. Но об этом нельзя говорить!

– Почему?

– Потому что звание мне присвоено закрытым приказом. Но тут очень запутанная история, такую без бутылки не расскажешь...

Паренек на этот раз уже внимательно считает деньги в карманах, затем бежит не к стойке, а в соседний магазин, откуда приносит поллитровую бутылку самого дешевого коньяка.

– Вот и правильно! – одобряет Григорий Александрович. – Нечего этим барыгам лишнее платить!

И выпив еще полный фужер коньяка, который заедает маленькой долькой лимона, придвинувшись к Сергею, дыша на него перегаром, спрашивает:

– Ты знаешь, кто такой Барак Обама?

– Знаю, конечно. Президент Америки.

– А слышал, что он на наши спецслужбы работает?

– Слышал, но это глупость, наверное...

– Да нет, не глупость. Я сам его и завербовал и за это получил закрытым Указом звание генерала.

– А как это было?

– Да просто. Сидели вот так, как с тобой, он тогда еще никаким президентом не был, выпивали. А когда выпили побольше, то я ему говорю: «Барак, оставь мне автограф на память», и сую ему бумажку. Он, ничего не подозревая, подписывается. А это не просто бумажка – а подписка о сотрудничестве с нашими органами безопасности! Ему позор, а мне звание генерала, но тайно, правда.

– Так ведь это недействительно...

– Действительно или нет, а он меня до сих пор помнит. Вот увидишь его – попроси для интереса показать записную книжку с русским алфавитом, в которой он русских записывает. Так там Гриша, то есть я – на самом почетном месте. Только почему-то зараза на букву «Х» записал – прибавил какой-то эпитет к моему имени.

Григорий допивает коньяк и залиvisto смеется. Видя, что деньги у провинциала закончились, говорит:

– Хороший ты парень, интересно с тобой поговорить, но меня ждут дела государственной важности.

И, покачиваясь, идет домой.

... Таких «экспериментов» за месяц Григорий Александрович проводил более десятка, благо Москва большой город, где можно найти наивных людей. Чтобы не чувствовать, что он банально ищет, как выпить и пожрать на халяву, профессор детально записывал беседы и свои выводы. Но ему претило такое времяпровождение, хотелось чего-то большего. И как раз, когда его мысли об этом стали совсем горькими, на его мобильный позвонила Зоя Георгиевна.

- Григорий Александрович?

- Да.

- Это Зоя Георгиевна, помните меня?

Еще бы не помнить! Когда-то она была его студенткой, у них даже был короткий, но бурный роман, а потом, много лет спустя, став заместителем министра, она посодействовала его увольнению из вуза... Вот уж кого он точно не ожидал услышать! Но вслух проникновенно сказал:

- Конечно, Зая. Разве я могу тебя забыть?

- Ты еще помнишь это глупое прозвище? – засмеялась чиновница, но голос ее из официального сразу стал игривым.

- Я помню все, что связано с тобой, - тихо произнес Григорий.

- Так обиделся, что вылетел с работы, что не можешь простить?

- Нет, так благодарен за чудесные мгновения прошлого...

- Да ну тебя. Ты, наверное, на мне свои дурацкие методики апробируешь! – голос Зои опять стал серьезным. – А у меня серьезный разговор и предложение работы. Через два часа тебя заберет машина и отвезет на переговоры в ..., впрочем, неважно куда. Здесь мы проведем переговоры.

- Ты меня похищаешь? – засмеялся Григорий Александрович, который, несмотря на сильное опьянение, владел собой и говорил, просчитывая, что при его словах подумает собеседник.

- А хоть бы и так! – Зоя Георгиевна опять приобрела игривое настроение. – Хочу предложить тебе очень интересную работу. Завтра в десять утра встреча. Ночь тебе придется провести в дороге, но оно того стоит!

- Верю тебе, Зая, - сказал профессор, которого в Москве абсолютно ничего не держало. С женой он развелся много лет назад, кстати, опять же из-за Зои Георгиевны; детей у него не было.

- Ну, вот и отлично. Диктуй адрес, куда прислать машину.

И заместитель министра достала из сумочки блокнот с ручкой и начала писать.

Владычица Лузервиля

Город, в котором находился интернат, назывался Лузервиль¹. Столь громким названием он обязан своему бывшему мэру – Александру Григорьевичу Семихвостову, который сумел в одном лице объединить официальную и криминальную власть, и безраздельно правил здесь с 1993 по 1998 год. Александр был помещан на фильмах Аль Пачино, особенно ему нравился дон Корлеоне. Он даже заставлял, чтобы его звали дон Санчо, что особенно забавно выглядело, пока он был мэром. Так вот этого дона Санчо, когда он стал официальным главой города, стало очень напрягать его название. А имя город имел еще то!

Раньше это было село Большое Скотинкино, затем в 1950 году оно превратилось в город Бериевск, но уже через несколько лет после расстрела Берии, было решено вернуть прежнее название. Поскольку же село стало городом, то его назвали Большескотининск. Став мэром, дон Санчо всерьез взялся за переименование города. Причем, ему хотелось, чтобы название было звучным и на иностранный манер. Один из его знакомых на волне полной перемен российской жизни 1990-х попал на работу в администрацию Президента России. Он не особо любил Александра, и решил над ним посмеяться. Им было предложено назвать город «Лузервиль», причем всячески говорилось, что это очень круто, такой город приобретет мировую известность, и была обещана самая высокая поддержка в переименовании.

---

¹ Город вымышленный (прим. авт.)

Дон Санчо клюнул на это, провел даже местный референдум, на котором большинство жителей высказалось в поддержку нового названия, так как каждому из них за это бесплатно дали бутылку водки и кусок студня. Администрация области пробовала вяло сопротивляться переименованию, но звонок из администрации Президента их переубедил. И Большескотинск стал Лузервилем. При этом его мэр оставался в счастливом неведении о том, что значит имя, которым благодаря его стараниям был назван город.

А через несколько лет, путешествуя в Америке, Александр заставил, чтобы на одном приеме его представили «дон Санчо, мэр Лузервиля». Когда же присутствующие начали смеяться, а затем объяснили ему, как это воспринимается, то он от досады, вернувшись домой, сложил с себя полномочия главы города, и уехал в неизвестном направлении. И уже не было больше десяти лет в этих местах дона Санчо, но память о нем осталась в названии города.

Лузервиль был небольшим городком с населением чуть больше пяти тысяч жителей. Производства к началу третьего тысячелетия, еще благодаря стараниям дона Санчо и его команды, в нем уже никакого не было. Многие перебрались в областной центр, кто-то «челночничал», кто-то перебивался случайными заработками. В целом людям здесь жилось плохо.

Единственным исключением был областной комплексный центр соцзащиты, который финансировался не только из областного бюджета, но и попал в целый ряд федеральных программ. В центре находилось свыше тысячи человек инвалидов, преимущественно психоневрологического профиля, со всей об-

ласти, а также здесь могли получать социальную поддержку жители города и района, имевшие на это право в соответствии с законодательством. В центре имелось свыше трехсот рабочих мест, и он был единственным «градообразующим предприятием».

Из десяти депутатов городского совета восемь работали в интернате, в том числе и его директор – Людмила Владимировна Скотникова. Она же была выбрана этими депутатами (что неудивительно) на должность главы города. Хотя зарплаты за это не полагалось, это давало много дополнительных возможностей самого разного характера. Достаточно сказать, что главу администрации городка, при таком составе городского совета, она имела возможность назначать и снимать вполне свободно. Поэтому человек, который был выбран ей на это пост, знал свое место и делал то, что ему скажут.

Людмила Владимировна в полном смысле этого слова была владычицей Лузервиля. Она купила дом из тридцати комнат, который когда-то принадлежал дону Санчо, и имела в нем большой штат прислуги, оформленной в качестве сотрудников интерната и получавшей зарплату из областного бюджета. С областными властями и правоохранительными органами Скотникова умела договариваться, поэтому на все, что бы она ни делала, закрывали глаза. И даже наоборот: наградили ее к пятидесятилетию орденом «Почета». Бандиты, которые когда-то работали на дону Санчо, теперь работали на нее, занимая разные должности в интернате, и получая тройные оклады, а в реальности выполняя лишь то, что приказывала им Людмила Владимировна.

Ее особняк поражал роскошью. Зоя Георгиевна бывала уже у нее, поэтому ничуть не сомневалась, что дом директора центра является таким местом, в котором не стыдно разместить не просто высоких иностранных гостей, а того, кто на самом деле был их хозяином.

Разговор в дороге

За Григорием Александровичем приехал большой черный «Мерседес». Кроме водителя – молодого парня чуть старше двадцати лет, в машине сидел тридцатилетний мужчина в строгом костюме.

- Меня зовут Петр Иванович. В мои задачи будет входить юридическое сопровождение проекта, над которым вам предстоит работать, - сказал он профессору.

Григорий Александрович чувствовал себя паршиво, но, отхлебнув приличный глоток коньяка из предусмотрительно захваченной с собой бутылки, почувствовал себя уверенно и решил попробовать разговаривать попутчика:

- Значит вы юрист? – спросил он.

- Да.

- Извините, конечно, но, на мой взгляд, право - это самая мифическая из всех наук. Об этом хорошо писал еще Свифт во второй части «Путешествий Гулливера», когда сравнивал законы страны великанов, какие они плохие, потому что короткие и всем понятные не в пример английским, разбираться в которых крайне сложно и почти невозможно, и трактовать их

можно и так и сяк, что свидетельствует об их совершенстве.

- Ну, это какой век? – пренебрежительно улыбнулся Петр Иванович.

- А из современных художественных оценок этого феномена рекомендовал бы посмотреть фильм «Трасса бо» - там есть показательный сюжет о целом городе, в котором живут одни юристы, превращающие в ад жизнь тем, кто случайно оказался в их краях.

- Смотрел я этот глупый детский фильм, полная чушь! – недовольно сказал собеседник, которого уже начинал раздражать этот старик, так запросто и походя пытающийся внести дисбаланс в его устоявшиеся представления о мире и своем месте в нем.

- Почему же чушь? В гротеске очень показательно отражена вся формальность и ложь юридической казуистики, когда буква закона ставится превыше всего, а содержание буквы зависит от того, каким его сделает опытный юрист. И еще более показателен крах этой системы: чтобы ее разрушить, оказывается достаточно одного смертельно больного полусумасшедшего, который носит на себе жилет со взрывчаткой...

- И разве это не глупо? Ведь его вполне могли застрелить, когда он вышел из зала суда, а принятые под воздействием его шантажа судебные решения отменить? – начал уже спорить Петр Иванович, который обычно в такие дурацкие разговоры с подвыпившими людьми не вступал. Но ему тоже было интересно, что за человек тот, с кем ему, возможно, придется работать.

- Думаю, что не глупо. Это образно показывает то, что в реальности не все так просто. Нельзя думать, что

мы так просто можем совершить то или иное действие если захотим – нам ведь могут и не попустить это свыше...

- Так вы еще религиозный фанатик? – презрительно скривился Петр Иванович, который ни во что не верил, кроме чудодейственных сил юридической науки и своих способностей заставлять эти силы служить ему.

- Где уж мне! – добродушно махнул рукой профессор и сделал еще один большой глоток коньяка. – Я просто старый человек, который умеет видеть и делать выводы.

- И что вы видите во мне? – с вызовом спросил юрист.

- Вижу, что вы догматизировали свою профессию, и относитесь к ней, как к своего рода магии, являющейся одной из примитивных форм проявления религиозности.

- Что вы себе позволяете?

- Вы спросили, я ответил. Вы думаете, что все подвластно вашему умению манипулировать словами, заключенными в тех или иных бумажках, авторитет которых зиждется на том, что их приняли те или иные органы. К сожалению, сегодня у нас в России юристы начинают играть все большую роль, хотя в реальности государственное устройство, основанное на юридических хитросплетениях, на правоприменительных и судебных практиках, когда отсутствуют простые и понятные всем законы - основано на песке. Любой закон, любую конституцию, любой подзаконный акт можно повернуть как угодно, а при желании и принять новые. Но это неизбежное следствие растущей секуляризации

общества. Когда нет реального авторитета в голове и сердце людей, то приходится замещать его кучей бумажных «авторитетов». Хотя сегодня многие уже начинают писать о постсекулярном обществе, о новой религиозности. Но в Библии сказано, кто в итоге будет мессией этой постхристианской религиозности. И правовые аспекты будут просто безупречны с «юридической» точки зрения. Наверное, Вы смотрели фильм «Адвокат дьявола», где проводится мысль, что антихристом будет юрист.

- А вы философ! – уже снисходительно сказал Петр Иванович.

- Да нет, где уж мне! Но все-таки, разве у вас нет чего-то дорогого, чему вы посвящаете всю свою жизнь?

Собеседник профессора задумался. Оказывалось, что на сегодняшний день – это карьера и создание твердой материальной базы – любой ценой, хоть по головам, хоть по трупам. В отношении правильности у него было лишь одно убеждение – верно – то, что помогает ему идти вперед, неверно – то, что мешает. Ни любви, ни дружбе, ни вере места в его жизни пока не было. И впервые ему вдруг стало тоскливо, и появилось сомнение, так ли он живет. А Григорий Александрович словно прочитал по его лицу то, что творилось сейчас у него в душе, и с легкой усмешкой сказал в ответ на молчание юриста:

- Ну, вот видите.

После этого он сделал еще глоток коньяка, откинул голову на сиденье и через минуту заснул, оставив попутчика наедине с мыслями, которые ему удалось в нем поселить.

Другая жизнь рядом

Ольга шла по коридору интерната, устало опустив голову. Сегодня она опять вышла на суточное дежурство, после которого у нее должны были быть два выходных. Фактически они и были, но все равно почти каждый день Ольге приходилось сюда приходить, хотя никто ее не заставлял, даже ругали поначалу. Дело в том, что санитарок в интернате фактически не было; все ставки санитарок были распределены между служанками Людмилы Владимировны, а из трех медсестер этого отделения никто кроме Оли не выносил судно у больных. А в этом отделении, где лежали люди с тяжелыми психозами, зачастую осложненными соматической симптоматикой, тех, кто не вставал было пятнадцать человек. И если бы Ольга не приходила в свои выходные дни, то они так и лежали бы в нечистотах, и никому до этого не было бы дела.

А во время дежурства Оля пыталась выкраивать время, чтобы еще и мыть этих больных, обрабатывать их пролежни. Ей было всего двадцать пять лет. На нее смотрели, как на сумасшедшую. Дома у нее была больная мать, которой требовался немногим меньший уход, чем пациентам отделения, в котором работала ее дочь. Ничего такого, что сегодня понимается под словом «личная жизнь» у девушки не было.

Когда она не работала, то утром ходила на службу в местный храм. В нем служили три священника, и богослужения были каждый день, но только с утра – утренняя, а сразу за ней литургия. Всенощное бдение служили только накануне воскресных дней и больших праздников. Народ в Лузервиле был в массе своей

невоцерковленный, но прихожан в храм ходило много. Этот парадокс объяснялся тем, что для определенной группы прихожан церковь воспринималась, как своего рода «клуб по интересам», место общения. Священники подбирались тоже подходящие для этого города.

Настоятель, сорокалетний архимандрит Петр жил в коттедже, ездил на иномарке, дружил с Людмилой Владимировной, Валерием Петровичем, общался только с местной «элитой», часто навещался в Москву в гости к Зое Георгиевне, постоянно ездил в областной центр, и в храме бывал редко.

Второй священник, пятидесятилетний протоиерей Стефан, жил с матушкой в добротном каменном доме. Двое его взрослых сыновей уже женились, каждому из них в областном центре отец купил квартиру. Три раза в неделю он служил в храме, а остальное время ходил, совершая требы по просьбам жителей города. Он был открыт для общения, но за постоянной спешкой и суетой, отец Стефан разучился смотреть внутрь человека. Его не интересовали терзания мятущейся человеческой души.

Третий священник, двадцатитрехлетний иеромонах Онисим, жил в коттедже архимандрита Петра. В его обязанности входило совершать все богослужения, которые некогда было совершать старшим священникам, а также он должен был охранять дом настоятеля, убираться в нем (а площадь дома была около двухсот квадратных метров, да еще с полсотни квадратных метров – чистка снега на дорожке к дому в зимнее время, а в летнее – сад и огород), да еще стирка и готовка. Поговорить с прихожанами у него физически не оставалось ни времени, ни сил.

Отец Арсмапх

Но был в храме и один священник, который не входил в его штат, и который разительно отличался от остальных. Судьба была жестока к игумену Аристарху. В семьдесят лет он оказался пациентом в интернате Людмилы Владимировны. Получилось так, что у него возник конфликт с некоторыми сильными мира сего, а они сделали все, чтобы в церкви ему больше не было места, ни в одном монастыре и ни на одном приходе. Своего жилья у игумена не было, родственникам популярно разъяснили, что это не то родство, которым нужно гордиться. И как огромное благодеяние для отца Аристарха выставили то, что он будет жить в интернате на гособеспечении.

Архимандрит Петр был при некотором снобизме довольно добрым человеком, он взял бы игумена в свой коттедж, но не имел права. Настоятель пробовал поговорить со Скотниковой, чтобы священнику дали отдельную комнату, и та нашла каптерку под лестницей, где раньше хранили швабры, без окон и вентиляции. Отец Аристарх со смирением воспринял вселение и в эту «келью», но она недолго была его пристанищем. Комиссия из областного управления соцзащиты поставила на вид Людмиле Владимировне, что это человек живет у нее в антисанитарных условиях, но она, ничуть не смущаясь, заявила, что он сюда сам убегает из хорошей палаты, потому что психически болен, а лечить насильно она не имеет право. И игумен переехал в отделение психозов, и каждый день два раза должен был принимать нейролептики.

Последняя радость, которая ему осталась – это то, что ему разрешали каждое утро ходить в храм. Но ни служить, ни исповедовать ему не разрешалось, но он

мог причащаться. Почти все время службы он стоял на коленях и сосредоточенно молился. В интернате сделать это с тех пор, как он утратил свою «келью», было очень трудно: другие больные, лежавшие с ним в палате, начинали сразу оживать, бегать вокруг него, корчить рожи, иногда выливали на него горшки с нечистотами. Повара во время постов обязательно старались подsunуть ему непостную еду, думая, что этим уязвят старца.

А он, чем больше всего этого происходило, тем более царственно спокойным становился, и только каждую литургию со слезами молился за жителей Лузервиля.

Ему не рекомендовалось разговаривать с прихожанами; отец Петр акцентировал внимание на том, что в принципе, конечно, можно, но потом, возможно, он не будет ходить в храм, так как его сюда не пустят. Отец Аристарх лишь однажды нарушил это требование настоятеля ради молодой девушки с глубокими чистыми глазами, выпускницы медицинского училища, которая подошла к нему, попросить благословения идти в монастырь. Старый игумен проговорил с ней около часа. В итоге он сказал ей, что она должна остаться дома ухаживать за больной матерью, работать в интернате Лузервиля, и при каждой возможности бывать в храме – это будет для нее выше монастыря. Девушка его послушалась. Это была Ольга.

Договор

1615 год. Индия. В эту жаркую среду сэръ Джон Эктон и два его друга вместе с пятью индийцами-

проводниками продирались сквозь джунгли к храму Кали. Зачем сэру Джону – англиканскому священнику на службе Английской Ост-Индской компании понадобилась встреча со жрецом этого зловещего языческого божества, которому приносились человеческие жертвоприношения? Его спутники не могли ответить на этот вопрос, а он им не рассказывал. Они дружили с ним много лет, и привыкли безоговорочно доверять. Сэр Джон сказал им только, что этого требуют интересы компании.

Его друзья – Джеймс и Гарри – не разделяли восторгов своего лидера по поводу их службы в компании. Они считали, что куда лучше им было тихо жить в небольшом английском городке, где у Джона был приход, а они служили офицерами в местном гарнизоне. Но он так сумел убедить их, что интересы Англии важнее их личных, что необходимо оставить все и ехать в далекую Индию ради грядущей славы Английской Короны! Они ему поверили, тем более, что руководством компании сэр Джон был назначен на какую-то важную должность, а их обоих повысили в звании. И им сразу же дали какое-то ответственное поручение, суть которого знал только Джон.

И вот они у огромного храма. Эктон дает знак всем остановиться, а сам бесстрашно идет внутрь. Его встречает одетый в белые одежды жрец. Он начинает говорить что-то на местном наречии, но сэр Джон почему-то все понимает. И от того, что он слышит, сердце его холодеет. Он здесь для заключения договора между компанией и духами, которые управляют этой страной. Такой договор можно заключить лишь один раз в году – в среду на неделе перед Пасхой.

Сэр Джон в Индии

Компания получит власть над этой страной на два с половиной века. Ее руководители будут править местными царями, заключать мир и объявлять войну. Они будут хозяевами всех сокровищ этой страны. Правда, в Англии эта власть уже не будет столь значимой, но ее отблеск будет ощутим и там. Но для этого избранные представители компании должны служить духам, которые управляют этой страной.

И сегодня сэръ Джон в знак заключения этого союза должен принести первую жертву Кали – своих друзей и проводников. После этого вся природа Индии будет ему повиноваться, самые ядовитые змеи и самые страшные хищники будут послушно исполнять его приказы. Тогда уже через год он станет английским лордом, через пять будет повелевать местными раджам. Более того: он постигнет все тайны местных культов, научиться не чувствовать боли и усталости и сможет прожить пятьсот лет. Но его долгом будет готовить все новых посвященных. И чем больше их будет, тем более крепкими будут позиции Английской Ост-Индской компании в стране. Эктон может отказаться: ему ничего не грозит в этом случае, ведь он лишается всего влияния, власти и богатства, которые мог бы иметь.

Сэръ Джон медлит лишь минуту. Он выходит из храма, зовет в него друзей, каждый из которых не раз уже, рискуя собой, спасали ему жизнь. Не говоря ни слова, он стреляет прямо в лоб сначала одному, потом другому. Жрец одобрительно кивает, затем выходит и зовет проводников. В отличие от Джеймса и Гарри, которые были неподвластны служителю Кали, эти находятся в полной его власти. Они идут, чув-

ствуя, что обречены, не пытаюсь сопротивляться. Каждому из них сэр Джон отрубил голову. И он идет по джунглям назад уже совсем иным: он чувствует, что приобрел огромную власть, но потерял то, что было неизмеримо важнее любой власти. На секунду в его сердце вкрадывается раскаяние, и он думает, не пустить ли себе пулю в лоб, как он сделал со своими друзьями. Но он отгоняет эту мысль. И через каких-то пять лет лорд Джон становится полноправным властителем этих мест.

Единственное, что удивляет тех, кто раньше его знал, это то, что бывший священник не носит креста, и даже во время поездки в Англию, ни разу не зашел в христианский храм. А его влияние в компании все растет с каждым годом, но он не занимает в ней какого-то значимого официального поста, имея при этом власть принимать все более серьезные решения. Вот уже и пятьдесят лет прошло; а сэр Джон даже не изменился. За эти годы он подготовил семнадцать учеников, все более упрочивающих власть компании в Индии, которая в этих местах чувствует себя фактически независимой от Английской Короны.

Обитатели замка Лузервиля

Лузервильцы еще со времен дона Санчо называли дом, в котором сейчас жила Людмила Владимировна «замок Лузервиль». Очень многие из тех, кто жил здесь при прежнем хозяине, пришли ко двору и Скотниковой. Она имела сейчас даже больше власти и возможностей, чем в свое время дон Санчо. Всего в

«замке Лузервиль» жило более двадцати человек, и еще имелось пять свободных гостевых комнат и двое апартаментов для особых гостей.

Особняк состоял из двух зданий; в одном располагались сотрудники «службы безопасности», в другом жили Людмила Владимировна, ее брат с сыном и несколько слуг, а также находились помещения для гостей. Все обитатели этого места с помощью ряда хитроумных схем содержались за счет интерната.

Людмила никогда не была замужем, не имела детей, с пятнадцати лет не поддерживала отношения с родственниками. До сорока лет ей хотелось жить в свое удовольствие, она меняла любовников, сделала несколько аборт, а потом узнала, что детей у нее быть не может. А после сорока, когда она достигла всего, о чем мечтала, ей захотелось семейного уюта.

После нескольких лет сомнений стоит ли это делать, она нашла своего старшего брата – Сергея Владимировича, который в свое время защитил диссертацию по Каутскому, преподавал в вечернем институте марксизма-ленинизма, а потом работал на кафедре философии в одном небольшом пединституте. Он был уже вдовцом, сын Олег был уже взрослым, зарплата в пединституте у доцента была маленькой. Его очень угнетало то, что такой умный и опытный человек, как он, не имеет возможности себя проявить. Поэтому Сергей Владимирович сразу согласился на предложение сестры, которую не видел около тридцати лет, стать главой администрации Лузервиля и переехать жить в ее дом. Новое положение вполне его устраивало, он, не задумываясь, исполнял на своей работе то,

что ему поручала сестра, а перед другими постепенно начал на старости лет строить из себя барина.

С его сыном Олегом было сложнее. Он закончил факультет журналистики и женился на однокурснице. Сам Олег был боязливый и мнительный юноша, зато его избранница Елена, как и положено журналистке, была хваткой, резкой, смелой, даже немного «безбашенной». С Сергеем Владимировичем невестка смогла найти общий язык, но с Людмилой Владимировной общение не сложилось.

Олегу с Еленой нашлось и место в доме Скотниковой, и работа в Лузервиле. Племянник хозяйки города стал главным редактором районной газеты, а его жена - ответственным секретарем этого же издания. Елене очень не нравилось ни то, как идут дела в городе, ни то, что газета не могла выйти без цензуры. И однажды, через несколько месяцев жизни в Лузервиле, когда ее муж был в командировке, она самостоятельно выпустила номер, в котором опубликовала все, что ей хотелось.

Газета с «кричащими» заголовками была вовремя замечена теми, кто за этим следил, и изъята из продажи. Но несколько десятков номеров все же успели дойти до читателя. В номере, наряду с обычными материалами, были три статьи, которые Елене простить никак не могли. Одна из них называлась «Полное дирмо, как человек». Директор Лузервильской школы глазами своих учеников». А этот директор школы был любовником Людмилы Владимировны и депутатом Областной думы. Другая статья называлась «И куда вам со свиным рылом в калашный ряд», и была посвящена тем, находящимся в абсолютном меньшинстве,

членам городского совета, которые не были сотрудниками интерната. Но больше всего не понравилась третья статья, вроде бы никак не связанная с Лузервилем. Она содержала критику американской комедии «Очень эпическое кино», в которой сквозной нитью через всю картину идет издевательство над фильмом «Хроники Нарнии», снятом по произведению К.С. Льюиса, в котором в форме аллегорической сказки до детей доносятся евангельские идеи. В результате многие из тех, кто посмотрел «Очень эпическое кино» и к «Хроникам Нарнии» будут относиться со смехом. Возмущение вызвал не сам текст статьи, а заголовок, напечатанный такими большими буквами, что на него невозможно было не обратить внимание: «Королева Люси тупая сука» (так по версии одного из русских переводов назвал героиню бобер, которого по ходу действия картины она пинала несколько раз). Поскольку большинство лузервильцев читали только заголовки, легко было представить, какие ассоциации вызовет у них такая фраза в официальной районной газете.

Елену уволили, Людмила выгнала ее из дома, и сказала Олегу, что если бы она не была женой ее любимого племянника, то с ней поступили бы намного жестче. Лена уехала из города, а Олег остался: место главного редактора, которого в другом месте ему не светило и удобства быта оказались для него важнее, чем к тому времени беременная жена. А вскоре они развелись.

Еще один из обитателей «замка Лузервиль» заслуживает, чтобы о нем упомянуть. Это дворецкий Сергей Никанорович – шестидесятилетний мужчина, отличающийся крайне занудным характером, большой

любитель спорить, придираться и осложнять другим жизнь. Раньше он работал в управлении соцзащиты, где вволю оттягивался, проверяя различные учреждения. Но он имел неосторожность выявить массу нарушений в интернате Скотниковой, а это ему даром не прошло. Людмила Владимировна попросила своих друзей в управлении подменить все страницы его акта проверки кроме последней. Теперь получалось, что Скотникова не может быть директором интерната в силу причин морального характера, потому что у нее даже кот педофил: ему девять лет, а он забрюхатил кошку, которой нет еще и года. И приводился еще десяток подобных замечаний. А последняя страница, содержащая вывод о несоответствии директора занимаемой должности и подпись проверяющего остались неизменными. Поэтому Сергей Никанорович в итоге был отправлен на пенсию, а так как положение пенсионера не давало ему возможностей ни над кем издеваться, он страшно мучился. Людмиле Владимировне же нужен был такой человек, чтобы ее прислуге жизнь не казалась медом. И она предложила бывшему чиновнику стать у нее дворецким, а он от радости, что может отравлять жизнь поварам, горничным, уборщице, дворнику и посудомойке, стал самым преданным ей человеком.

Лорд Джон Эктон

Лорд Джон Эктон жил и не умирал. Сто лет прошло, затем двести. Чтобы не привлекать к себе внимания, он менял страны проживания, предпочитал

занимать не очень заметные должности. Лишь самые ближайшие ученики знали, сколько лет ему на самом деле. Он не чувствовал боли, владел множеством магических знаний и умений, понимал любой язык и мог на нем говорить. Опять же, лишь для того, чтобы не привлекать внимания, сэр Джон, делал вид, что учит новый язык месяц или два и брал с собой переводчиков, когда ехал в новую страну. Выглядел он всегда, как будто ему сорок лет.

Он погубил множество людей, но уже в основном не своими руками. Эктон стоял у истоков основания многих зловещих тайных клубов и обществ; через своих учеников организовывал путчи и революции, поддерживал террор революционеров и террор против них. Сэр Джон был человеком без Родины и без привязанностей. Духи, которым он служил, заставляли его совершать все новые злодеяния.

Последним местом его работы стал британский благотворительный фонд, где он занял пост вице-президента. Всем сотрудникам, да и руководству фонда сэр Джон внушал суеверный ужас, который не испытывала лишь его переводчица Элизабет. Сейчас местом его интересов была Россия. Эктона интересовало, какова причина того, что вопреки всякой логике, народ в ней так до сих пор и не деморализован, и не начинает массово вымирать.

Духи сказали ему, что ответ на это вопрос он найдет, когда сумеет морально уничтожить какого-то старого священника – игумена Аристарха. Эктон думал, что это будет легко. Но все связи, которые он подключал для того, чтобы сделать жизнь игумена нестерпимой, не помогли достичь этой цели – свя-

щенник наоборот приобретал все новые духовные силы, тем большие, чем более сложные испытания ему приходилось преодолевать.

Сэр Джон решил сам с ним встретиться, думал, что, как и все, игумен Аристарх придет в ужас при виде его. Но получилось наоборот: сам Эктон впервые за сотни лет испытал дикий ужас и чуть не потерял сознание. От духов же он узнал, что есть шанс сломить дух священника при помощи одного странного профессора. Организация этого эксперимента и была настоящей причиной его нахождения в Лузервиле.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Приезд к Скотниковой

Сначала в ворота особняка Скотниковой въехал черный «Мерседес», в котором кроме водителя сидели только Людмила Владимировна и Валерий Петрович. Машины с заместителем министра и англичанами должны были приехать через час – им показывали достопримечательности города, чтобы у хозяйки было немного времени распорядиться о размещении гостей.

На территории «замка Лузервилль» полным ходом шла стройка – строился третий корпус. Деньги, правда, были выделены федеральным бюджетом на седьмой корпус интерната. Но ведь несправедливо, что в социальном центре будет строиться седьмой корпус, когда дом его хозяйки состоит лишь из двух, тем более территория позволяет? С другой стороны – не строить

в интернате совсем ничего было опасно: все же контроль государственных структур усилился по сравнению с девяностыми годами двадцатого века. Поэтому стройка шла и там и там, а расходы списывались только на строительство социального объекта.

Организацией стройки занималось лузервильское СМУ. Его директор – большой хитрец, в совершенстве умел показывать всем именно то, что они хотели увидеть, поэтому его услуги стоили очень дорого. Ему удавалось превратить один фактический кирпич в три бумажных так, что найти концы было крайне сложно.

Непосредственно же строительными работами на обоих объектах руководил главный прораб СМУ Иван Владимирович. Это был простецкого вида старичок лет семидесяти, ни с кем не церемонившийся в общении, но дело свое знавший отлично. Перед тем, как зайти в дом, Людмила Владимировна подошла к нему, а за ней увязался и Валерий Петрович.

– Барыня приехала, надо пойти поклониться барыне: чарочку нальет! – снимая шапку, пошел к ним на встречу Иван Владимирович.

– Полно тебе! – улыбнулась Людмила Владимировна. – Лучше скажи как дела?

– Дела? Как в гареме: никогда не знаешь, когда тебя...

– В смысле?

– Да в прямом: опять налоговая проверку затеяла; думают, что Валерий Иванович, наш директор, глупее их. Но неприятно!

– Со стройкой нужно аккуратнее быть! Каждая бумажка должна быть в полном порядке! – глубокомысленно изрек Валерий Петрович.

Людмила Владимировна Скотникова

– Валерий Петрович, – обернулся к нему главный прораб, – ты вот умный человек... Ты мне скажи: можно ли ... бабу на площади Энгельса?

– В смысле?

– В прямом. Нельзя. А знаешь почему?

– Почему?

– Слишком много будет советчиков. Так что и ты отстань со своими советами!

– Ну, зачем ты так! – укоризненно сказала Людмила Владимировна, но чувствовалось, что ей нравится, как держит себя Иван Владимирович.

– Пойдемте, Валерий Петрович, он старенький, не обращайтесь внимания, – мягко взяла она под руку заместителя начальника управления, а сама, обернувшись, подмигнула прорабу: – Я подъеду на днях к Валерию Ивановичу, мы все обсудим.

Петрович начал было закипать, но стакан ракии вполне его успокоил. А через час с небольшим приехали гости.

И только сейчас все почувствовали тот леденящий ужас, который исходил от присутствия сэра Джона. Завыли в вольере собаки, смело бросавшиеся на человека с ножом или пистолетом. Никого не боявшийся Иван Владимирович, увидевший англичанина с расстояния более пятидесяти метров, испуганно перекрестился: «Что за бесовщина? Надо, наверное, в церковь идти, грехов много, вот и мерещится всякое. Неуж перед смертью?» Охранники Скотниковой – бандиты с двадцатилетним стажем сбились в кучу, как испуганные щенки. Даже англичане, кроме Лиз, напряглись, как струны. Лишь Зоя Георгиевна и Эли-

забет, да и сама Скотникова, казалось, совсем не боялись лорда.

«Но что характерно, – подумала Лиз, – в интернете никто его не боялся, даже кошка, которую ему ткнул под нос этот забавный пьяница. Может быть, причина в этом Аристархе?»

Сергей Владимирович

Когда Скотникова подъехала к особняку, ее брат Сергей Владимирович уже находился там. Глава администрации Лузервиля по приказу своей сестры должен был занять ту часть гостей, которая не будет участвовать в переговорах. В чем суть этих переговоров мэр Лузервиля не знал, да и не до этого ему было. Слишком все гладко шло у бывшего доцента-неудачника, чтобы забивать себе голову чем-то лишним.

В ожидании сестры с гостями он сидел в кабинете дворецкого и с интересом смотрел снятый недавно в интернете видеоролик. На нем пятеро дебилов с лопатами и палками бегали за огромной крысой с разбухшим животом. В итоге мерзкому зверьку удалось от них убежать. Эту сцену сняла на мобильный одна из медсестер, а потом показала подругам. Вскоре он стал популярным среди сотрудников социального центра. И только дворецкому Сергею Никаноровичу пришла в голову мысль, что этот ролик помимо всего прочего может иметь и практическое значение. Ведь на нем запечатлена именно та крыса, которая съела все недостающие в бухгалтерии интерната документы! А поскольку она ускользнула от преследователей, содер-

жимое ее желудка исследовать невозможно, а соответственно, нельзя и опровергнуть данное утверждение.

- Да не смейтесь, Сергей Владимирович, я дело говорю! – с жаром доказывал бывший ответственный работник.

- Все не можете простить те страницы вашего отчета про кота педофила? – с усмешкой спросил мэр.

Дворецкий сразу сник, поняв, что его хитроумный замысел изобличен. А Сергей Владимирович вышел во двор, где уже была его сестра с Валерием Петровичем. Через некоторое время, когда все гости подъехали и им были показаны их комнаты, Скотникова с сэром Джоном, Лиз и Зоей Георгиевной ушла в свои апартаменты, оставив остальных гостей на попечении брата.

Поскольку обильная трапеза в интернате была совсем недавно, сейчас гостям предложили только кофе, чай, фрукты, сладости и разнообразную выпивку. Начальник управления соцзащиты выпила рюмку коньяка и заснула. Ее заместитель пробовал еще проявлять активность, но через полчаса и его силы оказались исчерпаны. И Сергею Владимировичу пришлось одному разговаривать с семьей англичанами, которые ничего не пили, и все больше молчали, лишь односложно отвечая на обращенные к ним вопросы, так что его речь была почти монологом. Нужно сказать, что кандидат философских наук плохо представлял себе не только, чем Платон отличается от Плотина, но и в чем разница между марксизмом и экзистенциализмом. Но зато он очень хорошо знал достаточно многое о работах Карла Каутского, мог наизусть цитировать целые страницы, сопоставляя его с Лениным, анализируя.

Вот и сейчас, вспомнив, что он рассказывал в вечернем институте марксизма-ленинизма про английский империализм, и вновь почувствовав себя доцентом, мэр Лузервиля начал свою лекцию:

- Мне очень приятно видеть вас. Мне много пришлось рассказывать в свое время студентам о Британской империи. С учетом того, что мы сегодня знаем, на первый взгляд может показаться, что на фоне жестких диктатур, существовавших в фашистской Германии и СССР, Британская империя, охватывавшая четвертую часть суши, была местом народного благоденствия. Говоря о положении ее доминионов, Карл Каутский писал, что их население имеет больше прав, чем в европейских демократиях: «Строго говоря, это даже не колонии. Это – самостоятельные государства с современной демократией, т.е. национальные государства, пользующиеся большими свободами, чем какое-либо европейское государство, за исключением Швейцарии. Они в действительности не представляют подчиненных Англии владений, а находятся с ней в союзных отношениях, образуют вместе с ней союз государств с быстро растущим населением и, следовательно, также растущей силой. Этот союз государств представляет собой государство, которому суждено сыграть крупную роль в будущем. Если в нем видят признаки и цель империализма, то мы едва ли можем что-нибудь иметь против такого империализма».

Но ведь даже и для Индии Каутский видел пользу от английского империализма. И это несмотря на то, что «когда европейцы в 15-м веке пришли в Индию, индусы во многом превосходили их. Снабженная в изобилии всеми сырыми материалами, в которых

нуждалось ее производство, имея к своим услугам искусных и трудолюбивых рабочих, эта колоссальная по размерам страна сама все производила для удовлетворения своих потребностей, и еще оставался большой излишек продуктов, которые охотно покупались культурными народами, индусы сами не нуждались в их изделиях. Результатом было то, что их вывоз долгое время оплачивался почти только благородными металлами. Уже с незапамятных времен не прерывался приток благородных металлов в Индию, скопившихся там в горы сокровищ».

«Англичане вышли победителями над своими европейскими соперниками и туземными государствами. Европейцы не являлись в Индию, как прежние завоеватели с целью обосноваться там. Этому мешало уже одно то, что климат там для них убийственный. Каждый являлся туда ради добычи, с которой потом возвращался в Европу. Новые завоеватели значительно более угнетали рабочие массы, чем прежние деспоты. Страна приходила все в больший упадок, и только за последние десятилетия английское правительство стало заботиться о противодействии этому упадку».

Каутский видел пользу для Индии от нахождения в составе Британской империи в том, что именно это политическое состояние позволило индусам почувствовать себя единой нацией, положило конец внутренним военным конфликтам, дало единый язык – английский.

«Индусские националисты, несомненно, стремятся к тому, чтобы освободиться от английского гнета, но не путем замены его другим. В настоящее время английское господство обеспечивает Индии постоянный

мир. В пределах самой Индии не существует на каждом шагу, как в Европе, таможенных границ. Английский язык и преподавание на английском языке стали связующим национальным звеном. Интеллигенция различных религий, племен и языков изучает поголовно английский язык, и он является на ее конгрессах общим для нее языком. Стремления индусских националистов направлены сейчас не к разрыву с Англией, а к завоеванию себе, в пределах британского союза государств, более широких свобод, парламентского представительства, как для провинций, так и для государства в целом, чтобы парламент Индии имел право издавать законы и определять размеры и применение налогов. Их конечная цель – конституция наподобие австралийской, и они полагают, что их дальнейшее пребывание в британском союзе, после того, как они достигнут этой цели, даст им одни только выгоды».

И после периода британского владычества Индия предстает уже качественно иным государством, способным на единство и независимость. «Желание овладеть или создать такую мировую империю близко сердцу империалистов всех стран. У нас нет полной уверенности, суждено ли Англии навсегда сохранить за собой эту мировую империю, но нет сомнений, что никакая другая нация не может создать себе подобной империи. Есть только одна Индия. Англия может лишиться ее. Но Индия никогда, как целое государство, не может перейти во владение другой иноземной державы».

Такая проповедь цивилизаторской миссии Англии в Индии весьма сомнительна, в силу того, что

озвучена марксистом, что также вызывало резкую критику Карла Каутского Владимиром Ильичем Лениным. Индия вполне могла бы развиваться без Англии. И об этом не только писали впоследствии Махатма Ганди и Джавахарлал Неру, но и сам Карл Каутский начинает рассказ об Индии с того, что «когда европейцы в 15 веке пришли в Индию, индусы во многом превосходили их». И завершение рассказа о том, что англичане «значительно более угнетали рабочие массы, чем прежние деспоты» описанием того, что в конечном итоге это явилось благом для Индии, выглядит непоследовательно...

Сергей Владимирович вдохновенно говорил, как никогда раньше. Англичане, казалось, внимательно его слушали. Но где-то через час один из них покашлял и на ломаном русском языке сказал, что им очень неловко, но они плохо говорят по-русски и не поняли почти ничего из того, что он им рассказывает, поэтому, может быть он лучше отдохнет, а то, наверное, уже устал говорить.

Тайное общество

Пока Сергей Владимирович так пытался просветить англичан на тему, что думал Карл Каутский о британском империализме, в комнате Людмилы Владимировны происходили вещи намного более серьезные. Начать с того, что в комнате ее была потайная дверь, о которой не знал никто в доме. Эта дверь вела в большое подземное помещение, в котором находи-

лись большая статуя Кали и ритуальные принадлежности ее культа.

Зоя Георгиевна уже была здесь однажды. А сэр Джон и Элизабет с одобрением осматривали подземную залу.

- Ну что же, - сказал сэр Джон, обращаясь к директору интерната и заместителю министра. - Вас пока лишь две в России, но у вас есть реальная власть над людьми и возможность реализовывать планы нашего общества. И совсем неплохо, что вы обе женщины: ведь Кали тоже женщина.

Зоя Георгиевна была председателем российского отделения международного тайного общества «Наследники Ост-Индской компании», а Людмила Владимировна руководителем его регионального отделения. Обе прошли через инициацию, связанную с различными отвратительными ритуалами; причем Зою посвящал сам сэр Джон Эктон еще двадцать лет назад, а Людмилу уже Зоя пять лет назад. Она объяснила ей и как устроить ритуальное помещение в ее особняке.

То, что общество было названо лордом Джоном «Наследники Ост-Индской компании» имело два смысла. С одной стороны подразумевалось сходство Ост-Индской компании, являвшейся своего рода государством в государствах с современными транснациональными корпорациями. С другой стороны - подчеркивалась преемственность в служении тем духам, от которых Эктон получил власть.

Элизабет была посвящена им еще сорок лет назад, и в свои шестьдесят лет выглядела на двадцать. Единственной ее слабостью был страх видеть

медленное разложение людей при жизни, помимо своей воли, она проецировала это на себя, поэтому ей и стало не по себе в интернате. Но внешне ничто не выдавало внутренних переживаний. А вот на Зое с Людмилой время не остановилось, и они с завистью смотрели на Лиз.

- Нужно было обговаривать все условия при подписании контракта, - насмешливо сказал сэр Джон, поняв их невысказанные мысли. – Но у нас сегодня есть вещи более важные. Где этот Григорий Александрович?

- Я звонила, через час его привезут сюда, - ответила Зоя Георгиевна.

- Тогда думаю, что нам не имеет смысла задерживаться здесь. Я хочу поговорить с ним сразу же, как он придет. Но это явно должно произойти не в этом месте.

Потом Эктон обернулся к Людмиле:

- Мне понравилось, как ты пытаешься поставить дело у себя в интернате, да и во всем этом городе. Но мне не нравится другое: почему, несмотря на все твои попытки превратить жизнь здесь в ад, отсутствует ощущение безнадежности и отчаяния? В чем сила этого игумена Аристарха?

Затем он обратился к Зое:

- Как ты думаешь, эти полусумасшедшие начальники местной соцащиты согласятся официально продать этого игумена на опыты зарубежной медицинской компании?

- Разве это возможно? – удивилась Людмила.

- Мы возьмем юриста, который сумеет сформулировать это так, чтобы не расходилось с местным за-

конодательством, - криво усмехнулась заместитель министра.

- Тридцать тысяч долларов им хватит? – спросил сэр Джон.

- Думаю, что нет, - покачала головой Зоя. – И тридцать тысяч евро также мало.

- Что же, дадим им тридцать миллионов в наименьшей валюте.

- А если они не согласятся? – спросила Людмила.

- Это будет досадно, но нерешаемых вопросов нет. Вы обе не можете подписывать эту сделку, потому что вы уже принадлежите Кали; это должен сделать кто-то из этих двоих, мне все равно кто. А сейчас нам пора идти встречать этого профессора.

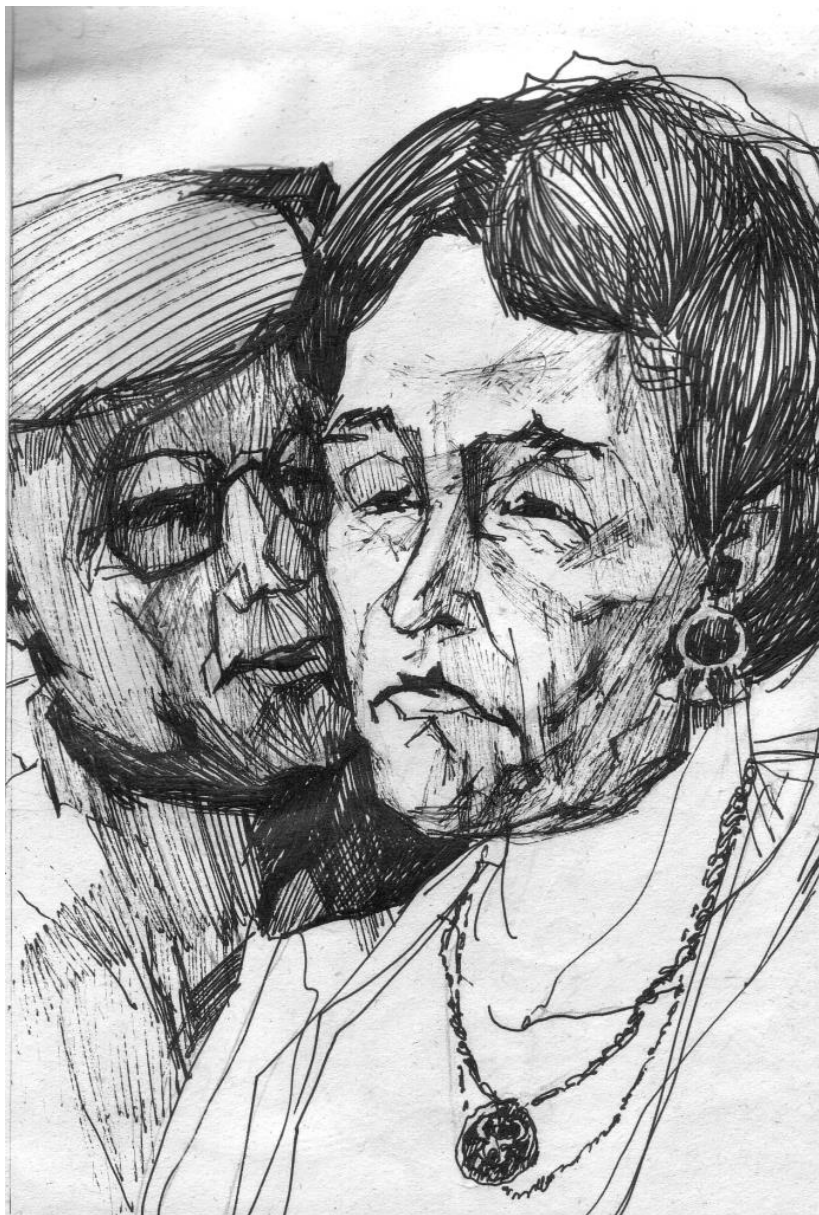
Юрист

Машина немного запаздывала, и поэтому Зоя Георгиевна начала уже нервничать, и даже вышла во двор ее встречать. Вскоре автомобиль въехал во двор. Из него покачиваясь вышел Григорий Александрович и, пристально глядя на заместителя министра, заплетаящимся языком произнес:

– Время не пощадило тебя, Зая! Подумать только: ведь из-за тебя я бросил жену!

Он подошел к Зое Георгиевне, обнял ее и хотел поцеловать в губы, но потом передумал и поцеловал ее в лоб. Слова профессора и его жест страшно оскорбили заместителя министра, и она презрительно прошипела:

– Можно подумать, что сам подарок!

Зоя Георгиевна и Григорий Александрович

– Какой уж там подарок! – махнул рукой Григорий Александрович. – Я уже списанный отработанный материал.

И тут он обнял Зою и заговорщицки прошептал ей на ухо:

– Ты знаешь, я тут читал Евангелие...

– И? – скривилась последовательница оккультной секты.

– Так вот там рассказывается про гробы, которые снаружи очень красивы, а внутри полны всякими продуктами разложения.

– К чему это ты?

– Да вот у меня была одна подружка гинеколог. Она мне говорила, что внешность женщин очень обманчива, но ее с зеркальцем не обманешь. На кресле она видела у пациенток скрытое от остальных: эрозии и гнойники внутри молодых расфуфыренных красавиц и абсолютно здоровых немолодых женщин. Но есть и душевные гнойники и эрозии, которые не увидит даже гинеколог. А я вот как-то не разглядел тебя в свое время...

– Скотина! – вскрикнула Зоя Георгиевна и не влепила Григорию Александровичу пощечину только потому, что к ним подошел юрист до этого деликатно стоявший поодаль.

– Петя, пойдем сейчас к сэру Джону, – сказала сразу взявшая себя в руки заместитель министра. – А ты хоть умойся перед тем, как встречаться с таким лицом! – бросила она профессору.

– Если мне за это нальют коньяка! – заявил тот.

Зоя не выдержала, плюнула на землю и смачно выругалась.

– Пусть его покормят и дадут коньяка, только немного, – сказала она подошедшей к ним Людмиле Владимировне. – А сэр Джон пока поговорит с Петром.

Эктон решил принять юриста и врача в домашнем рабочем кабинете Скотниковой. Это была комната площадью около тридцати квадратных метров, поклеенная черными обоями с непонятными узорами. Стены заполняла такая же черная мебель, только другого оттенка. Окна были задрапированы шторами из кроваво-красного бархата. Посередине комнаты стоял большой массивный черный стол, за которым на похожем на трон кресле и сидел сэр Джон. Других стульев в комнате не было: Скотникова предпочитала, чтобы в этом кабинете все стояли перед ней навытяжку. Лорд Эктон уже не обращал внимания на такие мелочи, но одобрительно ухмыльнулся, войдя в это помещение.

Петр Иванович сразу испытал чувство неподдельного животного ужаса, увидев англичанина, а тот сразу это почувствовал. И юрист и Зоя Георгиевна стояли перед столом, а Эктон не спеша начал говорить:

– Петр, я знаю, что ты хороший юрист. Как ты считаешь, по действующему российскому законодательству чиновники имеют право продать гражданина России на опыты иностранной организации? – мягким шипящим голосом спросил сэр Джон, и Петру стало еще страшнее.

– Нет, сэр, – испуганно пробормотал он. – А для чего нужно официально оформлять подобные вещи? Ведь многое можно сделать, если по другому это назвать...

- А такие мысли уже ближе к сути, – усмехнулся Эктон. – Так ты можешь придумать, как это назвать?

- Нужно знать, о чем речь – все еще испуганный, но уже обретающий уверенность сказал юрист.

- О чем речь? Есть один русский старик с паранормальными способностями. Их исследование представляет большой интерес для научного отдела нашей корпорации. Для того, чтобы их исследовать, нам хотелось бы иметь документ, подписанный представителями местной государственной власти, о том, что они продают нам его...

- Ну, такой договор они, конечно, не могут подписать, но ведь может быть создана какая-то научно-исследовательская международная программа, в рамках которой ... могут быть какие-то издержки... Что вы собираетесь с ним делать?

- Да в принципе ничего. Просто с ним будет беседовать профессор.

- А зачем тогда вообще какие-то документы?

- Вы это не поймете, пока, – сказал сэр Джон и обернулся к Зое Георгиевне: – Зоя, а ты не приглашала пока Петра войти в наш клуб?

- Нет пока.

- Думаю, что он вполне созрел для этого.

- А что за клуб? – спросил Петр.

- Всему свое время, – загадочно сказал сэр Джон.
- Ты можешь идти.

Когда юрист вышел, заместитель министра наконец задала интересовавший ее вопрос:

- А на самом деле: зачем вам нужен какой-то договор?

– Мне не нужны бумажки, мне нужна душа того, кто продаст священника на опыты, – спокойно сказал сэр Джон. – А душа этого юриста, похоже, и так наша.

Валерий Петрович

– Что же тогда предпринять? – спросила Зоя Георгиевна сэра Джона.

– Поговори с этим забавным пьяницей Валерием Петровичем открыто; для него настал час выбора; он либо станет нашим, либо не сможет жить прежней жизнью.

– Что делать, если он откажется?

– Сделай вот что... – и знаком подозвав Зою к себе, Эктон что-то прошептал ей на ухо.

... Валерий Петрович еще только немного пришел в себя, когда заместитель министра, лукаво улыбаясь, поманила его в соседнюю комнату с той, где он сидел с англичанами, Сергеем Владимировичем и своей похрапывающей начальницей. Он неуверенно поднялся и медленно подошел к ней.

– Что случилось?

– У меня к тебе деловое предложение, Валера.

– Какое же?

– Я смотрю ты парень геройский, тебе море по колено...

– Этого уж не отнять! – гордо заметил Петрович.

– Не то что твоя Нина Петровна, она не то что решить, даже понять ничего не может.

– А ты это заметила?

- Ну, конечно, заметила, глупенький, - Зоя Георгиевна на минуту чуть было не решила пококетничать, но, вспомнив тот позор, который только что пережила с Григорием, подумала, что не стоит.

- И чего же ты от меня хочешь?

- Английский фонд заинтересовался одним из пациентов Люсиного интерната.

- Это еще каким? – засмеялся Валерий Петрович.

- Да есть там у нее один странный священник.

- Ах да, я его видел как-то. Он хороший, - вдруг грустно сказал чиновник.

- Хороший? – передразнила его заместитель министра. – Не знаю, чем уж он *хороший*, но ты на нем можешь неплохо заработать.

- В смысле?

- У него есть какие-то паранормальные способности, которые интересуют английский фонд, который представляет сэр Джон. Им хотелось бы провести с ним ряд опытов, но чтобы все было официально, то есть нужно, чтобы ты подписал договорчик. С юридической стороны все будет идеально – я тебе гарантирую.

- Каких еще опытов? – глаза Валерия налились кровью.

- Откуда я знаю? Каких-то. Правда, может старичок этого не пережить. Но тебе-то какая разница? Ты лично получишь тридцать тысяч евро.

- Ах ты... - Валерий Петрович покраснел. Казалось, что сейчас он ударит Зою.

- Что, мало? Ладно, последняя цена: тридцать миллионов рублей, - сказала та, по-своему истолковав неожиданную вспышку гнева Петровича.

- Не все в этом мире продается, Зоя, - зло сказал тот. - Да ведь это почти святой человек! Я с ним один раз всего две минуты поговорил, а он мне всю жизнь перевернул!

- Не очень-то перевернул: какой был пьяница и прохвост, такой и остался.

- Так я, может быть, измениться пытаюсь, после той встречи!

- Не может, - сухо произнесла Зоя Георгиевна. - Либо меняешься, либо нет. Для тебя сейчас час «Ч»! Подпишешь документы?

- Нет, и Нине не дам такое подписывать!

- Что и тридцать миллионов рублей хуже, чем какой-то старикашка из дурдома?

- Не все меряется деньгами, - ясно сказал уже совсем протрезвевший Валерий Петрович. - Но ты ведь, наверное, шутишь, Зоя? Кому надо не пойми на что давать такие деньги? - с надеждой в голосе спросил он.

- Да нет, не шучу, - жестко ответила та. И неожиданно быстрым движением руки нажала на какие-то точки на теле собеседника, после чего он вдруг обмяк и упал.

- Валерий Петрович! Что с вами? - деланно закричала заместитель министра.

Прибежали Сергей Владимирович и англичане, один из которых был врач. Он диагностировал инсульт и полную парализацию.

Лорд и профессор

Сэр Джон грустно задумался. Он умел видеть через стены, и видел, что произошло с Валерием Петровичем. Тот инфернал, которого он отправил в помощь Зое, не смог по движению ее руки вырвать из Валерия жизнь. И теперь Эктон думал, почему это не получилось. В дело явно вмешивались какие-то иные силы, о существовании которых он знал, ведь когда-то он сам был христианским священником.

Он думал о себе. С прекращением деятельности Ост-Индской компании его власть становилась все меньше. Тайное общество, которое он возглавлял, фактически все больше из организации, решавшей судьбы небольших государств, вырождалось в оккультную секту. А теперь он не смог даже отобрать жизнь, у какого-то падшего человека, который в решающий момент выбрал правильный путь. Эктон жил очень долго, и силы его уходили. И он иногда со страхом начинал думать, что недалек уже тот день, когда сам он окажется во власти тех существ, которыми, как ему когда-то казалось, он повелевал.

От мыслей его отвлекла Зоя Георгиевна, которая привела Григория Александровича. Увидев лорда, профессор вздрогнул и неожиданно сказал:

- А я тебя видел, когда у меня белая горячка была.

- Совсем охамел, - грустно сказала Зоя. - Может быть, зря мы с ним связались?

- Ну, почему же, - тихо сказал сэр Джон и обратился к Григорию: - А что именно ты видел?

*Сэр Джон и Элизабет.
Знакомство с Григорием Александровичем*

- Точно такого человека как ты, горящего в огне, который хотел вырвать у меня душу.

- А ты отдал ее?

- Нет, но было очень страшно.

- У меня для тебя интересная работа, Григорий, - сказал лорд. - Ты ведь очень много копался в различных хитросплетениях человеческой души. Так вот здесь есть один священник, который, чем в более неблагоприятные внешне условия его ставят, тем большую силу обретает. Нам хотелось бы разобраться в этом феномене.

- Это может быть связано с...

- Тихо, тихо, профессионалы никогда не говорят раньше того, как проработают вопрос. Ты ведь профессионал?

- Наверное.

- Я знаю, что тебе хотелось бы серьезной работы. А это интересный проект: изучить паранормальные способности этого человека, выявить их корни. Тем более, что это будет очень хорошо оплачиваться. Ты опять будешь уважаемым человеком, интересным для роковых женщин, - сэр Джон посмотрел на Зою и с усмешкой произнес: - Она, я вижу, тебя уже не привлекает, но ведь у нас есть еще Лиз...

В этот момент Элизабет вошла в комнату, и что-то в душе Григория Александровича дрогнуло. Что-то подобное он испытывал уже раньше, когда познакомился с Зоей, и в результате потерял семью и карьеру. Но сейчас ему, вроде бы, нечего было терять, как ему казалось... А англичанка подошла к нему и сказала:

- Григорий Александрович, мне очень хотелось бы вместе с вами работать над этим проектом.

- Не знаю даже... - растерялся профессор.

- Мне так хотелось бы поводить вас по Лондону, показать те места, которые мне там нравятся. Но сейчас мы должны быть здесь, пока не будет выполнена эта работа. А ведь вы можете помочь нам. Если вы это сделаете, я сумею быть благодарной.

И она так посмотрела на Григория, что у него внутри все перевернулось, и он сказал:

- Ну, попробуем поработать...

- Вот и отлично, - сказал сэр Джон. - Лиз, найди Людмилу, пусть Григория Александровича разместят в лучшей комнате.

Когда профессор и переводчица ушли, Эктон насмешливо посмотрел на Зою:

- А твои чары уже не действуют! Не догадалась во время заключения договора попросить вечную молодость и привлекательность для мужчин, думала, что то, что ты имела тогда это само собой...

Зоя Георгиевна зло посмотрела на сэра Джона. В этот момент ей хотелось убить и его, и себя и уж, конечно, этого мерзавца Гришку.

Нина Петровна

К Валерию Петровичу вызвали «скорую», которая перевезла его в городскую больницу. Диагноз, предварительно подтвердился. Какие шансы у чиновника выздороветь – на этот вопрос сразу протрезвевшей Нины Петровны врач «скорой» ответил, что, скорее всего, никаких.

- Бедняжка! И зачем так было себя не беречь! - сокрушалась начальник управления соцзащиты.

- Зато пожил в свое удовольствие, - сухо заметила подошедшая к ней Зоя Георгиевна.

- *Пожил?* Разве он умрет?

- Мы не знаем, но он фактически превратился в овощ.

- Как это ужасно! - заламывала руки Нина Петровна.

- Ужасно, но жизнь продолжается. Мы с ним обсуждали один рабочий вопрос перед тем, как у него случился инсульт. Он не терпит отлагательств. Поэтому нужно обсудить его с тобой...

- Какие могут быть еще вопросы в такой момент! - возмутилась Нина. - Все в свое время в официальной обстановке!

Заместитель министра подошла к Скотниковой.

- Попробуй ты хоть поговорить с этой дурой, - она вкратце обрисовала, что нужно сказать, и что можно обещать.

- Ниночка, милая, горе-то какое! - сокрушенно и со слезами на глазах Людмила Владимировна обняла Нину Петровну.

- Не говори, Люсенька, что я теперь буду делать! Ведь он мне помогал абсолютно во всем!

- Да, и он не позволял эмоциям брать верх над долгом.

- О чем это ты?

- О нашем интернате. К тебе сейчас подходила заместитель министра, а ты отказалась решать серьезные вопросы, от которых зависит его будущее!

- А что за вопрос?

Людмила задумалась, и решила преподнести адаптированную версию того, что им нужно.

- Здесь пройдет один научный эксперимент, на который фонд, который представляет сэр Джон выделяет тридцать миллионов рублей, которые пойдут на развитие нашего интерната.

- А в чем суть эксперимента?

- Ты не поймешь, да тебе это и не нужно. Разве ты не хочешь, чтобы иностранная помощь пришла в организацию, которая подчиняется тебе; чтобы больные люди, за которых ты отвечаешь стали жить лучше?

- Конечно, хочу! – загорелась Нина. – Валера тоже так любил больных! Он как ребенок радовался, когда мог найти для их блага внебюджетные средства. Особенно хорошо, говорил он, когда эта помощь официально не проходит, но почему, он мне так и не смог объяснить, что-то туманное, я даже устала слушать. Наверное, он так обрадовался сейчас, что твой интернат получит новый импульс к развитию, что давление скакнуло!

- Ну, конечно! – подтвердила Людмила Владимировна, удивленная тем, что ее начальница оказалась еще более оторванной от жизни, чем она думала. Действительно, ведь Нина Петровна никогда не задумывалась, почему она живет в двухкомнатной «хрущевке», а Скотникова фактически в замке. Ей как-то сказали, что это дом ее брата - видного ученого с мировым именем, и она больше к этому даже не возвращалась.

- Что от меня нужно? – спросила начальница управления.

- Просто подписать одну бумажку. Через пару часов юрист ее сделает.

... Сэр Джон почти не скрывал бешенства, когда через десять минут Зоя с Людмилой вошли к нему.

- Из-за тебя этот Валерий навсегда ушел из нашей власти, - грозно сказал он заместителю министра, и та съежилась от страха.

- А ты просто кинула меня на тридцать лимонов. Так у вас, кажется, говорят? – уже менее раздраженно обратился Эктон к Скотниковой.

- Почему кинула? – пыталась оправдываться та.

- Потому что цена этого договора, о котором ты договорилась, как туалетной бумаги. Эта ненормальная ведь даже ничего не понимает в том, что подписывает. Так что она не наша. Тем более, что она ничего от него не получит. И как таких только назначают на государственные должности? А деньги получит интернат, то есть больше половины достанется тебе! Смотрите, больше никаких ошибок, а то мне придется пересмотреть условия контракта с вами!

И Зоя с Людмилой почувствовали, что их прошиб холодный пот, сердце забило как бешеное, и дикий страх овладел всех их существом.

Валя

Валя работала в «замке Лузервиль» горничной. В небольшом городке, где многие люди сидят без работы, это было совсем неплохо. Вообще-то она была по специальности медсестрой, эта же запись значилась в ее трудовой книжке, так как именно на этой должно-

сти она была оформлена в интернате. Но в реальности ей приходилось работать в доме Скотниковой, терпя постоянные придирки дворецкого и приставания племянника хозяйки, который после того, как от него уехала жена, начал оказывать Валентине недвусмысленные знаки внимания, от которых она, впрочем, успешно отбивалась.

Валентина окончила медицинское училище вместе с Ольгой. Они были близкими подругами; их дружба сохранилась и сейчас, хотя многое в жизни друг друга они не понимали. Оля не понимала, как можно терять свою жизнь ни на что, прислуживая тем, кто сам вполне мог бы о себе позаботиться, а Валя думала, что Оля лишает себя жизни, ухаживая за лежащими больными. Но они раз в неделю встречались, и где-то час или два беседовали друг с другом.

Ольга рассказывала о Церкви, об отце Аристархе. Валентина говорила, что это все хорошо, но очень сложно, потому что требует изменить всю свою жизнь. А Валя любила дискотеки, веселье, мечтала о «принце», который даст ей «красивую жизнь» - большой дом, дорогие машину, украшения, одежду, зарубежные поездки.

- А чем ты будешь лучше Скотниковой? - спрашивала ее подруга.

- Ну, ты сказанула! - возмущалась та. - Я же не собираюсь обманывать бедных больных!

- А за какие такие заслуги тебе вдруг свалится вся эта роскошь?

- Просто кто-то полюбит меня...

- А если он будет бедным? Если тебе придется жить еще хуже, чем ты живешь сейчас?

– А зачем мне такой муж?

– Получается, что любовь для тебя способ себя продать подороже?

Подруги ссорились, потом помирились. Валентина чувствовала правоту Ольги, что не в деньгах счастье. Но и без них она чувствовала себя неуютно...

Валентина была вхожа во все закоулки «замка Лузервиль». И постепенно она узнавала много такого, что прислуге знать в общем-то не стоило. Случайно горничная узнала о тайной ритуальной зале в апартаментах Скотниковой, о том, что она приносит там в жертву бродячих собак, которых для нее отлавливают на улицах города ее охранники. А однажды она была свидетелем того, что одного умирающего пациента интерната почему-то перевезли в дом директора, и почему-то именно там ему сделали вскрытие после смерти... Никто не догадывался, что девушка обладает подобной информацией, поэтому на нее по-прежнему не обращали внимания.

Своими страхами она поделилась с Ольгой, а та пошла к отцу Аристарху. Тот сокрушенно качал головой.

– Силы зла сейчас царствуют над этим городом! Пусть твоя подруга бежит из этого проклятого места!

Но Валя не послушалась священника.

– А где я найду здесь работу? – сказала она Оле. – Или в областной центр ехать? А кому я там нужна?

И она продолжала работать у Скотниковой. И получилось так, что она, убираясь в помещении рядом с кабинетом хозяйки, услышала многое из того, о чем та говорила с сэром Джоном и Зоей Георгиевной. А

когда вскоре парализовало Валерия Петровича, Валентиной овладел безграничный ужас.

В этот же вечер она встретилась с Ольгой.

– Над этим священником, отцом Аристархом, хотят ставить какие-то жуткие опыты! Валерий Петрович попробовал заступиться, и его хотели убить, но он остался жив. Его парализовало! – сбивчиво с жаром рассказывала она.

Оля то же не на шутку напугалась, и прямо ночью пошла в интернат. На нее там никто не обращал внимания, она могла придти в любое время суток.

– Бегите, батюшка! – с жаром сказала она.

– Куда, глупенькая? – спокойно улыбнулся священник. – От них невозможно убежать. Но Бог силен сделать так, что зло обратится во благо, хотя нам это дастся и очень непросто. А как же быть с твоей подружкой? Я думаю, что англичанин все знает о ней... Хорошо, я помолюсь о ней, и о тебе: чего бы здесь дальше не происходило, с вами обеими ничего не случится. Пусть она тогда остается на своей работе и ведет себя так, как будто ничего не произошло.

– А как же опыты, которые они хотят над вами ставить? – всхлипывая, шептала Оля.

– Они и так их ставят все время. Но их время уходит. И этот Джон это чувствует. Он не может понять, почему все у него идет не так. А должен бы понять: ведь когда-то он был христианским священником...

– Откуда вы все знаете? – изумленно спросила Ольга.

Но отец Аристарх лишь улыбнулся в ответ:

Ольга

– Я тебе уже сказал много лишнего. Не думай ни о чем, и ничего не бойся. А чтобы ты верила, что Господь может зло обратить во благо, смотри на Валерия Петровича! Он сделал первое доброе дело за всю свою жизнь, ничего не испугался и ни на что не купился. И он вырвался из под власти сил зла!

– Все равно, какое же тут благо? – изумилась Оля.
– Его же парализовало, он лежит больной и несчастный!

– Пока да. Более того: ему предстоит еще полгода быть одним из пациентов нашего интерната!

– Как такое может быть?

– Увидишь.

– Но это же совсем ужасно!

– Зато потом его ждет обновление.

– После смерти? – в голосе Ольги впервые прозвучало недоверие.

– Зачем же. Он абсолютно не готов к смерти. Но я пока не могу сказать больше.

Уже рано утром Оля встретила с Валею и все ей рассказала. Подружки подумали, что отец Аристарх, наверное, стал заговариваться перед смертью, и ему действительно все равно, что с ним будет, потому что его жизнь и так мучение, а больших мучений он не выдержит. Но страх перед англичанином и тремя его последовательницами после благословения игумена полностью исчез у них. И они продолжили жить прежней своей жизнью, никому больше не говоря о том, что им стало известно.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Профессор и священник

Григорий Александрович поселился в особняке Скотниковой. Среди обязательных условий того, что ему необходимо для работы, он оговорил помимо приличной зарплаты еще и бесплатные коньяк и сигары, проживание и питание.

– Может тебе еще и проституток оплачивать? – ехидно поинтересовалась Зоя Георгиевна, которая искала, чем его уязвить.

– Зачем же: я вполне популярен у женщин и без дополнительных финансовых затрат, – спокойно ответил профессор, чем привел ее в бешенство.

Беседы с игуменом Аристархом было решено вести в интернате, в кабинете психиатра. Узнав, что на этой должности работает проктолог, Григорий Александрович долго веселился и сказал, что в определенном смысле в этом есть рациональное зерно, так как у некоторых, что в голове, что в... При этом он ехидно посмотрел на Зою Георгиевну, которая ненавидела его все больше и которую утешало только то, что ей завтра нужно возвращаться в Москву.

Кабинет психиатра в интернате совсем не походил на кабинет Скотниковой в ее особняке. Это была маленькая комната площадью около десяти квадратных метров, с абсолютно белыми стенами и потолком, и небольшим зарешеченным окошком. Из мебели здесь были только стол и два стула. Документация хранилась в другом месте.

Григорий Александрович в белом халате сел за стол, налил себе из бутылки полфужера коньяка, отхлебнул и сказал, что готов принять пациента. На столе он разложил ручку и тетрадь для записей, кубинскую сигару с пепельницей, и оставил коньяк с фужером.

Через несколько минут в комнату привели отца Аристарха. Недавно, по распоряжению Скотниковой, ему сбрили бороду и усы и обрили его наголо. Лицо священника было изможденным от препаратов, которые его заставляли принимать, но во всем облике его чувствовалась огромная внутренняя сила.

– Присаживайтесь, пожалуйста, – вежливо сказал ему Григорий Александрович. – Вы не будете возражать, если я закурю?

– А от этого что-то изменится, если буду? – с улыбкой ответил игумен и профессор еще раз отметил про себя его внутреннюю силу.

– Нет, к сожалению, – признался он и закурил. – На что же вы жалуетесь?

– Ни на что, – спокойно отвечал отец Аристарх. – Я здесь чувствую себя ближе к Богу, чем когда бы то ни было.

– А вы не боитесь того, что вам могут сделать здесь, если вы продолжите злить этих людей? – доверительно спросил Григорий Александрович.

– Я злю их самим фактом моей жизни, – улыбнулся пациент-узник. – Они не успокоятся, пока я жив.

– А вы не думаете, что они могут пойти на какие-то очень серьезные шаги? Вы слышали о лоботомии? Один из первых врачей, которые ввели ее в практику, Фриман, нацеливал зауженный конец хирургического

инструмента, напоминающего по форме нож для колки льда, на кость глазной впадины, с помощью хирургического молотка пробивал тонкий слой кости и вводил инструмент в мозг. После этого движением рукоятки ножа рассекались волокна лобных долей головного мозга. Фриман рекомендовал операцию для лечения всего, от психозов, депрессии, неврозов и криминального поведения. Он разработал то, что называется «конвейер лоботомий», переходя с ножом для колки льда от одного пациента к другому, и просил даже его ассистентов отслеживать время, чтобы посмотреть, как можно увеличить скорость выполнения операции. Говорят, там падали в обморок даже закаленные хирурги. Даже его коллега по популяризации данного вида психиатрии Ватт считал, что он зашел слишком далеко. Последствия операции бывают очень разными. Розмари Кеннеди, сестре Президента США Д.Ф. Кеннеди, была проведена лоботомия, когда ее отец пожаловался докторам на перепады настроения 23-летней девушки, позорный интерес к мальчикам. Фриман лично провел процедуру. Тем не менее, вместо улучшения, она впала в детство и стала писаться в кровать. Ее речь превратилась в детский лепет. Всю жизнь она прожила в психиатрической клинике в Висконсине, нуждалась в круглосуточном уходе и умерла 7 января 2005 года в возрасте 86 лет. Фриман самодовольно описывал лоботомию как «милосердное убийство души», добавляя, что «пациенты... должны жертвовать частью своей движущей силы, творческого духа и души». Правда, она запрещена в России еще в 50-е годы двадцатого века. Но на что не пойдут эти безум-

цы, в желании подчинить и сломать вас? В исполнении операция совсем не сложная.

– На все воля Божия, – твердо ответил игумен Аристарх, содрогнувшийся, однако, от перспективы подобной операции.

– Я постараюсь, чтобы вам ее не сделали, – серьезно сказал Григорий Александрович. – Но я знаю, что этот проктолог, который работает здесь психиатром и который знает о психиатрии из переизданного кем-то учебника пятидесятых годов, уже собирался практиковать в отношении вас погружение в ледяные ванны, а на очереди стояли электрошоковая терапия и лоботомия, которую он готов был сделать сам.

На самом деле все это Григорий Александрович придумал только что по ходу разговора, сам же он не был готов к применению подобных методов, и отец Аристарх это почувствовал.

Профессор понял, что пациент его раскусил, и недовольно сказал, что на сегодня разговор закончен.

– Напрасно вы подали им столько идей, – сказал ему перед уходом священник. – Ведь им в радость будет попробовать воплотить их в жизнь, а вы по сути своей добрый человек. Вы сказали это для красного словца, а если они это сделают, то будете мучиться.

Но Григорий Александрович все понял и уже мучился.

Новый пациент Скотниковой

... Зима подходила к концу. Людмила Владимировна с избранными представительницами женской

части коллектива праздновала 8 марта в том же помещении интерната, где два месяца назад принимала сэра Джона.

- Я хочу поднять этот бокал не за западных растленных женщин, которые пьют, курят и изменяют мужьям. Я хочу поднять его за наших советских женщин, которые, делая все это, еще и работают, - под одобрительные смешки собравшихся провозгласила директор и заключила: - За то, чтобы у нас все было, и нам за это ничего не было!

Все интернатские вип-дамы дружно выпили, и началось веселье.

А совсем рядом находился тот, кто какие-то два месяца назад больше всех веселился в этой комнате, а теперь лежал парализованный. Валерий Петрович был человеком одиноким. Он любил независимо идти по жизни, не обременяя себя никакими обязательствами. Не женился он принципиально, предпочитая случайные связи, а всех родственников давным-давно отшил, дав понять, что ему не нужны прихлебатели. Поэтому, когда его парализовало, и стало понятным, что это, скорее всего, навсегда, то встал вопрос, куда его девать.

Единственной, кто его жалел, была Нина Петровна. Она бы не против была даже взять к себе домой своего заместителя, чтобы ухаживать за ним. Но ведь Нина жила в двухкомнатной хрущевке с мужем и двумя взрослыми дочерьми, им самим там было не повернуться. Решение вопроса она, по своей простоте душевной, придумала крайне оригинальное.

- Люсенька, - сказала она Людмиле Владимировне, - давай устроим Валеру к тебе в интернат. - Ему так там всегда нравилось!

- Он был там в другом качестве, - усмехнулась Скотникова.

- Какая разница? Ведь ты же сама говорила мне, что пациентам у тебя живется лучше, чем гостям, разве это неправда?

- Конечно, правда, - подтвердила Людмила. - А что будет с его имуществом?

- В смысле?

- Ну, у него есть квартира, машина, дача. Обычно все имущество тех пациентов, которые переходят к нам пожизненно, становится собственностью интерната. А поскольку он не выздоровеет, то оно ему и не понадобится...

- Давай на годик учредим над ним опеку, вдруг Валерий Петрович выздоровеет, - неожиданно проявила практическую сметку Нина, тем самым сделав первый год пребывания своего заместителя в интернате безопасным для его жизни. Пятикомнатная квартира улучшенной планировки, двухэтажная дача, дорогая машина, попав в руки Скотниковой, уже не ушли бы из них. А лучшей гарантией этого была бы скорейшая смерть их бывшего хозяина вскоре после того, как их переоформили бы на интернат.

Сначала Валерия поместили в вип-палату. Но это было сделано только на несколько дней, пока не уехала Нина Петровна. А потом его перевели в одну из самых жутких общих палат, где больные сгнили бы живо, если бы не самоотверженные заботы о них медсестры Ольги, которая работала в этой палате в каче-

стве дополнительной нагрузке к своему и так огромному объему работы. А самым тяжелым для Валерия Петровича в этой ситуации было то, что разум его сохранился неповрежденным. Когда Людмила Владимировна заметила это, то ей доставляло большое удовольствие приходить, чтобы специально поиздеваться над ним разговорами о том, как он прогадал, не подписав контракт, и как он здесь заживо сгниет.

По глазам Валерия текли крупные слезы. Но здесь неожиданно для себя, он открыл и другую сторону жизни. Ольга, ухаживавшая за ним наряду с прочими больными, увидев, что пациент находится в сознании, тайно привела к нему отца Аристарха.

- Ты заступился не за меня, а за свою душу, - сказал он больному. - И ты исцелишься, но не сразу: тебе нужно очиститься от всей скверны, которой была наполнена твоя прежняя жизнь. Тебе будет дан шанс второй жизни, но используй его разумно: третьего не будет. Я бы советовал тебе, когда ты сможешь говорить, первым делом исповедаться, а пока кайся в душе перед Богом в своих грехах.

И Валерий Петрович, вместо того, чтобы озлобляться, начал привыкать к тому положению, в котором оказался, успокаивая себя тем, что он заслужил это тем, как относился к находящимся в таком положении людям, будучи на руководящей работе в соцзащите. Впервые он начал вспоминать свои грехи и анализировать свою жизнь. И постепенно мир пришел в его душу, но Скотникова этого не замечала, иначе придумала бы какие-то специальные издевательства. А Валерий твердо решил, что если ему будет дан шанс второй жизни, то она станет совсем иной.

Искушения отца Аристарха

А игумену Аристарху приходилось преодолевать все новые препятствия. Когда Григорий Александрович после первой встречи с ним пришел к лорду Джону, собиравшемуся уже уезжать из «замка Лузервиль», тот просто рассмеялся ему в лицо:

- Я сейчас смотрел видеозапись вашей беседы. Это такой детский лепет ваш разговор с игуменом! То, что вы рассказывали ему, мог бы вполне сделать и этот психиатр-проктолог, который есть в наличии. Меня же интересует совсем другое: почему, например, мы не можем его запугать, а тогда, когда, кажется, что все уже возможно, не можем это сделать? Почему на него почти не действуют нейролептики? Что позволяет ему держаться все лучше, когда условия жизни становятся все хуже? Почему именно вас мы привлекли к этой работе?

- Почему именно вас мы привлекли к этой работе? – повторил свой вопрос Эктон.

- Ну, последний вопрос явно не ко мне, а к вам с Зоей.

- Ответ хороший, - кивнул лорд. – Надеюсь, остальные будут не хуже.

- В отношении того, что вы не можете причинить ему тот объем вреда, который вам бы хотелось. Мне кажется, что в мире есть силы, которые очень многому злumu не дают стать реальностью, иначе этот мир давно бы погиб. Я плохо понимаю в том, как действуют эти силы, но мне почему-то кажется, что вы должны разбираться в этом лучше...

- Ответ принят, - кивнул сэр Джон.

- Почему его не валит с ног аминазин, и он не начинает от галоперидола стремиться куда-то в тревоге бежать? Вы знаете, что некоторые переносят даже лоботомию, в зависимости от того, какие именно лобные доли головного мозга у них перерезали. Все здесь очень индивидуально, особенно, когда вмешиваются силы, о которых мы мало, что знаем, а это, по-моему, именно тот случай...

- Хорошо, вы неглупый человек, - кивнул лорд.

- А в отношении того, почему он крепнет от испытаний – возможно, они его закаляют, а в благополучии он наоборот расслабился бы...

- А вот это вообще интересная мысль, - сказал Эктон. – Сами бы мы до этого не додумались. Можно сказать, что вы выполнили свою миссию, Григорий Александрович: вы подсказали направление, в котором нужно работать.

- То есть я могу уехать? – спросил профессор. - Признаться, мне эта работа нравится все меньше...

- Ну, зачем же так? Работа только начинается. Впереди много всего интересного, в том числе связанного и с вами лично. Конкретики пока не вижу, но скучно не будет, это я могу обещать!

... Григорий Александрович вышел во двор. Но тут его внимание привлекла забавная сцена. Один из занятых на строительстве рабочих напился до того, что заснул на высоте трех метров с поднятым в руке молотком, и только чудом не упал.

Главный прораб обычно снисходительно относился к подобным вещам, но сегодня у него было плохое настроение, и поэтому он решил сдать провинив-

шегоя в вытрезвитель. Когда машина с милицией приехала забирать строителя, он был еще очень пьян, но добродушен. Ему почему-то хотелось ехать в вытрезвитель:

- Эй, мужики, без меня не уезжайте, я сейчас только отолеку и бегом к вам! – крикнул он милиционерам.

- Не убежит? – спросили они главного прораба.

- Да нет, - усмехнулся тот.

В машине уже сидел какой-то пьяница, все порывавшийся убежать.

- Ну-ка подвинься, не тебе одному нужно ехать! – ткнул его строитель.

Все рабочие так и расхохотались, даже милиционерам стало смешно. Но самое интересное было, когда Ивану Владимировичу через час позвонили из вытрезвителя и сказали, что рабочего они выгоняют, потому что у него вши.

- Какие вши! Сами вы все вшивые! – слышался в трубке возмущенный голос.

Через некоторое время рабочий вернулся, и главный прораб с усмешкой сказал ему:

- Иди уж домой, проспись, пьяный вшивик!

Все это очень развлекло Григория Александровича. А тут еще к нему подошла Элизабет и сказала, что они сейчас уезжают, но ей хочется продолжить знакомство. Она дала ему телефон и сказала, что сэр Джон велел через нее передавать всю информацию, связанную с Аристархом. У Григория сразу появился стимул, чтобы этой информации было больше, и он уже не думал, что его общение с игуменом несет что-то плохое. А через несколько дней, когда положение

того поменялось, он совершенно искренне стал считать себя благодетелем священника.

По распоряжению сэра Джона отца Аристарха перевели в отдельную палату со всеми удобствами. Ему разрешили отрастить волосы и бороду. Ему сшили новую рясу и подрясник, купили священнический крест с украшениями. Игумену дали свободу ходить в храм, готовили все, что он только не пожелал бы, принесли церковные книги. Ему разрешили служить и исповедовать. Настоятель храма подошел к нему и доверительно шепнул, что по его ходатайству на эту Пасху архиерей возведет отца Аристарха в сан архимандрита.

В храме появилось десятка два новых людей, которые всем рассказывали, какой святой старец игумен, увидев его, бросались целовать ему руки и край рясы, иногда даже пол, по которому он только что прошел. Он совсем не имел времени побыть один: множество людей подбегало к нему, падало на колени с воплями: «Святой отец! Исцели меня!» Людмила Владимировна сказала, что скоро его переведут жить в отдельный флигель, и у него там будет прислуга. И отец Аристарх с грустью подумал, что недавно он жил совсем еще не плохо...

Неожиданный поворот

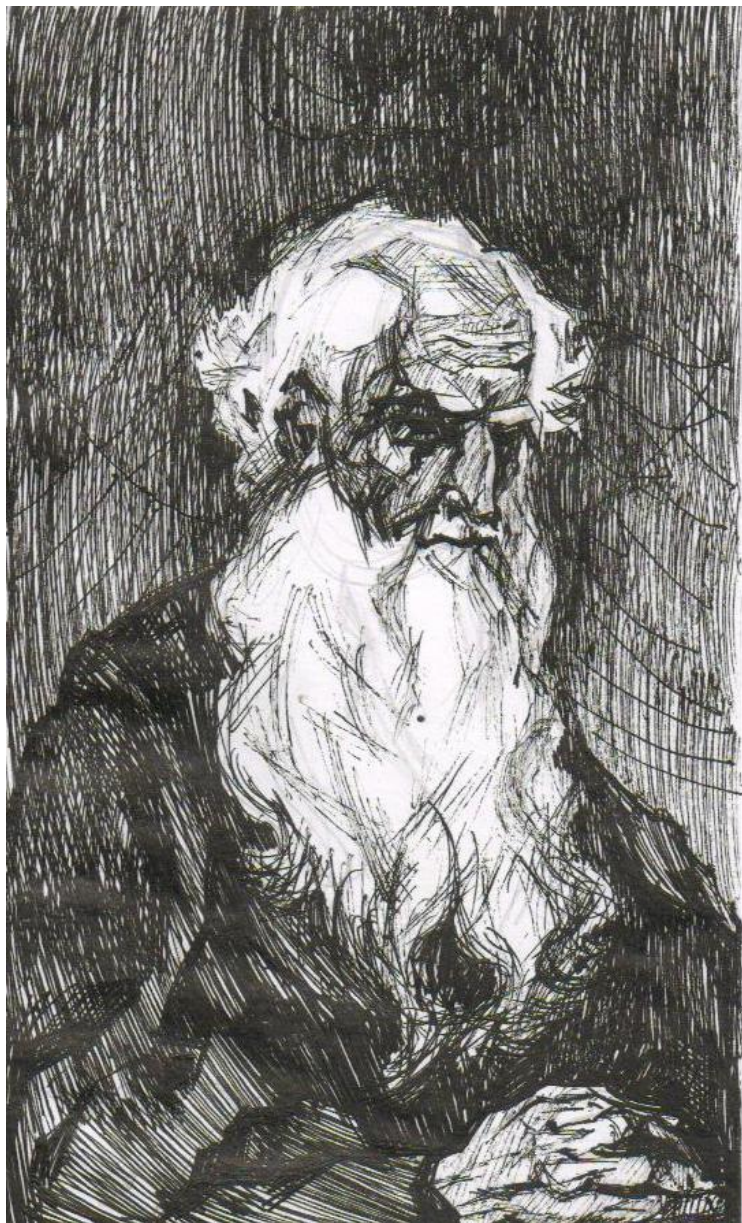
Через несколько месяцев многое в Лузервиле изменилось. Тот эксперимент, который сэр Джон решил проделать с предоставлением игумену Аристарху испытанием славой, принес совершенно неожиданные плоды.

Скотникова наивно думала, что раз у священника есть толстая история психической болезни, то никто не поверит, если он начнет говорить какую-то правду об интернате. И раз игумен не имеет жилья, то он пожизненно привязан к ее учреждению, и полностью находится в ее власти. Тем более, что Григорий Александрович почти полгода ежедневно вел с ним подробные разговоры, документируя их в истории болезни, интерпретируя в рамках существующих российских и зарубежных классификаций психических расстройств.

По мнению сэра Джона, те люди, которых наняли изображать кликуш, должны были в самом отце Аристархе заронить зерно тщеславия, а в глазах окружающих превратить его в посмешище. Но получилось совсем наоборот.

Эти люди привлекли к игумену внимание большого количества людей далеко за пределами Лузервиля. И через некоторое время он сумел им воспользоваться.

Священник сумел отделить то хорошее, что несло ему новое положение, от того, что оно должно было принести по замыслу тех, кто его устроил. Среди приехавших на встречу с ним людей был инкогнито один высокопоставленный чиновник из администрации Президента России, которому старец смог сказать слова, перевернувшие взгляды того на жизнь. И когда этот человек спросил отца Аристарха, что он может сделать для того, чтобы изменить положение в стране, тот предложил ему начать с этого городка. Как зло может расти подобно снежному кому, так и добро: нужно только начать его делать.

Игумен Аристарх

Чиновник сомневался, стоит ли связываться с международным тайным обществом, за которым стоят темные силы зла. Но чудо, которое он увидел, переубедило его.

Игумен Аристарх пользовался все большей свободой, он привел его в палату, в которой лежал Валерий Петрович, и на глазах ранее знавшего Валерия и его положение, изумленного сотрудника администрации Президента возложил на него руки, прочитал молитву, после чего тот встал, начал ходить и говорить. А священник, к которому исцеленный бросился со словами благодарности, лишь скромно сказал: « Я здесь не при чем. Это все Господь!», и тихо вышел из палаты, на прощание сказав: «Но нужно жить по новому, чтобы не вернулась старая болезнь!»

Власти Скотниковой в Лузервиле пришел конец. Приехала следственная бригада из генеральной прокуратуры. Людмила Владимировна и многие из работавших на нее бандитов были арестованы. Свидетелями обвинения выступили Валерий Петрович и Валентина. Совместное участие в опасном деле сблизило их. Бывший заместитель начальника областной соцзащиты пересмотрел свое отношение к браку, а Валя подумала, что нашла, наконец, своего принца, пусть и старше ее почти на двадцать лет и с непростым прошлым. Через некоторое время они поженились. Валерию предлагали вернуться на прежнюю работу, но он ответил, что, пожив в том положении, в каком находятся пациенты интерната, он не может более быть спокоен. Нина Петровна назначила его новым директором интерната вместо Скотниковой, и положение его пациентов начало разительно меняться. Самым

трудным для Валерия Петровича было привыкать жить на одну зарплату, да еще с молодой женой, но он мужественно пытался находить радость в такой жизни.

Имущество Скотниковой было объявлено нажитым преступным путем и подлежащим передаче в собственность государства. От отчаяния та пыталась было начать говорить о Зое Георгиевне, сэре Джоне и Элизабет, о тайном обществе «Наследники Ост-Индской компании», но, едва произнеся первые слова, умерла в страшных мучениях. Поскольку вскрытие ничего не показало, то это отбило у следователей желание заниматься заместителем министра. А вскоре Зоя уволилась и уехала в Англию. Вместе с ней туда уехали Григорий Александрович и Петр. Отец Аристарх переехал жить в дом настоятеля храма в Лузервиле. Его действительно возвели в сан архимандрита, и назначили штатным священником этого прихода. С переменой обстановки в интернате, начала меняться к лучшему и жизнь в городе, жизнь которого строилась вокруг него.

- Вы проиграли? – спросил Григорий Александрович сэра Джона.

Они сидели на террасе большого дома в центре Англии. Григорий пил ром и курил гаванские сигары, а Эктон задумчиво на него смотрел.

- Ты так себя и не ассоциируешь с нами, - сказал он профессору.

- Это плохо? – насмешливо поинтересовался тот.

- Интересно, - ответил лорд. – Я видел рождения и падения великих государств и великих организаций,

почему меня должна трогать судьба какого-то городишки?

- Но вы поняли то, что хотели?

- Отчасти. Я это, в сущности, и всегда знал. Как и то, что ничего не бывает просто так. Мы еще посмотрим на всю эту ситуацию в развитии.

ЧАСТЬ II.

**НОВЫЕ
ИСПЫТАНИЯ**

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Молодая жена

Год прошел с момента, когда Валерий и Валентина стали мужем и женой. Первое время Вале все очень нравилось: Валера не только неплохо зарабатывал, как директор интерната, но и имел недвижимость. Его дачу они продали, и купили на эти деньги в Лузервиле вполне приличный коттедж. Пятикомнатную квартиру в областном центре сдали квартирантам, что приносило существенную добавку к семейному бюджету. Свою иномарку Валерий, которого теперь возили на белой интернатской «Волге», подарил жене. В свадебное путешествие они съездили на Сейшелы и Багамы. В целом, можно было бы сказать, что жизнь удалась. Но Валентина все равно была недовольна.

Первое, что внесло серьезный разлад в отношения между молодоженами – это категорический отказ Валерия Петровича назначить Валентину на должность главной медицинской сестры интерната. А она была девушкой амбициозной: ей хотелось не только жить в достатке, но и иметь власть над другими людьми; и не просто иметь, а проявлять ее. Самым же ужасным в глазах Вали оказалось то, что *ее муж* назначил на эту должность *ее подругу* – Ольгу, которая за ним ухаживала, когда он был парализован!

– Ты в нее влюбился! – в истерике рыдала Валя, размазывая по лицу руками растекающиеся тушь и помаду. – А я-то глупая ничего не замечала! Ты влюбился в нее, когда она подмывала тебе зад, пока ты валялся как овощ! А женился на мне, только из-за того,

что я ее подруга, через меня хотел быть ближе к ней. Раз уж ты не мог получить эту святошу, то решил взять хоть ее подружку!

– Не говори глупости, – раздраженно ответил Валерий. Раньше он сразу расстался бы с истеричкой. Но ведь у него была новая жизнь, в которой он должен был преодолевать себя. – Ольга прекрасно знает все нужды больных, ей хорошо знаком весь средний и младший медицинский персонал. Она сумет расставить его так, чтобы это было полезно для тех, кому плохо.

– Да она извращенка: влюбила в себя овоща, который теперь предпочитает ее собственной жене!

Валерий Петрович, ничего не ответив, ушел из дома, а Валя зарыдала еще громче. Он попробовал прислать Ольгу поговорить с подругой, но Валентина не пустила ее на порог:

– Куда ты прешься, прелюбодейка! Бесстыжие твои глаза! Еще корчит из себя святошу! Наверное, уже успела перепихнуться с моим мужем, ведь не за красивые глаза он тебя, а не меня назначил главной медицинской сестрой!

Ольга ничего не ответила, сжала губы, и ушла. А Валя кричала ей вдогонку:

– Катись отсюда, главная шлюха!

Через месяц такой жизни у Валерия появилось желание развестись. Он пошел посоветоваться к отцу Аристарху, но тот ответил, что если жена ему не изменяет, то он не имеет права с ней развестись, а ее поведение – возможность очиститься от прежних грехов.

– И потом, – сказал архимандрит Аристарх, – нужно уметь видеть хорошее в жизни. Когда ты лежал

парализованный круглые сутки, и не мог от этого никуда убежать – разве тебе не было хуже?

– Было, но плохое быстро стирается из памяти, – согласился Валерий Петрович.

– Сейчас у тебя есть работа, на которой ты можешь принести много пользы людям. И есть жена, которая не даст тебе вести такую вольную жизнь, к какой ты привык. Смотри на это так, и ты научишься радоваться жизни.

– А если она мне изменит, я смогу с ней развестись? – с надеждой спросил Валерий.

– Не изменит, – с уверенностью сказал священник.

Валентина и впрямь оказалась очень верной, другие мужчины совсем ее не интересовали. Правда, при этом она оказалась еще очень жадной, сварливой, злой, ленивой, и за год помимо всего прочего поправилась на двадцать килограммов. Из-за постоянных истерик, сопровождавшихся обильными слезами, лицо ее распухло, и она стала выглядеть ничуть не моложе Валерия. Тот, хотя и был старше ее на восемнадцать лет, но из-за того, что перестал пить, курить, ограничивал себя в еде и жил в постоянном стрессе стал очень подтянутым и привлекательным мужчиной.

Валерий Петрович еженедельно бывал в областном управлении соцзащиты.

– Как там с молодой женой? – спросила его Нина Петровна.

– Не очень, – сказал директор своей давней подруге и поделился наболевшим. Рассказал и о том, что сказал отец Аристарх.

– Мне вспомнился анекдот, – задумчиво сказала та. – У одного мужчины была жена – страшенькая, с плохим характером, но верная. Он развелся с ней и женился на красавице, которая ему изменяла. Когда ему на это указали, мужчина сказал, что первая жена была навозом, который он должен был есть сам, а вторая халва, которой он должен поделиться с остальными. Не хочется перемен?

– Мне же не двадцать лет. И я хорошо понимаю, что такое использованная халва, во что она превращается после того, как ее съели. Ее ведь немало было в моей жизни. Да Валентина и не навоз. Наверное, если я стану другим, намного лучше, чем сейчас, то и она изменится.

– А ты становишься мудрым, Валерий Петрович! – с уважением сказала начальница.

Валя категорически отказалась работать в интернате под началом Ольги, села дома и важно именовала себя «домохозяйкой». Она смотрела телевизор, заказывала всякую дрянь в интернет-магазинах, болтала по телефону с подружками из других городов. Впрочем, иногда еще готовила, убиралась, стирала, ходила по магазинам, но делала это нерегулярно, а по мере появления желания этим заниматься.

Иногда ей становилось очень тоскливо на душе. Валентина, впечатленная пережитым, некоторое время ходила в церковь. Сейчас перестала, потому что туда ходят «прелюбодеи» – ее муж и бывшая подруга. Через некоторое время пустота на душе стала совсем нестерпимой. Однажды она, лежа на диване с бутылкой шампанского и вазой клубники, вспоминала то, что

увидела в доме Скотниковой. Вспомнился ей и сэр Джон.

– Какой загадочный человек! – подумала Валя. – Может быть, я ошибалась тогда, и он не так уж плох?

Ей вдруг показалось, что тогда она сделала неправильный выбор, и сильно-сильно захотелось, чтобы все вернулось назад...

... Сэр Джон по обыкновению беседовал с Григорием Александровичем на террасе. Внезапно он что-то почувствовал, и в его лице появилось мрачное торжество.

– Ну, надо же! Кто бы мог подумать! – воскликнул он. – Гриша, найди Лиз, Зою и Петю. Мы едем в Лузервиль.

Три архимандрита

У архимандрита Петра был гость – из Англии в Москву на две недели приехал его давний знакомый архимандрит Василий. Три дня из них он выкроил на встречу со старым другом. В первый день из вежливости отец Петр пригласил поужинать вместе с гостем и отца Аристарха – все-таки тоже архимандрит, тем более, сейчас своего рода знаменитость.

Архимандрит Аристарх знал, что настоятель без радости пустил его жить в свой дом. Но он знал и то, что отец Петр воспринимает это, как своего рода жертву, которую он приносит ради Христа, поэтому не ушел на квартиру, когда представилась такая возможность, хотя чувствовал бы себя там гораздо свободнее. Впрочем, настоятель никогда ничем его не попрекал.

Гостей архимандрит Петр всегда принимал хорошо. На столе была и осетрина, и семга, и красная и черная икра, и всевозможные фрукты и овощи, и коньяк, и текила, и дорогая водка, и абсент.

Архимандрит Василий в Англии привык к бедности духовенства, поэтому сейчас с любопытством осматривал и дом друга, и накрытый им стол. Впрочем, в Великобритании он оказался всего лишь два года назад. Причина его приезда в эту страну не была напрямую связана с пастырством – он готовил докторскую диссертацию в одном из английских университетов, и уже в будущем году должны были назначить защиту. А до этого он жил в России, имел достаточно широкий круг общения, а соответственно участвовал и не в таких застольях. Но общение с православными священнослужителями Англии, особенно их воспоминания о жившем фактически в бедности митрополитом Антонием, наложило свой отпечаток на мышление отца Василия.

- Как-то, даже непривычно вновь видеть русские столы, - сказал он.

- Полно тебе, в Англии еще больше пьют и жрут, только тебя в приличные места не звали, а только нищие или крохоборы, - с беззаботной усмешкой сказал хозяин.

После молитвы три архимандрита сели за стол. Прислуживал им келейник отца Петра иеромонах Онисим.

Архимандрит Василий был самым молодым – ему было лишь немногим более тридцати лет. Он очень много читал, на каждый случай у него была запасена цитата из чьих-то трудов.

Отец Петр предложил наполнить бокалы. Сам он предпочитал коньяк, его английский гость текилу, а отец Аристарх попросил налить ему водки и весь вечер сидел за одной рюмкой, в то время, как его сотрапезники сразу задали неплохой темп, и после пятой или шестой рюмки у них началась задушевная беседа.

- Вот Аристарх, - ткнул пальцем настоятель, снявший рясу и наперсный крест и расстегнувший верхние пуговицы на рубашке, - ты думаешь, он просто так? Нет, он не такой как мы! Да я ведь рассказывал тебе...

- Рассказывал, - подтвердил отец Василий, который тоже захмелел, но держал себя в руках. - Несчастье более талантливых – в более остром ощущении мира вокруг. Они видят и чувствуют все лучше нас – в этом их дар и их проклятье. Мы можем в силу образования и профессиональных качеств где-то даже понимать их, но нам не дано чувствовать то, что чувствуют они. И в этом наше счастье. Мы не перенесли бы безмерной боли этого острого, ни с чем не сравнимого ощущения жизни в том смысле, в котором мы не готовы пока не понять ее, ни принять. То, что мне рассказывали о вас – достойно уважения, - повернулся он к архимандриту Аристарху.

Тот благодарно кивнул.

- Как писал Жан Поль Сартр в его, так и не поставленном сценарии «Фрейд», «чтобы погружаться во тьму душ, не губя собственную душу, надо быть чистым как ангел», - продолжил отец Василий. – А кто из нас может назвать себя ангелом? Мы исповедуем, да, но разве мы меняем души тех, кто к нам приходит? Иногда мне хотелось бы тоже стать таким старцем...

- Думаю, что не стоит, - мягко заметил отец Аристарх.

- Вы правы, - сразу же согласился гость. - Можно вспомнить слова Гераклита о том, что людям не стало бы лучше, если бы исполнилось все, что они желают.

- Ну, ты и зануда! – сказал хозяин и налил еще по рюмке. – Неужели своими словами нельзя говорить?

- Да я как-то привык... - засмеялся отец Василий. И опять обернулся к архимандриту Аристарху:

- Я слышал, вам пришлось перенести много испытаний?

- Не очень.

- А вы так спокойны! Впрочем, по меткому замечанию Канта человек, который ненавидит, обеспокоен в большей степени, чем тот, кого ненавидят.

- Им так и положено.

Настоятель опять наполнил рюмки и решил разрядить обстановку:

- Джером К. Джером в свое время дал достаточно остроумный совет: «Восторгайтесь красотой уroda, остроумием дурака, воспитанностью грубияна, и вас будут превозносить до небес за светлый ум и тонкий вкус». Я поступаю именно так и ни разу не пожалел.

- Ты известный дипломат, - засмеялся гость. – Только всем об этом не рассказывай. Не нужно выворачивать свою душу наизнанку. Мне всегда вспоминаются слова Сартра «Если вы снисходительны к себе, снисходительные люди будут вас любить; если вы ратерзаете соседа – другим соседям будет смешно. Но если вы бичуете свою душу – все души возопят».

Архимандрит Петр за столом

- Не нужно душу наизнанку выворачивать, - подтвердил архимандрит Аристарх. – А как в Англии относятся к религии?

Отец Василий начал издалека:

- Английская литература конца 19 – начала 20 века пропитана ожиданием чего-то загадочного. От своеобразного романтизма Оскара Уайльда мы восходим к мрачной мистике Вирджинии Вульф – поэзии, в которой истина является нам изменчивой, зыбкой, неуловимой. В ее творчестве, как и в трудах ее единомышленников, чувствуется желание объединить музыку и прозу, стихи и живопись. Желание выйти за грани того, что определяет канон, в то же время ограниченность временными и вещественными рамками – все это делает борьбу беспредметной и жизнь бессмысленной... Признаться, мне жаль англичан, да и не только их, когда наиболее талантливые люди, разбрасывались в поисках эфемерной «истины» и не видели настоящую Ее возле себя и, в лучшем случае, просто вписывались в рамки нашего «общепринятого» мещанского мироощущения...

- Я бы сказал, что все это вообще не о том, - возразил архимандрит Петр. – В Англии есть и Льюис, и Честертон, и Толкин и, конечно же, митрополит Антоний. Но мы поговорим об этом завтра днем, если тебе это интересно, отец Аристарх. У Православия в Англии есть уникальный опыт, который митрополитом Антонием был описан. Правда, там есть и сложности, но тебе они ни к чему. Ты не обидишься, если мы посидим еще вдвоем – ты трезвый, а уже нет, и у нас есть о чем поговорить друг с другом?

- Конечно же, нет, - сразу встал отец Аристарх. – Но завтра с интересом послушаю о православной Англии.

Каким стал интернат

А интернат разительно изменился. Валерий Петрович за те полгода, которые там лежал, сумел на себе почувствовать какво его пациентам. И сделал все, чтобы переломить ситуацию.

Среди прежнего состава коллектива были те, кому доставляло удовольствие издеваться над больными, например, как бы случайно уронить на них что-то тяжелое или пролить судно. Поэтому некоторых сотрудников пришлось уволить, но многие относились к пациентам плохо, только потому, что так здесь было принято и достаточно легко приспособились к новым порядкам.

Ольга, став главной медсестрой, занималась этим обновлением среднего и младшего медицинского персонала. Некоторые ее при этом проклинали, угрожали ей. Две санитарки – Роза и Клара – алкоголички неопределенного возраста, наиболее плохо относившиеся к пациентам, грозились даже, что ее убьют. Оля не жаловалась, но Валерий Петрович узнал об этом. Он нашел Розу с Кларой и сумел так их запугать, что они пришли к главной медсестре и на коленях со слезами на глазах просили у нее прощенья.

- Что вы им такое сказали? – удивлялась потом она.

– Ничего особенного. Что у меня есть препарат, который вводится для того, чтобы человека парализовало. Если им интересно, как он действует – пусть вспомнят, что было со мной. Так если они будут так себя вести, то этот препарат будет им введен, когда они этого меньше всего будут ожидать, возможности у меня для этого есть. И оформим мы их в наш интернат, а ухаживать за ними будет одна из их подружек, такая же, как они.

– У вас правда есть такой препарат? – со страхом спросила Ольга. – Это же очень страшно!

– Да нет, я просто пошутил.

– Но разве можно так издеваться над людьми? Они чуть не умерли от страха!

– А им можно угрожать тебя убить?

Но постепенно все страсти улеглись. И некоторым из медсестер и санитарок стало даже нравиться ухаживать за больными: Ольга на примере директора сумела научить их смотреть на это так, что они могут сами оказаться в любой момент в такой ситуации, и что будет с ними тогда? Так что, делая сейчас что-то хорошее для больных, они делают это для себя: к ним так будут относиться, когда они окажутся в подобной ситуации, а если будут стараться, то, возможно, им повезет, и они по ту сторону никогда не окажутся. Наиболее внушаемые настолько этим прониклись, что главной медсестре пришлось даже их успокаивать, объясняя, что не парализует их только от того, что они один раз случайно забыли вовремя сменить судна.

Питание больных стало намного лучше. Раньше половина шла директору и ее приживальцам, теперь все шло пациентам. За счет того, что вся обслуга Люд-

милы Владимировны оказалась ненужной, появилось много свободных ставок. Валерий Петрович сам подбирал людей, а он очень хорошо знал специфику социальной сферы. Перестали уходить в частные руки огромные суммы, выделяемые из бюджета на интернат. Правда, после этого интернат как-то быстро выпал из всех целевых программ, наверное, потому, что Зоя Георгиевна уже не была заместителем министра...

По инициативе директора и главной медсестры, одно из помещений в интернате было переоборудовано в домовый храм. Служить в нем стал отец Аристарх. Он же ходил по палатам, исповедовал, причащал, соборовал больных, кого-то крестил – оказалось, что в этом была большая потребность. Архимандрит разговаривал и с персоналом, некоторые после этого стали прихожанами домового храма.

По его совету при интернате была образована небольшая группа сестер милосердия, в которую вошли те медицинские сестры и санитарки, которые изъявили желание более усердно, чем этого требовали их обязанности, ухаживать за самыми тяжелыми больными, говорить с ними о вере и о Боге. Архимандрит Петр всю эту деятельность отца Аристарха одобрял, потому что в епархии от него требовали организацию церковной социальной деятельности, а теперь он мог только оформлять на бумаге то, что реально делалось в интернате.

С переменами в социальном учреждении, менялся и город, который был с ним тесно связан. Обновился состав городского совета. Брат Людмилы Владимировны уволился с поста главы администрации, а его сын с должности главного редактора, и оба они поки-

нули Лузервиль. Валерию Петровичу предложили стать главой города, но он сказал, что от этой порочной традиции нужно отказываться. Город должен жить своей жизнью, не связанной с интернатом, и не затухать, а развиваться. В итоге в городской совет пришли многие из местных предпринимателей, из их числа был выбран и глава города. Главу администрации назначили по принципу не родственных связей, а профессиональной подготовки. Избранный от Лузервиля депутат областной думы, вынужден был активно включаться в новый процесс.

В город пришли инвесторы. Появилось несколько новых вроде бы небольших производств, но в итоге это дало городу свыше пятисот дополнительных рабочих мест.

Дом Скотниковой, ставший собственностью государства, сделали городским домом культуры. В нем разместились театр, библиотека, музей, музыкальная и художественные школы, ранее находившиеся в аварийных зданиях. Что больше всего огорчало отца Аристарха, Валерия и Ольгу, не нарушили находившееся в нем культовое помещение, посвященное Кали, под предлогом, что это очень интересно с культурологической точки зрения. Архимандрит сокрушенно качал головой и говорил, что это даст себя знать.

Сэр Джон, отслеживавший ситуацию в Лузервиле, был с ним полностью согласен.

Митрополит Антоний

Отец Аристарх с нетерпением ждал следующего дня. Ему казалось, что архимандрит Василий расска-

жет ему что-то важное. Они встретились с ним и архимандритом Петром за обедом. Настоятель сначала не планировал звать на него старого священника, но увидев его заинтересованность в продолжении разговора с гостем смягчился:

- Отец Василий, не забудь вчерашнюю книгу, о которой ты мне говорил. Тебя за обедом будут экзаменовать!

Архимандрит Василий принес книгу, в которой подчеркнул какие-то места. Он даже не притронулся к еде и напиткам, и перед тем как начать зачитывать сказал:

- Отец Петр пошутил, но я и правда чувствую себя как на экзамене перед человеком, который отдает Богу всего себя без остатка. Я думал, что сказать об английском Православии. Можно говорить о многих нестроениях в начале третьего тысячелетия, о том, что вызвавший их к жизни епископ Василий (Осборн) сменил юрисдикцию, а затем в семьдесят лет снял сан и женился... Но мне кажется, что это неплодотворный путь для разговора, ведь церковный опыт не в этом. Ведь и о Русской Церкви двадцатого столетия можно говорить сквозь призму восприятия протоиерея Иоанна Кронштадтского или священника Георгия Гапона, архимандрита Иоанна (Крестьянкина) или протоиерея Александра Осипова. Поэтому я скажу немного лишь об уже усопшем митрополите Антонии (Блуме), который аккумулировал в себе весь лучший опыт английского Православия. Вы согласны?

- Конечно, - подтвердил отец Аристарх.

- Вот что писал митрополит Антоний о своих прихожанах: «Наши верующие гораздо живее, чем ве-

рующие других исповеданий, потому что быть православным среди моря инославных требует выбора и решимости. Прихожане едут два-три часа в церковь и столько же обратно. Самое простое – пойти в соседний англиканский или католический или протестантский храм, – нет, приходят. И поэтому люди, которые встречаются в церкви, все знают, что у них одна вера, одна духовная традиция, что они пришли в *этот* храм не потому что он самый близкий или удобный, а по убеждению».

- А что он говорил о священстве? – спросил архимандрит Петр, наливая себе коньяк. – Говорят, он считал, что между духовенством и мирянами нет никаких различий?

- Он писал об этом так: «В ранней Церкви расхождения между духовенством и мирянами не было в том смысле, что было одно живое тело, в котором все члены (апостол Павел об этом подробно говорит) имели различные функции. Но функция – это одно, а сан и возвышенность – это совершенно другое. А если уж говорить о сани и высоте, то надо помнить слова Христа о том, что никто большей любви не имеет, как тот, кто жизнь свою отдаст за ближнего своего. Это у нас пропало в значительной мере, если не совершенно, потому что мы влились в светские структуры». «У нас нет такого чувства величия епископа или какой-то его отдаленности: живем вместе. И потом, я живу гораздо проще – слава Богу! – чем приходится жить архиерею в России, где у него большая административная работа и вообще сложная жизнь. У нас собор, в соборе сторожка, я в этой сторожке живу, я на себя готовлю, я свою комнату чищу, я на себя секретарствую – и бла-

женствую, потому что это единственное, что остается у меня от монашества, говоря о внешней стороне».

- То есть священник должен быть и за сторожа, и за повара? – уточнил архимандрит Петр.

- Прямо как я, - улыбнулся иеромонах Онисим, который принес первое. Правда, кроме отца Петра есть пока никто не стал.

- В Англии нормально, чтобы священники работали помимо своего служения, - сказал отец Василий. - Митрополит Антоний пишет: «И вот я предложил – и это было принято одним за другим нашими священниками – что каждый, кто будет посвящаться, будет сам себя содержать работой, а приходской пастырской работе отдавать все – в пределах разума – свое свободное время. Наши священники рассматривают необходимость заработка не как несчастье, а как замечательную возможность расширять свою пастырскую деятельность. Причем не «обращать» в Православие, а давать изнутри Православия все богатство, которые люди могут воспринять, до момента, когда они воспримут само Православие. Или, если не воспримут, они во всяком случае уходят обогащенными тем, чего раньше у них не было». И далее: «Но что совсем не оправдывается, по-моему, это положение священников, у которых не хватает работы, а они все-таки живут за чужой счет, - это ужасно разрушительно».

- Я живу ужасно разрушительно! – усмехнулся архимандрит Петр.

- У вас совсем другой путь в Церкви, - сказал ему отец Аристарх. – В вас очень много доброго. Митрополит Антоний пишет для таких, как я...

Поняв, что это сказано искренне, настоятель поинтересовался:

- А правда, что священников у него для рукоположения выбирал народ?

- Правда, - подтвердил гость и зачитал: - «Мы здесь завели за правило никогда не рукополагать человека иначе как по народному выбору. Мне кажется очень несчастным явлением, хотя большей частью неизбежным, когда человека готовят в семинарии или академии и потом посылают на приход, о котором он не имеет понятия, к людям, которые его не просили и не выбрали. Я не ставлю никого на приход, где его не хотят, не выбрали и не готовы принять». «У нас в течение столетий получился сдвиг. Епископ и священник заняли высокое положение в иерархии, тогда как на самом деле, как отец Софроний мне раз сказал, Церковь – это пирамида вверх дном. То есть тот, кто является епископом или священником, должен быть на самом низу, на нем как бы строится Церковь. И мы потеряли это сознание народа Божия, то есть мирян не как людей *не* священного сана, а как тела Христова».

- А что он писал о духовничестве? – поинтересовался архимандрит Аристарх.

- Об этом он вообще замечательно писал. Например: «Меня волнует, что так часто молодые священники (да и священники среднего возраста, которых жизнь, может быть, не ломала внутренне) считают, будто они могут всякого наставить и привести ко спасению. Я думаю, что это очень страшное искушение для священника. Знаете, когда люди берут проводника в горы, они выбирают человека, который там бывал, знает дорогу, уже проходил ею. А молодой священник,

который говорит: «Я получил богословское образование, я могу взять человека за руку и привести в Царство Божие», - неправ, потому что он там никогда не бывал». И еще: «Я думаю, и миряне должны играть свою роль. Не надо ставить священника, особенно молодого, на такой пьедестал, чтобы он думал, будто он духовный гений. И надо его поддерживать, чтобы ему не было страшно быть обыкновенным, «полубездарным» священником», если он таков. От священника вы имеете право ожидать, чтобы он благоговейно совершал службы, чтобы он молился за вас и с вами, но рукоположение само по себе не дает священнику ни богословского знания, ни «различения духов», ни понимания того, что другой человек переживает, ни способности проповедовать. Это все иное, это может иметь любой человек. Но священнику дана власть совершать таинства; от него можно их принимать. В остальном, мне кажется, надо больше развивать сотрудничество между мирянами и священниками, чтобы священник не имел тенденции и желания властвовать над уделом Божиим».

- Интересно: предвидел он те нестроения, которые принесла его кончина? – задумчиво спросил архимандрит Петр.

- Он очень просто на это смотрел. У него есть такие слова: «Наше дело - сеять. Как земля воспримет семя, как Бог взрастит его – не наша ответственность. Есть такое слово, которое мне очень дорого, латинская поговорка *Fructuat dat pereat*: пусть он приносит плоды, с тем, чтобы в свое время самому исчезнуть... Я не знаю, что будет с нашей епархией. Я думаю, что в какой-то момент она послужит семенем будущего

Православия здесь, что тогда все здешние православные сольются в одно, и будет, возможно, не Суружская епархия, и не греческая Фиатирская епархия, и не Сербская епархия, а нечто новое, может быть – Православная Церковь Великобритании и Ирландии».

- Но не возникла же? – недоверчиво сказал хозяин.

- Мы не знаем будущего. И все-то доброе рождается из скорбей и искушений, - ответил отец Василий.

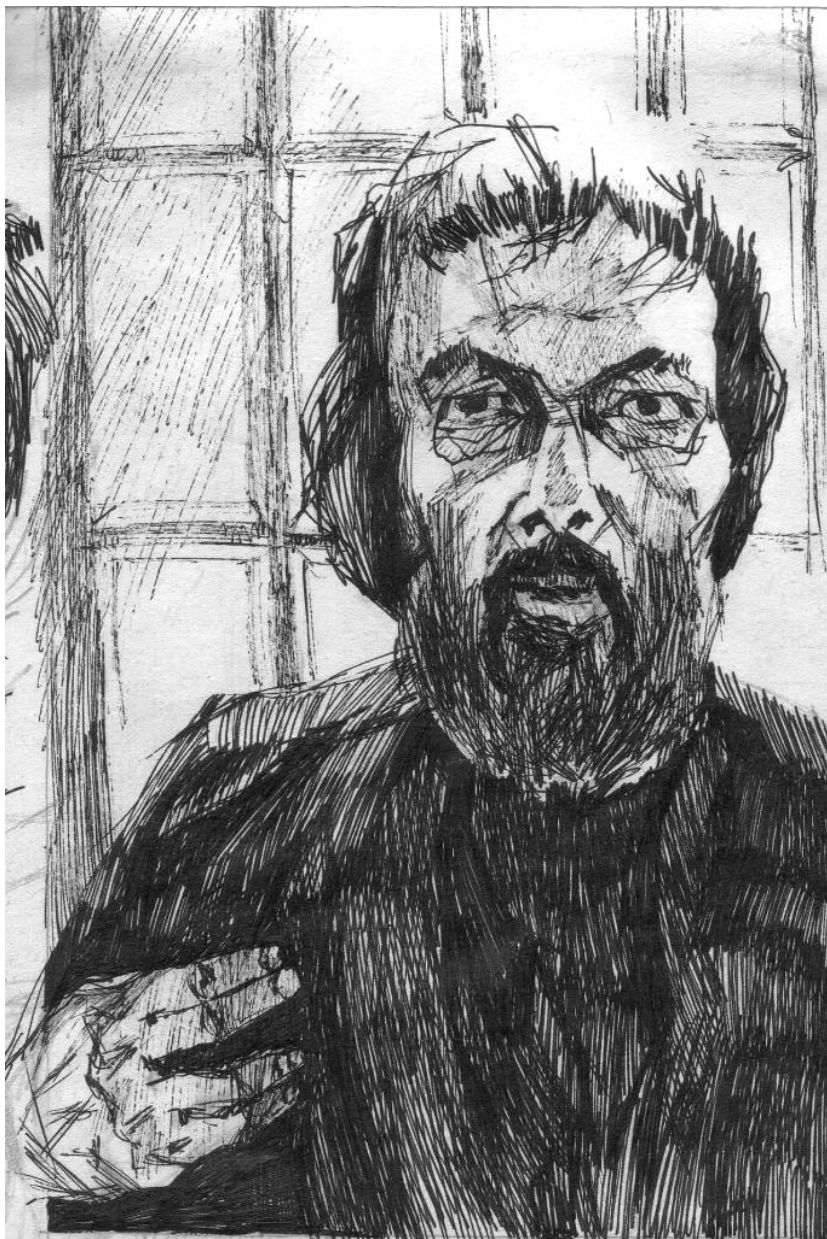
Архимандрит Аристарх был очень благодарен за то, что познакомился с опытом архипастыря, создавшего епархию в такой непростой стране, как Англия. Единственное, что его занимало – это то, как один из близких к митрополиту Антонию людей – епископ Василий (Осборн) мог совершить столько необъяснимых поступков.

- Не было ли среди его друзей лорда сэра Джона Эктона? – задал он мучавший его вопрос.

- Не знаю даже, - растерялся отец Василий. – А что?

- Это его кошмар! – серьезно сказал архимандрит Петр. – А, может быть, оба они кошмар друг друга! Но ведь пора и успокоиться: все ведь в прошлом, не так ли?

Но архимандрит Аристарх знал, что встреча с сэром Джоном ему еще предстоит.

Архимандрит Петр

Мысли сэра Джона

Сэр Джон в это время сидел на веранде с Григорием Александровичем и вместе с ним пил коньяк, к которому в последнее время пристрастился. Утром они должны были вылетать в Россию. Как ни странно, выпив, он становился добрее, если это слово было еще к нему применимо и, во всяком случае, более разговорчивым.

- Ты знаешь, Гриша, очень много интересного сейчас происходит в мире. Наши силы крепнут. Скоро мы подойдем к созданию единого всемирного государства. Но что-то нам все время пока мешает...

- Что? – равнодушно спросил Григорий Александрович, залпом опрокинув целый стакан рома.

- Ты забавно пьешь, – заметил сэр Джон. – Помнишь, у Стивенсона: «Пей, и дьявол тебя доведет до конца ... и бутылка рома».

- В вас что: опять проснулся проповедник? – недовольно спросил Григорий, которому лорд во время их долгих пьяных разговоров кое-что рассказал о своей жизни.

- Нет, конечно. Мне просто очень интересно наблюдать в развитии за некоторыми вещами... Скажи: ты уже видишь тех сущностей, которые обступают сейчас тебя?

- Нет, что я шизик что ли?

- А ты мне при первой встрече рассказал, что видел меня во время алкогольного психоза?

- Я не хочу об этом вспоминать, – резко ответил Григорий Александрович.

- Значит, ты уже видел, но это лишь очень маленькая толика, - удовлетворенно заметил Эктон. - Они записывают каждый твой шаг, а потом предъявят счет...

- А вам? – защищаясь, спросил Григорий.

- И мне... Всем... В последнее время я об этом много думаю: срок моей жизни подходит к концу.

- Плохо вы меня вербуете, - заметил Григорий Александрович.

- А я тебя не вербую. Ты единственный человек, с которым я говорю об этом. Но мне кажется, что ты уже не вырвешься, независимо от того – будешь ты участвовать в наших ритуалах или нет. Ты и так весь состоишь из страстей – пьянка и девушка-фэйри Лиз...

- Разве Элизабет не человек?

- Уже не совсем, как и я. Когда нарушаются естественные законы жизни человеческого организма, человек становится ближе к тем силам, которым он служит...

- Так вы хотели бы вернуть все назад?

- Это невозможно. Хотя иногда кажется, что возможно... Скорее всего, придется пройти этот путь до конца...

- Почему вам так не дает покоя этот Аристарх?

- Потому что у него есть то, чего нет у меня. И не только у меня – у многих христиан. Он пытается менять себя, а не других. Другие сами меняются вместе с ним. А, изменившись, они отодвигают наши планы нового мироустройства на неопределенный срок. Поэтому мы и должны еще раз встретиться с ним – нужно устранить его.

- Он имеет такие силы, потому что христианин?

- Христианином мало называться. В современном мире (да и во все время истории последних двух тысячелетий) кто только не называл себя христианами! Вот сейчас – профессор догматики в Оксфорде выпустил книгу «Миф о Воплощении», он просто не верит, что Бог воплотился во Христе. Студентов, которые говорят, что верят в Воскресение Христа, такие профессора преследуют. Скоро в Англии запрещено будет носить нательные кресты огромным социальным группам – в разные годы мы делали это и в Советском Союзе и во Франции, да много где... И такие доктора богословия найдут догматические обоснования того, что так и должно быть. Мешают ли нам такие христиане? Конечно, нет: они создают самую благоприятную почву для прихода единоличного властелина мира. И в нем-то они не будут сомневаться: ведь там никакой свойственной Христу терпимости и всепрощения не будет...

- Вы жалеете, что идете по этому пути? – спросил Григорий.

- Мне поздно жалеть, - устало сказал лорд. В последнее время он иногда начал чувствовать физическую усталость. Это было еще одним напоминанием о том, что он человек, и время его подходит к концу. – Поспи немного, через три часа мы едем в аэропорт...

В самолете

В последний момент сэр Джон решил не брать в Россию Зою Георгиевну. Ему показалось, что в этот раз она может быть для него обузой в такой поездке. В самолете он сел рядом с Григорием Александровичем, а Элизабет рядом с Петром. Григорий бросал на нее ревнивые взгляды, хотя знал, что Петр Иванович жутко боится Лиз. Юристу казалось, что она чем-то похожа на сирен из древнегреческих мифов – красивое лицо женщины, а внизу, скрытое от взоров очарованных ее пением путешественников – тело чудовища со страшными когтистыми лапами. Элизабет знала об этом, и это ее ужасно забавляло; она даже специально пела иногда для Петра. Голос у нее был высокий, красивый, но что-то в нем могло напугать человека с богатым воображением. Григорий ревновал: ему Лиз была бы нужна и с когтистыми лапами, во всяком случае, он сам так считал.

Чтобы отомстить сэру Джону, он решил высказать ему некоторые соображения, которые пришли ему в голову в последние дни.

– Можно откровенный вопрос? – спросил Григорий Александрович.

– Конечно.

– У меня иногда складывается впечатление, что вы находитесь под воздействием ЛСД – вызывающим галлюцинации веществом, производным лизергиновой кислоты, сейчас запрещенным. А в свое время он широко использовался во многих странах, в том числе в психиатрии им пытались лечить некоторые психические заболевания. Это и является причиной того, что

вы считаете, что вам четыреста лет, что вы имеете сверхвозможности...

Эктон засмеялся. Профессор его все больше забавлял.

– Значит ЛСД? А чем ты объяснишь возможность видеть на расстоянии, на расстоянии воздействовать на людей так, что Валерия парализовало на полгода, а Людмила умерла?

– Ну, я пока это не знаю...

– Что ты знаешь о теории холотропного сознания, господин позитивист?

– Ах да! – взмахнул рукой профессор. – Он научился входить в транс и без ЛСД. Я об этом, как его... Вспомнил! Станислав Гроф, автор идеи о холотропном сознании, ставил опыты, первоначально используя ЛСД. Он учил о том, что человек может научиться преодолевать свои физические границы, как отмечает Гроф по итогам своих собственных «путешествий» в бессознательное и наблюдений за тысячами «путешествий», предпринятых его пациентами, выйти за этот предел позволяют три состояния: приём ЛСД, предложенная Грофом методика холотропного дыхания и психодуховный кризис, или «духовное обострение». Общим для этих трёх ситуаций, как писал Гроф в предисловии к книге «Зов ягуара», является то, что они вызывают необычные состояния сознания, в том числе тот их подвид, который он называет «холотропными», то есть запредельными, в отличие от обычного опыта, который он называет «гилотропным», то есть земным. В методе холотропного дыхания, разработанного Грофом и его женой Кристиной в 1975 году, для изменения сознания применяется сочетание

так называемого связанного дыхания (когда между вдохом и выдохом, выдохом и вдохом не делается паузы) и музыки, вводящей в состояние транса (часто этнической, трайбл: африканские барабаны, тибетские трубы и т. п.); иногда дополнительно применяется работа с телом. В случае «духовных обострений» холотропные состояния возникают самопроизвольно, отмечает Гроф, и их причины обычно неизвестны. Таким образом, третий метод — неконтролируемый, первый — нелегальный: остаётся только холотропное дыхание.

– Тебе это ничего не напоминает? – усмехнулся сэр Джон.

– В смысле?

– Искусственный транс вполне распространенное магическое действие. Сейчас старые колдовские книжки тумба-юмбов переписывают языком современной позитивистской науки, зачастую отказывая в «научности» традиционным религиям. Гроф, Гурджиев, Кастанеда учили о том, что мы сами — изо всех сил — держим запертыми свои «двери восприятия», не давая войти в них истинному здоровью, процветанию и свободе. По их мнению человек тратит на поддержание своих психических барьеров очень значительные силы (намного большие, чем он может себе позволить!). И эти силы можно использовать гораздо более рационально и выгодно. Например, эти силы, которыми человек держит свои «двери восприятия» на замке, могли бы помочь ему в путешествии за эти двери, а значит, позволить ему стать счастливой и духовно развитой личностью. И даже более того — шагнуть дальше, за границы человеческого, которые мы, полу-

чается, сами же себе установили. В конечном итоге Гроф «неистово ищет» *сверхчеловека* — и призывает каждого из нас включиться в этот поиск. Ну, а ты, наверное, понимаешь, кто будет сверхчеловеком? — Эктон испытующе посмотрел на профессора.

– Да, я согласен, что ЛСД не нужно тем, кто и так добровольно отдал себя во власть этих сил тьмы, которые многим могут казаться силами света, — кивнул Григорий Александрович. — Сам я, как человек и как врач считаю, что нет таких усилий, которые не стоило бы затратить ради того, чтобы сохранить барьеры сознания. Это огромное благо — не видеть мир духов, только наивные безумцы могут это не понимать!

– Ты сделал правильные выводы из своей белой горячки, — кивнул сэр Джон. — Почему же ты не пытаешься уйти от нас?

– Мне почему-то кажется, что я в итоге не окажусь в мире этих темных духов.

– Напрасно ты так самоуверен.

– У меня есть еще вопрос, — сказал Григорий Александрович. — В Библии говорится, что главный демон — отец лжи. Может быть, что он просто внушил вам, что вы живете четыреста лет, а на самом деле намного меньше, а ваша память — это его память?

– Тебя волнует такая ерунда? — усмехнулся сэр Джон. — В Библии же сказано, что у Бога тысяча лет, как один день, и один день, как тысяча лет.

... Самолет приземлился. Около аэропорта лорда и его спутников уже ждала машина, которая повезла их в Лузервиль.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Бухарик - интеллектуал

В одном из самых мрачных мест Лузервиля – улице Боевиков, в покосившемся, с вросшими в землю окнами, крытом соломой домишке, в грязной комнатенке за круглым столом сидели Клара и Роза – две местных алкоголички, которых Валерий Петрович недавно выгнал из интерната. Через несколько минут в дверь вошел и хозяин дома – Колян по кличке «Бухарик». В руках он держал сумку с трехлитровой банкой самогона. Поставив ее на стол, Бухарик важно провозгласил:

«Кто работал и трудился –
Тот давно уже накрылся.
А кто пил, да похмелялся,
Хоть опух, но жив остался!».

Роза и Клара весело ему захлопали. В своем кругу Колян считался большим интеллектуалом, который хорошо разбирается в политике, философии, литературе, да и вообще в жизни. Как и две его гостьи, он дошел уже до той стадии, когда почти невозможно было определить возраст, когда начинают стираться вторичные половые признаки, а вся жизнь пропитана одним желанием – найти очередную порцию выпивки. Впрочем, нужно отдать ему должное: когда выпить было что, он мог и угостить других, особенно сегодня, в свой день рождения.

Подружки притащили банку соленых огурцов, банку компота и буханку черного хлеба. Бухарик поставил на стол немые тарелки и граненые стаканы, вилки и нож. Сегодня у них был пир. Когда они выпи-

ли, Роза начала просить хозяина рассказать какую-нибудь историю: «Ну, хоть про старуху-спекулянтку».

Тот когда-то прочитал много книг, но потом их содержание в его сознании приняло своеобразные формы, но он охотно пересказывал их всем желающим. Получалось что-то наподобие Шуры Каретного.

– А, это типа «Преступление и наказание»! – важно сказал он. – Достоевский написал, писатель такой. Там суть в чем: был парень такой Родион, студент. Типа шизик, всякая дрянь его занимала. Все думает постоянно, то ли тварь он дрожащая, то ли право имеет. А он и тварь дрожащая, раз дрожит все время, и право имеет, только вопрос на что. Так вот решил он грохнуть бабку одну. Она такая гнида старая была, деньги взаймы давала, а обратно брала больше, типа как банки сегодня, только она все же менее поганая. И Родион этот думает: надо бы эту старуху замочить. А вот сделал он эту мокруху, и не по себе ему стало, потому как все равно ведь живая душа. И так ему тошно стало, что и жить нет сил. А у него еще подружка была – сама проститутка, а из себя святошу корчила. И вот под ее влиянием сдался он в руки правосудия, так как понял, что не имел он права чужой жизнью распоряжаться...

– Мы тут тоже сторяча курве одной пригрозили, что убьем, а потом как-то совестно стало, – сказала Клара.

– Да не совестно, просто этот парализованный директор нас запугал, – отмахнулась Роза. – Расскажи еще чего-нибудь.

– Про аленький цветочек! – попросила Клара.

– Надо же, какие мы сентиментальные! «Про аленький цветочек!» – передразнил Колян. – Там

Бухарик

фишка какая: был один барыга, и у него три дочки. Здоровые уже девки. Две-то вроде ничего, а третья с придурыю. Он поехал за границу, типа фарцануть, деньжат набашлять, туда-сюда... И спрашивает их: «Чего вам привезти?» Две-то все путем, чего-то путное попросили, но вот чего и не вспомню. А младшая попросила цветочек аленький...

– Вот дурища, – не выдерживает Роза.

– Ну да, ты бы поллитра попросила, только не нужно было ему за ними было бы ехать, потому что выпивки у него и так было полные погреба, хоть залейся, – замечает Бухарик.

– Везет же людям! – вздыхает Клара.

– Ну вот, попал он на какой-то остров, а там жило чудище – страшное-престрашное, хуже, чем Васька из соседнего дома!

– Неужели такие чудища бывают? – вздрагивают слушательницы. – Бывают, – кивает Бухарик и продолжает: – Так этот чудище – был очень классный мужик. Принял барыгу, как родного, поил-кормил, гостиница-люкс и все дела. Даже не показывался ему, чтобы видом своим смрадным его напугать. А тот что? Фарцовщик он фарцовщик и есть. Спер он у него цветочек аленький, а тот чудищу был дороже всего...

– Во козел! – не выдерживает Роза.

– Типа того! – подтверждает Колян и продолжает: – А дочка честная была, решила вернуть цветочек. А потом влюбилась в это чудище. Хоть он и страшный, но почувствовала она в нем человеческую сущность, которую ни за какой страшной образиной не спрячешь, если она есть! Но попросилась она домой: по па-

паше-прохвосту соскучилась! А чудище ей: «Умру, если через день не вернешься! Сдохну прямо и все!»

– Так и сказал? – всхлипывает Клара.

– Именно так, – Бухарик вытирает слезу. – А эти две козлицы – сеструхи еенные, решили ей подгадить, и часы перевели.

– Видать завидно этим крысотелкам стало! Во гниды! – замечает Роза.

– Наверное, завидно. Потому как чудище хоть, но ведь полюбил их сеструху. А козлиц-то кто полюбит? – резонно замечает рассказчик и возвращается к рассказу: – Приезжает она на остров, а чудище ее лежит мертвый, типа откинулся уже. И начала она плакать горькими слезами, а он взял и ожил...

– А может он не мертвый, а сильно бухой был? Другой раз и не отличишь, особенно Ваську, – уточняет Роза.

– Да нет, просто любовь ее его оживила. И стал он не чудищем, а вообще красавцем! И поженились они!

Все утирают слезы, жалуются, что в настоящей жизни так не бывает, потом выпивают еще по стакану. Разговор заходит о политике.

Роза говорит, что она за коммунистов.

– И где бы ты была при коммунистах? – смеется над ней Бухарик. – Сидела бы сейчас в ЛТП, и работала бесплатно на государство. А сейчас сидишь здесь, как княжна!

– Вот-вот! – поддерживает его Клара. – У меня тоже одна знакомая, сидит дома, тунеядка. Не работает, а туда же: «Я за коммунистов!» Да ей сразу же бы

статью за тунеядство вкатили, и на принудительные работы!

Затем беседа плавно переходит на проблемы российского образования. Бухарик и здесь имеет свое мнение: он против Фурсенко и Болонского процесса, который называет «болванским». Оказывается, в свое время Николай получил диплом специалиста, который очень ценит. Вот советское образование было настоящим, а сейчас что? Выдумали бакалавров и магистров. Роза не может понять, как может быть две ступени высшего образования и обе они высшие и зачем это надо. Колян долго думает, а потом объясняет:

- Ну, просто для одной и той же работы, если она становится более сложной, нужно больше навыков. Вот представьте придурков, которые наряжаются в кенгуру или пчел и рекламируют всякую дрянь...

Подруги представили.

- Так вот, например, кто наряжается в кенгуру – это бакалавр. Ему меньше нужно уметь: надел костюм и ходи, почти все к нему с симпатией относятся кроме отморозков. А вот пчеле уже сложнее – ходит, понимаешь, с выпяченным задом, многим захочется по нему пнуть. Поэтому нужно уметь и отбиваться, и убегать, и звать на помощь, и вызывать милицию. Это называется «компетенции». А компетенции, в свою очередь, бывают общекультурные – как милиция вызывать, и профессиональные – в каком положении ходить, чтобы хвост по земле не волочился.

Роза с Кларой говорят, что это отстой – раньше из института инженер или врач выходил, а сейчас пчела или кенгуру.

- Да я же образно говорю! – раздраженно машет рукой хозяин.

Они пьют еще, и еще о чем-то говорят. Внезапно всех их охватывает необычайная жуть. Собеседники чувствуют, что сейчас что-то произойдет. И в это время в дверь к ним кто-то стучит...

Первая неудача юриста

... В дверь стучал Петр Иванович. Приехав в Лузервиль, сэра Джон сам решил навестить Валентину, и велел сопровождающим его разделить: Элизабет с Григорием должны были посетить бывший дом Скотниковой, а Петру было дано одно деликатное поручение, от которого юристу стало как-то не по себе. «Зато потом ты сразу будешь наш!» - заверил его Эктон. И эта перспектива страшила еще больше.

Юриста сопровождал темный дух, которого он пока не видел, зато чувствительные к потустороннему миру алкоголики почувствовали через дверь и, нужно сказать, очень испугались.

- Кто там? – самым смелым голосом, который был для него в этот момент возможен, спросил Бухарик.

- У меня к вам есть деловое предложение, - сказал Петр. – Вы можете очень хорошо заработать.

Заработать собравшейся компании было кстати. Поэтому Колян охотно открыл дверь. Вид юриста его не впечатлил: «Хлюст какой-то! Но откуда же идет эта жуть?»

Сэр Джон посылал не вслепую: он выбирал именно тех людей, для которых настало время последнего

выбора, после которого они либо станут его, либо начнут путь к Богу, как Валерий Петрович. Он знал, что Роза с Кларой угрожали убить Ольгу, и что Николай чуть не свел их со своим соседом Василием, который промышлял заказными убийствами, по каким-то причинам (сэр Джон хорошо знал по каким) сходящими ему пока с рук.

- Что за работа? – спросила Клара.

- Дело деликатное. Нужно убрать одного человека, мне сказали, что вы можете это организовать, - неуверенно начал Петр, думая про себя: «Да чего они могут организовать! Какой дурдом! Сэр Эктон надо мной посмеялся!»

А пьяницы, которые незадолго до этого растрогались над судьбой Раскольникова и над «Аленьким цветочком», вдруг на него набросились:

- Да как ты смеешь такое нам говорить, дерьмо очкастое! Кто мы такие по твоему?

А ведь юрист не успел им еще сказать, что речь идет об отце Аристархе: если бы успел, то его побили бы.

Петр Иванович перешел к плану «Б»: он представил дело так, что ошибся домом и спросил:

- А кто здесь Василий?

- Ах, он к Ваське! – сразу успокоились пьяницы. То, чем занимался сосед, их не волновало. – Так он вон в том доме живет!

Юрист начал извиняться, что смутил их таким вопросом и подарил бутылку коньяка, после чего его сразу же простили. Он вышел и отправился в соседний дом, а Николай сразу же раскупорил красивую бутылку и разлил ее в три стакана – себе, Розе и Кларе. Они

залпом выпили коньяк, показавшийся им необычайно вкусным, не зная, что Петр решил их отравить.

В этот момент отец Аристарх молился за них. И произошло во что: юрист решил отравить их коньяком, содержащим метиловый спирт. А естественным противоядием метилового спирта является обычный. Друзья запили ядовитый коньяк самогонкой, да еще перед этим хорошо выпили... А когда они начали чувствовать недомогание, к ним подъехала «скорая помощь», в которой кроме бригады медиков был Валерий Петрович, которому позвонил отец Аристарх.

Все обошлось благополучно, но для Николая, Розы и Клары время выбора, как видно, еще не наступило: их ничуть не впечатлило то, что их хотели отравить, зато им было очень жалко, что им промыли желудки, и из-за этого пропало столько спиртного. Валерию Петровичу пришлось подарить им ящик водки, после чего они пообещали, что будут ходить в храм. Но это так и осталось на словах.

Вторая неудача юриста

Петр Иванович подошел к большому мрачному дому, пользовавшемуся недоброй славой в этих местах. В нем жил Василий, которого Людмила Владимировна использовала для того, чтобы физически устранять негодных ей людей. Когда сама Скотникова была арестована, то вместе с ней были задержаны и многие из тех, кто участвовал в ее преступлениях. Часть их приговорили к различным срокам лишения свободы. Но Василия, выполнявшего наиболее мрачные поручения,

это обошло стороной, потому что ему сопутствовал темный дух, который стал его сопровождать после того, как он принял участие в происходивших в доме Скотниковой мрачных ритуалах, посвященных Кали. До времени этот дух сохранял его от внимания правоохранительных органов, все жертвы, на которые Василий объявлял охоту, были обречены.

Убийца сразу согласился на предложение юриста убить отца Аристарха. Он почувствовал, что с ним говорит не этот человек, который сам боится того, что говорит, а сопровождающий его демон. Тем более, что аванс Петр принес вполне приличный. Да и ненавидел Василий архимандрита Аристарха, потому что пугало его что-то в нем, а он привык, чтобы наоборот его боялись.

... Он подстерг священника в небольшом переулке возле храма. Бросился на него с ножом. Кажется, еще секунда и лезвие войдет прямо в сердце... Но отец Аристарх бесстрашно перекрестил нападавшего. Он все знал, и все видел. И в этот же момент темный дух вышел из Василия, после чего тот бессильно упал на землю возле того, кого хотел убить.

А, придя в себя, убийца увидел, что его перенесли в храм, и священник, которого он только что пытался убить, читает над ним молитвы... Что-то перевернулось в душе преступника. Тут же он исповедовался и попросил, чтобы вызвали милицию: он хотел понести наказание за свои преступления. Но официально записать его показания не успели: Василия нашли «повесившимся» в камере: слишком о многих людях, и сейчас занимающих важные места, он мог рассказать в своем безудержном покаянии... А так на него списали

все нераскрытые преступления, и сделали акт, что он покончил с собой под внезапно нашедшего на него раскаяния. Отец Аристарх знал, что это неправда, но тут он ничего не мог поделать: ему противостояла свободная воля, устремленная ко злу, очень многих людей. Но это его и не волновало: Василий успел покаяться, и смертью искупил свои грехи. Еще одна душа была вырвана из вечной тьмы.

В музее

Элизабет и Григорий Александрович были отправлены сэром Джоном в бывший особняк Скотниковой. Их целью было посмотреть, в каком состоянии находится ритуальное помещение, посвященное Кали, из которого местные власти решили сделать музей. Вообще-то, благодаря стараниям отца Аристарха и Валерия Петровича, в это место под разными предложениями не пускали всех желающих, а девушку, отвечавшую за показ экспозиции, архимандрит проинструктировал, что она должна говорить тем посетителям, которых невозможно будет не пустить, с этой целью дал ей почитать труды иеромонаха Серафима (Роуза).

Елена была не очень религиозной, но чтение увлекло ее, кое-что она законспектировала и выучила наизусть. У нее был вопрос: «Разве можно к такому страшному месту относиться просто, как к элементу культуры?» Ей было не по себе от того, что у нее работа связана с такими вещами; она всерьез подумывала, не сменить ли ей работу; начала ходить в храм. Отец Аристарх за нее молился.

Сэр Джон поручил Лиз проработать два варианта того, как оживить энергию ритуального места, которая стала очень слабой после того, как архимандрит Аристарх провел его освящение с чтением специальных молитв. Элизабет сразу почувствовала, что этой девочке вреда причинить не удастся. Вторым вариантом по ее плану был Григорий. Но для этого им нужно было остаться в ритуальном месте вдвоем.

Елена сразу пошла показывать закрытую экспозицию иностранке и сопровождавшему ее профессору. При этом она спешила поделиться с ними знаниями, почерпнутыми из книги иеромонаха Серафима (Роуза):

- Богиню Кали, как одно из самых популярных божеств индуизма, изображают среди необузданного кровопролития и резки, с ожерельем из черепов и отрубленных голов, с гротескно высунутым языком, жаждущим еще крови; в индуистских храмах ее ублажают кровавыми жертвами, убивая козлов, а иногда и людей, - рассказывала Елена. - Индуизм – это не столько интеллектуальный поиск, сколько практическая система, и эта практика в прямом смысле слова – черная магия. Гуру предлагает ученику проверить философию на своем собственном опыте, и тот видит, что ритуалы индуизма и вправду действуют (по щедрому покровительству этому учению духов лжи), ученик может получить силы (сиддхи) – это такие способности, как чтение мыслей, силы исцелять или убивать, материализовать предметы, предсказывать будущее и т.д. – полный набор смертельно опасных психических трюков, и он непременно впадает в состояние прелести, в котором принимает наваждение за реаль-

ность, переживает "духовные опыты", полные безграничного "блаженства" и покоя, его посещают видения "божества" и "света". При этом ученик очень редко спрашивает гуру: откуда происходят его переживания и кто отпускает ему их в кредит – в виде "сил" и "прекрасных состояний", он не знает главного, что ему придется расплачиваться за все это ценой своей бессмертной души.

Множество "духовных" упражнений индуизма сводится к немногим практическим основам, это – идолопоклонство (поклонение изваянию или изображению "божества" с разными приношениями, курениями и иными ритуалами); "джапа", или повторение санскритской мантры, данной ученику при посвящении (то есть повторение магической формулы-заклинания); "пранаяма" – дыхательные упражнения в сочетании с джапой. Есть и другие практические упражнения, относящиеся к тантре, или – поклонение "богу" как "матери" – женскому началу, силе, энергии, эволюционному и действенному. Они полны неприкрытого зла и достаточно отвратительны. Так, Свами Вивекананда – монах-индуист, появился в Парламенте Религий в Чикаго в 1893 г., ставил целью обращение западного мира в индуизм, конкретнее – в учение веданты (мистического индуизма) говорил: "Я поклоняюсь Ужасной! Ошибочно полагать, что всеми людьми движет только тяга к наслаждению. Столь же многие имеют врожденную тягу к мукам. Будем же поклоняться Ужасу ради него самого. Немногие дерзали поклоняться смерти, или Кали. Будем же поклоняться смерти!" И вот еще слова Свами о богине Кали: "Есть еще кое-кто, кто смеется над существованием Кали. Но

ведь сегодня она здесь – в толпе. Люди вне себя от страха, и солдаты призваны сеять смерть. Кто может утверждать, что Бог не может проявлять себя в виде зла, как и в виде добра? Но только индуист осмеливается поклоняться ему как злу!" Он заклинал свою богиню: "Приди, о Мать, приди! ибо имя твое – Ужас!", и его религиозным идеалом было "слиться воедино с Ужасной навсегда!.." И вот такая целенаправленная деятельность зла практикуется с твердой уверенностью, что это – добро!

- Какова же по вашему цель этой религии? – со сдерживаемой злобой спросила Элизабет.

- Цель индуизма - создание вселенской (универсальной) религии, - цель, весьма желанная диаволу, дающая ему возможность подставить этой лжерелигии лжебога - антихриста и в лице его добиться наконец поклонения себе, как богу, всего мира. Такая вселенская религия не может признавать "индивидуалистических, сектантских" идей, она не желает иметь с христианством ничего общего. Эта "религия грядущего" будет опустошительным пожаром, пожравшим христианство. Если христианин согласится с утверждением индуистских проповедников, что различия у них с нами только кажущиеся, а не реальные, - тогда индуистские идеи получают свободный доступ в его душу, а развращающая сила индуизма непомерна - она приводит к самому порогу поклонения злу.

- Мне кажется, что вы очень однобоко на это смотрите, - как можно мягче сказала Элизабет, внутри которой клокотало желание убить экскурсовода. – Для нас это связано с другими воспоминаниями, здесь есть много того, что связано с нашими представлениями о

жизни, которые отличаются от ваших. Вы могли бы разрешить нам побыть полчаса вдвоем в этом месте?

- Ну, конечно, - смутилась Елена. Посетители выглядели так респектабельно, она мысленно упрекнула себя, что взялась им рассказывать о том, что они знают по-другому и возможно обидела их.

Когда девушка вышла Элизабет бросилась на шею Григорию. Она просила его в знак их любви сделать надрез на руке, и пролить на ставший музейным экспонатом жертвенник Кали немного своей крови. Решающим аргументом для Григория оказалось то, что Лиз сказала, что она и есть Кали; что он делает для Кали, он делает для нее. А разве жаль ему для нее каких-то поллитра крови? И Григорий, несмотря на то, что его впечатлило услышанное от Елены, не смог отказать.

Лицо Элизабет возбужденно заблестело, она стала похожа на вампиршу. Ритуальное место вновь обрело силу, Григорий пока еще не стал совсем *их*, но то, что он совсем *ее* и пойдет дальше, куда она прикажет, Лиз не сомневалась. Она позвала Елену и сухо сказала ей, что ее спутник нечаянно порезался, и они очень извиняются.

А Елена застыла в ужасе, чувствуя, что в помещении появилось что-то, чего до этого не было. Но что это, помимо большого пятна крови на жертвеннике Кали, она сказать не могла...

Сэр Джон и Валентина

К Валентине отправился сам сэр Джон. Он думал, что ему удастся обставить свое появление максималь-

но эффектно, пройдя сквозь стену. Но дом Валерия Петровича был освящен, его хозяин регулярно читал в нем молитвы. Поэтому какая-то сила (и он даже знал какая) не дала Эктону войти так, как он хотел. Пришлось звонить в дверь.

Валентина очень испугалась, увидев англичанина на своем пороге.

- Вы?.. Как вы здесь оказались? – залепетала она испуганно.

- Ты же сама меня позвала, - улыбнулся лорд. - Помнишь, ты захотела все вернуть назад? У нас сейчас есть шанс это сделать. Ты официально отречешься от христианства – ты ведь уже отреклась от него своей жизнью, пройдешь через несколько древних ритуалов. Скучно тебе точно не будет, это я обещаю!

Валентина так перепугалась, что слова не могла вымолвить.

- Ну же, говори! – потребовал сэр Джон. – Мне не нужно что-то вымученное под страхом, которое является недействительным. Ты отрекаешься от Христа?

- Нет, - пролепетала Валя.

- А ты по-прежнему ненавидишь мужа и Ольгу?

- Не знаю...

- Если бы была возможность их убить так, чтобы тебе за это ничего не было, ты пошла бы на это? – продолжал свой допрос сэр Джон.

- Нет, он мой муж, а она моя подруга, - неожиданно твердо сказала Валентина.

- Так зачем ты сдернула из Англии занятого человека? За это придется ответить! – резко сказал Эктон.

Он взмахнул рукой, в надежде, что уж ему-то удастся сделать с Валею то, что не удалось в свое время

сделать Зое с ее мужем. Но он лишь напугал женщину, которая от страха залезла под стол и тряслась там так, что вся мебель в комнате ходуном ходила.

- Надеюсь, она сошла с ума, - подумал сэр Джон.

Когда Валерий Петрович пришел домой, он увидел жену побелевшей от страха, дрожащей под столом. Сначала он хотел вызвать «скорую», но, узнав из сбивчивых рассказов Валентины, что приходил сэр Джон, пригласил отца Аристарха. Тот покропил напуганную женщину святой водой, дал ей ее попить, после чего Валя немного успокоилась. Священник долго и мягко объяснял ей, что происшедшее с ней – следствие той жизни, которую она ведет. И если в этот раз служителью сил зла не удалось подчинить ее себе или убить, или свести с ума, то в следующий раз у него может это получиться, если Валентина не покается в том, что делала, и не изменит свою жизнь. Та согласно кивала.

И уже следующим утром Валерий Петрович привез жену в храм на службу, где она со слезами на глазах исповедалась архимандриту Аристарху, а потом причастилась. Но с тех пор она стала бояться оставаться дома одна, и попросилась работать в интернате. Муж взял ее старшей медсестрой одного из отделений. Работая рядом с мужем и Ольгой, Валентина увидела, что между ними ничего нет, все ее выдумки беспочвенны. А уход за больными не только занял время, которое она не знала куда деть, но и дал чувство защищенности, что она больше уже не окажется беспомощной перед силами зла. Она изменила отношение к мужу, прекратила истерики, даже внешне изменилась, потому что сильно похудела из-за пережитого стресса. Валерий вновь увидел перед собой ту девушку, кото-

рой совсем недавно делал предложение. И их семейная жизнь наладилась.

Совет нечестивых

Сэр Джон был недоволен результатами проведенных им и Петром встреч. Зато Элизабет он хвалил, а над Григорием посмеивался:

– Надо же, какие у нас страсти! А ты не боишься, что как Цирцея, она потом еще уколет тебя волшебной спицей, и ты превратишься в какое-нибудь животное? И хорошо, если в старого кобеля или кота, а представляешь, если в старого хряка, да еще вечно пьяного? Впрочем, если верить древнегреческим философам, те, кого она колола своей спицей, превращались в животных не столько от укула, сколько от излишнего употребления вина, которым она их угощала...Григорий Александрович чувствовал, что это не совсем шутка, а своего рода предупреждение о том, что он уже встал на путь своей гибели. Что-то ему подсказывало, что можно еще вернуться назад, и все изменить. Другая часть говорила, что слишком много для этого нужно изменить: нужно всю свою душу перевернуть вверх дном, умереть для того, чем он до этого жил. Поэтому легче продолжать свой путь в прежнем направлении, тем более, рядом с Лиз. Внутренняя борьба стала сопутствовать профессору во все часы его жизни, он стал еще больше пить.

– Что же, – сказал лорд, собрав Элизабет, Григория и Петра, – мы должны констатировать, что в этом городе власть взяли те, кто против нас. Поэтому, я ду-

маю, что нужно дать им решительный бой, а силы для этого есть, только они разрозненны. Конечно, мы уже не все сможем сделать, потому что на стороне противника также есть силы иного мира. Именно потому, что они включились, все, что годами выстраивала в этом городе Людмила Скотникова, рассыпалось в одночасье, как картонный домик.

Он дал своим помощникам поручение собрать наиболее закосневших во зле жителей Лузервиля; их список он имел, и знал все об этих людях от приставленных к ним демонов. Здесь был и милиционер, пытавший задержанных, а при необходимости и убивавший их в камерах, и учитель – педофил, и врач, убивавший людей, чтобы продавать их органы за рубеж. Была воспитательница детского сада, мучавшая еще не умевших говорить детей, но так, чтобы на теле их не осталось следов. Был чиновник, за взятки всех их прикрывавший. Таких набралось человек пятнадцать, и все они пока внешне казались вполне приличными горожанами, потому что сопутствующие им духи зла отводили от них все подозрения. И не просто отводили, а переключали их на других. Над всеми этими людьми сэр Джон имел абсолютную власть – своими поступками они без всяких ритуальных посвящений отдали себя силам тьмы.

- Как нам назвать это собрание? – поинтересовался лорд.

- Совет нечестивых, – мрачно пошутил Григорий.

- А почему бы и нет? – засмеялся Эктон. – Но лучше будет назвать обществом борьбы за гражданские права.

Совет нечестивых

И все люди из списка получили приглашение на учредительное собрание Лузервильского отделения международного общества борьбы за гражданские права. Бумага несла в себе мрачную силу подписавшего ее лорда. Никто из приглашенных не посмел отказаться. Через день было назначено собрание. Элизабет, пустившей в ход все свое обаяние, удалось договориться с местными властями, чтобы оно проходило в культовом помещении, посвященном Кали, вновь начавшем возвращать прежних невидимых обычным людям темных обитателей после того, как Григорий пролил в нем свою кровь из-за своей патологической страсти к Элизабет.

Причем удалось добиться, чтобы из музея была уволена Елена, а новый экскурсовод считала культ Кали интересным духовным опытом.

И путь нечестивых погибнет

Сэр Джон внимательно осмотрел собравшихся в помещении, которое теперь называлось «музейной экспозицией». На всех лицах лежала неизгладимая печать порока. Все они боялись – боялись оттого, что об их темных делах стало известно, оттого, что тот, кому все известно – еще намного страшнее, чем они сами. О демонах, которые им сопутствовали, им было пока неизвестно. Поэтому перед началом собрания всем им был предложен чай с кусочками сахара, в который добавили ЛСД. Вскоре препарат начал действовать.

Безнаказанно творившие преступления в течение многих лет, увидели, наконец, тех, кто помогал им их

совершать и уходить от ответственности. Перед ними встали и картины совершенных злодеяний. Они были в ужасе, а сэр Джон в восторге.

– Вы видите теперь, что ничто из сделанного вами не пропало. Вы видите, что каждый ваш шаг под контролем. И, если вы не будете меня слушаться, то вы будете видеть то, что видите сейчас всегда, – обратился он к перепуганной толпе. – Впрочем, поскольку, как я вижу, вы не понимали, кому служите, то перед тем, как вступить на путь осмысленного служения Кали, у вас есть шанс уйти, чтобы ответить за все совершенное немедленно. Есть желающие?

Встал один только врач, который ради того, чтобы вырезать их органы и продать за рубеж, фактически зарезал на операционном столе шесть человек.

– Да, я не осознавал того, что делаю, – сказал он. – Я сдамся властям.

– Не так все просто, – усмехнулся лорд. – Ты сдашься, и сдашь всех, кого здесь видишь... Нет, ты останешься один на один со своим безумием, тебя будут преследовать обвиняющие голоса тех, кого ты зарезал, за копейки в общем-то... Слышал про синдром Кандинского-Клерамбо? Отныне это твой удел. Твоим домом станет психушка... А теперь иди, то, что ты видел здесь – изглажено из твоей памяти!

И несчастный, преследуемый голосами, выбежал из комнаты.

– Кто-то еще есть порядочный и принципиальный? – спросил сэр Джон. – Обещаю, что каждому придумаю что-то новое.

Все напряженно молчали. В знак их посвященности Кали Эктон заставил всех сделать надрез на руке и пролить свою кровь на жертвенник.

– А тебе пока повезло, – сказал он Григорию, стоявшему рядом с ним. – Ты это сделал не из-за страха, как они, а из-за того, что вбил себе в голову какую-то смешную любовь к Лиз... И кровь пролил ради нее. Тебе будет легче вырваться, чем им, но в принципе также почти невозможно.

Лорд видел полчища темных духов, кружащих над помещением. Но он не чувствовал прежнего опьянения от власти, которую они ему сулили.

После обряда он отпустил тех, кого приглашал, предупредив, что через некоторое время они не будут видеть демонов, но будут знать, что им делать, потому что утратили свою волю. Он поручил Элизабет дать любые деньги администрации дворца культуры, чтобы кровь с жертвенника Кали не убирала хотя бы несколько дней.

– В принципе тому, кто предпочел сойти с ума – повезло, – сказал сэр Джон Григорию, когда все разошлись. – Ты помнишь, что дальше говорится в том псалме? Путь нечестивых погибнет. Эти люди только оттянули час расплаты – только и всего... И расплачиваться им придется не только за то, что было сделано на сегодняшний день, но и за все, что они еще сделают. А совершат они немало... Кстати, вот твой шанс покаяться: попробуй предупредить их зло. Ведь это не отвлеченные умствования, а реальные злодеяния, которые они пошли совершать. Вдруг ты их остановишь?

– Почему вы мне это говорите? – удивился Григорий Александрович.

– Мне почему-то не хочется, чтобы ты тоже погиб, – признался лорд. – Мне кажется, что ты моя зацепка, которая может все перевернуть...

В рюмочной

Григорий Александрович вышел на улицу, как в тумане. То, что о нем проявляет заботу тот, кто безжалостно губит всех вокруг, потрясло его. Он захотел вдруг пойти к отцу Аристарху, но его остановило то, что это его бывший пациент, а как он – не простой врач, а профессор, пойдет к тому, чьей историей болезни исписал сотни страниц... И в то же время Григорий осознал, что болезнь-то выдумана им самим, и самому ему, попади он в руки психиатров, поставили бы не один диагноз...

Однако первым делом профессор отправился в местную пивную. Его почему-то всегда успокаивало общение с другими алкоголиками (то, что он сам алкоголик, врач знал, но не хотел даже себе пока в этом признаться).

В небольшой комнатенке, располагавшейся за дверью над которой висела броская вывеска «Рюмочная» оказалось немногочленно – всего трое. Двое из них стояли за одним высоким столом без стульев, еще один за вторым. Последний стол был свободен. Внимание Григория Александровича привлек мужчина интеллигентного вида, стоявший отдельно и он, взяв для начала сто граммов водки, кружку пива и селедку с хлебом, направился к его столику.

- Разрешите? – спросил он.

- Да, конечно, - несколько напрягшись, кивнул тот. Было видно, что ему не хочется заводить новые знакомства в таком месте.

Григорий почувствовал это, но уже через десять минут ему удалось собеседника разговорить. Тот проникся к нему симпатией, узнав, что он профессор. Мужчине было сорок лет, его звали Иван Николаевич, он работал доцентом в одном из вузов областного центра, а сюда приехал на несколько дней к тетке в гости, чтобы «вырваться из атмосферы безумия».

- В чем же атмосфера безумия в высшей школе? - поинтересовался профессор, принеся себе и собеседнику еще по кружке пива и бутылку водки, а также двух копченых лещей.

- Как будто вы сами не знаете! - махнул рукой тот.

- Мне хотелось бы проверить мои выводы, ведь я всего лишь человек, и могу ошибаться... - уклончиво сказал Григорий Александрович.

- Ну, возьмите хоть эту тестовую систему: студентов отучают мыслить абстрактно. Та система образования, которую сегодня пытаются создать, губит в человеке творческое начало. Возникает компьютерное мышление: это так, это эдак. А что, если из четырех вариантов ответов ни один неправильный? Впрочем, тесты придумали еще в первой половине двадцатого века. Государству уже давно не нужны мыслящие люди, а нужны винтики, мыслящие так, что это черное, это белое, а полутонов нет...

- Интересная мысль! - кивнул профессор. Сам он отошел от преподавательских проблем, но они не были ему безразличны.

- Хотя, в то же время, распространение компьютеров и интернета приводит к появлению мышления, связанного с обрывками визуальных воспоминаний и ассоциаций. Обилие противоречивой информации приводит к тому, что в сознании людей стирается грань между правдой и ложью, возникает иллюзия, что правильных ответов не существуют, а есть только разные точки зрения, - продолжил воодушевленный его поддержкой собеседник. - Или возьмите преподавателей. Нас заставляют писать горы макулатуры - огромные рабочие программы дисциплин, в том числе тех, которые будут преподаваться только через несколько лет и, возможно, вообще не понадобятся, и целую кучу других бумажек. В результате у преподавателя едва-едва остается время на собственно преподавание. А что говорить про научную работу? Во-первых, просто нет времени из-за того, что все его съедает эта бумажная кутерьма. А с другой стороны - после этого и никакие творческие идеи в голову не приходят...

- Что же, так уж все преподаватели вузов не могут заполнить бумажки? - недоверчиво спросил Григорий Александрович, который в жизни ни одного подобного документа не подготовил - поручал аспирантам или лаборантам, а сам только подписывал.

- Нет, почему же. Есть те, кто справляются. Но ведь, сколько они могли бы действительно полезного и интересного сделать за это время!

- Жизнь не может состоять из одних удовольствий, нам часто приходится делать именно то, что мы должны, - заметил профессор, который все силы прилагал к тому, чтобы делать только то, что ему нравится.

- Этим только и приходится утешаться, - вздохнул доцент. – Меня в свое время учили, что нельзя бороться против системы, она просто тебя выплюнет...

- Мне больше по душе песня о том, что «не надо прогибаться под изменчивый мир, однажды он прогнетя под нас», - заметил Григорий Александрович. – А потом ведь можно изменить систему, будучи ее частью. Ведь каждый новый винтик огромного механизма влияет на его деятельность в целом...

- Для этого нужно быть очень сильным человеком, - вздохнул Иван Николаевич. – Я таким не являюсь. Вот поговорил с вами, и стало немного легче. А послезавтра вернусь в институт, и буду исполнять все, что от меня требуют...

... Григорий выпил еще немного после того, как распрощался с собеседником и почувствовал, что теперь душа его открыта, а разум толерантен и свободен от предубеждений для беседы с его бывшим пациентом, а теперь архимандритом Аристархом. И, напевая «не надо прогибаться под изменчивый мир, он все-таки прогнетя под нас», Григорий Александрович отправился в интернат, где, как он заранее на всякий случай выяснил, в это время бывал священник.

Мятущаяся душа

В столь знакомый двор интерната Григорий Александрович вошел с опаской. Здесь все стало иным с последнего его посещения этого места; даже пьяный, профессор это почувствовал. Один из пациентов узнал его и радостно сообщил:

Архимандрит Аристарх

– Здравствуйте, Григорий Александрович! А отец Аристарх выздоровел – вы, наверное, его хорошо лечили! Он сейчас здесь батюшка!

– Вот и замечательно, – сказал Григорий. – Где я его могу найти?

Больной подсказал, куда пройти и поинтересовался:

– А вы его опять будете лечить?

– Да нет, он же выздоровел.

Архимандрит Аристарх был один в домовом храме.

– Григорий Александрович, какими судьбами? – он подошел к профессору сразу, как только его заметил.

– Да вот, наверное, сегодня мы меняем наши обычные роли, теперь я к вам пришел, – попытался пошутить врач.

Священник почувствовал смятение души того, кто к нему пришел, и мягко положил ему руку на плечо.

– Успокойтесь, и давайте обо все поговорим.

– Я запутался, – грустно сказал Григорий. – Моя душа рвется на две части.

– Давайте ей поможем определиться.

И Григорий Александрович, раскрепощенный выпитым, начал рассказывать. Он говорил про себя и Элизабет, как ради нее он принес свою кровь в жертву Кали, потому что думал в тот момент, что делает это ради Лиз, вспомнил и прошлое, как бросил жену ради Зои. Рассказал про сэра Джона. Отца Аристарха особенно удивило то, что душе англичанина знакомы жа-

лость к кому-то и сомнения в правильности сделанного века назад выбора.

– Ну что же, пока это всего лишь ваш рассказ о грехах, которых хватило бы на десять человек, – тихо сказал архимандрит. – Вопрос в том раскаиваетесь ли вы в этом?

– Не знаю, даже...

– Ведь даже сэр Джон дает вам шанс, неужели вы им не воспользуетесь?

– Это очень сложно. Ведь просто сказать «раскаиваюсь» ничего не значит?

– Что-то и это значит, но примерно, как одна таблетка аспирина для лечения рака. Нужно изменить себя.

– То есть отказаться от Лиз?

– Это в первую очередь, раз она ассоциируется с Кали.

– И еще с Цирцеей и сиренами...

– Тем более.

– Я, наверное, не смогу, – устало сказал Григорий Александрович. – Стоит мне ее увидеть – и я забуду обо всех обещаниях, и сделаю все, что только она не пожелала бы. А, не видя ее, я страшно тоскую...

– Мы помолимся, и Господь даст силы с этим справиться. А еще придется бросить пить и курить...

– Так я только этим и живу! – возмутился Григорий.

– Нужно найти иные точки опоры. От греха нельзя отказываться постепенно – нужно даже не отрезать его, а просто отрубить, как топором. И не нужно говорить себе: сегодня я откажусь от этого, завтра или че-

рез год от другого. Это путь в никуда. Только все и сразу!

– Так это фактически получается как бы умереть: я откажусь от всего, чем жил!

– Умереть для греха, чтобы жить для Бога!

– Тогда мне нечего терять! – махнул Григорий Александрович и рассказал про собрание в музее.

Отец Аристарх стал очень серьезным. Он долго молился шепотом, так что Григорий начал подумывать, не уйти ли ему. Наконец, священник сказал:

– Это не ваша война. Ваша война с самим собой. В какой-то мере она легче, но в какой-то сложнее.

– А что делать с этими людьми?

– Господь все устроит. Вы должны думать о себе. Так вы хотите покаяться и начать новую жизнь?

И, пересиливая себя, Григорий встал на колени перед аналоем и сказал:

– Хочу.

Священник накрыл ему голову епитрахилью и прочитал разрешительную молитву.

А в этот момент страшно взвыла Элизабет, почувствовавшая, что из под ее власти вышел тот, кого она уже считала полной своей собственностью.

– Я убью этого священника! – прошипела она.

– Не сможешь, – усмехнулся лорд Эктон. – Похоже, мы опять едем в Англию, но уже без Григория. Да не расстраивайся так: мучай его воспоминаниями о тебе, являйся ему во снах. Тогда он, возможно, сам приползет к тебе на коленях, и тогда он будет еще более зависим от тебя, чем был.

Лиз заметно повеселела.

– Уж я постараюсь, чтобы так и было! – заявила она.

А в этот момент сильно качнуло самого сэра Джона. Он со смешанными чувствами гнева, страха и радости понял, что отец Аристарх начал за него молиться. «Он, наверное, не понимает, что подписал себе этим смертный приговор», – подумал лорд. А еще он подумал, что для него впервые появилась надежда все изменить.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Профессор и Бухарик

После первой в жизни исповеди Григорий Александрович по инерции пошел в пивную. Но что-то его остановило от того, чтобы купить стакан водки и кружку пива. Он стоял в нерешительности перед прилавком, и тут к нему подошел Бухарик, бывавший в этой пивной, когда у него появлялись деньги, и он мог «шикануть».

– Что, друг, хочется выпить, а не на что? Давай я тебя угощу! – сказал он профессору.

Григорий Александрович засмеялся:

– Нет, угостить я сейчас и сам могу. У меня другая проблема: хочется выпить, но понимаю, что пора бросать. Что делать?

– Это вопрос философский! – заявил Колян. – Если не хочешь пить, то давай перейдем в соседнюю кафеш-

ку, я возьму пива, а ты чай и я расскажу тебе мои соображения по этому поводу.

Григорий Александрович все равно не знал пока, что ему делать дальше, поэтому охотно согласился. До кафе нужно было пройти около ста метров. Это было небольшое, но чистое помещение, с аккуратными столиками, покрытыми скатертями и мягкими стульями возле них.

- Пиво здесь в полтора раза дороже, - пояснил Бухарик свою нелюбовь к этому месту.

Профессор сказал, что угощает, и его новый знакомый сразу повеселел:

- Тогда мне двести граммов коньяка и порезанный лимон.

Себе Григорий действительно взял только чай.

- Ну, жду новой информации, - сказал он.

Григорий Александрович неплохо разбирался в наркологии, но вот как перестать пить самому он не знал. Ему пришло в голову, что в ходе общения с алкоголиком не как с пациентом, а как с человеком, имеющим схожие проблемы, он может найти решение своих. Тем более, как выяснилось, Колян был достаточно эрудирован, и обо всем имел свое мнение.

- Ты знаешь, кто такой Бил Уилсон? - спросил он Бухарика.

- Это который анонимных алкоголиков организовал? - уточнил тот.

- Да. А ты с ними сталкивался?

- С кем я только не сталкивался! Там фишка какая: якобы алкашу может помочь бросить пить только другой такой же кот.

- И что ты об этом думаешь?

- Отстой полный! С таким же успехом можно сказать, что хорошо ампутировать руку может только врач, у которого самого нет руки. В кожен должны идти работать больные сифилисом, в психушки – дураки...

Григорий Александрович засмеялся:

- Анонимные алкоголики тебя бы побили, наверное...

- Да нет, они не экстремисты, - смягчился Бухарик. - Они в основном неплохие люди. Но вот ведь опять: «анонимные». А какая тут может быть анонимность? Если ты бухаешь – на тебе написано, что ты котье, а если не пьешь месяца два, то и по тебе все будет заметно. К чему это?

- Ну, это спорно. Кто-то нуждается в поддержке других. А что тебе самому мешает бросить? Или не хочешь?

- Хотеть-то мы все иногда хотим. Но только на словах... Некоторые, говорят, что это типа шибко легко. Вот мне тут притаранили книженцию – «Легкий способ бросить пить» называется...

- Так ты и с Алленом Карром познакомился?

- С ним нет. С книжкой его.

- И что ты про нее думаешь?

- Фуфло!

- Почему?

- Да аргументы у него никуда! – И Бухарик неожиданно процитировал по памяти: - «Чем больше людей сходятся во взглядах и чем выше уровень их компетенции, тем меньше вероятность отыскать того, кто решится им возразить. А если такой человек найдется, то он либо дурак, либо полностью уверен в

своих аргументах. Надеюсь, на данном этапе мне удалось доказать вам, что я хотя бы не дурак».

- Ух ты! – удивился профессор. – Я бы такую дрянь ни за что не запомнил!

- Да и я случайно запомнил. У меня как бывает: прочитаешь что-то раз двадцать, а все равно не запоминаешь. А потом по пьяни всплывает целыми кусками. А здесь меня чего возмутило: самолюбование: вон я какой умный, могу против всех идти, все знаю. А ничего не знает!

- В общем-то я согласен, - сказал профессор. - Аллен Карр достаточно свободно обращается с медицинскими терминами, имеющими в общественном сознании устоявшийся и вполне конкретный характер. Например, шизофренией он называет то, что «одна часть организма заявляет: «Мне нужно выпить!», а другая предупреждает: «Не пей лишнего!» По поводу алкогольных психозов он пишет так, что сразу видно, что он не имеет о них даже поверхностного представления: «Некоторые верят в иллюзию, что белая горячка вызывается воздержанием от алкоголя. Непьющие люди не страдают белой горячкой!» Но ведь никто не говорит, что ей страдают непьющие люди. Это опасное заболевание, да и не только оно, может возникнуть на фоне отказа от алкоголя, как правило, в первые один-три дня, являющиеся критическими. Вместо того, чтобы предупредить людей об этой проблеме и о том, что возможно будет необходима медицинская помощь, автор представляет все так, что проблемы вообще нет: «На самом деле физические проявления воздержания практически незаметны, потому что боль-

шинство пьющих людей и не имели этой физической зависимости. Но как быть с теми, которые ее имели?

- А ты умный мужик, - с уважением сказал Бухарик. - Я вот все это нутром чувствовал, но так коротко и ясно изложить бы не смог.

- Там много еще всякой ерунды, - продолжил Григорий Александрович. - Необходимость выпить «последний бокал» алкогольного напитка, на которой настаивает автор, практически у любого алкоголика, который уже дошел до стадии запоев, просто провоцирует очередную запой. И денатурат и чистый спирт, о которых пишет Аллен Карр, как о чем-то ужасном, ему даже очень понравятся. Для серьезно пьющего человека два правила из семи, которые приводит Карр, являются логическим противоречием: «Не бросайте пить и не сокращайте потребления алкоголя, пока не дочитаете эту книгу до конца» и в то же время «Читайте эту книгу только на трезвую голову».

- А меня чего приколело: пишет: мой легкий способ полностью избавляет от абстинентного синдрома. А в другом месте: поколбасит, конечно, но не больше недели! Круто, да? Ведь обычно больше двух-трех дней никого и не колбасит, он еще целых четыре дня себе фору дал для верности!

- А какое твое мнение про уколы, подшивки?

- Был у меня знакомый, вкололи ему антабус. Сказали: «Выпьешь – сдохнешь». Он с месяц держался, а потом все равно начал бухать. И ничего с ним не случилось. А вот в чем причина: сложно сказать: либо живучий он шибко, либо не то ему вкололи, либо выдыхаются у препарата силы со временем.. Я сам думаю:

все тут в голове, - и Николай постучал себя костяшками пальцев по лбу. – Как себе внушишь – так и будет!

- А что ты думаешь про алкогольные психозы?

- Про «белочку»? Кстати, недавно видел водяру, там такая страшная белка с кривыми зубами нарисована и написано: «Я пришла». Здесь Венечка Ерофеев очень хорошо все описал.

- Ты «Москву-Петушки» имеешь в виду?

- Да.

- А вот мне всегда было интересно, там в конце его убивают, втыкают шило в горло – это правда, или привиделось ему перед тем как потерять сознание?

- Мне кажется, - сказал Бухарик, - что реально он всю эту бесовщину видел. А с шилом – это пророчество Венечке – автору: он ведь от рака горла умер!

- Да ну! – удивился Григорий, не знавший биографии Венедикта Ерофеева.

- Я могу ошибаться... Но вообще-то очень страшная эта штука «белочка». Вот уж в наркушке до чего мерзко: разденут тебя догола, руки-ноги привяжут к койке, подстелят под тебя клеенку, нацепят тебе презерватив со шлангом, чтобы по маленькому в банку ходил, а по большому – терпи два дня: если вытерпел – значит у тебя чувство стыда есть и контроль над собой, идешь на поправку, а обгадишься – значит быдло ты...

- Да нет, - отмахнулся было профессор, который работал и в наркологии и только сейчас подумал о том, что чувствуют люди «на вязках» и как он ощущал бы себя на их месте...

- Что нет? За людей нас там не считают! А сами – многие – такие же, или такими же будут! Но я к чему: по сравнению с «белочкой» - это курорт!

Они поговорили часа три. Бухарик, выпил коньяк, но больше не просил, профессор взял только себе и ему по стакану чая.

- Ты знаешь, движение «Анонимных Алкоголиков» началось с того, что два пьяницы, поняли, что когда они говорят друг с другом им не хочется пить. Что ты об этом думаешь? – спросил Григорий Александрович.

- Ну, уж не знаю, - смутился Николай. – Но пить правда не тянет...

... Придя в гостиницу, Григорий увидел, что сэр Джон, Элизабет и Петр уже уехали, но почему-то этому не удивился. Он выпил на ночь немного водки и принял феноборбитал, запив это приличным количеством воды - одно из «старинных» средств не «словить белочку», которому он доверял. Через некоторое время ему удалось заснуть. На следующий день Григорий Александрович уже почти совсем не выпивал, а через три дня ему удалось отказаться от спиртного полностью.

Институт политических исследований

Директор московского научно-исследовательского института политических исследований Николай Ильич Сергеев был веселым доброжелательным человеком. И это несмотря на то, что ему постоянно приходилось общаться и с ненавидящими друг друга политиками и с политологами, про которых он считал, что ими становятся те, кто не смог (или не посмел) сам пойти в политику, и соотносятся с поли-

тиками также, как литературные критики с писателями.

Все распри в коллективе, насчитывавшем всего-то полтора десятка «главных», «ведущих» и «младших» научных сотрудников, директор пытался гасить на корню. А склок было немало. Вот и сейчас перед ним лежала жалоба одного младшего научного сотрудника – крайне обидчивого и амбициозного молодого человека, постоянно сотрясавшегося от внезапных приступов кашля – на своего старшего товарища. Николай Ильич остановил взгляд на следующей тираде: «Я ему объяснил, что Хантингтон считает об этом ...(далее шло полстраницы убористого текста). А он мне на это ответил, чтобы я засунул Хантингтона себе в задницу! И что я теперь должен делать?!!» Директор подумал с минуту и затем написал резолюцию: «Успокоиться и сходить на флюорографию».

Он тяжело откинулся на спинку кресла и подумал: «Придется ведь еще час с ними обоими разговаривать». В дверь постучали.

- Войдите, - сказал Николай Ильич.

Вошел главный научный сотрудник Петр Семенович, который очень любил поболтать о международной обстановке. Ему было уже около шестидесяти лет и, судя по всему, катастрофически не хватало общения.

- Ну что, Петр Семенович, вам все Америка не дает покоя? – улыбнулся директор.

- Не дает, - подтвердил он. – Холодную войну мы проиграли, но неизвестно будущее победителей.

- В смысле?

- Мир, похоже, американизируется, но с двумя важными оговорками. Во-первых, американизация вы-

зывает активное противодействие. У нее немало интеллектуальных критиков. Ей сопротивляются и те, кто в результате американизации теряет власть над массами. Оппозиция американизации существует и в самой Америке. Во-вторых, американская культура не осталась неизменной. Она сама впитала в себя и продолжает впитывать вместе с переселенцами множество разных культурных элементов. А, распространяясь по всему свету, американский образ жизни вступает во взаимодействие с местными культурами, в результате чего возникает гораздо более сложная, комбинированная мировая культура, а точнее широкий веер субкультур, которые только совсем уж обобщенно могут быть сведены к единому корню.

- То есть будущее не за американской империей?
- директор задавал вопросы безучастно, подписывая параллельно разные документы, но собеседник только еще больше проникался важностью их беседы.

- США не империя и при всем внимании к тематике Древнего Рима или Британии - «владычицы морей» империей в общепринятом смысле этого слова не станет. В условиях американской демократии общественная мобилизация во имя достижения имперских целей маловероятна. Если битва при Ватерлоо была выиграна, по известному изречению, на игровых площадках Итона, где выковывался характер британской имперской элиты, то война во Вьетнаме была проиграна в американских университетских кампусах, где воспитывался американский средний класс.

В этот момент в дверь без стука влетел написавший жалобу младший научный сотрудник, и лишь слегка кивнув в сторону Петра Семеновича, подбежал

к Николаю Ильичу схватил его за руку, крепко ее потряс и расцеловал трижды в щеки по русскому обычаю. Во время поцелуев молодого человека забил приступ кашля, который он подавил и при этом издал целую серию звуков одновременно напоминающих одновременно хрюканье, кваканье, клекотанье и чавканье. Директор всерьез испугался, что его сейчас облюют, но обошлось.

- Сергей Николаевич, видел вашу жалобу, но не нужно так бурно на все реагировать! И сходите, в конце концов, на флюорографию!

- Схожу-схожу! А это не пустяк! А если он американским гостям такое скажет?

- Скажет – и будем разбираться!

- Тогда поздно будет!

- Ты, Сергей, извини, у нас важный разговор сейчас, потом подойдешь, - веско сказал Петр Семенович.

Младший научный сотрудник бросил на него испепеляющий взгляд, и нехотя ушел.

Из благодарности за то, что его избавили от необходимости выслушивать длинный и бессмысленный диалог, директор вновь вернулся к интересовавшему его посетителя разговору, как будто он и не прерывался.

- А как же американское военное вмешательство?

- Доминирование Америки в качестве сверхдержавы все еще остается определяющей чертой нынешней международной системы. Более ста государств в мире разделяют американские демократические принципы. Американские вооруженные силы не просто самые мощные - никакая другая армия не способна действовать на отдаленных театрах военных дей-

ствий. Обладая подавляющим и исторически беспрецедентным военным превосходством, США не способны навязать свою волю нищему Афганистану, навести порядок в Ираке, раздираемом религиозными распрями и даже покончить с организацией под названием «Аль-Каида», которой руководят всего несколько человек, скрывающихся, как считают, в пещерах в отдаленных районах Афганистана и Пакистана.

- То есть вы думаете, что американцы могут отказаться от попыток силой оружия влиять на непокорные им страны?

- Американцы неоднократно имели случай убедиться в том, что военное вмешательство стоит дорого, деморализует общество и в целом бесперспективно. Кроме того, энтээровская экономика обходится без так называемых «эксплуатируемых». Теперь капитал заинтересован не в том, чтобы впрячь людей в колесницу капитала, а в том, чтобы избавиться от них, как от обузы. Передовая страна имеет тенденцию отгораживаться от мира с его проблемами, закрываться в богатом гетто. Многие американцы думают, что выживут без остального человечества.

- И каковы, на ваш взгляд, перспективы США?

- Можно предположить, что, несмотря на огромные расходы на вооружение, экономический и людской потенциалы страны, США в обозримом будущем могут лишиться статуса единственной сверхдержавы мира. Деморализация подавляющей части населения, неприятие стремительно растущими азиатскими государствами американской системы демократических ценностей, неспособность адекватно отвечать на вызовы мирового терроризма, колоссальный внутренний

долг, зависимость от зарубежных поставок нефти - все это может привести к тому, что в скором времени Соединенные Штаты разделят статус сверхдержавы с имеющим исключительные перспективы развития Китаем.

В этот момент мобильный телефон директора заиграл мелодию из «Пиратов Карибского моря». Увидев, какой номер высветился, Николай Ильич сразу перестал быть ленивым и вальяжным и, внезапно покурив, сказал Петру Семеновичу:

- Идите, у меня важный звонок. Про Китай мы поговорим потом.

Новое имя для города

Звонил Николаю Ильичу его старый знакомый - Борис Павлович Большов. Большов был уроженцем Большескотининска, а сейчас работал в администрации Президента России. Свою «малую родину» не любил ужасно, стыдился ее, именно он в свое время помог дону Санчо переименовать его в Лузервиль. Но в последнее время что-то в душе Бориса Павловича по отношению к городу, в котором он родился, начинало меняться.

Особенно это стало ощущаться после того, как сам того не ожидая, он перевернул в Лузервиле все вверх дном, да так, что круги от этого дошли и до Москвы, послушавшись отца Аристарха. Борису Павловичу даже самому не верилось, что как рассыпавшаяся колода игральных карт полетели тогда и казавша-

яся всемогущей Скотникова и непотопляемая Зоя Георгиевна, и многие другие влиятельные люди.

Он, честно сказать, опасался связываться с ними, несмотря на ту должность, которую занимал. Боялся он не столько их самих, сколько те силы, которые за ними стоят, а их опасность он сумел понять. Но почему-то послушался отца Аристарха, вступил в казавшийся безнадежным бой, и неожиданно необычайно легко вышел из него победителем. При этом было ощущение, что он здесь лишь орудие – «бич Божий» – пришло ему тогда в голову.

Борис Павлович тогда на исповеди рассказывал отцу Аристарху многие свои грехи, а один тот сам напомнил: «Нехорошо вы сделали, что город так назвали». Большову в свое время казалось, что не просто хорошо, а очень даже круто – в отместку за все дурное, что он здесь пережил. А тут почувствовал, что действительно плохо... И вот сейчас сбивчиво рассказывал все это по телефону своему приятелю Николаю Ильичу. Он просил совета: как теперь назвать город? Ведь как его только уже не обзывали до Лузервиля: и Большескотининск, и Бериевск... Ведь переименование нужно как-то исторически обосновать.

Николаю Ильичу все это было малоинтересно, и он предложил первое пришедшее в голову: «Назовите его Большой».

- Разве бывают такие названия? – удивился Борис Павлович.

- Значит будет. Тем более, считай, что в честь тебя – славного уроженца этого города.

- Да ну уж... - отмахнулся Большов, но предложенный Николаем вариант показался ему самым оче-

видным, и он удивился, почему самому ему он не пришел в голову.

Китай

Не успел Николай Ильич отключить телефон, как в дверь к нему постучали.

- Войдите, - устало сказал директор.

В кабинет прошмыгнул Петр Семенович.

- Мы что, разве не закончили? – обреченно спросил начальник.

- Нет, мы же про Китай и не начинали говорить. Вы сказали, что потом поговорим, когда вы освободитесь. А вы уже освободились...

Директор обреченно закатил глаза, затем подошел к шкафу и достал бутылку коньяка.

- Будете? – спросил он Петра Семеновича.

- Не откажусь.

Николай Ильич открыл бутылку коньяка, налил в пузатые фужеры примерно по двести граммов, достал вазочку с шоколадными конфетами, поставил все это на стол и сел напротив посетителя.

- Теперь я готов слушать про Китай, - заявил он, одним глотком осушив фужер и долив в него остатки из бутылки.

- Вы устаете, наверное? – участливо спросил главный научный сотрудник.

- Все нормально. Слушаю вас.

- Вы знаете, что результатом «холодной войны» можно назвать убедительную победу США, которые подминают под себя все больше так называемых

«стран третьего мира». Советский Союз распался, Россия не имеет решающего влияния даже на Белоруссию. В самой России подавляющая часть молодежи выбирает американский образ жизни и мышления, зачастую в худших его формах. Однако на пути к мировому господству у США возникает новая и не менее серьезная сила в лице Китая. После смерти Иосифа Виссарионовича Сталина китайское руководство не увидело в лице Никиты Сергеевича Хрущева нового вождя мирового пролетариата и, более того, посчитало его предателем ленинских идей. У КНР начинают возникать свои имперские амбиции, в настоящее время, вероятно, связанные с Дальним Востоком. Являясь совершенно особым образованием, имея неограниченный людской ресурс и жесткую внутреннюю дисциплину, эта страна экономическими и иными методами все более расширяет свое геополитическое влияние. В то же время у США, после появления в Китае ядерного оружия, уже нет над ним реального превосходства.

- Это не совсем так, - покачал головой начавший слегка пьянеть директор. - То количество ядерного оружия, которое на сегодня есть в Китае пока недостаточно, чтобы он представлял реальную угрозу не только для США, но и для России. Другое дело, что возможно не обо всем известно...

- Об этом мы можем лишь гадать, - кивнул Петр Семенович. - Мне более интересно, каким образом эта страна смогла установить такой образцовый порядок? Наверное, они умеют делать выводы из прошлого. Ведь китайская история сложилась так, что свобода в этой стране часто приводила к смуте или еще более жесткому деспотизму. В 1912 году Китай стал первой в

Азии республикой, однако антимоноархическая революция вызвала распад страны на регионы, контролируемые милитаристскими группировками. Коммунисты, пришедшие к власти в 1949-м под лозунгом «народной демократии», установили жесточайшую диктатуру. Начавшаяся в 1966 году «Великая пролетарская культурная революция», выплеснувшая на улицу «энергию масс», сопровождалась такими зверствами и массовыми беспорядками, что руководству пришлось обуздывать ее энергию с помощью вооруженных сил. Наконец, студенческие демонстрации с требованием установить западную либеральную демократию в 1989-м парализовали на несколько дней жизнь в Пекине и других крупных городах.

- Но ведь силой оружия режим не может долго сохраняться у власти? – спросил Николай Ильич, который открыл уже вторую бутылку коньяка, банку рыбных консервов и теперь стал более заинтересован в поднятых в разговоре проблемах.

- В том-то и дело, - подтвердил Петр Семенович, лишь пригубивший коньяк. - В настоящее время китайские теоретики все чаще обращаются к предложенному американским ученым Джозефом Наем понятию «мягкой силы», подразумевающему использование «нематериальных властных ресурсов» культуры и политических идеалов в интересах влияния на поведение людей в других странах – в отличие от воздействия с помощью «жесткой силы» оружия или денег. Внутри страны китайские эксперты видят два основных источника «мягкой силы»: богатство национальной культуры и успех китайской модели модернизации. Китайские эксперты нередко вспоминают о том, что

еще в глубокой древности их предки размышляли над тем, как использовать инструменты «мягкой силы» для победы в конфликте «жестких сил». В подтверждение они приводят слова основоположника школы военного искусства Сунь-цзы (IV – начало V в. до Р. Х.) о том, что лучшее из лучшего – покорить чужую армию, не сражаясь.

Политическую трактовку данных понятий предложил влиятельный ученый Янь Сюэтун, возглавляющий Институт международных проблем университета Цинхуа. По его мнению, комплексная сила страны сочетает в себе «жесткую» и «мягкую силу», но это не сумма, а произведение двух компонентов, а потому при утрате «мягкой» или «жесткой силы» совокупная национальная мощь становится равной нулю. Янь Сюэтун приравнивает «мягкую силу» к политической силе страны. По его мнению, она слабее экономической силы Китая, но сильнее военной силы: Китай торгует со всеми континентами, оказывает политическое влияние на сопредельных территориях, а его военное влияние проявляется лишь в пограничных районах. По мнению ученого, слабость культурной силы вовсе не означает слабости «мягкой силы» государства. Так, во время «культурной революции» 1966–1976 годов культурная сила Китая была, по мнению Янь Сюэтун, серьезно ослаблена, однако в 1971-м Китай получил широкую политическую поддержку стран Третьего мира, обрел место в ООН и кресло постоянного члена Совбеза, что повысило международный вес и влияние страны.

- То есть, ты считаешь, что Китай сейчас исключительно миролюбивая страна?

Разговор о Китае

- В начале XXI века китайские пропагандисты сосредоточили усилия на создании привлекательного образа сильного миролюбивого Китая, готового «поделиться» своим процветанием с другими странами, с тем, чтобы они были заинтересованы в его дальнейшем возвышении. Новый имидж Китая опирается на пропаганду успехов в области экономических преобразований и миролюбия национальной политики, а также на повышение глобальной привлекательности китайской культуры. В настоящее время в Китае продолжает править авторитарный режим, однако его аппарат смог обеспечить грандиозный экономический рост, может быть, один из самых быстрых в истории. С другой стороны однобокий упор на рост привел ко многим проблемам – серьезным различиям в уровне развития регионов, социальному неравенству, загрязнению окружающей среды, обнищанию крестьян бедных регионов, за счет которых в основном и осуществлялся промышленный подъем. Аппарат власти превращается в тормоз реформ. Основная линия политики нового лидера Ху Цзиньтао – смягчение социальных противоречий и борьба с коррупцией.

- А как на это смотрят твои любимые США?

- Они не мои любимые. Стремительное усиление Китая, население которого по сравнению с 1950 годом выросло более чем в два раза, привлекает внимание иностранных держав. В 2007 году американский эксперт Джошуа Курланцик опубликовал книгу «Обаяние как наступательное оружие: как мягкая сила Китая меняет мир», в которой обрисовал механизмы китайского проникновения в Юго-Восточную Азию, Латинскую Америку и Африку. Курланцик попытался показать,

как Китай использует дипломатию, международную помощь, инвестиции, торговые преференции, культуру и научные обмены для влияния на развивающиеся страны. По мнению автора книги, американские политики так увлеклись войной в Ираке и борьбой с международным терроризмом, что позабыли о проекции собственной «мягкой силы», создав пустоту, которую ныне заполняет Китай. Курланчик предположил, что Китай может стать первым государством после распада СССР, которое попытается бросить вызов США. Курланчик предлагает вспомнить опыт холодной войны, когда в каждом посольстве США был сотрудник, который наблюдал за тем, что делает в этой стране СССР. Настало время вернуться к этой практике, с тем, чтобы в каждом посольстве США имелся сотрудник, исследующий отношения этой страны с Китаем, в частности китайскую помощь, инвестиции, публичную дипломатию и визиты китайского руководства.

- А каковы перспективы российско-китайских отношений, на твой взгляд? – спросил совсем захмелевший директор.

Петр Семенович, глядя на него, допил коньяк, налил еще и потянулся за консервами. Жуя, он продолжал говорить, боясь, что ему не дадут рассказать все, что он хочет:

- Отдельно необходимо остановиться на русско-китайских отношениях. На протяжении значительной части своей истории, особенно в XIX и XX столетиях, когда отношения между Китаем и Россией быстро развивались в рамках первой волны глобализации, Россия считала себя более мощной державой. В недолгий период китайско-советского альянса в 1950-х годах Со-

ветский Союз называл себя «старшим братом». Сегодня Россия оказалась слабым партнером Китая, и это беспрецедентная ситуация: такого не бывало с начала освоения русскими Сибири в XVII столетии. Впрочем, история российско-китайских отношений знает периоды, когда Китай, по крайней мере в регионе соприкосновения с Россией, был более мощным государством. Так было с XVII до первых десятилетий XIX века. Однако с тех пор почти два столетия (считая и советский период) Россия превосходила Китай в военном, политическом и экономическом отношениях. Нынешний исторический поворот в пользу Китая нарушает сложившиеся представления.

Уже более полутора десятилетий в России, то усиливаясь, то затухая, идут разговоры об угрозе китайской «демографической экспансии». Газеты пишут о переселившихся в Россию то ли сотнях тысяч, то ли миллионах китайских мигрантов; о том, что китайское руководство якобы такое переселение поощряет, вынашивая планы заселения российских территорий и последующего их захвата; что Китай субсидирует выезд своих граждан в Россию; что китайская мафия, также руководимая из Пекина, контролирует Россию; что Китай овладевает нашими стратегическими ресурсами, вооружается современным российским оружием, с тем, чтобы потом на нас же и напасть. Однако представляется, что данные переписи населения 2002 года близки к реальным цифрам: в нашей стране постоянно проживают максимум несколько десятков тысяч – никак не сотни тысяч и тем более не миллионы китайцев. Есть, конечно, и те, кто живет в России нелегально – без регистрации, просрочив визу, в вагончиках на

рынках, в китайских общежитиях и на съемных квартирах. Но их постоянно отлавливают и высылают на родину. Никогда, даже в самые сложные годы советско-китайских отношений, на официальном уровне Китай не предъявлял нашей стране никаких территориальных претензий, не существует никаких доказательств поощрения миграции в Россию со стороны китайских властей. Напротив, руководство Китая постоянно рекомендует своим гражданам, находящимся в нашей стране, соблюдать российские законы и способствовать ее экономическому развитию. В то же время неспособность создать в России и на Дальнем Востоке благоприятные условия для жизни и труда людей и таким образом остановить отток населения действительно может грозить потерей этих регионов, потому что, как говорил Петр Аркадьевич Столыпин в связи с той же проблемой, «природа не терпит пустоты».

- Все это очень сложно, - вздохнул Николай Ильич. - Но чем же объяснить феномен Китая: превращение его в течение XX века из полуколонии в одну из великих мировых держав?

- Феномен Китая во второй половине XX века был обусловлен тем, что в отличие от СССР он не отказался от спланированной страны в ее национально-освободительном движении коммунистической идеологии и в проведении экономических реформ опирался на имеющийся партийно-государственный аппарат, используя при этом новейшие достижения современной мировой науки и техники.

- И вы считаете, что он не угрожает России?

- Взаимоотношения же с Россией на данном этапе следует оценивать как добрососедские и имеющие

перспективы сотрудничества. Об этом свидетельствует участие обеих стран в Шанхайской Организации Сотрудничества (Россия, Китай, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан), в Совете безопасности ООН, в BRIK (Бразилия, Россия, Индия, Китай), проведение Года Китая в России и Года России в Китае.

Николай Ильич недоверчиво улыбнулся и разлил остатки второй бутылки в фужеры.

- Мы многое умеем прятать в гладкие фразы, - сказал он. - Мы видим, как идет процесс непрерывных попыток создания единого всемирного государства. В начале двадцатого века империализм принял формы конкуренции нескольких мировых империй. И многие из них грезили о всемирном господстве: и Советская Россия, грезившая о едином всемирном государстве диктатуры пролетариата, и фашистская Германия, желавшая подчинить весь мир немецкой нации. И сейчас англо-американский империализм приобретает все большую роль в управлении миром, а Китай, противостоя ему, одновременно все больше вписывается в глобальную экономику и политику. А тем, кто стоит за ними, в принципе, все равно на каких принципах совершится объединение мира - будет это Британская, Французская, Германская империи, Третий рейх или Третий интернационал, Лига Наций или ООН, или Соединенные Штаты всего мира или что-то еще... Но вот, что я понял: в мировой истории порой действуют совсем не понятные нам законы. Как, например, триста спартанцев в Фермопилах остановили армию Ксеркса? Как маленькая Англия стала на долгое время владычицей четвертой части суши? Как...

- Это я могу объяснить, - сразу же оживился Петр Семенович.

- Ну, уж нет! На сегодня нам разговоров хватит! Это риторические вопросы, на которые мне не нужно отвечать, - жестко заявил директор. - Сейчас звоню водителю, и он развозит нас по домам.

Бухарик в обезьяннике и на сутках

Григорий Александрович не пил уже две недели. Каждый день он подолгу беседовал с отцом Аристархом. Он склонялся к тому, чтобы перебраться из Москвы в этот город, и работать психиатром в интернате вместо проктолога, замены которому так и не нашлось. Однажды на улице его кто-то окликнул:

- Гриша!

- О, Колян! - обрадовался Григорий, увидевший, что окликнувший его оказался никем иным, как Бухариком. - Что-то тебя не видно было?

- Не видно! Как мы тогда с тобой посидели, пошел я домой. И идут два мента. Я им: «привет, мусора!». А они меня в обезьянник... - горестно делился Николай.

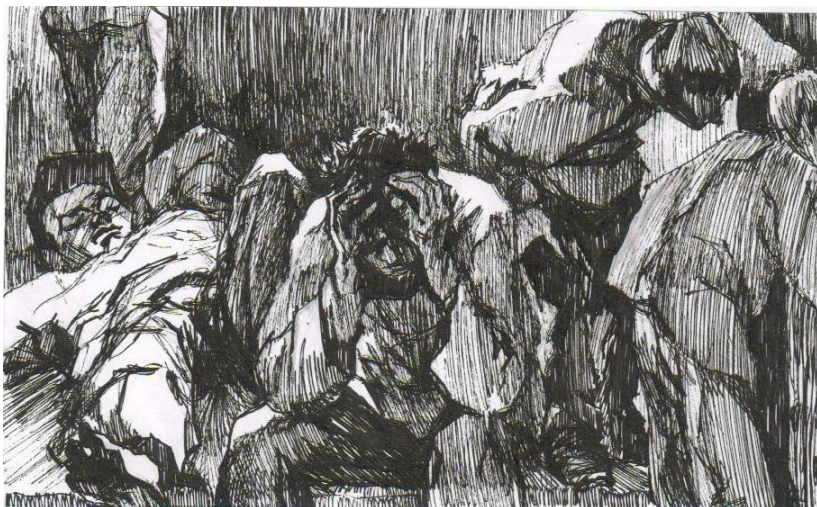
- Сам виноват: зачем людей обижать?

- Да не хотел я их обижать, нечаянно как-то получилось. А вот уж как повезли меня в обезьянник, я им еще пару ласковых нашел, а они меня за это наутро к судье - и на пятнадцать суток... - жаловался Бухарик.

- Всякое бывает. Сделал выводы из происшедшего? - дежурно спросил Григорий, желавший обратить разговор в шутку.

- Как ни странно - сделал! – серьезно сказал Николай. – Столько помойки в нашей жизни! Пока пьешь – оно вроде бы ничего. Но вот получилось так, что ни в обезьяннике нечего было выпить, ни на сутках в первые дни. А потом возможность появилась, а уже не захотелось... Посмотрел, как люди сгорают – вроде бы ничего особенного, раньше только посмеялся бы, а теперь что-то так отвернуло, что захотелось всю жизнь вверх дном перевернуть!

- Да ну! – заинтересовался Григорий Александрович. – Что же ты там такого особенного увидел? Пойдем, попьем чайку, ты мне расскажешь.

Бухарик в обезьяннике

В кафешке в это время никого не было. Профессор взял чай с ватрушками и, поколебавшись, спросил:

- Может, водки хочешь?

- Нет, я решил завязать, - твердо сказал Бухарик, которому хотелось выговориться.

В обезьяннике ему и в самом деле пришлось увидеть за одни сутки много интересного для провинциального городка. В Лузервильском отделе внутренних дел около комнаты дежурного было две прокуренных комнатки без окон, отгороженных от коридора железными решетками с дверями. В одной из них помещали задержанных мужчин, в другой задержанных женщин. Набивали помещения так, что можно было только стоять. На единственной скамейке сидели и спали по очереди. Называлось это «обезьянник».

Самым колоритным из того, что увидел Бухарик, был притащенный в отделение щуплый парнишка, по которому стекали экскременты. Притащивший его наряд разговаривал достаточно громко, так что вскоре все обитатели обезьянника узнали, что паренек – извращенец, приехавший из областного центра. Ему нравилось подглядывать в женских туалетах. И вот он додумался до того, что залез под помост летнего туалета во дворе одной еще молодой бойкой местной бабенки, и как-то раскорячился там, чтобы не провалиться вниз, опершись на деревянные распорки. А та его заметила, схватила за волосы, несколько раз окунула с головой в дерьмо, а потом вызвала милицию...

Отношение и задержанных и милиционеров было двойственным – с одной стороны всех это очень насмешило, особенно забавно парень размазывал слезы коричневыми руками и клялся, что больше так не будет... С другой стороны – он уже перепачкал машину и пол в коридоре, а помещать его в одну клетку с людьми некоторые из которых были виноваты всего лишь в том, что выпили лишнего милиционеры считали негуманным. А уж сами обитатели обезьянника

считали это и вовсе недопустимым. Да и сам преступник на их взгляд был достаточно наказан. Поэтому они оформили протокол, на случай если бабенка решит все же дать ход заявлению и отпустили парня домой, наградив его пинком под зад. Ему еще предстояло в три часа ночи добираться до дома, находившегося, судя по документам, в шестидесяти километрах, перепачканному и без денег...

Другим сильным впечатлением для протрезвевшего Бухарика была баба средних лет с вытравленными перекисью водорода жидкими волосами, жутко пьяная, на которой из всей одежды была одна майка. Ее поместили в женскую клетку, но она находилась напротив мужской, так что все мужики с любопытством ее разглядывали. «На улице подобрали», - объяснили патрульные дежурному. Придя в себя, баба начала орать, что менты ее изнасиловали, и она утром пойдет к прокурору. Это очень развеселило задержанных, а дежурный узнал у бабы адрес и телефон, куда-то позвонил, и через час ее забрала дочь – вполне приличная девушка, которая привезла плащ, сразу укрыла мать. Было видно, что ей стыдно.

Было много и других впечатлений. Бухарику почему-то внезапно стало тошно; он подумал, что может быть здесь начинается ад...

Наутро его повели к мировому судье вместе с тихим пьяницей Ванькой Пустяковым. Этот безответный мужичонка лет сорока жил с матерью, которая каждый раз, как он напивался, сдавала его на пятнадцать суток под предлогом, что он дебоширит, хотя он был очень спокойным, а она была еще та стерва. В общей слож-

ности он провел на сутках столько времени, сколько другие не сидят и за убийство.

- Слушай, Пустяк, - лениво сказал ему милиционер, который вел их к судье, - грохнул бы ты мамашу, один раз отсидел, да и к стороне. А так будешь всю жизнь мучиться!

И было непонятно: говорит он серьезно или шутит.

- Нельзя, - беззлобно ответил Иван, - я ее люблю.

Судья, толстый лысый мужичонка, прославился тем, что в свое время, в припадке белой горячке позвонил мэру города и сказал: «Вас сегодня застрелят! Я сейчас беру ружье, и еду вас спасать!» Это было еще до дона Санчо. Мэр оказался слабонервным, вызвал милицию, но те не смогли задержать визитера, потому что был он тогда федеральным судьей, и даже ружье не смогли отобрать – разрешение на него было оформлено надлежащим образом. Кстати, это было одной из причин почему мэр тогда решил уступить свое место дону Санчо взамен на обещание личной безопасности... Потом судья из федерального перекочевал в мировые.

Каждое дело им рассматривалось за три-пять минут.

- О, Пустяк! – воскликнул он, увидев Ивана. – Что дома жрать нечего, решил за счет государства пожить! Ах ты, плут! Лишь бы не работать! Ладно, будь потвоему – пятнадцать суток!

С Бухариком он был еще лаконичнее:

- Куда годится, чтобы всякое котье сотрудников органов внутренних дел материло! Пятнадцать суток!

И тут же достал бутылку водки, выпил из горла граммов двести и матом сказал сопровождавшему задержанных, а теперь подвернутых административному аресту, милиционеру, чтобы он уводил своих подопечных.

- Вот других наказывает, а сам! – проворчал тот.

Мировой судья услышал, рассмеялся и заявил:

- Так это дуракам нельзя, а мне-то все можно! – и глотнув еще водки из бутылки закурил папиросу...

С этим судьей однажды вообще случилась забавная история. Он как-то заказал себе визитки на русском и английском языках. А получилось так, что того, кто их ему изготавливал, судья как-то ни за что упрятал на пятнадцать суток. И тот решил это припомнить и перевел «мировой судья», как «Peace Duke». В принципе, при переводе получалось, может быть, даже и лестно для обладателя визитки: все-таки «Duke» – значит герцог. Но вот в русской транскрипции это смотрелось очень необычно. Когда двое или трое знакомых сказали мировому судье, что на визитке написана скорее не его должность, а его сущность, то он, поняв, в чем дело, попытался привлечь изготовителя к ответственности за оскорбление суда. А тот к тому времени оброс связями, и ничем ему навредить не удалось. Визиток же судья раздал уже более сотни...

А потом он потерял и судейство и неприкосновенность по пьяни заехав в ухо заместителю председателя областного суда. И не просто потерял: местные милиционеры его жутко ненавидели, но пока он был при должности, не трогали. А теперь на бывшего судью открыли охоту. Он никогда не бывал трезвым; напившись же, начинал задираться ко всем. Милицио-

неры же следили за ним, сразу ловили, и везли в обезьянник. Если бывший судья пытался сопротивляться, то его еще и били хорошенько. А потом новый мировой судья, получивший «добро» в областном суде отправлял его на пятнадцать суток. За первые полгода после увольнения бывший судья провел в обезьяннике и на сутках едва ли не больше, чем Ванька Пустяков. Так и пришлось ему уехать в другой регион, только выводов он из этого не сделал...

Пока машина везла Николая и Ивана в место, где им предстояло отбывать административный арест, Пустяк считал все колдобины, определяя по ним, где они находятся: «Сейчас на Ленинскую повернули», «А сейчас Козлячий переулочек проезжаем!»

Бухарику было очень грустно и от того, что у этого неплохого вроде бы мужчины пропадает жизнь, и оттого, что у самого его жизнь уже кажется совсем пропала... На сутках он много думал, а когда его выпустили, очень захотел увидеть Григория. И надо же – через какой-то час они встретились...

- Что-то так тошно мне стало от всей этой жизни, хочу светлого, хорошего! – с тоской в голосе рассказывал он Григорию Александровичу. И тут же испуганно: - Или поздно уже?

- Не поздно, - успокоил его тот и повел к отцу Аристарху.

Тот исповедовался долго, порой плакал, порой начинал материться, а потом опять плакать... Через два часа он отошел от священника с умиротворенным лицом и прошептал:

- Неужели Бог все мне простил? Неужели я могу начать все сначала?

И потом ткнул профессора в бок и сказал:

- Представляешь, он мне сказал, чтобы я не только бросил пить, но и создал здесь православное братство трезвости!

- А ты как? – осторожно спросил тот.

- Не знаю даже..., - растерянно сказал Николай. – С другой стороны – почему бы не попробовать? Тем более батюшка сказал, что ты поможешь...

Тут пришел черед растеряться Григорию Александровичу, но отказать своему новому знакомому, с которым он непонятным образом быстро сдружился, профессор не смог.

Лузервиль на пороге перемен

В городке Лузервиль между тем атмосфера становилась все более напряженной. Те, кого сэр Джон собрал из неизвестности, теперь знали друг друга. И зло, творимое ими, не было теперь интуитивным: они понимали, кому они служат. Но почему-то все у них начало срываться, все у них не получалось. Тем более, что приходилось таиться: ведь Григорий Александрович знал об их существовании, и поделился этой информацией с какой-то частью своих знакомых, но в милицию или ФСБ не заявлял. Многие из них хотели убить Григория, но боялись себя проявлять. Его свидетельство о секте перед правоохранительными органами было бы легко опровергнуть, потому что все знали, что профессор резко отказался от употребления алкоголя, а это может сопровождаться галлюцинациями. А, убив его, сектанты бы себя выдали. Экстон наблюдал за

ними из Лондона, и думал, что это самое многочисленное, и одновременно самое безуспешное отделение тайного общества «Наследники Ост-Индской компании». Кстати, он ведь даже забыл им сказать об их отношении именно к этому обществу...

С другой стороны в Лузервиле происходило много перемен другого характера. Николай при помощи Григория Александровича сумел объединить с полсотни местных пьяниц в православной общество трезвости. И многие из вступивших в него реально смогли изменить свою жизнь. А их соседи и знакомые, видя, что такие вроде бы «конченные» люди могут не только освободиться от того порока рабами, которого были многие годы, а некоторые и десятилетия, но и делать что-то доброе, и сами начинали изменяться. Храм в Лузервиле стал переполнен.

В это же самое время активно шла работа по переименованию города в «Большой». Она встречала разного рода препятствия, в первую очередь, благодаря скрытому сопротивлению тех, кто был на собрании, названном Григорием Александровичем «советом нечестивых». Лузервильцев настраивали, что «Большой» - это безвкусно и пошло; что это пустая трата бюджетных денег; по местному телевидению показали небольшой рекламный ролик, в котором Шрэк призывал лузервильцев назвать город «Большой», потому что в городе с таким названием живет его бабушка... Однако, судя по всему, переименование должно было состояться.

... Два человека, которых разделяли тысячи километров – один находился в Лузервиле, а другой в Лондоне – думали одновременно друг о друге. Это были

отец Аристарх и сэр Джон Эктон. С того момента, как архимандрит начал молиться за лорда, тому стало очень сложно жить. Он вновь начал чувствовать боль, стал все чаще вспоминать о том, что когда-то был христианином, в его сознании все чаще проносилась евангельская сцена о разбойнике, распятом на кресте рядом с Христом Спасителем и прощенном Им в последние часы жизни, оказавшимся первым, кто пошел в рай за воплотившимся Богом. И одновременно ненависть переполняла его сердце, ему хотелось уничтожить священника, изматывавшего его душу и тело своими молитвами. Им предстояло встретиться, и оба они это чувствовали.

ЧАСТЬ III.

**И ЦЕЛОГО МИРА
МАЛО...**

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Проповедь

... Лузервильский храм в это утро был переполнен. Литургию служили настоятель архимандрит Петр, приехавший к нему опять в гости из Англии архимандрит Василий и иеромонах Онисим. Протоиерей Стефан исповедовал. После чтения Евангелия на проповедь вышел английский гость. Говорил он, как всегда, одними цитатами, но «без бумажки»: они как-то естественно появлялись, сплетаясь в единое целое:

- Сегодня мы слышали в евангельском чтении такие слова: «Быв же спрошен фарисеями, когда придет Царствие Божие, отвечал им: не придет Царствие Божие приметным образом, и не скажут: вот, оно здесь, или: вот, там. Ибо вот, Царствие Божие внутри вас есть» (Лук. 17:20-21). Как мы должны это понимать?

Митрополит Антоний Сурожский, говоря об этом, приводил следующие слова Святителя Иоанна Златоуста: «Найди дверь своего сердца, и ты увидишь, что это дверь в Царство Божие». Поэтому обращаться надо внутрь себя, а не наружу – но особым образом. Речь не о том, чтобы прибегнуть к самоанализу; я также не имею в виду, что внутрь надо идти приемами психоанализа или психологии. Это не путешествие в сущность моего собственного «я»; это путь через, сквозь мое «я», чтобы из собственных глубин вынырнуть там, где Бог есть, где Бог, и мы встретимся.

Преподобный Исаак Сирин писал, что «Отечество у чистого душой - Внутри его. Солнце, сияющее там, - свет Святой Троицы. Воздух, которым дышат

жители,- Утешитель Всесвятой Дух. Совозлежашие - святые бесплотные существа. Жизнь, радость и веселие их - Христос, Свет от Света Отца. Таковой и видением души своей увеселяется, и удивляется красоте своей, которая во сто крат светлее светлости солнечной. Это - Иерусалим и Царство Божие, сокровенные внутри нас по слову Господа. Эта страна - облако Славы Божией, в которое войдут одни чистые сердцем, чтобы увидеть лицо своего Владыки и озариться лучом света Его в духе своем».

Поэтому, по словам Макария Великого «душа смысленная и благоразумная, обошедши все создания, нигде не находит себе упокоения, как только в Едином Господе. И Господь ни к кому не благоволит, как только к единому человеку».

Как написано в книге «Екклесиаст», «все труды человека — для рта его, а душа его не насыщается. (Еккл. 6, 7). Все доброе человек может найти, обратившись внутрь себя. Как писал Блаженный Августин, «великая бездна сам человек, волосы его легче счесть, чем его чувства и движения сердца. Не выходи в мир, а возвращайся к самому себе: внутри человека пребывает правда».

Вспоминаются слова архимандрита Кирилла (Павлова): «Истину бессмертия души человеческой должен признать и самый здравый смысл. Посмотрите внимательно на человека: чего ищет его сердце, к чему оно стремится? Отчего душа его в мире сем ничем не насыщается, не удовлетворяется? Иной имеет все возможные на земле наслаждения и, однако, опять чего-то ищет и не находит. Иной желает утолить жажду души своей мирскими удовольствиями и забавами, но

все это оставляет в душе одну только пустоту, томление духа, и человек ищет каких-то новых наслаждений и опять не обретает в них отрады.

Все это доказывает ту истину, что душа человеческая ничем в мире сем не может удовлетворить своей внутренней жажды блаженства. Бог для того-то и пробудил в душе человека сию ненасытную жажду, чтобы через то указать ему на другую, лучшую, жизнь, чтобы человек не останавливался на удовольствиях временных, но стремился к почести высшего звания Божия».

Другие аспекты данной проблемы показывает архимандрит Иоанн (Крестьянкин): «Жажда души - это жажда нашей мысли расширить свои знания. Не ограничивать их лишь познанием видимого. А иметь возможность проникнуть в сферы невидимого мира - мира духовного, и эта жажда внутреннего благодатного мира, внутреннего покоя, счастья, которые бы не нарушались, несмотря на окружающие каждого из нас невзгоды, скорби, бедствия...

Это жажда свободы духа, чтобы никакие греховные путы не препятствовали бы ей проявить себя в любом виде добродетели. Душа жаждет уяснить, в чем смысл нашей жизни и почему жизнь так коротка, а человеку хочется много сделать и совсем не хочется уходить из этой жизни. Душа жаждет уничтожить все колебания, сомнения, недоумения... Чтобы по вере своей мы могли проникнуть в духовный невидимый мир и, познав его, стараться жить здесь свято».

Митрополит Лимассольский Афанасий сказал: «Мы часто спрашиваем, не грех ли то или другое. Например, грех ли курить? Грех ли пить? Грех ли хо-

дять на дискотеки или известно, куда сейчас ходят? Грех ли все это?

Мы не можем отвечать на эти вопросы, потому что это неправильные вопросы. Если отвечать на них прямо, то ответ будет неправильным. Но мы можем сказать, что человек, который имеет связь с Богом, не имеет потребности курить, пить или бродить по улицам, чтобы убить время. Он чувствует в себе полноту, уравновешенность, и это побуждает его беречь себя от всего лишнего, чтобы оставаться уравновешенным и счастливым. Мы много заботимся о том, чтобы заполнить свою жизнь тысячью вещей. Например, есть люди, которые от пустоты в себе поддаются мании покушать. Это, конечно, неплохо поддерживает торговлю, но для самого человека становится духовной проблемой».

Сейчас вспомнился 146 сонет Уильяма Шекспира:

«Моя душа, ядро земли греховной,
Мятежным силам отдаваясь в плен,
Ты изнываешь от нужды духовной
И тратишься на роспись внешних стен.
Недолгий гость, зачем такие средства
Расходуешь на свой наемный дом?
Чтобы слепым червям отдать в наследство
Имущество, добытое трудом?
Расти, душа, и насыщайся вволю
Копи свой клад за счет бегущих дней
И, лучшую приобретая долю,
Живи богаче, внешне победней.
Над смертью властвуй в жизни быстротечной,
И смерть умрет, а ты пребудешь вечно».

Хочу процитировать еще одни слова Блаженного Августина: «Но в чем состоит сущность первых двух времен: т. е. прошедшего и будущего, когда и прошедшего уже нет, и будущего еще нет? А если настоящее остается действительным временем при том только условии, что через него переходит будущее и прошедшее, то как мы можем приписать ему действительную сущность, основывая ее на том, чего нет? Разве в том только отношении, что оно постоянно стремится к небытию, каждое мгновение, переставая существовать...

Теперь ясно становится для меня, что ни будущего, ни прошедшего не существует и что не точно выражаются о трех временах, когда говорят: прошедшее, настоящее и будущее; а было бы точнее, кажется, выражаться так: настоящее прошедшего, настоящее будущего».

Поэтому человек это бездна, и целого мира ему мало. Лишь Господь может заполнить эту бездну.

... Прихожане не привыкли к таким длительным проповедям, но то, что говорил приехавший из Англии священник, им понравилось. Все в целом никто не запомнил, но почти каждый ухватил какой-то фрагмент, который заставил думать и после того, как служба закончилась. Для настоятеля архимандрита Петра это оказались слова «И целого мира мало». Сначала они дали ему повод для иронии: ведь именно так назывался один из фильмов о Джеймсе Бонде. Но потом в памяти всплыли многие другие фразы из проповеди. И отвлечь внимание от них было все сложнее...

Маньяк

Григорий Александрович взволнованно обсуждал с отцом Аристархом судьбу одного из тех, кто при нем прошел инициацию у сэра Джона в бывшем особняке Скотниковой:

- Представляешь, такой осторожный был, сволочь! Жертв своих выслеживал, как чуял! Меня вызвали, как психиатра побеседовать на предмет вменяемости. Так он рассказал, что чувствовал, от какого ребенка отошла «защита», как он это называл. Семь замученных детей на его совести!

- Страшно все это, - грустно сказал священник. - Но ведь не все так просто с последним мальчиком было...

- Это да, - серьезно сказал Григорий. - Он оказывается за день до того, как ему этому маньяку в руки попасть, поймал бездомного щенка и выколол ему глаза... А мальчишке - всего шесть лет! Что бы с ним дальше было?

- Дальше? Стал бы таким, как тот, кто его поймал! Но ведь спасли его?

- Да, только один глаз маньяк уже успел ему выколоть. И тут как раз милиция подъехала. С поличным взяли... Гадкий мальчишка, конечно, но все равно жалко его!

- А мне кажется, что для него лучше быть с одним глазом таким, каким он стал, чем с двумя таким, как он был, - задумчиво произнес священник. - Ты знаешь, что он был у меня на исповеди?

- Да ну? - удивился Григорий.

- И не просто был. Он сказал, что что-то темное вышло из него в тот момент, когда тот человек ткнул в его глаз ножом. Мальчик вдруг понял, что чувствовал тот щенок, которому он выколол глаза. А ведь за тем щенком должно было быть много разных беззащитных животных, а потом и людей... А теперь этого не будет – зло покинуло этого ребенка. Он нашел того щенка, теперь он будет жить у него. Родителям сложно все это понять, я долго с ними говорил. Но это тот случай, когда Господь зло оборачивает ко благу.

- Я часто задумывался: откуда в детях бывает столько зла? – спросил Григорий Александрович. – Как психиатру, мне приходилось видеть столько маленьких монстров! Я часто задумывался над тем, что после Хрущева у нас не было смертных казней несовершеннолетних, а может зря? Ведь бывают совсем маленькие дети, которые с особой жестокостью убивали и истязали своих сверстников...

- Сам ребенок ведь не вполне виноват, что он стал сосудом зла, - ответил священник. – Поэтому правильно, что государство не казнит детей. Другое дело, что зло должно быть наказано, и никакой возраст не должен быть причиной увильнуть от расплаты. Потому что земное наказание останавливает дальнейшую цепь преступлений, самому преступнику дает шанс измениться...

- Ну, я только Достоевского вспомню, из тех, кого тюрьма исправила! – скептически сказал Григорий Александрович.

- Не обязательно тюрьма. И не обязательно наказывает государство. Мне запомнился один рассказ из патерика, про одного святого, жившего в пустынном

месте. Львы приходили греть его, спали рядом с ним. И один путник очень поразился, как такое может быть? А святой сказал ему, что через некоторое время эти львы разорвут его. Потому что когда-то он был пастухом; его собаки напали на прохожего и загрызли его, а он видел все, но не отогнал их... Ничто в мире не пропадает: совершая тяжелый грех, человек сам идет к своей смерти. И чем больше человек умножает свои грехи и беззакония, тем тяжелее для него покаяние!

- Ты меня что-то напугал: у меня ведь столько всего было! – вздрогнул Григорий.

- Ведь не обязательно наказанием будет что-то плохое, - улыбнулся отец Аристарх. – Вот ты полностью изменил свою жизнь: ведь очень тяжело временами бывает?

- Бывает, и еще как!

- Это ведь тоже форма искупления греха – не повторять то, без чего долгие годы не мыслил свою жизнь.

- Слишком просто!

- Да нет! Ты еще в самом начале этого пути, а сколько еще будет сложностей! И, возвращаясь к детям: Блаженный Августин писал, что дети называются безгрешными не потому, что у них нет грехов, а потому, что они не могут причинить существенного вреда. И если бы ему предложили на выбор – умереть или вернуться в детство и школу, то он с радостью предпочел бы смерть...

- Ты прямо от этого отца Василия заразился манерой цитирования! – усмехнулся Григорий. – Он мне, кстати, дал тоже тут книжку Клайва Льюиса. Там есть письма детям. Так вот он в одном из них очень непеда-

гогично написал, что из трех школ, в которых ему довелось учиться, в двух было хуже, чем в окопах Первой мировой войны...

- Сам видишь, что проблема эта существует всегда. На детях печать грехов их родителей, их предков, а на некрещеных – еще Адама и Евы...

- Где же выход?

- Крестить ребенка, причащать его, но обязательно и родителям изменяться. Все очень сложно!

- Я опять о маньяке: что за «защита» и почему отходила от детей?

- На это нельзя однозначно ответить: мы этого не знаем. Не обязательно все дети были плохими, не обязательно даже кто-то из их родителей или дедушек и бабушек совершил что-то страшное. Возможно, если бы они выросли, то могли бы стать такими как этот маньяк, а так – пошли к Богу невинными страдальцами. Но это только предположения, мы не можем этого знать. Знаем только, что Господь властен зло обратить ко благу, как это произошло с последним мальчиком. А что маньяк: ты признал его вменяемым?

- Он, конечно, сумасшедший, слышит голоса, видит призраков. Его сложно признать вменяемым, хотя очень не хотелось бы, чтобы он избежал наказания...

- Его невозможно избежать!

- Я имею в виду и земного!

- И его тоже!

В этот момент у Григория Александровича зазвонил мобильный телефон. Он подключился, минуту внимательно слушал, а потом удивленно сказал отцу Аристарху:

- А он уже не избежал. Покончил с собой, причем очень необычным образом: сунул голову в парашу и захлебнулся.

- Ты думаешь он сам?

- Наверное, да. Он очень любил издеваться над другими, и очень боялся издевательств над собой.

- Тогда у него уже нет никаких шансов быть помилованным на Божием Суде, - грустно сказал священник.

Психиатр-проктолог

Григорий Александрович начал работать в Лузервильском интернате психиатром. Однако его коллега, имевший специализацию проктолога, пытался сопротивляться увольнению. Оказывается, при поддержке Скотниковой, он в свое время выпустил несколько монографий «на стыке психиатрии и проктологии», которые вышли на русском и английском языках в трех странах. За них ему присудили несколько общественных ученых степеней и званий, приняли в ряд общественных академий. На Валерия Петровича все это произвело впечатление – на директора интерната сами слова «монография, изданная в трех странах» производили магическое впечатление, а в чем разница между государственной и общественной системами аттестации научных работников он не понимал. Каким образом Пал Палыч, проявлявший на практике одинаково плохие знания и в психиатрии и в проктологии, и умевший хорошо только пить водку и играть на гармошке, мог писать еще какие-то научные работы с

претензией объединить необъединяемое, для Григория Александровича было загадкой. Однако он честно решил изучить труды новатора медицинской науки и его дипломы.

- Почему же вы хотя бы кандидатскую не защитили в официальной государственной системе аттестации? – поинтересовался профессор.

- Меня признали во всем мире, зачем мне школярские защиты? – важно ответил психиатр – проктолог.

Гордый Пал Палыч принес своему оппоненту три внушительных книги и четыре очень красивых диплома, где готической вязью было что-то написано на английском языке. Еще у него был значок «Отличнику здравоохранения» и почетная грамота и медаль Министерства социальной защиты – Скотникова через Зою Георгиевну отмечала тех, кто ей чем-то нравился. А Пал Палыч очень душевно играл на гармошке...

Через три дня смеющийся Григорий Александрович пришел в кабинет директора интерната:

- Как я и предполагал, все кроме министерских наград – полная ерунда. Но это не просто ерунда, а насмешка. Два диплома выданы от имени международной ассоциации развития проктологического направления психиатрии.

- Разве такая есть? – изумился Валерий Петрович.

- Сейчас какой только дряни нет, но, думаю, что ее не существует. Один из дипломов свидетельствует, что его обладатель является доктором медицины, а второй профессором, но в рамках аттестации конкретно этой организации. А два других диплома еще

забавнее. Один из них подтверждает, что Пал Палыч – действительный член Академии Неестественных Наук!

- Но это, наверное, уже дурная шутка? – не выдержал Валерий Петрович.

- Сложно сказать. Кстати, четвертый диплом подтверждает, что его обладатель удостоен высшего почетного звания данной академии – Принц пустозвонной науки.

- Откуда такое дурацкое название?

- Ну, откуда – это легко ответить. Примерно так Ленин называл сэра Сэя, полемизируя с ним об империализме: «пустозвонный принц науки». Но вот что в таком звании почетного – ума не приложу. Скорее всего, все эти дипломы – просто были изготовлены в единственном экземпляре, чтобы посмеяться над Палычем, и никаких реальных организаций за ними не стоит.

- А что с книгами?

- Вот это более серьезный вопрос. Написаны они наукообразно. Однако содержание, на мой взгляд, просто издевательство над медицинской наукой. Достаточно прочитать названия: «Проктологический подход в лечении душевных расстройств», «Взаимодействие головного мозга и анального сфинктера в процессе дефекации, как пример высшей нервной деятельности».

Валерий Петрович не сразу понял, что стоит за наукообразными формулировками, а, поняв, удивленно спросил:

- Неужели это и есть наука?

- Это скорее издевательство над наукой. Но самая забавная из книг – третья, научно-популярная, которая

и была переведена на английский язык и издана в нескольких странах, но как художественное произведение. В ней развивается теория о том, что в каждом человеке очень много дерьма. Чтобы примерно подсчитать его общее количество нужно взвесить производное дефекаций за день, взвесить его и умножить на количество дней жизни данного индивида. Это и будет примерное количество изучаемой составляющей в человеке.

- Чушь какая-то! – удивился директор. – А к чему эти выкладки?

- А здесь еще интереснее. От количества данной составляющей зависит, насколько плох или хорош человек.

- Чем больше итоговая цифра – тем хуже?

- А вот и нет: чем больше вышло – тем меньше осталось в человеке, соответственно, тем он лучше!

... Приглашенный Пал Палыч ничуть не смутился обвинениями Григория Александровича, заявил, что он дурак, который ничего не понимает в настоящей медицинской науке, и ему просто оскорбительно с ним разговаривать. Его научной деятельности может давать оценку международная компетентная медицинская комиссия, но никак не престарелый алкоголик. В знак того, насколько он обижен, Пал Палыч ушел из интерната и уехал из Лузервиля. А через месяц оказалось, что он заведует экспериментальной лабораторией в одном из зарубежных институтов, правда, в какой стране, держалось под секретом. Григорий Александрович считал, что это, скорее всего, одно из островных государств Юго-Восточной Азии.

«Полное дирмо как человек»

Такая характеристика в свое время была дана директору Лузервильской средней школы одним из его учеников, и была вынесена в качестве заголовка посвященной ему газетной статьи в единственной газете, выпущенной в этом городе женой племянника Скотниковой, потерявшей из-за своей журналистской удачи семью.

Школ в Лузервиле вообще-то было несколько, но одна была большая, больше, чем с тысячью учеников, а в остальных учились по несколько сотен ребят. И директор самой большой из школ – Дмитрий Сергеевич Мерзин – был человеком очень влиятельным. Он даже был депутатом Областной думы.

Внешне он производил неприятное впечатление: у него было длинное вытянутое безволосое лицо, немножко удлинённые уши и не сходящая лицемерная улыбка. Самым сладким голосом Дмитрий Сергеевич говорил самые мерзкие вещи. Но при этом обладал их в такие слова, что обвинить говорившего в чем-то предосудительном было бы непросто. Один из учеников однажды сказал, что их директор похож на гунгана Даджу Бинса из «Звездных войн». Но другие школьники тут же на него набросились: разве можно так оскорблять доброго и хорошего гунгана? Да и внешне, по мнению многих из них, гунган был намного красивее...

Внешность не помешала в свое время Дмитрию Сергеевичу стать любовником Скотниковой, которая, будучи на пятнадцать лет старше, разглядела в дирек-

торе школы необходимые качества для того, кто хочет посвятить свою жизнь тому, чтобы отравлять ее другим людям. Однако, несмотря на уговоры Людмилы Владимировны, к обществу «Наследники Ост-Индской компании» ее любовник, которого она продвинула в депутаты Областной думы, не примкнул. Не был он и на собрании в музее, организованном сэром Джоном. Объяснял это своим покровителям тем, что «работает под прикрытием». И, нужно сказать, что его прикрытия – лицемерная личина доброго директора, защищающего детей от произвола родителей – помогала ему творить не менее масштабный произвол, чем обнаглевшей до того, что не заботившейся о том, чтобы скрыть свои истинные цели Скотниковой.

Мерзин часто ездил в Европу, изучал международный опыт защиты детей от их родителей. И он успешно внедрял этот опыт в Лузервиле на практике: ему удалось лишить родительских прав мать, которая очень любила своих трех детей, но жила без мужа, погибшего в Чечне офицера, и очень скудно. Три мальчика – шести, семи и восьми лет очень любили маму, никто из них не считал, что им плохо от того, что они ходят в изношенной одежде и у них дешевые игрушки. Но суд послушал не их и не их мать – вдову Героя России, а апеллирующего к европейскому праву депутата-директора. В детском интернате при школе Мерзина детям дали новую одежду, дорогие игрушки, но они целыми днями сначала плакали, а потом озлобились. Мать их ходила по судам, исхудала, на нервной почве у нее проявилось множество болезней. После перемен в Лузервиле, ей удалось, наконец, вернуть себе детей, но

они очень изменились, зло вошло в их души, и нужны были многие годы, чтобы мальчики оттаяли.

И это только один из сотни случаев, когда Мерзину удалось отнять у родителей их детей, и упрятать в созданный для этого интернат, на который он получал финансирование не только из России, но и от множества различных международных организаций.

При этом то, что у него в школе и, особенно, в детском интернате, учителями работали не менее шести педофилов, которых Мерзин учил, как себя вести, чтобы не попасть в руки правосудия и всячески поддерживал и продвигал, права детей на его взгляд ничуть не нарушало.

После перемен в Лузервиле его позиции ослабли, но были еще сильны, так как у него оставалось еще много покровителей и в Москве и в Европе и в США. Некоторые из тех, у кого он отнял детей, ненавидели Мерзина так сильно, что хотели его убить. Но послушались отца Аристарха, с которым поделились этими мыслями, чтобы они отдали суд Богу, и не губили свою жизнь.

А конец у депутата-директора оказался следующим: однажды он захотел закрыть одну из Лузервильских школ, находившихся на окраине города, в которой детей любили, но зато в ней не было удобств, в частности вместо канализации была большая выгребная яма, глубиной около трех метров. Чтобы произвести впечатление на членов областной комиссии, Мерзин приказал разобрать небольшой участок дощатого настила над ямой, которую действительно уже несколько лет не откачивали. И, говоря о необходимости

закрытия школы, депутат нечаянно поскользнулся, и упал в эту яму, где и захлебнулся.

Нашли его только на другой день, причем для этого пришлось наконец-то яму откачать. За это время директор так пропитался ее содержимым, что стал от него почти неотличим. Хоронить его пришлось Григорию Александровичу с бывшим Бухариком Николаем и Валерием Петровичем, потому что остальные не могли перебороть себя, чтобы к нему подойти.

А школу не закрыли, зато подключили ее к городской канализации. А в той школе, директором которой был Мерзин, произошли большие перемены – педофилов разогнали, двоих даже удалось посадить, так как они действовали менее осторожно, и были доказательства их преступлений; часть детей из интерната вернули к родителям. После этого детская преступность, которая начала было расцветать в Лузервиле, резко пошла на спад. А новый директор школы и детского интерната оказался полным антиподом Мерзина – грубоватый, резкий, но добрый и открытый, знающий, что для детей по-настоящему полезно – не только учеба, (что, учитывая форму, в которую облек характеристику Мерзина один из его учеников также было нелишним), но и приучение к труду, уважение родителей и старших, отсутствие лицемерия. Извращенцев он на пушечный выстрел к школе не подпускал. И жизнь в Лузервиле местами стала напоминать семейную идиллию – оказалось, что большинство родителей и детей, если им не мешают, и не превращают искусственно во врагов, любят друг друга и готовы вместе решать сложные проблемы, которые ставит перед ними жизнь.

Тоска сэра Джона

... А в сердце сэра Джона тем временем поселилась неизбывная тоска, которую ничто не могло заставить перестать его мучить. Он вспоминал свою молодость, своих друзей, которых убил в Индии в начале той новой жизни, которую избрал. Вспоминал время, когда он был священником и любил Христа.

Что же заставило его так перемениться – из доброго когда-то человека превратиться в воплощенное зло? Жажда власти над людьми, желание распоряжаться чужими жизнями и судьбами целых государств. За свою долгую жизнь лорд стал причиной духовной и физической гибели очень многих людей. Работая в Ост-Индской компании и уничтожая индусов физически, лишая их самостоятельности в делах государственного управления, он в то же время вез из Индии в Англию, а затем и в Америку семена духовной смерти. Самые дикие религиозные практики Индии он немного переформатировал для того, чтобы они стали понятнее европейцам, а после этого широко распространял их в среде тех, которых учил называть себя «избранными» от того, что они причастны к этой религии зла и разрушения. Он стоял у истоков создания многих тайных обществ и закрытых клубов, начала революций и войн. Он имел весь мир, но целого мира ему было мало...

Его время, полученной по контракту с темным миром, уходило. Сэр Джон и сам чувствовал, как уменьшаются его сила и власть. Но после того, как за него стал молиться отец Аристарх, время стало утекать буквально на глазах.

Тоска сэра Джона

Противостояние

Эктон за считанные месяцы внешне постарел на десять лет, вновь узнал, что такое боль и внутренние терзания. Он чувствовал, что смерть, как окончание земного периода жизни, может наступить для него намного раньше, чем это было предусмотрено контрактом. И то, что нерушимые условия его договора с духами Индии начали нарушаться, давало лорду надежду, что для него еще есть возможность все изменить. И все чаще вспоминал он распятого рядом с Христом разбойника.

Элизабет и Зоя видели, что происходит с их хозяином. Они делали несколько попыток организовать убийство отца Аристарха, думая, что с его смертью мучения Эктона прекратятся. Но все эти попытки были неудачны.

А сам сэр Джон то люто ненавидел архимандрита, то испытывал к нему что-то похожее на благодарность. Он начинал привыкать к своей тоске - она давала ему надежду на новую жизнь, от которой он когда-то бесповоротно отказался. Это была тоска о Боге.

ГЛАВА ВТОРАЯ

У истоков общества трезвости

Николай очень серьезно отнесся к словам отца Аристарха о том, что он должен создать в Лузервиле православной общество трезвости. Григорию Александровичу приходилось все время гасить его энтузи-

азм. Дело в том, что, будучи по одной из своих специализаций наркологом, он познакомился с самыми разными формами организации и самоорганизации алкоголиков для борьбы с болезнью. А так как профессор при этом сам был болен алкоголизмом и с предубеждением относился ко всему, что напоминало ему о необходимости и возможности освободиться от зависимости, то он легко находил в этих системах изъяны и беспощадно их высмеивал.

Отец Аристарх, часто беседовавший с ними, считал, что неплохо будет, если члены общества трезвости дадут обет трезвости на какой-то определенный срок.

- А чем это, в сущности, отличается от кодирования? – спрашивал Григорий Александрович. И тут же сам себе отвечал: - Конечно, источником, к которому обращаются. Но, на мой взгляд, нарушить обет так же легко, как и начать пить при кодировке или с антабузом в крови... А когда человек увидит, что гром и молния на него не обрушились, то он начнет и других уверять, что это недействительно!

- Это неправильное видение, - мягко поправлял его отец Аристарх. - Во-первых, многие, если не большинство боятся и кодирования, и подшивок и внутривенных инъекций соответствующих препаратов, и выжидают сказанный им срок. Но есть те, кому море по колено, и стакан водки дороже жизни. И таким, зачастую, действительно ничего не делается, и они проводят среди собутыльников агитацию о том, что все эти средства медицины «ничего не значат». А те слушают их, а у самих организм слабее. Поэтому многие

из них в результате умирают. Ты же сам это рассказывал?

- Рассказывал, - подтвердил профессор. И ехидно добавил: - Что: также происходит и в отношении обета трезвости? Нарушивший его упадет тут же замертво как Анания с Сапфирой?

- Может и упасть, ведь все люди разные, - задумчиво сказал священник. - Ведь Анания и Сапфира, в сущности, с одной стороны на определенном этапе сделали все для того, чтобы полностью отказаться от жизни мира и идти к Богу. Они продали все свое имущество, чтобы пожертвовать его апостолам, а потом решили утаить себе часть. А ведь это и так было их: кто запрещал им принести часть денег, или вообще ничего не приносить? Здесь нужно четко понимать, что грех – это смерть, любой грех убивает человека, но это редко происходит мгновенно. Чем более греховен человек, тем больший он имеет «иммунитет» к греху. А первые христиане имели большую свободу от греха; на земле уже они жили Небом. Поэтому незначительный на наш взгляд грех лжи их убил. Так и здесь: все зависит от внутреннего восприятия человеком, данного им обета трезвости.

- А чем это тогда лучше кодирования? – вмешался Николай. Выпьешь – сдохнешь?

- При таком восприятии, действительно, не лучше, - согласился отец Аристарх. - Но нужно здесь учиться бояться не физической смерти, а греха, отдаляющего от Бога и ведущего к вечной смерти. Ведь есть вещи намного более страшные, чем физическая смерть...

- Есть, - согласились его собеседники.

- И, конечно, если человек нарушит обет трезвости, то ничего с ним внешне может не случиться. Но здесь многое будет зависеть еще и от того, как самим им будет восприниматься его падение. Либо – «ничего не случилось, значит, я могу повторять это до бесконечности и сбивать с толку и окружающих рассказами о том, что это не страшно», либо – осознание своего несовершенства, желание тут же подняться и вновь продолжить соблюдать обет. Второй путь не безвреден для человека, но это не путь в погибель, если только человек не начинает мыслить в категориях «не согрешишь – не покаешься, не покаешься – не спасешься».

- Это все верно. Но стоит ли давить на людей обетом, не лучше ли им предоставить свободу самостоятельно отказаться от алкоголя?

- Здесь все очень индивидуально, - сказал священник. - Каждому на определенном этапе дается шанс безболезненно отойти от греха, но мало кто этим шансом пользуется. Относительно безболезненно, конечно, потому что зло, совершенное нами невозможно просто забыть, сказать, что «ничего не было». Думаю, что тем, кто однажды нарушил обет трезвости, не нужно принимать новый – они должны быть трезвыми «просто так» - не страшась наказания и не ожидая награды.

- А вот такой подход мне по душе! – сказал Григорий Александрович.

- И мне! – подтвердил Николай. – И для того, чтобы жить так не нужно сперва нарушать какие-то обеты.

- Не нужно, - улыбнулся священник. – Может быть, вы и правы. Попробуйте объяснить это другим –

какое счастье быть свободным и не из страха, а свободно делать то, что правильно.

Решили, что в обществе будет царить атмосфера равноправия, как у «Анонимных Алкоголиков», но при этом будет присутствовать необходимая для образованной при Церкви организации дисциплина. Местом дислокации общества трезвости решили избрать интернат, где Валерий Петрович, сочувственно относившийся к этому начинанию, выделил большую комнату.

Первое заседание общества трезвости

Решили, что первое заседание Лузервильского общества трезвости проведут без священника. Николай мотивировал это тем, что сначала нужно разъяснить людям, как они должны себя вести, что говорить. К появлению отца Аристарха их нужно готовить, чтобы они воспринимали это «как хорошо, что батюшка пришел», а не так, что «во, глянь, прикольный поп приперся!»

– В этом есть рациональное зерно, – согласился Григорий Александрович.

– Что я в тепличных условиях жил? – засмеялся архимандрит. – Да я в интернате такое повидал, что меня ничем не удивишь!

– Так это не тебе, а им нужно, – возразил Николай. – Прикинь: придут человек двадцать чудаков, увидят крест с рясой и начнут прикалываться. А на душе-то тем временем совсем иное. А стыдно им пока перед другими иное это показать. Их подготовить

нужно. А то потом им самим себя будет стыдно, как они себя вели...

– Ну, хорошо, - согласился отец Аристарх.

В итоге на первое собрание он не пошел. Думали, кто будет вести – решили, что Григорий Александрович вместе с Николаем. Пришел и Валерий Петрович – не только как человек, предоставляющий помещение, но и как тот, для кого эта тема сравнительно недавно была очень болезненной. Народ и правда, собрался очень разный: грязный, оборванный, с лицами, которые сами по себе давали характеристику всему человеку. Клара с Розой решившие послушать своего приятеля, переставшего пить, были одни из наиболее респектабельных.

– Откуда весь этот бомонд? – весело поинтересовался профессор.

– Всех своих друзей позвал, - гордо заявил бывший Бухарик. – Не все, правда, пришли... Но и так вон человек тридцать – это больше, чем я ждал.

– Ну что же, - начал Григорий Александрович, когда присутствующие расселись, - сегодня у нас организационное собрание Лузервильского православного общества трезвости. Мы должны на нем определить для чего мы собираемся, что мы ждем от наших встреч, правила поведения на собраниях. В следующий раз мы встретимся уже со священником. Думаю, что наши встречи должны быть разумным сочетанием демократии и дисциплины...

– Это верно, - поддакнул Николай. – А то всякое котье может вполне распоясаться, если не одергивать...

– А ты сам-то кто? – веско, но беззлобно спросила Роза.

Все засмеялись.

– То же котье, – покорно согласился оратор, – поэтому ко мне можете обращаться запросто: «Колян», а то и «Бухарик», если кто привык. Но вот к Григорию Александровичу нужно обращаться по имени- отчеству и на «вы», потому что он профессор-нарколог...

– Чего же ты сам мне «тыкаешь»? – усмехнулся врач.

– Так я твой друг... – не обращая особо внимание на эту реплику продолжал Бухарик. – И к Валерию Петровичу, потому что он хозяин этого места, и к бабюшке. А остальные мы все здесь равны, невзирая на возраст, образование и материальное положение.

– Действительно, мы не пойдем по пути, например, анонимных алкоголиков, – сказал Григорий Александрович. – Иерархичность заложена в человеческой природе, и отрицать ее бессмысленно. Поэтому мы используем что-то из их опыта, что-то из опыта групповой психотерапии. Но основой будет церковная жизнь, с ее дисциплиной и установлениями. И не нужно думать, что если кто-то из нас алкоголик, то ему из-за этого становится можно то, что нельзя другим. Нельзя всем: приходить в храм и на собрания пьяным, курить и материться даже на территории...

– Гестапо какое-то, – вздохнула Клара, вызвав новый взрыв смеха.

– Да почему гестапо? – улыбнулся профессор. – Это для вашего же блага. Я сам много пил, но мимо меня как-то прошли многие из невзгод, которые обычно сопутствуют алкоголизму. Ведь вы чувствуете себя изгоями в обществе? А при этом сохраняете по-

требность в общении? И это заставляет ограничивать круг общения пьющими людьми?

Многие закивали, подтверждая, что так оно и есть.

– А наша цель – стать полноценными членами не какого-то общества, созданного по принципу «пью – не пью», а Церкви Христовой. Это очень трудно, но и очень легко для тех, кто почти все потерял. Легко, потому что жизнь в Церкви требует оставить все и идти за Христом...

– В каком смысле оставить? – спросил один из слушателей.

– В смысле отказаться от всего греховного, оставить его в прошлой жизни. Ведь каждому из нас хочется чистоты. Но с другой стороны гложет внутри: вот ведь нужно бы еще и успеть пожить «для себя», чистота «не убежит». И мы падаем все глубже, а можем и умереть, не успев измениться. Почему говорю «легко»: ведь намного легче бросить пить человеку, который пьет, а его тут же рвет, а он опять пьет, чем тому, кто наслаждается вкусом спиртного. Намного легче бросить пить тому, пьянство которого разрушает или разрушило уже его семью, карьеру, здоровье, чем тому, кто сохраняет иллюзии, что алкоголь полезен на семейных торжествах и для здоровья, или чья работа сопряжена с застольями. Но здесь, наверное, нет уже тех, кто живет этими иллюзиями?

– В чем-то оно так, – встал один из пришедших, крепкий мужик лет сорока, судя по всему мучившийся похмельем. – Но разве понимания того, что это плохо достаточно для того, чтобы отказаться от спиртного? Я сам с высшим образованием, многое потерял уже и

продолжаю терять, и радости уже от пьянки нет никакой. Но разве от того, что я вижу, как это плохо, я смогу сам преодолеть себя, когда и силы воли уже никакой не осталось?

– Сам не сможешь, но если попросишь у Бога, то Он тебя исцелит, – серьезно ответил ему Николай.

... Собрание шло часа два. Высказался почти каждый из тех, кто пришел. Кто-то просто сетовал на свою жизнь, кто-то изливал душу, рассказывая порой трагичные, а порой забавные случаи из жизни, кто-то делился своим опытом преодоления болезни, кто-то спрашивал совета. В итоге многие решили придти и на следующее собрание, на котором будет священник.

Насмешил всех один из приятелей Николая – Степка по прозвищу «Чмырь». Попросив слова в конце собрания, он заявил: «Я вот был тут у одних сектантов. То же типа трезвенники. И вот там один хлюст заявляет: «Я пил, курил, ругался матом и занимался онанизмом. А сейчас на меня снизошла благодать, и я уже четыре дня ничего подобного не делаю!». Я его как услышал, так сразу и ушел. А здесь – все серьезно!»

Причитания Нины Петровны

Начальник областной соцзащиты Нина Петровна часто приезжала в Лузервильский интернат. Она и раньше хорошо относилась к Валерию Петровичу, а после пережитого, просто души в нем не чаяла, приезжала к нему не только по делам, но иногда и просто выговориться, пожаловаться на жизнь. Постепенно она сдружилась и с Григорием Александровичем, ко-

торый умел успокаивать женщин, которые переживают из-за чужих сложностей, а своих жизненных проблем просто не замечают.

Например, Нину Петровну не волновало то, что она сама с семьей живет в стесненных жизненных условиях, но волновали пути решения проблем бомжей в масштабах страны. Методы решения данной проблемы она придумывала самые радикальные. Так на заседании областного правительства начальник соцзащиты выступила со следующим «ноу-хау»: «У нас в регионе с одной стороны много бомжей. Но с другой стороны много одиноких женщин. Пусть каждая одинокая женщина возьмет себе домой по бомжу, и мы решим сразу и проблему бомжей, и проблему одиноких женщин!»

Один из заместителей губернатора резонно спросил: «А ты сама возьмешь к себе бомжа?», на что Нина не менее обоснованно ответила, что она замужем, да и не позволяют ее жилищные условия кого-то к себе брать.

Витающая в эмпириях, Нина Петровна не замечала и того, как устроена жизнь вокруг, все ей казались хорошими и прекрасными. И муж, который пил и не работал, сидя у нее на шее: ведь «он иногда и неделю не пьет, а бывает и работает», и две взрослые дочери, которым она отдавала больше половины своей зарплаты, а они были все равно недовольны: ведь «они молодые, у них больше потребности». В итоге чиновница жила ничуть не богаче, если не беднее своих соседей, ведь она работала за четверых, но сама того не замечала.

Зато ее очень расстраивало резкое расслоение между богатыми и бедными, о котором она читала в газетах. При этом, когда она в жизни общалась с теми богачами, книжные и газетные образы которых ненавидела, то порой даже не замечала их сверхбогатства, как это было в свое время со Скотниковой. Но из-за созданных ее воображением образов могла сильно переживать, и Григорию Александровичу приходилось тогда ее успокаивать.

- Ну как такое может быть? – театрально всплескивала руками Нина Петровна. – Почему люди так себя ведут?

При этом она с большим трудом соотносила газетные образы с реальными людьми, которые в целом ей вполне нравились. И этот внутренний конфликт ей нужно было преодолеть.

- Просто живут, - отвечал Григорий Александрович. – Ты в детстве читала советские детские книжки про буржуинов?

- Читала, а что?

- Так вот и они читали. Но для них это были не просто книжки, а что-то типа самоучителей, как себя вести.

- Но ведь это же книжки, а это жизнь!

- Они бывают тесно связаны между собой.

- Так это страшно!

- Много страшного в жизни, но уж ты-то ничего не боишься!

Нина Петровна успокаивалась, а потом начинала жаловаться на то, что власть оторвана от народа, не обращает внимания на его слова, а то и просто не читает те письма, которые в ее адрес приходят от про-

стых людей. И приводила пример одного своего знакомого профессора, который написал письмо в Правительство России с какими-то конкретными мыслями. Ему ответили от секретариата, что благодарят его за письмо, но вообще-то таких писем приходит очень много, поэтому их изучают в специальном отделе, а потом обобщенную оценку предложений по целому ряду писем докладывают руководителям Правительства. Но он хорошо делает, что интересуется жизнью страны.

- Но ведь они могут доложить совсем не то, что написано в письме! – театралью всплеснула руками Нина.

- Ну, это уже совсем не повод для переживаний, - засмеялся Григорий. – У меня есть один знакомый, он в детстве написал письмо в журнал «Мурзилка», как улучшить его содержание. Ждал ответа. А ему пришла стандартная открытка, что-то типа: «Дорогой дружок! Мы очень благодарны за твое письмо и так далее...» Как он потом узнал, такие открытки рассылались пачками. Так вот надо уметь видеть в этом хорошее. Во-первых, ответили же, проявили внимание! Во-вторых, в твоём случае, могут доложить неправильно, а могут ведь и правильно. Так что поводов для расстройств нет.

Нина Петровна интересовалась и открытым при интернете домовым храмом, но так, что «сама я для этого еще не созрела». Интересовалась и обществом трезвости, но при этом обязательно заставляла Валерия Петровича угостить ее коньячком, и после первой же рюмки становилась дурашливой и развязной... Но в целом на уровне области, она безоговорочно поддер-

живала все начинания своего бывшего заместителя, личное участие в которых считала невозможным.

Второе заседание общества трезвости

На втором собрании Лузервильского общества трезвости был отец Аристарх. Ему первым дали слово:

- Любая страсть губит душу человека, - начал говорить священник. - Тем более, если она связана с изменением сознания. Те, кто, будучи зависим от алкоголя, продолжают пить, добровольно ввергают себя в руки темных сил...

Некоторые зашумели, выражая свое несогласие. Когда они успокоились, архимандрит продолжил:

- Вам может казаться, что это не так. И хорошо, что вам так кажется, потому что иначе получалось бы, что служение злу является вашим осознанным выбором. Но вот простой пример: разве не совершал почти каждый из вас, будучи пьяным, поступки, от которых ему трезвому становилось не по себе, а память о них заглушал потом новой порцией спиртного? Разве теряя работу, семью, друзей не продолжал пить? Разве, даже чувствуя отвращение к спиртному, не продолжал его пить? Это свидетельства того, что пьянство является злом, губит человека, и чем дальше человек заходит на пути этого порока, тем более он попадает в рабство, освободиться из которого очень сложно.

- А может быть и нельзя уже? - спросил один из слушателей.

- Пока человек жив, для него нет ничего невозможного. Но сам он не может освободиться от порока,

потому что своя воля его уже очень слаба. И сегодня есть немало различных организаций, призывающих человека, отказаться от своей воли, говоря, что тогда он освободится от алкогольной зависимости. И человек иногда действительно освобождается от этой зависимости, но попадает в еще более страшную зависимость от оккультной секты, в которую он пришел. Это тот случай, когда лучше бы ему было продолжать пить, когда более страшные грехи замещают собой более легкие.

- Так значит можно все же пить? – с надеждой спросила Клара.

- Апостол Павел четко написал, что пьяницы Царства Божия не наследуют, - ответил священник. – Если есть зависимость, то необходимо с ней бороться. Но в этой борьбе хороши далеко не все средства.

- А само по себе вино – зло? – спросил его Степка.

- Конечно, нет, - сказал отец Аристарх. – Но оно становится злом для того, кто болен, также как сахар может стать злом для больного диабетом. Есть редкие болезни, при которых даже есть хлеб опасно для жизни больного.

- А как определить: болен я или нет? - поинтересовался бомжеватого вида мужичок с синим лицом, опухшим настолько, что даже глаза почти не было видно.

Все засмеялись. Но архимандрит даже не улыбнулся и невозмутимо ответил:

- Наша наркология диагностирует разные степени алкогольной болезни. На Западе некоторые считают, что человек сам для себя определяет - болен он или нет. Я склонился бы ко второму варианту, но с од-

ной поправкой: человек определяет для себя сам только до того, как у него появляется букет симптомов, позволяющих поставить официальный диагноз. На мой взгляд, если хотя бы раз человек делал под влиянием спиртного то, от чего ему потом было стыдно, то это уже достаточно серьезный повод, чтобы больше не выпивать.

Лузервильское общество трезвости

- Так это значит, что никому из нас нельзя пить? – грустно спросила Роза.

- Можно, но только воду, - ответил ей Николай.

- Да ну тебя, я серьезно!

- И я серьезно!

- Он в определенной мере прав, - сказал архимандрит. – Из тех, кто собрался здесь, от спиртного стоит отказаться всем.

Они говорили в этот раз очень долго. Священника засыпали самыми разными вопросами. Однажды с ним не согласился даже Григорий Александрович. Это было, когда отец Аристарх сказал, что нельзя давать спиртное больным алкоголизмом ни при каких ситуациях.

- А вот здесь я поспорю, - заявил профессор. – Я знал одного человека, который умер от того, что не опохмелился. У меня у самого однажды начинался инсульт после запоя: казалось, что мозг в голове сейчас взорвется. Я выпил около ста пятидесяти граммов водки, и все обошлось. И я знал многих людей, которые потом перестали пить, но они с благодарностью вспоминают тех, кто давал им спиртное, когда им было плохо!

- Так они вспоминают с благодарностью доброе отношение к себе, а не само спиртное!

- И то, и другое!

Под конец Степка спросил еще священника, есть ли жизнь на Марсе, что вызвало новый взрыв хохота.

- Спроси у зеленых человечков, когда у тебя будет очередная «белочка», - посоветовала ему Роза.

Но отец Аристарх сохранил серьезность.

- Здесь нужно иметь рассудительность. Мы знаем, что есть созданные Богом существа помимо людей, которые являются добрыми, и есть, которые являются злыми. Зла Бог не создавал, оно явилось следствием свободного выбора сначала этих существ, а потом и человека. Подробно мы о них ничего не знаем, в том числе, где кто из них живет, да это нам и не нужно. Потому что страшно для человека в дни его земной жизни видеть этот мир и знать о нем.

Чувствовалось, что архимандрит хорошо понимает, о чем говорит. Тем более, что большинство собравшихся пережили алкогольные психозы, и шутить на эту тему были не настроены.

... Когда собрание закончилось, Николай возбужденно подбежал к священнику:

- Мне, кажется, что многое в жизни всех этих людей изменится!

- Поживем – увидим, - улыбнулся тот.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Город Большой

Лузервиль, наконец, переименовали в город Большой. На торжества в связи с переименованием приехал Борис Павлович Большов из администрации Президента России. Были губернатор, многие московские и местные чиновники. Губернатор перед началом торжественной части ткнул Бориса Павловича в бок и беззлобно усмехнулся: «Что, в честь себя переименовал? Иди, расскажи об этом горожанам!»

Но жители были довольны. И когда чиновник сказал им, что название «Большой» символизирует большое будущее, которое есть у их города, они ему поверили.

Город действительно менялся на глазах. Почему-то один за другим гибли или покидали его те, кто был когда-то собран сэром Джоном. А каждый из них своей жизнью отравлял все вокруг себя, соприкасаясь при этом со многими людьми. Поэтому чем меньше их оставалось, тем легче становилось жить в городе.

Все больше становилось прихожан в местных храмах. Общество трезвости начало приносить реальные плоды: хотя пьяниц осталось еще немало, но в городе фактически совсем исчезла «пьяная» преступность. «Это тоже неплохой результат нашей работы!» - оптимистично заявлял бывший Бухарик, и все с ним соглашались.

Отец Аристарх на праздничных торжествах подвел к архимандриту Петру Григория Александровича и, к удивлению обоих, попросил, чтобы, когда он умрет, тот убедил архиерея рукоположить профессора в священники для служения в интернате.

- Да я не против Григория Александровича, но ты-то чего умирать собрался? – удивился настоятель.

- На самом деле, живи подольше, да и какой я священник? – поддержал его профессор.

Но архимандрит Аристарх настойчиво требовал обещания, когда же оба уклончиво сказали «посмотрим», сокрушенно покачал головой и устало прошептал: «Своевольники!»

Священник чувствовал, что впереди его ждет еще одна встреча с сэром Джоном, после которой он уже не останется в живых, и ему хотелось передать свою паству тому, кому доверял. А почему-то доверял отец Аристарх больше всех Григорию Александровичу...

А лорд Эктон также готовился к этой встрече со священником, на которой должна была решиться их судьба...

Последняя поездка в Россию

Сэр Джон поехал в Россию в этот раз один. Он чувствовал, что больше уже не увидит никого из тех, кто оставался рядом с ним в этот последний год. Вскоре после его отъезда, Элизабет сильно повздорила с Зоей Георгиевной и проткнула ей сердце ритуальным индийским кинжалом. Петр увидел Лиз в момент, когда она умывалась кровью поверженной соперницы.

- Это очень молодит, - как ни в чем не бывало, улыбнулась ему Элизабет.

Юрист вдруг увидел ее хищной гарпией или сиреной, какой она являлась до того лишь в его воображении, и в ужасе побежал прятаться. А та сразу поняла, в чем дело, и как это можно использовать.

Вскоре лондонская полиция задержала Петра, как сумасшедшего, из-за возникших у него видений убившего свою соотечественницу, в прошлом заместителя министра. Его поместили в специализированную психиатрическую клинику, режим в которой ничем не отличался от тюремного, за исключением того, что над ее обитателями могли издеваться еще более безнаказанно.

Сэр Джон

А Элизабет и правда, как будто бы стала моложе. Она выправила новые документы, по которым ей было двадцать лет, и вышла замуж за русского олигарха, надеясь с помощью его денег дать вторую жизнь тайному обществу «Наследники Ост-Индской компании». Сэра Джона она считала уже списанным со счетов.

А лорд тем временем приехал в город, который теперь назывался не Лузервиль, а Большой. Англичанин выглядел очень старым; его не узнал бы никто из тех, кто видел его здесь ранее. Сэр Эктон чувствовал, что решается самое важное и для него, и для отца Аристарха. Ему хотелось увидеть Григория, но он отказался от этой мысли. Огромная волна энергии, которая сейчас витала вокруг него, уничтожала все, к чему прикасалось. А лорду хотелось, чтобы тот, кто стал ему почти другом, еще пожил. И по приезде он сразу направился к отцу Аристарху.

Сэр Джон и отец Аристарх

... Отец Аристарх стоял один в домовом храме. Много изменилось в этом городе, где ему пришлось пережить столько плохого и столько радостного, увидеть духовное перерождение многих людей. Священник чувствовал, что его земная жизнь подходит к концу. Но оставался еще один человек на земле, которому он был необходим для того, чтобы тот смог сделать последний выбор, на который сам не имел сил. Архимандрит встал на колени перед алтарем и стал молиться за сэра Джона. В этот момент лорд вошел в храм...

Увидев его, священник тяжело поднялся:

- Я ждал тебя, - сказал он.

- Мы не могли избежать этой встречи, - подтвердил Эктон. - Но уверен ли ты, что тебе по силам та борьба, в которую ты ввязался?

- Мне? Конечно, нет, - просто ответил отец Аристарх. - Но Господу нашему Иисусу Христу по силам все!

И он властно перекрестил сэра Джона. В этот момент темный дух отошел от лорда; тот сразу еще постарел. Казалось, что уже ничто не держит его больше на земле. Но теперь его удерживала иная сила, противоположная той, которой он до этого служил. Эта сила терзала Эктона; он остро вспомнил все те годы, когда был христианином и священником. Не в силах выдерживать внутренних мучений, англичанин выбежал из храма, для того, чтобы через несколько часов вновь прийти к отцу Аристарху, уже лежащему в одной из больничных палат интерната.

А священник в момент, когда темный дух покинул лорда Эктона, почувствовал страшную боль в голове, как будто в ней что-то взорвалось. Пришедший через полчаса зачем-то в домовый храм Валерий Петрович увидел архимандрита лежащим на полу без сознания. Вызванный им врач диагностировал инсульт. Отца Аристарха хотели отвезти в больницу, но он распорядился, чтобы его оставили в одной из палат интерната.

- На свете есть более важные вещи, чем жизнь или смерть физического тела, - сказал он Валерию Петровичу. - У меня осталось последнее дело на земле, я должен успеть его выполнить, не мешай мне.

Директор интерната беспрекословно ему подчинился. Его положили в отдельную палату, хотели по-

ставить капельницу. Но священник потребовал, чтобы ограничились уколами, после чего все должны немедленно уйти. Ему предстояла последняя встреча с сэром Джоном, и он не хотел, чтобы кто-то из случайных свидетелей этой встречи погиб или сошел с ума.

Конец и начало

... Сэр Джон стоял возле постели разбитого инсультom, но еще сохранившего способности говорить и двигаться отца Аристарха. Теперь лорд выглядел уже лет на восемьдесят. Страшная борьба шла в его душе.

- Так ты думаешь, что и для меня есть возможность покаяния? – спросил он священника.

- Ты сам знаешь, что есть, - с трудом ответил тот.

- Как для того разбойника на кресте?

- Он был лучше, - с трудом улыбнулся архимандрит. – Но в целом – да.

- И ты не боишься принять мое покаяние?

- Мне уже поздно бояться, - сказал священник. – Мне осталось жить совсем недолго.

- Я должен каяться? – спросил лорд.

- Это ты должен решить.

И гордый англичанин вдруг преклонил колени, и начал рассказывать отцу Аристарху все то, что совершил злого в своей жизни. Казалось, что недели не хватит на то, чтобы все рассказать, но ему хватило часа.

- Что теперь? – спросил он.

- Не знаю, могу ли я прочитать разрешительную молитву. Существует чин присоединения протестантов к православию, - задумчиво сказал он. - Но ведь ты не совсем тот человек, который крестился в Англии сотни лет назад. Я думаю, что крещу тебя со словами «если не крещен».

Они с трудом дошли до больничного храма. Священник сам приготовил все необходимое для крещения. Каждое движение было для него мучительно, казалось, что все сейчас взорвется в его голове и в груди, страшная боль пронзала спину под левой лопаткой, в глазах темнело, но он перебарывал себя. А лорд тем временем сам наполнил водой купель. Джон вдруг понял, почему был прощен разбойник, на кресте исповедавший Христа Господом, и почему он первый пошел за Ним в рай. За свои злодеяния тот преступник уже нес наказание - мучительную, долгую и позорную смерть. Но пока он был еще жив для него, как и для второго, распятого с ними разбойника, оставалась возможность последнего выбора. И один использовал остатки своих жизненных сил на богохульства, а другой, чтобы покаяться и обратиться к Христу: «Помяни меня, Господи, когда придешь в Твое Царство». И еще Джон понял, почему в Библии говорится о том, что у Бога один день, как тысяча лет и тысяча лет, как один день. Все внутри его разрывалось в это время. За какие-то минуты он пережил такие бесконечные мучения, что Джону казалось, что в эти часы он испытывает всю ту боль, все те страдания, которые он причинил другим за века своего существования; порой он думал, что прошли века с того момента, как он вошел в храм, и вновь им прожито много жизней, но уже совсем иных... Его

боль была тысячекратно большей, чем та, которую испытывал священник, но Джон все терпел.

Отец Аристарх крестил его с именем Иоанн, затем миропомазал. Когда таинство закончилось, архимандрит вдруг упал замертво. Обширный инфаркт и новый инсульт закончили его земную жизнь. А рядом с ним упал тот, кто долгое время был сэром Джоном, а сейчас стал просто Иоанном.

В этот момент над городом загремел гром; молния ударила в бывший дом Скотниковой. Занялся пожар, в котором дотла сгорел храм, посвященный Кали.

Когда через час в храм вошли Григорий Александрович с Валерием Петровичем, они увидели мертвого священника, с сияющим неземным светом лицом. Рядом с ним лежала мумия, которой, как определил навскидку всезнающий Григорий, было около трехсот лет. Черты лица мумии напомнили ему лорда Эктона, но у мумии было то, что не было у того, кого знал профессор – умиротворение на лице.

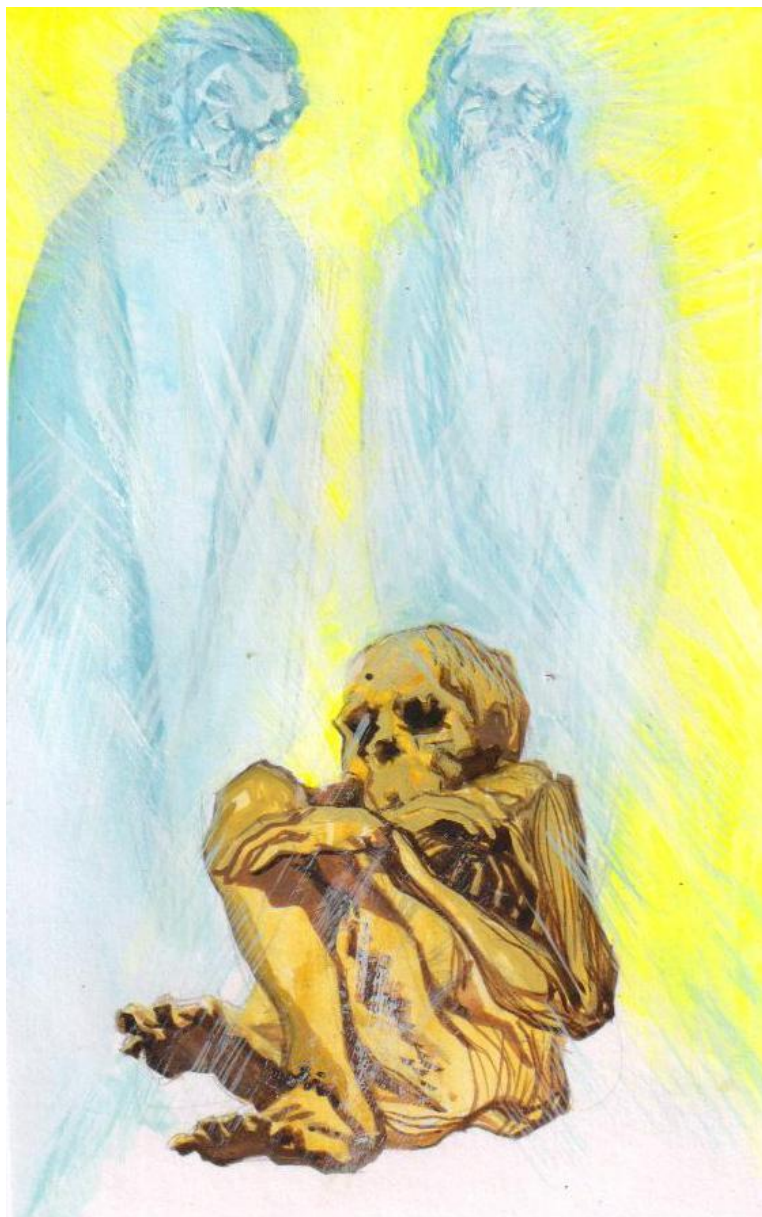
... Архимандрит Аристарх и Иоанн стояли около своих тел и смотрели, как осматривают их Григорий с Валерием.

- Неужели это я? – с удивлением указал на мумию Иоанн.

- Нет, это даже не то, каким ты был. Ты был намного хуже, - мягко сказал священник. – Но все это уже в прошлом. Господь простил тебя. Пойдем!

- Куда? – спросил Иоанн, и все существо его души наполнилось благоговейным трепетом, потому что ответ он знал.

- Ко Христу. Он ждет нас.

Конец и начало

***ПРИЗРАЧНАЯ
АМЕРИКА***

Фантастический роман

**Всякий раз, когда я вспоминаю о том, что Господь
справедлив, я дрожу за свою страну.**

Томас Джефферсон

**Когда я вступил в должность президента, больше
всего меня поразило то, что дела действительно
были так плохи, как мы утверждали.**

Джон Кеннеди

**В Америке каждый свято убежден в том, что
выше него в социальной иерархии нет никого.**

Верно, но и ниже — тоже.

Бертран Рассел

ПРИЗРАК СВОБОДЫ

ОТ АВТОРА

... Это выдуманное произведение, которое, наверное, можно назвать сюрреалистическим, оно не является историческим. Поэтому в нем возможны, как совпадения с реальностью, так и расхождения с ней, гротески и преувеличения. Представляется, что роман можно назвать художественной попыткой вскользь коснуться некоторых сторон американской действительности второй половины 20 – начала 21 века. Внутреннее положение и внешняя политика, мироощущение американцев, положение США в мире, хиппи, репрессивная психиатрия, кинематограф, религиозность американцев, их университеты, тайные клубы, ожидание пришельцев из других миров, представление о себе, как элите мира – вот краткий перечень тем, в той или иной степени затрагиваемых в книге. Для подробного рассмотрения всех этих проблем понадобилась бы многотомная монография, перед вами же всего лишь небольшой роман, дающий один из множества существующих вариантов их понимания.

США - страна, во многом воспринимающая историю, политику и саму жизнь, как шоу; недаром одним из самых популярных американских Президентов является бывший актер Рональд Рейган. Америка - страна, где кинематограф дал тысячи трактовок того, что есть и что будет, где грань между реальностью и вымыслом стерта, где миф, каким бы призрачным он не был, может стать более действительным, чем то, что есть «на самом деле», если он внедрен в сознание масс.

Сегодня такими становятся и многие другие государства.

Интернет, телевидение и газеты рисуют образы для толпы; благодаря развитию современных информационных технологий любая вещь может быть подана и как величайшее зло, и как величайшее благо. Мир либеральных ценностей пытается стереть грань между добром и злом, представить ее призрачной. А на самом деле призрachen он сам. Он призрachen, как мир свободы, но вполне реален, как мир нового тоталитаризма, в чем-то худшего, чем в романе Олдоса Хаксли. Живущие в нем в основной массе счастливы своим положением, потому что, как и римская чернь времен заката империи в избытке имеют «хлеб и зрелища». По словам Джона Апдайка «Америка делает нас зависимыми — здесь еды больше, чем мы можем съесть, поэтому возникает чувство, что, чтобы съесть свою долю, нужно есть все время».

Страна, все дальше отходящая от традиционных ценностей, и пытающаяся вести на этом пути за собой весь мир. Общество эгоизма, в котором важнейшей ценностью считаются свои «шкурные» интересы. Государство, создавшее новую форму империализма, когда его доллары, не обеспеченные реальными материальными ресурсами, благодаря мифу о «великой Америке» имеют самое широкое хождение по всему миру по стоимости, гораздо превышающей их истинную покупательную способность. С одной стороны это позволяет поддерживать непропорционально высокий уровень жизни в США. С другой стороны – финансовая система США не является государственной, она при-

надлежит частным лицам и контролируется стоящими за ними международными обществами.

Американская писательница и создательница одной из наиболее спорных философских систем 20 века Айн Рэнд писала: «Вы спросите, что является самым ярким достижением американцев? Я считаю то, что люди этой страны придумали выражение «делать деньги». Ни в одном языке мира, ни у одного народа не было такого словосочетания. Испокон веков люди считали богатство статичным – его можно было отнять, унаследовать, выпросить, поделить, подарить. Американцы стали первыми, кто осознал, что богатство должно быть сделано. Выражение «делать деньги» стало основой новой морали этой части человечества». Федеральная резервная система США делает деньги для всего мира в прямом смысле этого слова...

Выигравший гражданскую войну между Севером и Югом, закончившуюся объединением США и погибший от пули подосланного убийцы американский Президент Авраам Линкольн писал: «В недалеком будущем наступит перелом, который крайне беспокоит меня и заставляет трепетать за судьбу моей страны... Приход к власти корпораций неизбежно повлечет за собой эру продажности и разложения в высших органах страны, и капитал будет стремиться утвердить свое владычество, играя на самых темных инстинктах масс, пока все национальные богатства не сосредоточатся в руках немногих избранных, - а тогда конец республике».

Случайная оговорка в 2005 году Президента США Джорджа Буша в какой-то мере отражает отношение этой олигархии и собственно к американскому наро-

ду. Перевод его «перла» на русский язык выглядит так: «Они никогда не перестают думать о том, как бы навредить Америке. Мы тоже не перестаем об этом думать».

О нравственности в Америке даже в эпоху, которую сегодня некоторые пытаются представить, как ее расцвет интересно написал Марк Твен: «Год назад я был добродетельным человеком. А теперь, когда я столкнулся с нью йоркскими нравами, совести у меня осталось не больше, чем у миллионера».

В заключение, обращаясь к будущим критикам романа, хотелось бы привести еще одну цитату, на этот раз Оскара Уайльда: «В Америке, в Скалистых горах, я видел единственный разумный метод художественной критики. В баре над пианино висела табличка: «Не стреляйте в пианиста — он делает все, что может».

ЧАСТЬ I.

ГОРОД МОУДИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Городок

Город Моуди был когда-то идиллическим городком «американской мечты», в том смысле, который придал этим словам Джеймс Адамс в написанном в период Великой Депрессии историческом трактате «Эпос Америки» - «мечта о стране, где жизнь каждого человека будет лучше, богаче и полнее, где у каждого будет возможность получить то, что он заслуживает». Это был шахтерский городок с населением в несколько тысяч людей. Каждому из его жителей находилось дело; даже в период Великой Депрессии шахта не простаивала.

В Моуди были школа, католическая церковь, несколько магазинов. Преступности здесь почти не было, новых людей на протяжении десятилетий было так мало, что приезд любого чужака становился событием. Хозяин шахты жил далеко от этого городка, да и вообще от всех благ цивилизации они были отгорожены растянувшейся на десятки километров пустынной местностью. А местная администрация, как шахты, так и городка, была вполне патриархальной; их жизнь не отличалась от жизни других горожан настолько, чтобы вызывать зависть и «классовую ненависть». Не видя чужой роскоши, но имея все необходимое, горожане Моуди считали, что американская мечта на них сбылась.

Для Америки вообще характерно религиозное отношение к труду; для жителей Моуди это было харак-

терно вдвойне. Всякий, кто не работал, просто не мог бы найти здесь себе места: каждый – и мэра, и учителя, и домохозяйки, не говоря уже о работниках шахты, смотрел на всю свою деятельность, как на особое служение, наполняющее смыслом их жизнь.

Отец Альберт – настоятель местного храма, всячески это мироощущение в горожанах поддерживал, тем более, что практически все они были его прихожанами. Для католиков вообще-то не характерно такое трепетное отношение к труду, как у протестантов. Но бытие отца Альберта определяло его сознание: он проходил свое служение в определенной среде, и не мог с этим не считаться. Священник был уже немолодым человеком: ему исполнилось шестьдесят лет. До назначения в Моуди, он десять лет прослужил в католической миссии в Латинской Америке в местах, где каждый день кого-то убивали, где насилие и пытки были обыденностью. Поэтому иногда ему казалось, что попав в Моуди, где он служил уже пятнадцатый год, он попал в земной рай. Священник ценил ту жизнь, которую имел здесь, и учил тому же своих прихожан. А они, хотя и не знали в большинстве своем той изнанки жизни, которая была известна ему, также были вполне довольны тем, что имели.

Но идиллии суждено было закончиться. Мистер Спилет, глава корпорации, которой принадлежала шахта, получил просьбу от клуба, к которому принадлежал с университетских времен, проверить экономическую целесообразность ее деятельности. Вообще-то у него не было сомнений в том, что такая целесообразность имеется. Но не считаться с просьбой он не мог. В Моуди приехала комиссия.

Работники шахты с ужасом и непониманием смотрели на то, как члены комиссии черное называют белым, отрицают самые очевидные для любого знакомого с работой шахты вещи. Рекомендация комиссии была однозначна: шахту нужно закрыть.

Мистер Спилет разорвался, но те же влиятельные члены клуба, которые порекомендовали ему прекратить работу шахты, устроили для него место конгрессмена, так что он мог вести примерно такую же жизнь, к которой привык, но имел теперь еще и политическое влияние.

А вот о жителях Моуди никто не позаботился. Им пришлось перебираться из этих мест, теряя все, что ими было нажито: ведь после закрытия шахты их собственность ничего не стоила. Им на практике пришлось узнать многие из тех ужасов, о которых отец Альберт рассказывал им в своих проповедях.

Через какой-то десяток лет, к 1965 году, Моуди превратился в город-призрак. Ни одной живой души не жило в нем, но многие дома и церковь остались такими же, как будто их покинули только вчера. Один кинорежиссер захотел снять здесь фильм ужасов, но таинственным образом съемочная группа из десяти человек, отправившаяся в город, пропал, словно их и не было. Поиски были безрезультатны. После этого за Моуди закрепилась дурная слава; путники, оказавшиеся в этих местах, объезжали его за несколько миль.

Убийство священника

Собор Святого Патрика - самый большой, построенный в неоготическом стиле, католический храм США. Собор святого Патрика является кафедральным собором архиепархии Нью-Йорка. Собор расположен в Манхэттене. Строительство собора Святого Патрика началось в 1858 году и продолжалось с учетом остановок почти полвека.

Напротив него в 1930-е годы, в самый разгар Великой Депрессии был построен огромный Рокфеллер-центр. Со временем новостройки-небоскребы со всех сторон зажали собор, и он перестал быть архитектурной доминантой Нью-Йорка, не потеряв при этом своего величия.

В 1960-е годы консервативные и прогрессивные католики столкнулись между собой на политической арене США. Кардинал Фрэнсис Spellman, архиепископ Нью-Йорка, занял консервативную позицию по крупнейшим политическим вопросам в 1940—1950-е годы, а затем поддержал американское вторжение во Вьетнам в 1960-х. В то же время католические прогрессисты боролись против расовой несправедливости на Юге и протестовали против войны во Вьетнаме.

Кардинал Фрэнсис Spellman считается автором афоризма: «Три возраста человека: молодость, средний возраст и «Вы сегодня чудесно выглядите!». Сам он прожил достаточно долгую жизнь. Родился в 1889 году в Уитмене, а скончался в 1967 году в Нью-Йорке. Архиепископом этого города он был с 1939 года до самой своей смерти. Он был другом одного из Римских Пап, которому и был обязан своим назначением, и

Президента США Франклина Рузвельта. Он пытался расширять влияние Католической Церкви на все стороны общественной жизни США, боролся против контроля за рождаемостью, порнографии и в то же время против коммунизма; прилагал усилия к расширению социальных и образовательных возможностей католицизма в США, но поддержал войну во Вьетнаме.

В этот жаркий летний день 1965 года, кардиналу сообщили о том, что на своей квартире убит один из священников собора Святого Патрика отец Альберт. Архиепископ Нью-Йоркский помнил этого священника, которого устроил в собор десять лет назад. Он приехал из какого-то брошенного городка, рассказывал разные необычные вещи. Кардинал поставил ему тогда условие: если он никому не будет повторять «эти выдумки», то он назначит его священником в кафедральный собор Нью-Йорка. И отец Альберт, будучи умудренным жизненным опытом человеком, послушался, получил назначение и не доставлял никаких проблем. И вот теперь он убит...

- Как это произошло? – спросил архиепископ у своего секретаря, пришедшего к нему с докладом о трагическом событии.

- Ему проломили голову каким-то тяжелым предметом.

- «Каким-то»? То есть убийца не пойман?

- Задержан подозреваемый.

- Кто он такой?

- Какой-то хиппи. Его видели с отцом Альбертом несколько дней подряд, вроде бы он даже жил у него в квартире в это время. Полиция считает, что этот па-

рень под действием ЛСД увидел что-то не то, и во время галлюцинаций убил священника.

- Но это достоверно известно?

- Пока нет. Идет расследование. Хиппи арестован, скорее всего, потребуется психиатрическая экспертиза.

- Но орудия убийства при нем не нашли?

- Нет, и сам он отрицает свою виновность, очень жалеет убитого.

- Сколько лет было отцу Альберту?

- Семьдесят.

- Мы должны взять это дело под свой контроль. Съезди к начальнику Нью-Йоркской полиции, поговори с ним от моего имени. Нам должно быть достоверно известно имя убийцы, и он не должен уйти от ответственности.

Пол

Пол уже вторую неделю находился в закрытой психиатрической клинике Нью-Йорка. Условия содержания в ней были, наверное, ничуть не лучше тюремных. Доктор Хайд, наблюдавший за Полом как-то сказал ему: «Преимущества нашего ведомства в том, что мы можем сделать с тобой все, что угодно, и нам за это ничего не будет. Ты же сумасшедший, твоим словам никто не поверит». Пола обрили наголо, обливали холодной водой, через его голову пропускали электрические разряды. Его по несколько дней не кормили. И при этом по несколько раз в день доктор Хайд с ним разговаривал, скрупулезно занося результаты этих бесед в свою записную книжку.

Пола не били, но только потому, что доктор Хайд считал удары электрошоком наиболее эффективными. «Чтобы ты уже понемногу привыкал к электрическому стулу», - шутил он и думал, что это смешно. Иногда врач начинал вроде бы доброжелательно объяснять Полу, что у него два исхода из этой ситуации: на электрический стул, если он добровольно признается в убийстве священника, а доктор даст ему заключение о вменяемости...

- Но я не убивал его! - в отчаянии кричал узник.

- Тогда значит, ты невменяемый. Исход - лоботомия, пожизненное содержание в психиатрической клинике. Я бы, наверное, предпочел электрический стул: все-таки умрешь в своем разуме, да и не так это протяженно во времени, - жестоко заключал Хайд.

Пол с тех пор как кто-то убил отца Альберта, которому он рассказал то, свидетелем чему стал в заброшенном городе Моуди, ни с кем не хотел откровенничать. Доктору Хайду он охотно рассказывал то, что и так о нем мог узнать каждый, кому захотелось бы это сделать. О том, как тридцать лет назад родился в городке Моуди, как с пятнадцати лет стал не таким как все: отрастил длинные волосы, слушал психоделическую музыку (как он только достал ее в этом оторванном от мира городке?), как в шестнадцать лет убежал из дома и примкнул к хиппи.

- Мне казалось тогда, что вся жизнь моего родного городка - убожество, добровольное рабство, которому еще нужно радоваться. Мне казалось, что как может нравиться труд изо дня в день, лишаящий человека свободы, иссушающий его творческие способ-

ности; казалось, что традиционная семья – еще одна форма уничтожения человеческой личности...

- А сейчас ты считаешь по-другому? – спросил Хайд, закуривая сигарету и выдыхая дым прямо в лицо собеседнику. Он сидел напротив Пола в маленькой комнате без окон за железным столом, к которому наручниками были пристегнуты руки его пациента.

- Да, я ошибался тогда. Мне просто не нравилась работа на шахте, и не нравилось то, что в моей семье у всех было слишком много обязанностей.

- Ты пробовал ЛСД?

- Да.

- Марихуану?

- Несколько раз.

- Когда ты вводил себе ЛСД последний раз?

- Полгода назад.

- То есть в момент, когда был убит священник, ты уже не принимал ЛСД свыше четырех месяцев?

- Да.

- Были ли у тебя галлюцинации в этот период?

- Нет.

- Ты жил у отца Альберта в последние дни его жизни?

- Да, почти неделю.

- За сколько время до его смерти ты видел его в последний раз?

- За шесть часов.

- Тебе не кажется подозрительным, что священника, который прожил семьдесят лет, и которого не смогли убить даже латиноамериканские бандиты, кто-то убил почти сразу после того, как ты у него поселился?

- Кажется.

- Так ты согласен, что ты являешься главным подозреваемым по этому делу?

- Но я не виновен!

- Я это уже слышал.

- Кто же его мог убить кроме тебя и из-за чего?

У Пола были подозрения, что отца Альберта могли убить из-за того, что он ему рассказал. Но он чувствовал, что рассказав здесь об этом, он подпишет свое согласие на то, чтобы ему сделали лоботомию.

Отец Альберт

... Отец Альберт без восторга оглядел хиппи в рваной одежде, в котором, тем не менее, без труда узнал мальчишку, которого не видел около пятнадцати лет.

- Что, Пол, так и не наигрался в «детей любви»? – с нескрываемым сарказмом спросил он.

Хиппи действительно очень неуместно смотрелся в величественном кафедральном соборе Нью-Йорка. Но ничуть не смущаясь серьезно ответил:

- Наигрался. Уже год назад.

- Вот как? – недоверчиво посмотрел на него священник. – Что-то случилось?

- Да. Джил, девушка с которой мы строили свободную любовь, не связанную никакими обязательствами, оказалась больна гонореей. Малыш Марк родился слепым. Он умер, когда ему было всего три месяца...

- Так ты то же болен гонореей?

- Нет, она заболела, когда мы уже расстались из-за того, что я не хиппи, а собственник, и она начала строить отношения с Леонидом, а потом с Самуэлем... Она тоже умерла: Джил принципиально не признавала лечения, считала, что оно ограничивает ее свободу...

- Так ты решил покаяться? – уже мягче спросил отец Альберт.

- Нет... То есть – да, и это то же, но не только это. Мне нужно с вами поговорить.

... Чем дольше священник слушал того, кого помнил непослушным мальчишкой, пытавшимся взорвать изнутри устоявшийся мирок городка Моуди, тем больше ему становилось не по себе.

- Ты уверен, что все, что ты говоришь – правда? – спросил он. – Может быть, это все видения под воздействием галлюциногенов?

- Я не принимаю их уже больше четырех месяцев.

- Но, возможно, у тебя развилось хроническое психическое заболевание, и для того, чтобы видеть того, что нет тебе не нужны ни ЛСД, ни марихуана?

- Мне кажется, что ЛСД помогает видеть то, что есть, но то, что нам в то же время видеть нельзя, – серьезно сказал Пол.

- Ну ладно. Ты вроде бы хотел покаяться?

Впервые за последние пятнадцать лет Пол исповедался, и почувствовал как будто гора упала у него с плеч.

- Пока ты остановишься у меня. Я должен сам туда съездить, – сказал ему священник.

... Отца Альберта не было два дня. До Моуди нужно было сначала лететь три часа на самолете, а потом еще семь часов ехать на машине. Вернулся священник

возбужденный: он увидел то, о чем ему рассказывал Пол, и даже многое больше, потому что жизнь научила его наблюдать и анализировать.

- Я попробую завтра же пойти к кардиналу, - сказал он. - Хотя, боюсь, что и он бессилён что-либо сделать в этой ситуации...

Кардинал не принял его ни завтра, ни послезавтра. А на третий день, когда был назначен час приема, отца Альберта кто-то убил в собственной квартире. Пола в это время у него не было: он встретил своего старого друга по лагерю хиппи и разговаривал с ним несколько часов о том, что изменил свою жизнь, и советует ему также взяться за ум... Но алиби Пола подтвердить было некому: почти сразу после их разговора его друга насмерть сбила машина...

Профессор Лещинский

Профессор Бронислав Лещинский был широко известен своей борьбой с креационистами. Он был просто религиозно предан теории эволюции и естественного отбора. Когда ему на это возражали, что все в мире движется к распаду и ухудшению, что выживают зачастую далеко не лучшие и не сильнейшие, а вся теория эволюции – просто удобная наукообразная ширма для развития идеологий нацизма, коммунизма и империализма, а в конечном итоге – религии Антихриста, то он страшно злился. По существу возражений он не находил, но зато умел в публичных дискуссиях так унижить и высмеять противника, что многим, в том числе и ему самому казалось, что он вышел из

спора победителем, вне зависимости от того чьи аргументы были более вескими.

Рокфеллеры, финансировавшие даже экспедиции по поиску синантропов в Китае, дали Лещинскому кафедре антропологии в Чикагском университете и открыли широкое финансирование его разработок. Основная цель исследований – найти как можно больше опровержений исторического существования Адама и Евы, как можно больше доказательств того, что человек произошел от обезьяны, а еще лучше – что он и есть одна из разновидностей обезьян.

- В чем их интерес? – поинтересовался польский профессор, когда представитель Рокфеллеров сообщил ему об условиях работы в университете, поразивших его объемом вклада в его разработки.

- Видите ли, если удастся достоверно доказать, что не было Адама и Евы, то из этого будет столь же достоверно следовать, что не было Христа: раз не было первородного греха, то некого и искупать, - ответил ему мистер Линс, маленький сухощавый старичок, чем-то похожий на иезуита.

- А разве это кому-то интересно? – разочарованно протянул Лещинский, на тот момент еще веривший в «чистую науку».

- О, вы не представляете, Бронислав, до какой степени интересно! – с жаром сказал мистер Линс.

- Но я ведь слышал, что основатель империи Рокфеллеров был христианином, что он десятину – огромные деньги! – отдавал своей церкви! – удивленно сказал профессор. – Зачем же детям такого христианина бороться с Тем, в Кого он так верил?

- Может быть, он не столько верил, сколько пытался откупиться, - уклончиво сказал Линс. – Но дело в том, что от Него нельзя откупиться: он требует все. А это моим хозяевам совсем не нравится. Поэтому они и решили встать на другую сторону...

- Как вы можете всерьез нести эту мистическую чепуху! – воскликнул Лещинский.

- Не просто могу, все это намного серьезнее, чем вы можете себе предположить.

- Но как же последние достижения науки...

- Последние? – засмеялся Линс. – Вы знаете в тысячу раз меньше, чем знают мои хозяева. Им открыты многие тайны, о которых вы не можете и предположить.

- Тогда зачем я им нужен? – возмутился Лещинский, подумав, что имеет дело с сумасшедшим.

- О нет, я не сумасшедший, - засмеялся его собеседник, словно прочитав его мысль. – А нужны вы нам, не потому, что что-то знаете, а потому что вы искренне в свою правоту. Эволюционизм – одна из самых безумных религий современности, имеющая меньше опытных подтверждений своей истинности, чем алхимия или астрология, но на сегодняшний день именно она может быть широко использована для наших целей, а вы можете стать одним из ее видных жрецов!

- Да не хочу я быть жрецом! – возмутился Лещинский. – Пожалуй, мы не будем сотрудничать: я не хочу иметь дело с мракобесами!

Но через день вместо мистера Линса к нему пришел мистер Томпсон, и с ним они уже легко пришли к соглашению. Томпсон сказал, что Линс – в прошлом

иезуитский священник, вдруг уверовавший в эволюцию, поэтому везде видит религиозную подоплеку. Иногда до того увлекается, что это идет во вред делу. А у них тут никакой религии – чистый материализм и только деловой подход. В доказательство последнего, он предложил Лещинскому при той же должности и окладе сумму, выделяемую на его научно-исследовательские проекты, втрое меньшую, чем озвучивал Линс. И Лещинский сразу согласился – ведь ни о какой мистике же речи больше не шло!

Ночные мысли Пола

...Пол лежал в маленькой комнате без окон, с каменными стенами и тяжелой железной дверью с небольшим зарешеченным оконцем, через которое за ним мог наблюдать дежурный санитар. Его руки и ноги были пристегнуты ремнями к кровати; отстегивали его только дважды в сутки, чтобы он мог поесть скудную пищу и сходить в туалет, представлявший из себя стоявшее в углу комнаты ведро, которое меняли раз в три дня. Порой ему казалось, что доктор Хайд не так уж и неправ, говоря, что сразу на электрический стул лучше.

В комнате всегда горела маленькая электрическая лампочка, и узник не знал день сейчас или ночь. День от ночи он отличал по двум признакам: днем с ним беседовал врач, и днем его еще дважды отвязывали от кровати для еды и туалета. Ночью никто не беспокоил пациента. Это время он мог полностью посвятить воспоминаниям о том, что предшествовало тому, как он сюда попал.

... Пол вспоминал долгие разговоры с отцом Альбертом.

- Но если Христос спас мир от греха, проклятия и смерти, то почему мир еще быстрее движется к распаду? – задал он священнику волновавший его вопрос.

- Потому что Его жертву можно принять, а можно и не принять. Те, кто добровольно отвергают спасение, сами выбирают смерть, а соответственно дни этого мира сокращаются.

- Почему же мир не погиб сразу?

- Он не погибнет, пока есть еще те, кто может спастись.

- Но всякий ли христианин спасется?

- Нет, потому что, прикрываясь именем Христа, люди порой совершают величайшие злодеяния. Вспомни инквизицию и сожжение на кострах инакомыслящих, крестовые походы, когда крестоносцы оскверняли восточные православные храмы, когда сектанты-старообрядцы крестили детей, а потом топили их, чтобы они пошли в рай, когда империализм оправдывался распространением христианской проповеди... Да что там говорить: даже когда наш кардинал одобряет войну во Вьетнаме – все это не христианство!

- А всякий ли нехристианин погибнет?

- Думаю, что нет, если он любит Бога и людей.

- Мы живем в последнее время?

- Апостолы тоже думали, что уже и они живут в последнее время. Но Бог дает людям новое и новое время для покаяния и исправления. Хотя двадцатый век – особое время, когда все предпосылки для создания единого мирового государства оформились в полной мере. Но вот прошли две мировые войны, уже

атомные бомбы были использованы в военных действиях в Хиросиме и Нагасаки. Изобретаются новые, все более изощренные формы оружия массового уничтожения. Мир сейчас разделился на два лагеря, а еще совсем недавно их было три. Конец света приблизится окончательно, когда весь мир объединится под одним правителем...

- Но что еще держит этот мир, рвущийся к самоуничтожению, но заявляющий, что движется к эпохе всеобщего процветания?

- Только на милости Божией. И на тех, кто любит Бога больше жизни, на мучениках Христовых. Русская Церковь в двадцатом веке явила столько мучеников, сколько не было с первых веков христианства. И в разных частях света до сих пор бывают еще мученики за Христа. На этом пока и держится этот мир, водимый теми, кто, будь их воля, давно взорвали бы его и уничтожили...

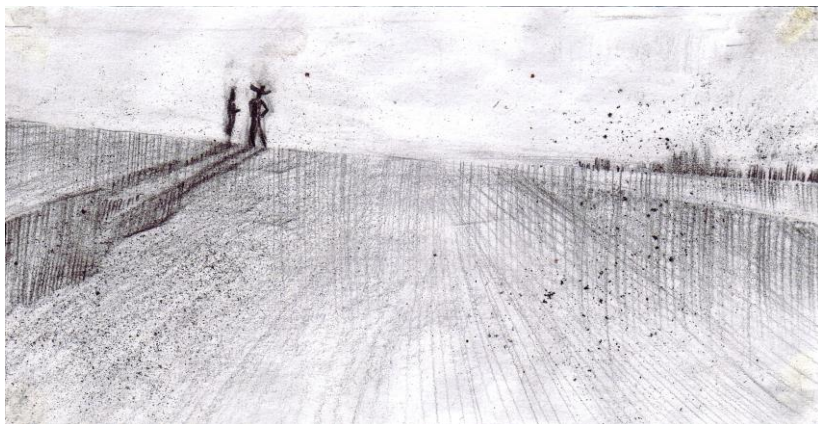
- Так жалко Моуди... Что с ним сделали!

- Да, об этом страшно вспоминать. Они заметили меня там, мне еле удалось от них убежать. Но думаю, что в этой жизни от них уже не скрыться... Не знаю даже: есть ли смысл в нашей встрече с кардиналом? Он тоже включен в их игру, и, к сожалению, а может быть к счастью для него он в ней всего лишь пешка...

- Может быть нам тогда бежать?

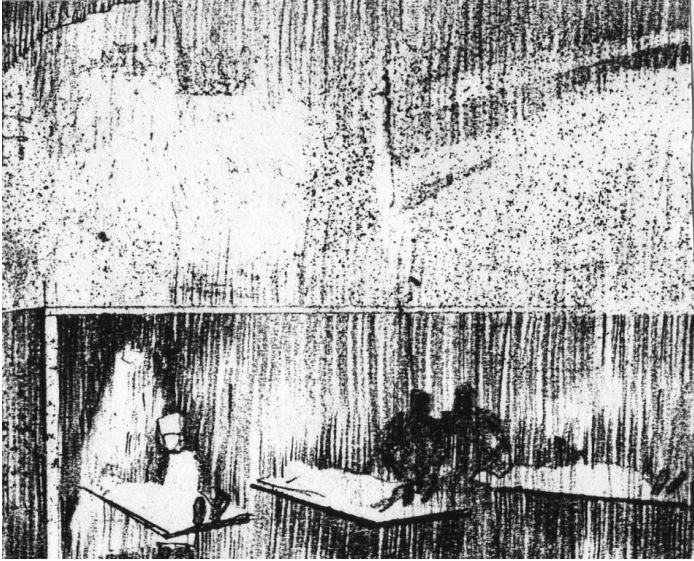
- От них убежать невозможно. Не нужно бояться, нужно довериться Господу, Он Сам все устроит.

«Нужно довериться Господу», - прошептал Пол. И впервые за последнее время улыбнулся и спокойно заснул.

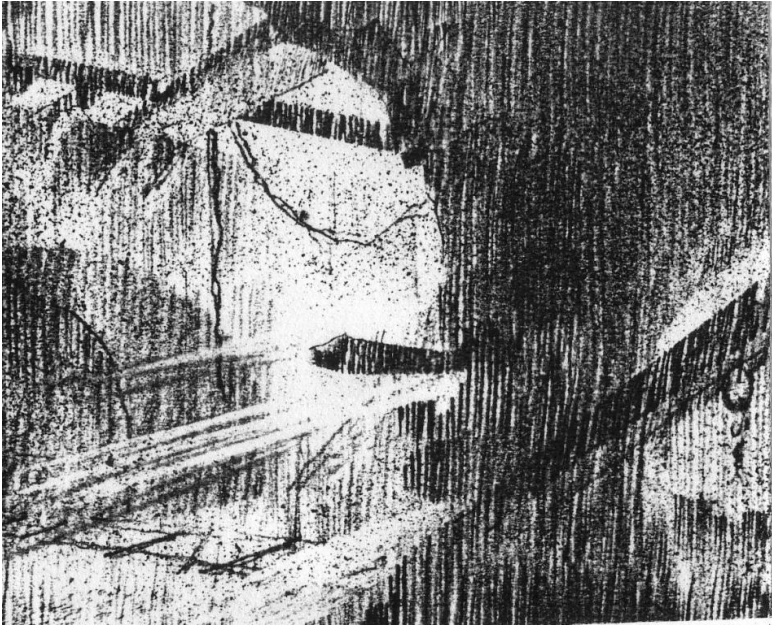

В пустыне

В шахте

Шериф Ричард Беркли

Посвященные

Начальник полиции Нью-Йорка

Начальник полиции Нью-Йорка был озабочен. Вчера к нему приходил секретарь архиепископа Нью-Йоркского с просьбой как можно внимательнее расследовать все обстоятельства, связанные со смертью священника Альберта, убитого в своей квартире. По рождению начальник полиции был католиком, но жизнь его уже давно протекала совсем не по христианским законам. Но какой-то трепет перед кардиналом, которого он мальчиком не раз видел на службе в соборе святого Патрика, и который совершал над ним конфирмацию, осталась. Он оценил и такт архиепископа, пославшего к нему секретаря вовсе не потому, что считал себя слишком большой персоной, чтобы придти самому, а чтобы не оказывать излишнего давления.

Он тогда велел своим подчиненным искать любые зацепки. И вот сейчас перед ним сидит следователь, который ведет это дело, и держит в руках листок бумаги. Это письмо, написанное отцом Альбертом кардиналу. Его нашли во время обыска на квартире убитого священника. Тот, кто его убил, не удосужился порыться в его вещах, и документ попал к полиции. По мере чтения письма лицо начальника полиции становится землистым.

- Вы читали это письмо? – хриплым голосом спрашивает он следователя, который держится холодно и отстраненно.

- Конечно.

- И что вы думаете?

- Думать должны вы. Здесь задеты слишком большие люди.

На лбу начальника полиции выступает испарина. Он еще раз возвращается к чтению. Отец Альберт пишет, что, посетив заброшенный город Моуди, он стал свидетелем совершения черной мессы в оскверненном здании католического храма. Собравшиеся на ней были в плащах с капюшонами, но того, кто ее совершал, священник узнал: это был бывший иезуит Линс. Кроме того, отец Альберт писал о том, что в брошенных шахтах имеется лаборатория, где проводятся опыты над людьми, о сути которых он ничего не может сказать, так как пребывание его в Моуди было небезопасным, ему и так пришлось спастись оттуда бегством. Он делал также вывод, что, скорее всего, шахта у городка могла бы работать еще долго. Просто тем, кто завладел городом сейчас, хотелось иметь в своем распоряжении не просто заброшенное место, а такое, где люди мирно жили и трудились по христианским законам. Разрушив их жизнь, новые хозяева города осквернили город и шахту, и стали использовать их в античеловеческих ритуалах и опытах.

- Мы не сможем ничего сделать, - наконец решает начальник полиции. - Ты знаешь кто такой мистер Линс?

- Знаю, - с едва заметным презрением говорит следователь. Он не боится сильных мира сего, но в то же время понимает и то, что его начальник не может их не бояться.

- Разве можем мы его арестовать?

- Арестовать сложно, но можно пристрелить, - высказывает следователь свое видение проблемы.

- А ты герой! - смеется начальник, напряжение которого при этом не проходит. - Но ведь они везде:

вся страна пронизана ими! Ты вступишь в борьбу с теми, кого даже не будешь знать, они уничтожат тебя, когда ты этого не ждешь!

- Меня может уничтожить пара пьяных бродяг и не менее жестоко, - возражает следователь. - Если мы будем всего бояться, то не только ничего нового не удастся создать, но и все то, что мы имеем, будет нами потеряно!

- Так ты хочешь дать делу ход? - едва выговаривает начальник полиции, все во рту которого от волнения пересохло.

- Это ты должен решить, - жестко говорит следователь. - Но по крайней мере отпусти хиппи - он здесь явно не при чем.

- А что сказать кардиналу?

- Мне кажется он вполне взрослый человек, чтобы знать правду. Но боюсь, что он поступит с ней также, как вы. Поэтому не нужно, наверное, давать ему повод показать себя не с лучшей стороны.

В душе начальника полиции идет борьба; он и боится, и в то же время ему хочется поступить по совести. Наконец, он принимает решение: «Хиппи можно освободить в связи со вновь вскрывшимися обстоятельствами, разглашение которых пока не возможно, в связи с интересами следствия. Если ты не боишься сюда ввязаться - попробуй собрать улики. Пока это лишь письмо сумасшедшего, которого убил либо другой сумасшедший, либо, если мы не хотим уничтожать заведомо невиновного, неустановленный грабитель. Кардиналу пока ничего говорить об этом не будем».

Видения Пола

... Пол и сам не мог сказать, когда характер его видений, возникавших под влиянием ЛСД и марихуаны, стал оформляться во что-то осмысленное и имеющее определенную систему. Наверное, после смерти малыша Марка, а особенно после смерти Джил. Пол сильно переживал, что та, кого он полюбил, не хочет жить с ним обычной семьей, такой как жили его родители. Подростком он презирал свой домашний семейный уклад, но сейчас думал, что это, наверное, и есть счастье. И никакое это не собственничество супружеская верность – это нормальное и естественное состояние.

Но то, что вдруг стало очевидно для него, не стало столь же очевидным для Джил. Его мысли ее просто взбесили. Она начала встречаться все с новыми и новыми людьми, уже будучи беременной от него, думая, что таким образом доказывает свою свободу. Джил подхватила гонорею, ребенок родился слепым и очень болезненным и прожил всего три месяца. Марк лишь однажды смог взять его на два дня у Джил, когда она была задержана в полицейском участке и позвонила ему, что не с кем оставить их сына. Их сына... Пол тогда по какому-то наитию использовал эти дни, чтобы отнести Марка в католический храм – воспитанный в католической семье, он считал, что без крещения мучения маленького страдальца будут лишены смысла. А так – он сможет за него молиться...

Пол вспоминал, как исказилось яростью лицо Джил, когда он сообщил ей о крещении их ребенка, как она набросилась на него с кухонным ножом, как

потом билась на полу в истерике и из ее рта шла пена, а круглые глаза, казалось, вот-вот выскочат... Она запретила ему видеть Марка, сказала, что воспитает сына свободным от христианских запретов, делающих человека рабом... Ребенок умер через месяц, и Пол не знал нужно ли его жалеть: ему казалось, что он ушел туда, где ему лучше.

А вот Джил, которая тоже недолго после этого прожила, ему было жалко. Однажды, после очередной инъекции ЛСД, она пришла к нему.

Джил была какая-то прозрачная, но Марк сразу ее узнал.

- Где ты сейчас? – испуганно спросил он.

- Не знаю, меня гоняют с места на место, - измученным голосом сказала она. – Там намного хуже, чем в наших земных тюрьмах.

- Как же ты освободилась?

- Не освободилась. Там существует иллюзия свободы, когда кажется, что никто тебя не охраняет, никому ты ничего не должен, но только тогда и чувствуешь, что ты в самом жесточайшем рабстве, которое только можно вообразить.

- А что с Марком?

Лицо ее вдруг исказилось ненавистью:

- Ты отобрал у меня сына, не только на земле, но и в вечности! Он теперь в таких местах, которые я даже представить себе не могу!

- Ты хотела бы попасть к нему?

- Нет: я всю жизнь боролась против того, где он сейчас!

- Может быть, ты ошибалась?

Лицо Джил исказилось ненавистью, она не ответила.

- Почему ты мне явилась?

- Это легкий вопрос. Потому что ты используешь галлюциногены – они открывают видение нашего мира. Если умрешь от передозировки – будем жить вместе вечно...

Джил жутко захохотала и исчезла.

В другой раз Полу явился Марк. Он почему-то был уже взрослым мужчиной, но Пол сразу узнал его.

- Что с тобой? – спросил он сына.

- Со мной все хорошо, а вот с тобой нет.

- Ты знаешь, что с мамой?

- Ей уже нельзя помочь, – грустно сказал Марк. – А вот тебе еще можно.

- Помочь? В каком смысле?

- Если ты не откажешься от наркотиков и ЛСД, то пойдешь туда, где она.

- Из-за них я могу тебя видеть?

- И да, и нет. Обычно те, кто себя добровольно одурманивает, видят только то, что вселяет в них страх или наоборот ложные надежды, и губит их душу. Но ты хотел нормальной семьи, когда узнал о том, что мне предстоит родиться, те два дня, которые мы были вместе, ты использовал, чтобы меня крестить. И поэтому я не только могу за тебя молиться, но мне дан и единственный шанс предупредить тебя – второго, скорее всего, не будет.

- Предупредить о чем?

- Откажись от наркотиков и ЛСД!

Марк пропал, а Пол, когда очнулся, принял решение сделать так, как сказал ему сын в видении. Нарко-

тиков он почти не употреблял, а отвыкание от ЛСД оказалось физически безболезненным. Однако в душе его образовалась зияющая пустота, которую он не знал, чем заполнить. И почему-то принял решение съездить в заброшенный город Моуди, где прошло его детство...

Следователь Беркли

Ричарду Беркли было сорок лет. Пятнадцать из них он работал следователем в полицейском управлении Нью-Йорка. Он много всего разного видел в жизни, но это дело с убийством священника не давало ему покоя. Сразу от начальника полиции, оформив все бумаги, он отправился в психиатрическую клинику, и потребовал отдать ему Пола.

- Но ... это невозможно... - растерялся доктор Хайд.

- Отчего же? Все документы у меня в полном порядке! – возразил Беркли. – Ведите меня к нему! Не вынуждайте законного представителя власти применять силу!

И для убедительности достал из кобуры пистолет. Этот аргумент подействовал решающим образом. Увидев, привязанного к кровати Пола, он присвистнул:

- У нас что здесь: Освенцим?

Пришедший в себя доктор Хайд начал возражать, что хотя, конечно, он лично очень рад, что подозрения в отношении его пациента в убийстве не нашли подтверждения, он от этого не перестает быть психически

больным, нуждающимся в строгой изоляции и медицинском наблюдении. И отдать его следователю он не может.

- Вот как? – поднял брови Беркли. – А у меня сложилось впечатление, что этого человека здесь насильно удерживают те, кто не хочет, чтобы преступление было раскрыто. И сдается мне, что у тебя есть все шансы отправиться надолго в такую же комнату как эта за пособничество им!

И, чтобы показать, что не шутит, ткнул Хайда дулом в висок. Тот побледнел и распорядился отвязать Пола и выдать ему одежду. Узник, качаясь, встал, идти ему было тяжело.

- Кто вы? – спросил он офицера.

- Следователь. Нам нужно о многом поговорить.

Но стоило Беркли с Полом покинуть клинику, как Хайд бросился к телефону:

- Мистер Линс! Это непонятно что творится! – кричал он в трубку.

- Успокойся, и расскажи все по порядку, – приказал ему собеседник.

А через полчаса звонок раздался в кабинете начальника полиции.

- Слушаю, – небрежно сказал он, но тут же голос его изменился: – Как же можно не узнать вас, мистер Линс! Что? Беркли? Забрал психически больного? Нет, я разрешал ему только отпустить задержанного... Психиатрия это не моя компетенция... Ну, что вы, мистер Линс! Мы исправим это недоразумение... Сейчас же отдам приказ вернуть его обратно... Беркли получит выговор... Что? Пора отправлять его в отставку? Но он

еще не стар... Что? Ну, мы изучим этот вопрос, конечно, в связи со вновь вскрывшимися обстоятельствами...

В это время Роберт Беркли ехал с Полом в машине уже за пределами Нью-Йорка и говорил ему:

- Сейчас, наверное, шеф уже отдал приказ вернуть тебя в психушку, а меня отстранить от ведения дела. Поэтому на самолете мы лететь уже не сможем. Нам предстоит несколько дней трястись на машине до Муди. Самолетом нам уже не улететь, аэропорт отслеживается.

- Но почему вас так заинтересовало это дело?

- Почему? Потому, что мне не нравится, что моей страной, которая кичится своей свободой, управляет не правительство, а мешки с деньгами, да ладно бы если они, а то их подручные, хуже которых и выдумать невозможно!

- Вы думаете, что вы сможете победить? - скептически спросил Пол.

- В другой стране, наверное, не смог бы. Но мы ведь в Америке, на родине Бэтмена и Супермена. Так что думаю, что шансы на победу есть, и они все же значительные.

И впервые за этот день Ричард весело засмеялся.

Профессор Ричмонд

Профессора философии Гарри Ричмонда отправили на пенсию. Незадолго до этого он в публичном диспуте сумел взять верх над профессором Лещинским. Поначалу он было взял на вооружение методы своего оппонента, который не столько опровергал

научно утверждения соперника, сколько стремился выставить его смешным и глупым. И, надо сказать, Лещинский действительно в этот раз временами выглядел глупо.

Например, когда он сказал, что человек, в сущности, это всего лишь одна из разновидностей человекообразных приматов, Ричмонд сказал ему: «Вот оно что! А я-то думал – кого вы мне напоминаете? Но это, наверное, не ко всем людям относится, а только к вам? Вам тогда нужно не в университете, а в зоопарке преподавать». Взрыв хохота в зале сбил заведующего кафедрой антропологии с мысли, а профессор Ричмонд взял инициативу в свои руки. Шутки ему надоели, философ решил сказать все, что думает. Он был специалистом по средневековой теологии, презирал и марксизм, и нацизм и империализм, как и научные теории их обслуживающие, в первую очередь, теорию эволюции.

- Мы живем пока еще в христианской стране, - громогласно начал профессор Ричмонд, не обращая внимания на попытки Лещинского вставить слово, - но эта страна идет все дальше от Христа в сторону краха. Чем опасна теория эволюции? Сама по себе – она всего лишь одна из теорий, достаточно фантастических, нужно отметить. Но миф, который из нее вырос опасен тем, что вбивает в голову масс мысль, что якобы наука доказала случайное появление жизни, которая также случайно почему-то возрастает от простого к сложному, от плохого к совершенному. И якобы та же наука доказала, что в мире царит естественный отбор, и выживать должны только сильнейшие, хотя мы видим в природе много, казалось бы, полностью неприспособ-

ленных видов, которые вполне успешно сохранились до нашего времени. Но почему эта теория, а точнее этот миф имеет столько последователей?

Дело в том, что он очень удобный для того, чтобы оправдать мораль нашего общества, которое не хочет более быть христианским, которое хочет открыто грешить, и не страшиться наказания в вечности. Он удобен для нацизма, использующего его для утверждения, что германская раса, как «наиболее приспособленная» должна занимать главенствующее положение в мире. Он удобен для коммунистов, утверждающих диктатуру пролетариата, также как «наиболее приспособленного». Он удобен и вообще для оправдания любого империализма. Удобен для оправдания вообще любого зла – ведь это же «естественный отбор», «законы природы». Но это не законы природы – это законы зла, которые очень многие впустили в свое сердце.

И что мы видим? Две мировые войны, с десятками миллионов жертв, подобных которым еще не знала человеческая история. Атомное оружие, имеющее такую разрушительную силу, что третья мировая война может стать последней. А что становится с моралью? Возьмите Америку – разве у нас сейчас все хорошо? Что сделал с отношением к вопросам пола доктор Кинзи? Он провел исследования, якобы доказывающие, что 95% мужчин практикуют половые извращения и незаконные связи. А раз так, то бессмысленны сами понятия нормы и извращения. Но широкой общественности неизвестно, где он брал анкетированных для своих исследований. А между тем около трети из них были осужденные за половые преступления. Остальных он искал в публичных домах и притонах,

ночных клубах, стриптизах, барах, среди гомосексуалистов. По его словам выходило, что все это – среднестатистические американцы. И нас ведут к тому, чтобы среднестатистические американцы стали именно такими. В «Образцовом Уголовном кодексе», который в 1955 году был направлен в законодательные органы всех пятидесяти штатов, все до единой ссылки на эмпирические данные о половой жизни американцев ведут к материалам доктора Альфреда Кинзи...

Ведущему, наконец, удалось остановить профессора. Видя растерянные лица студентов, стереотипы которых оказались поколебленными в одно мгновение, он решил закончить диспут, тем более, что Бронислав Лещинский неожиданно растерялся, чего с ним обычно не бывало.

Через неделю профессору Ричмонду предложили уйти на пенсию. Перед этим его принял сам президент университета.

- Вы неправильно понимаете современное положение Америки, и не тому учите молодежь, - сказал он профессору. - Вы как будто не видите того, что в 1960-е годы администрация президента Джона Кеннеди политику «новых рубежей» - развития технического прогресса, образования, а также борьбы с бедностью. Сейчас осуществляется программа социально-экономических мероприятий по созданию великого общества - финансирование увеличения занятости, помощи престарелым, пенсионных пособий, общественных начальных и средних школ, высших учебных заведений, лечебных центров. Чтобы вам было стыдно - ваша пенсия будет равняться вашей зарплате!

Но Ричмонда это мало утешило. Он был типичным американцем, и потеря любимой работы была для него большей трагедией, чем стала бы бедность.

Новое предложение

На следующий день после диспута Бронислава Лещинского пригласил к себе президент университета мистер Гриффин. Лещинский впервые был в его кабинете - огромной комнате площадью около двухсот квадратных метров, заставленной тяжелой темной деревянной мебелью. Окна были глухо занавешены черными шторами с кистями; единственным источником света была небольшая настольная лампа.

- Добрый день, Бронислав, присаживайтесь, пожалуйста, - указал ему рукой на стул президент и тут же продолжил: - Вам не кажется, что вы вчера не нашли ничего, чтобы возразить профессору Ричмонду?

- Но он просто старый сумасшедший...

- Нет, не просто! Вас слушали три сотни студентов. Знаете, как мы бьемся за каждого из них, чтобы он мыслил и чувствовал так, как нужно нам? Мы поддерживаем студенческие клубы, через которые прошли и сами, и это было началом нашей включенности в общий процесс. Мы не жалеем средств на поддержку таких преподавателей как вы... А вы? Вы не оправдываете не только тех вложений, которые сделаны в вас, но вы разрушаете и то, что делали другие люди...

- Но позвольте! Я профессионал, и не хочу выслушивать замечаний в таком тоне! – возмутился Лещинский.

- Профессионал? И где же вчера был ваш профессионализм? – ехидно спросил Гриффин. – Вам пора бы уже понять, что пора делать следующий шаг.

- Вы о чем?

- Вы учились в американском университете?

- Нет, в Европе.

- Состояли в каком-то студенческом клубе?

- Нет, а при чем здесь это?

- Вам следует понять, что ваша борьба против христианства...

- Я не борюсь против христианства, мой враг - религиозное мракобесие!

- Ах, вот как! – заинтересованно посмотрел президент. – То есть вы отрицаете любые высшие формы знания?

- Не вполне вас понимаю...

- Может быть, вы и впрямь верите, что вы одна из обезьян из зоопарка?

- Позвольте...

- Пока не позволю. Вам нужно определиться – с нами вы или нет. Для того, чтобы быть с нами, вам придется выйти на другой уровень. Если вы не с нами, то значит вы против нас. Вас высмеют все газеты, вас не возьмут не то что ни в один университет, но даже в школу.

- Но что я должен сделать? – растерянно спросил Лещинский.

- Для начала вступить в наш клуб, - уже мягко ответил Гриффин. – Вы не пожалеете: если вас интересу-

ет наука, то вы узнаете в сотни раз больше, чем вам известно сейчас. Наш руководитель, мистер Линс...

- Этот мракобес? – воскликнул Лещинский.

- Тише, тише, - зло сказал ему президент. – Раньше вы могли говорить так, но на новом уровне это уже невозможно. За такие слова вам просто отрежут язык...

- В каком смысле? – растерялся профессор.

- В прямом, - последовал жесткий ответ.

- Я могу подумать? – совсем уже растерянный спросил Лещинский.

- Совсем недолго. Завтра твоя жизнь будет стоять вдвое меньше, чем сегодня, а послезавтра она не будет стоять ничего!

Заведующий кафедрой антропологии как ошпаренный выскочил из кабинета президента университета. В голове его все смешалось. «Кажется, или я или он, но кто-то из нас двоих сошел с ума!» - думал он.

Дорога в Моуди

Следователь с Полом ехали по направлению к Моуди второй день. По дороге Ричард старался выяснить, что же именно видел его спутник, известно ли ему что-то кроме фактов, изложенных в письме отца Альберта, написанном незадолго до его убийства.

- Я не знал ничего про это письмо, - задумчиво сказал Пол. – Я тогда сам не знаю почему отправился в город моего детства. Я решил начать новую жизнь, мне хотелось увидеть родителей... Где они сейчас, я не знаю... Город отгорожен пустыней, где-то за пять миль до него я почувствовал ощущение чего-то жуткого.

Ноя успокоил себя: что может быть жуткого здесь, ведь это место моего рождения, самое чистое и праведное место, которое было в моей жизни...

- На подъездах к городу была какая-то охрана?

- Людская нет.

- Что ты имеешь в виду?

- Теперь это проклятое место, там царят духи зла.

- Прямо уж и так? – усомнился Беркли.

- Да. Я с детства хорошо знаю лабиринты шахт, поэтому перед тем, как зайти в город, решил побродить по ним. Так вот – там есть лаборатория, где делаются какие-то ужасные опыты над людьми...

- Допустим. Ты пытался вмешаться?

- Нет, конечно. Я бежал оттуда так быстро как мог.

- И все же решил зайти в город?

- Я думал, что он и шахты не связаны... Хотелось увидеть родной дом.

- Увидел?

- Его снесли... - Пол заплакал. – Но самое плохое не это: они осквернили церковь.

- Ты то же видел черную мессу?

- Нет, я только видел, как из нее вышел человек в черном одеянии, держащий в руках отрезанную человеческую голову. И откуда-то сверху спустилась летающая тарелка. Из нее вышли два страшных зеленых существа. Он поклонился им, отдал голову... И в этот момент мне показалось, что меня заметили...

- Как же тебе удалось спастись?

- Я думаю, что меня сохранил Господь.

- Это точно не могло быть галлюцинацией?

- Я в этом уверен.

- Ты думаешь, что это инопланетяне, те, кого ты видел?

- Я думаю, что это демоны, - серьезно ответил Пол. - Но они могут жить и на других планетах, и приходиться в таком виде, в каком их ждут те, кто их призывает и кто им служит.

Два профессора

К профессору Ричмонду, сидевшему со стаканом виски в небольшом баре, подошел Лещинский.

- А, Бронислав, вы и здесь меня нашли? - недовольно посмотрел на него оставшийся без работы ученый.

- Да, мистер Ричмонд, и я должен вам сказать, что судя по всему я во многом был неправ.

- Вот как? - удивился профессор. - Присаживайтесь, расскажете ваши новые мысли. Вам взять виски?

- Наверное... Хотя, что я говорю: конечно, сам закажу и вам себе...

Им принесли бутылку и бутерброды с беконом.

- Видите ли, мистер Ричмонд, начал Лещинский, я всегда считал таких людей как вы мракобесами, позорящими науку...

- Это очень лестно, а я вас считал... Впрочем, на последнем диспуте это было обозначено. Так что же изменилось?

- Дело в том, что я годами занимался наукой ради науки. Меня интересовала чистота эксперимента. Я и не замечал, что в реальности просто принимаю на веру то, что сделали многие исследователи до меня. Мне и

в голову не приходило проверить, насколько объективны их выводы, насколько убедительны опыты...

– Неужели это наш диспут произвел такие перемены?

– Нет, конечно, – и Лещинский кратко рассказал о своем разговоре с Гриффином.

– Даже так! – присвистнул Ричмонд. – А я еще обижался на него за то, что он просто отправил меня на пенсию, с содержанием равным зарплате!

– Вы для него враг, которому он по каким-то причинам не может сделать больше зла, чем делает. А я, похоже, оказался в его власти...

– Что же вы намерены предпринять?

– Не знаю даже. Я все тяну с ответом, и чувствую, как атмосфера вокруг меня сгущается. Вчера мне сообщили, что со следующего месяца приостанавливается финансирование моих исследований, сегодня ректор сказал, что на будущий год объявлен новый конкурс на должность заведующего кафедрой антропологии, но я, разумеется, могу принять в нем участие...

– Вам уже невозможно больше тянуть с ответом: эти люди настроены серьезно. Что они от вас требуют?

– Участия в работе какой-то закрытой лаборатории, по их словам правительственной, но я в этом не уверен. Там делаются какие-то опыты над людьми. Но для начала я должен вступить в их клуб и пройти через ритуал посвящения...

Лицо Ричмонда стало необычайно серьезным.

– Вот что я тебе скажу, Бронислав, ни в коем случае не соглашайся на это! Пока ты честно заблуждавшийся ученый, но если ты пойдешь у них на поводу, то превратишь свою жизнь в ад уже на земле!

– То есть это тот случай, когда есть вещи, которые важнее биологического существования, что перечеркивает то, что я доказывал долгие годы?

– Именно так, – подтвердил Ричмонд.

– Что же, наверное, я откажу им, и будь что будет!

Лещинский залпом выпил целый стакан виски и пошел к выходу. Перед самой дверью он обернулся к профессору и сказал:

– Спасибо!

А в это время два человека в черных костюмах сидели в большом автомобиле с тонированными стеклами, стоявшем уже около часа у входа в их бар, и через специальную аппаратуру слушали их разговор. Когда Лещинский вышел, эта машина вдруг резко поехала, сбила его, затем дала задний ход, и переехала сбитого еще два раза. После чего быстро скрылась и вида.

... Когда Ричмонд подбежал к Лещинскому тот был еще жив.

– Вы знаете, я не жалею, что сделал именно такой выбор, – были его последние слова.

Уфолог

Мистер Линс беседовал с новым кандидатом на заведование кафедрой антропологии. Его собеседник – Самуэль Хиггинс – считался помимо прочего крупным специалистом по уфологии.

– Работая у нас, вы сможете узнать об этом намного больше, – вкрадчиво сказал ему Линс.

– Вот как? Ваш университет имеет какие-то работы? – недоверчиво спросил Хиггинс.

– И вы даже не представляете, до какой степени серьезные! – подтвердил бывший иезуит.

– Вы сможете мне рассказать и показать что-то пока мне неизвестное?

– Не сразу, конечно. Сначала нужно пройти посвящение.

– Так вы просто религиозная секта? – презрительно сморщился Хиггинс. – Прикрываетесь наукой?

– Я бы не спешил с такими выводами. Просто инопланетный разум облечен в неорганические формы, поэтому для общения с ним нужно пройти определенную подготовку.

– Неорганическую? Но я же сам видел тела пришельцев, они были вполне органическими...

– Вот это и будет вашей задачей. Дело в том, что высшим силам космоса на данном этапе нужно, чтобы их считали чем-то похожими на людей. Они вообще принимают тот облик, которого от них ждут. Но некоторые люди могут видеть их подлинный облик, а это мешает реализации их планов. Поэтому ими дано поручение тем, кто их поддерживает на Земле, подготовить доказательства их органического существования. С этой целью у нас существует одна закрытая лаборатория, где мы выводим таких существ, в которых пришельцы потом вселяются и затем покидают их тела во время смерти.

– И из кого вы их выводите?

– Из людей. Вивисекция, эксперименты по мутациям. Полученные особи должны иметь круглую голову, большие глаза, зеленый цвет кожи, в общем ничем на людей не походить.

– А что такое летающие тарелки?

– Настоящим представителям инопланетного разума они не нужны. Они и так легко преодолевают любые расстояния. Это просто иллюзии, которые они легко могут вселять в умы людей. Но, возможно, нам имеет смысл сделать парочку таких тарелок по аналогии с нашими космическими кораблями, напичкать их зелеными мутантами и разбить в паре мест...

– А как же полеты в космос?

– Это делается с целью внушить людям уверенность, что горделивому человеческому разуму все возможно. Это также согласовано с теми, кому мы служим.

– Но, если это все правда, а я почему-то начинаю в это верить, то почему вы не боитесь мне все это рассказать?

– Потому что у вас отсюда два пути: либо на заводование закрытой лабораторией, либо туда же в качестве лабораторного экспоната для эксперимента...

Хиггинс деланно рассмеялся.

– А про кафедру антропологии вы забыли?

– Ах, это... - усмехнулся Линс. – Это такая мелочь, которая совсем ничего не значит. Если вы будете с нами, то у вас будут любые деньги и любые должности, хоть министра. Но вы скоро поймете, что это не главное... Так вы согласны с нами работать?

Хиггинс утвердительно кивнул головой.

Родители Пола

Родители Пола жили в маленьком городке всего в шестидесяти милях от Моуди. Эндрю, всю жизнь отра-

ботавший на шахте, получал пенсию, на которую теперь и жили он и его жена, посвятившая жизнь дому и заботе об их четырех детях. Сначала после отъезда из родного города им приходилось несладко: ведь им пришлось оставить и дом и землю – без шахты город потерял источник жизни. Но потом кто-то скупил всю недвижимость и землю в Моуди, ставшем частной собственностью. Как говорили, он купил и шахту, так что ее хозяин-конгрессмен теперь еще и при деньгах. И хотя покупатель и не стремился платить лишнего, вырученных денег у Эндрю и Патриции хватило на то, чтобы приобрести небольшой домик в другом городке неподалеку от родных мест.

Трое их детей жили в разных больших городах: Питер был лейтенантом американской армии и служил в Детройте, Эмма работала журналисткой в какой-то большой газете в Вашингтоне, Том имел свой небольшой бизнес в Нью-Йорке. Лишь от Пола не было вестей.

Патриция часто втайне от мужа плакала, вспоминая непутевого сына. «Наверное, мы что-то ему недодали, раз он предпочел нашей спокойной размеренной жизни полную неожиданностей жизнь этих хиппи...» Эндрю, втайне от жены, также иногда долго сидел, смотря вдаль. Старик думал, мог ли он сделать что-то, чтобы его сын понял тогда, что «правильно» жить лучше и приятнее, чем пытаться бессмысленно идти путем нарушения запретов, лишая себя при этом намного большего, чем их соблюдение. И жив ли сейчас его сын?

Иногда до стариков доходили странные слухи, что в их родном городе, купленном неизвестным чуда-

ком, творятся страшные вещи. Будто бы из людей там делают зеленых монстров, что туда прилетают какие-то инопланетные существа, что грядет новая война с русскими, которая будет происходить уже не на земле, а в космосе...

Патриция ахала, а Эндрю сплевывал и бормотал: «Надо же было так угадать такой замечательный город!» В городке, где они жили теперь, был маленький католический храм. Супруги были постоянными его прихожанами. Католический священник Уильям Блэк часто бывал у них в гостях. Это был невысокий добродушный полный мужчина лет пятидесяти, который не был склонен так просто доверять каким бы то ни было слухам.

- Мало ли что говорят! – неизменно отвечал он на все вопросы Патриции по поводу Моуди. Когда же она сотый раз его спросила, что он об этом думает, отец Уильям ответил: - Думаю, что это не наше дело. И если то, что про этот городок болтают правда, хотя бы на сотую часть, то добавлю: и нам крупно повезло, что это не наше дело!

А вот Пола, о котором ему рассказывал и Эндрю, он очень жалел:

- Надо же придумали: «цветы любви»! Коровьи лепешки греха они, вот, кто они на самом деле есть! Но Бог и их любит! Давайте молиться, и однажды ваш заблудший сын постучит в вашу дверь.

И они молились, и Эндрю, и Патриция, и отец Уильям. Прошли годы. И вот однажды в дверь дома стариков действительно постучал их сын. Они проезжали городок с Ричардом подъезжая к Моуди, и реши-

ли попросить воды в одном из стоявших у дороги домов...

Встреча с родителями

... Ричард велел Полу попросить воды в одном из домиков в небольшом городке, когда они подъезжали к Моуди.

- Что-то я опасаюсь пить из местных водоемов, - заявил он.

- А местные жители тебе откуда воду возьмут? - усомнился Пол. - Стоит людей тревожить?

- Мне кажется, что стоит, - сказал следователь непонятно почему уверенный в этом.

Пол постучал. Ему открыл старик, лицо которого показалось до боли знакомым...

- Отец! - закричал вдруг Пол и упал на колени.

Услышавший крик Ричард вышел из машины и подошел к ним. Его спутник стоял на коленях перед стариком и плакал, а тот гладил его рукой по голове... На шум из домика вышла старушка, издавшая не менее громкий вопль, чем ее сын, которого тут же подняла с колен и начала целовать.

- Что случилось? - спросил подошедший Беркли.

- Это мои родители, - сияя от радости, сообщил Пол.

- Вот оно что! - задумчиво сказал следователь. - Давайте зайдём в дом, а то мы привлечем внимание соседей.

Уже в доме он сказал Эндрю:

- Когда соседи спросят вас, что были за крики, вы скажите, что проезжающие мимо остановились попросить у вас еды, но один из них случайно увидел змею и испугался. Вы его успокаивали, а ваша жена, увидев, что незнакомец стоит перед вами на коленях, подумала, что случилось что-то плохое, и тоже закричала...

- А что случилось? – забеспокоилась Патриция.

- Случилось много всего такого, что я не разрешил бы ему встретиться с вами, знай я, что вы живете в этом доме. Но видно судьба вам встретиться. Пол, расскажи сам родителям о своей жизни, но помни, что у нас есть только полчаса. По поводу нашей сегодняшней поездки мы вам ничего не можем сказать, чтобы не подвергать вас опасности.

Эндрю и Патриция со слезами узнали о смерти их внука, но были рады тому, что Пол наконец покаялся, и взялся за ум.

- Приезжай жить к нам, сынок, - плача, попросила Патриция.

- Вряд ли это будет возможно, к сожалению, - сказал Беркли. – Мы должны ехать дальше. Никому не говорите, что видели сына.

- И даже отцу Уильяму? Он так молился, чтобы мы встретились! – всхлипнула Патриция.

- Даже отцу Уильяму, - подтвердил Ричард. – Одного священника, отца Альберта уже убили из-за того, что Пол слишком много ему рассказал!

- Ты виноват в смерти отца Альберта, который тебя крестил? – грозно спросил Эндрю сына.

- Нет, конечно, - ответил Беркли. – Это просто был очень мужественный священник, решившийся на

безнадежную борьбу, исход из которой только один – смерть.

- Так и Пол погибнет? – в ужасе спросила Патриция.

- У него есть шансы: ведь он со мной, а меня голыми руками не взять, – весело ответил Беркли. – И дайте нам воды, а то нам еще далеко ехать.

Через десять минут в машину были загружена фляга воды и корзинка с едой.

- Увидимся ли мы еще? – спросила заплаканная Патриция сына.

- Мне этого очень бы хотелось, – ответил он.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Мортимер

Мортимер был студентом одного из крупных американских университетов. Его отличали собранность и целеустремленность, желание достичь поставленных жизненных целей. Главной из них было воплощение в жизнь американской мечты: достичь богатства, славы, власти. Все вместе это называлось «профессиональная самореализация».

Он усердно учился, много работал. Но уже на втором курсе понял, что для достижения успеха этого недостаточно. В университете существовало несколько закрытых клубов – в некоторых из них в свое время состояли многие сенаторы и конгрессмены. Только участие в жизни этих клубов, как узнал Мортимер, могло

гарантировать будущий успех. Одиночки, конечно, иногда добиваются чего-то в Америке, но это исключения, подтверждающие общее правило: за твоей спиной должна быть мощная корпорация, чтобы ты чего-то стоил.

Попасть в клубы было непросто. Многие увивались вокруг их президентов, умоляя взять их, но получали презрительный отказ. А некоторых приглашали самих. Мортимеру сначала польстило, что его пригласили в самый престижный закрытый студенческий клуб университета. Но когда он узнал, через какие испытания нужно пройти при посвящении в члены клуба, он решил для себя, что лучше пусть не будет никакой «профессиональной самореализации» в будущем, лишь бы не переживать такое сейчас. Посвящаемых истязали, насиловали, заставляли есть собственные экскременты, осквернять христианские святыни и могилы. Только после этого их допускали к посвящению, о сущности которого они могли узнать, только пройдя «первый этап».

Он достаточно жестко сказал об этом президенту клуба Гарри Филипсу. Более того, он начал рассказывать о том, что требуют с желающих вступить в этот элитный клуб другим студентам. Оказалось, что это было неосторожно с его стороны.

Мортимера пригласили в кабинет президента университета мистера Гриффина, где был также один из представителей совета попечителей мистер Линс. Они мягко и вкрадчиво объясняли ему в течение получаса, что Филипс неудачно пошутил. А вот он, Мортимер, распространяя подобные слухи, подрывает авторитет не только университета, но и его выпускников

– уважаемых сенаторов, конгрессменов, судей и бизнесменов.

Мортимер сник, он просил прощения, сказал, что почувствовал, что это неправдоподобно, но почему-то поверил.

– Теперь тебя, конечно, уже не примут в клуб, всех членов которого ты так жестоко и несправедливо оскорбил, – сказал в заключение мистер Гриффин. – Но ты можешь закончить университет, и попробовать самостоятельно строить свою карьеру, если скажешь всем тем, кому ты говорил о своих выдумках, что это только выдумки и не более того!

Мортимер обещал, и правда начал разговаривать со всеми, с кем делился своими мыслями о клубе, каким, оказывается, он был дураком. Но один из них, Джимми, сказал ему:

– А вот и нет. Это ты сейчас стал дураком.

– В каком смысле? – удивился Мортимер.

– В таком, что все это правда. Я давно за ними наблюдаю, хочу сделать статью, чтобы Америка знала, кто ей правит. И эти люди еще ругают коммунистов!

– У тебя есть доказательства? – усомнился Мортимер.

– Будут, – подтвердил Джимми. – Пойдем сегодня со мной, ты сам все увидишь.

... Ночью они пришли на кладбище, находившееся в нескольких километрах от города. Спрятавшись в кустах, студенты увидели группу из восьми их ровесников. Они узнали их: это были члены клуба, в который не попал Мортимер. Сейчас он и Джимми с ужасом наблюдали за тем, как их сокурсники разбили крест, раскопали могилу, вытащили из гроба кости,

часть из них положили в сумку, а над другими стали читать какие-то заклинания... Мортимера затошнило, а Джимми достал фотоаппарат и сделал несколько снимков.

– Завтра же пойду в редакцию! – заявил он.

Их не заметили, но на другой день Джимми, так и не вернулся из редакции газеты. Куда он исчез? Мортимер отправился в город искать своего нового друга. Он долго бродил в окрестностях и редакции и университета, но все безуспешно. Неожиданно его кто-то окликнул.

Из окна черного лимузина выглядывал улыбающийся мужчина средних лет.

– Молодой человек, мне кажется, что я могу вам помочь, - сказал он.

– Правда? – обрадовался Мортимер и подошел к машине.

В этот момент кто-то сзади накрыл его лицо тряпкой с хлороформом. Очнулся Мортимер уже в багажнике машины, связанным и с заткнутым ртом. Куда его везли, он не знал...

В ящике

... Где-то через час машина остановилась. Мортимера вытащили из багажника и потащили к стоявшему рядом грузовому фургону, внутри которого через открытую дверь был виден большой железный ящик. Юноша попытался убежать, но его сильно ударили по голове, и он потерял сознание.

Очнулся Мортимер в каком-то железном ящике, намного более просторном, чем багажник. Руки и ноги его по-прежнему были связаны, но кляп изо рта вынули, видимо, чтобы он не задохнулся: кислорода здесь не хватало. Судя по всему его везли куда-то в фургоне, который он увидел перед тем как потерять сознание. Осмотревшись, Мортимер увидел, что он здесь не один. Рядом лежал какой-то человек.

– Кто ты? – спросил его юноша.

– Мортимер? – удивленно ответил тот.

– Джимми? Как ты здесь оказался?

– Искал тебя, а потом меня подозвали к машине, накрыли лицо какой-то тряпкой. Очнулся связанный в багажнике какой-то машины, пробовал бежать, меня ударили, теперь оказался здесь...

– А у меня тоже похожая история. Редактор кивал, что все это очень важно, что нужно разоблачить изуверские секты, прячущиеся в университетах под видом клубов. А потом на улице меня подозвали к какой-то машине... Дальше примерно то же самое...

– Куда нас везут?

– Если бы знать!

– Думаешь, нас будут искать?

– Вот это вряд ли. Я из простой семьи, ты тоже, думаю, не сын сенатора.

– Но ведь у нас страна равных для всех прав и возможностей!

– Ты все еще веришь в эту пропаганду?

– Так неужели все это вранье?

– Конечно.

– А в университете нас не будут искать? – с робкой надеждой спросил Мортимер, предвидя ответ.

– Смеешься! Не только не будут искать, но и замнут дело с исчезновением, скажут нашим родственникам, что мы ушли в лагерь хиппи, несмотря на все уговоры, и решили забыть о своих семьях...

– Но это же ужасно!

–Ужасно, согласен, но такова жизнь в этой стране.

– Но нас ведь не убили, значит, мы для чего-то нужны, – нашел новую ниточку надежды Мортимер.

– Я бы этому не радовался. Фашисты тоже не всех убивали: их концлагеря были заполнены теми, применение кому они находили. Не думаю, что из нас сварят мыло: это экономически нецелесообразно, учитывая те вложения, которые они уже сделали в наше похищение и транспортировку. Скорее всего, речь идет о каких-то запрещенных опытах...

– Как ты можешь так шутить?!

– А я и не шучу, – грустно сказал Джимми.

... Их везли несколько дней, друзья изнывали от голода и жажды, в туалет их также не выводили. Наконец дверь ящика открылась; Мортимер и Джимми чуть не потеряли сознание от потока свежего воздуха. До того как их куда-то поволокли, они увидели, что их привезли на какую-то заброшенную шахту...

Зеленые человечки

Уже через несколько десятков метров от входа шахта начала приобретать совсем иной вид. Стены, пол и потолок были выровнены, а еще дальше появи-

лись помещения, зайдя в которые можно было подумать, что вы попали в какую-то лабораторию.

Студентов, наконец, развязали, заставили раздеться и вымыли из шланга бьющей с сильным напором водой. Бежать после такой дороги они уже не смогли бы. Им дали воду и немного бульона, в который видимо было подмешано снотворное, потому что очнулись они через несколько часов в какой-то новой комнате.

Мортимер и Джимми были привязаны к кроватям, им поставили капельницы с каким-то зеленоватым раствором. Кроме того, видимо, им сделали какие-то инъекции на лице, потому что юноши физически чувствовали, как расширились их глаза, и вообще с лицами творится что-то не то.

– Мортимер, – тихо спросил Джимми, – тебе не кажется, что нам ввели еще что-то, подавляющее волю к сопротивлению?

– Кажется, – ответил ему друг. Сил бороться у него не было.

... Процедуры продолжались изо дня в день, студентам было уже безразлично, что с ними происходит, как они выглядят. А уже через месяц их было невозможно узнать. Цвет кожи из-за постоянно вводимого раствора стал зеленым, лица и фигуры из-за варварских пластических операций перестали напоминать человеческие. И при этом не было никаких чувств или эмоций: сильные психотропные препараты полностью раздавили их личности. Их уже не связывали, хорошо кормили, но юноши даже не замечали этого.

Однажды Мортимера и Джимми опять куда-то повезли. Перед этим их одели в блестящие комбине-

зоны. Их привезли в пустынное место милях в двадцати от шахты, где стояла какая-то машина, похожая на космический корабль, каким его показывал в это время американский кинематограф.

Студентов поместили на корабль, затем наглухо закрыли за ними дверь. Через какое-то время раздался взрыв...

А уже через несколько дней все американские газеты писали о том, что в одной из американских пустынь потерпел крушение инопланетный космический корабль. Найдены тела двух инопланетян, очень похожие на человеческие...

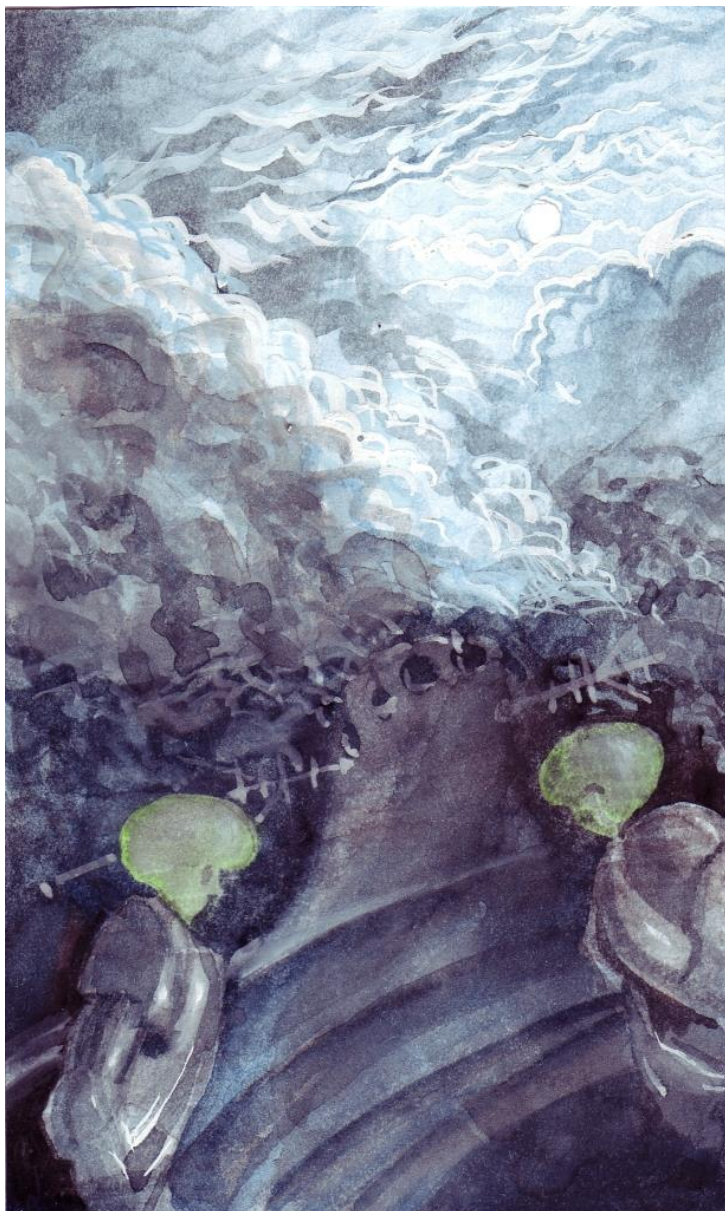
Доктор Хуберт

Хуберт был специалист по нетрадиционной медицине – так его назвали бы сегодня. В Америке 1960-х его называли проще – шарлатан. Он изучал Каббалу и Талмуд, занимался астрологией и алхимией, поисками философского камня и голема, пытался в пробирке создать гомункула, и все свои опыты пытался представить широкой общественности, как новое слово науки, которой для того чтобы сделать качественно новый шаг вперед, нужно вернуться к тому, что было известно уже многие века назад, а сейчас забыто.

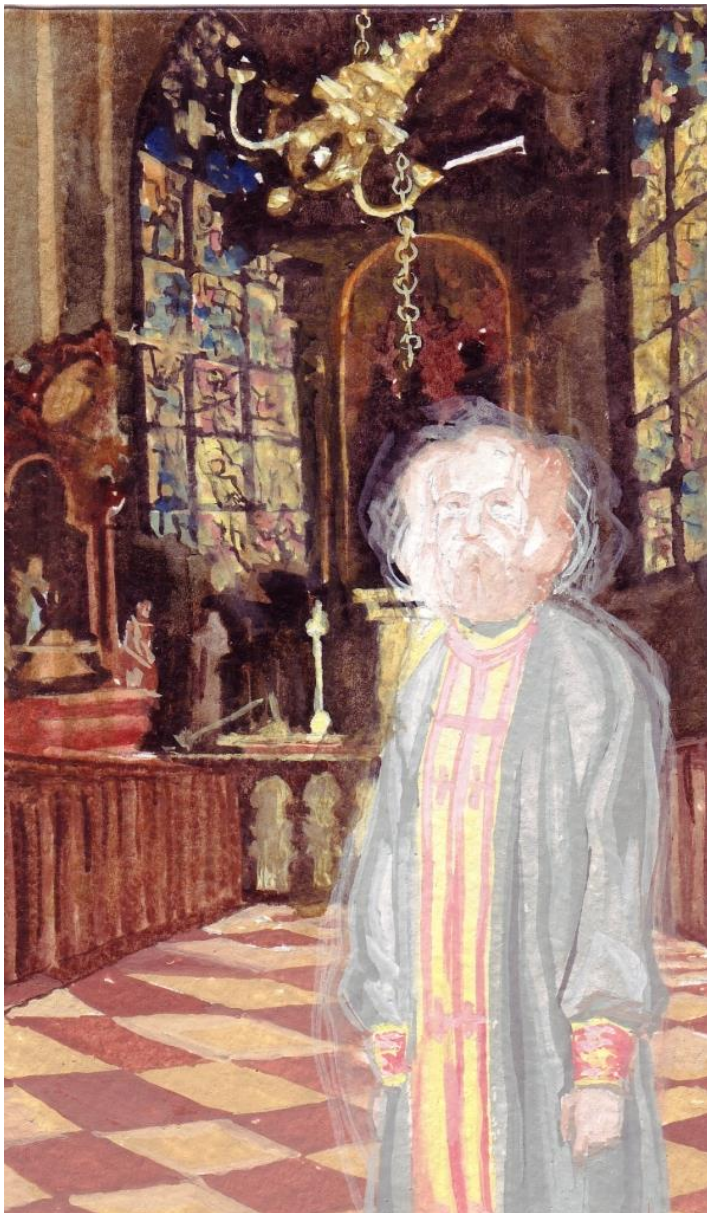
Хуберт подвергался насмешкам, нигде не мог найти себе работу. Хотя он и имел докторские степени по химии и биологии и магистерскую по астрономии. Но однажды его заметил мистер Линс, и жизнь Хуберта обрела новый смысл.

В Мойду

Зеленые человечки

В оскверненном храме

Отец Уильям и генерал Бэрримор

- Надо признать, что создание гомункулусов или Франкенштейнов из ничего – это всего лишь фантастика, - мягко, но зловеще говорил мистер Линс. – Но вот создание их из обычных людей – это вполне реальная вещь!

- Не уверен, что это невозможно. А ваше предложение - какой в этом интерес? – спросил Хуберт.

- Вижу творческого человека, - засмеялся Линс. - Поверь: интереса у тебя будет предостаточно! Я не говорю уже про материальную составляющую...

- Она для меня менее интересна...

- Это еще лучше! Итак, вы готовы возглавить закрытую лабораторию по переделыванию людей в гуманоидов?

- Смысл?

- Я объясню это позже... Спрошу так: если смысл есть, моральная сторона вопроса вас не смущает?

- Нет, тот, кто обладает тайными знаниями, находится по другую сторону добра и зла.

- Превосходно! Тогда смысл непременно найдется!

Они проговорили около часа тогда. В результате Хуберт с десятью помощниками перебрался на заброшенный рудник неподалеку от Моуди. Под его руководством, силами латиноамериканцев, ни один из которых по окончании работ не вернулся домой, бывший рудник был реконструирован в огромную лабораторию.

Земли вокруг, рудник и все, что осталось от города Моуди, купил мистер Линс. Бывшая католическая церковь стала местом зловещих ритуалов.

Мортимер и Джимми стали первыми экспериментами доктора Хуберта по переделыванию людей в то, чем хотел их видеть его хозяин. Знаний Хуберта по естественным наукам и оккультизму оказалось достаточно, чтобы у него все получилось. Когда же все газеты Америки писали о найденных пришельцах, мистер Линс пришел к Хуберту и спросил:

- Ты справился блестяще, они даже не подумали, что это обычные люди. Как тебя наградить?

- Придумай работу поинтереснее, и подскажи, как ее сделать, - ответил Хуберт.

Линс засмеялся:

- С чего ты взял, что я знаю, что-то, что неизвестно тебе?

- Мы оба многое знаем, но ты больше.

- Хорошо, что ты это признаешь. Думаю, что наше сотрудничество будет долгим и взаимоприятным, - довольно сказал мистер Линс.

Социолог

Профессор социологии мистер Хупер сидел в кабинете президента университета Гриффина и курил сигару, небрежно потягивая виски из большого стакана. Он был едва ли не единственным из преподавателей, кто мог себе позволить так вести в этом кабинете. И этому было простое объяснение: в «другой» иерархии Хупер был выше, чем Гриффин. На их тайных собраниях он иногда даже заменял Линса. С президентом университета профессор социологии регулярно встречался для определения стратегии их дальнейшей

деятельности, потому что именно университету принадлежала ведущая роль в воплощении жизни его планов. Сегодня темой разговора был кинематограф.

- Вы не представляете даже, сколько мы сможем из этого выжать! То, что снимается сегодня – просто смешные вещи по сравнению с тем, что будет снято! Мы покажем всю дрянь, всю гадость, которая есть в стране, и приучим народ считать, что это норма. Порнография заменит любовь, животный страх и ненависть к другим – смелость и самопожертвование. Мы приучим людей равнодушно смотреть на страдания на экране, держа стакан пепси в руках, а потом они также равнодушно будут взирать и на страдания тех, кто рядом с ними, - возбужденно говорил Хупер.

- Над этим мы уже работаем, - заметил Гриффин.

- Это пока еще ничто, по сравнению с тем, что предстоит сделать. Мы вселим в людей ощущение того, что жуть, против которой нет никакой защиты, совсем рядом с ними. Она и в мегаполисах и в маленьких городках, любой случайный прохожий или дружелюбный с виду сосед может оказаться страшным маньяком. Мириады разных сил зла живут рядом, не оставляя для человека места на земле. И для того, чтобы вбить это в сознание людей мы снимем сотни, тысячи фильмов! Мы изменим и понятие героизма. Новые герои не будут чисто положительными людьми: они будут разрушать не меньше, чем те, против кого они будут бороться. Мы создадим множество фантастических картин, которые приучат людей к мысли, что земля всего лишь песчинка во вселенной, а цена человеческой личности – нулевая. Мы приучим сознание зрителей к существованию множества более развитых

цивилизаций, чем человеческая; приучим их к мысли, что само по себе человечество и не имеет особой ценности, важны только шкурные интересы конкретной особи...

- Я всегда с интересом слушаю ваши планы, но выдумаете, что все это скоро будет реализовано?

- Думаю, что через полсотни лет нам удастся создать общество потребления, имеющее в избытке «хлеб и зрелища», общество, где все будет поставлено на службу самым низменным инстинктам, которые будут объявлены неотъемлемыми правами личности.

- А что будет потом?

- Потом? Разрушив человеческую личность, как моральную единицу, мы уничтожим церкви и все традиционные религии, как организации, и мы создадим новую религию, во главе которой станет глава единственного всемирного государства, которого мы ждем, и которому последователи этой религии и будут поклоняться. Но не будем обманываться: возможно впереди нас еще ждет третья мировая война.

- Но разве мы и так не думаем, как решить проблему перенаселения? – небрежно спросил Гриффин.

- Вы зря на это так просто смотрите, - недовольно сказал Хупер. – Война может перевернуть все наши планы.

- Они отложатся на какое-то время, только и всего...

- Отложатся! Они уже свыше тысячи лет все откладываются – только у нашей организации! Нельзя благодушествовать! – страстно воскликнул Хупер. Потом вдруг успокоился, посмотрел на Гриффина и ска-

зал: - Не будем о грустном. Вот посмотрите, что вызвал в умах людей наш эксперимент в Моуди.

И он разложил перед президентом университета листки из черной папки. Диаграммы, выдержки из статей, интервью говорили о том, что Америка, узнав о найденных пришельцах, испытала настоящий шок.

Эндрю и Патриция

На следующий день после Пола и мистера Беркли Эндрю и Патрицию посетили другие люди – три мужчины в черных костюмах и темных очках, которые судя по всему, шли за следователем и бывшим хиппи по пятам, но отставали на день. Главный из них – мистер Энд – предъявил хозяевам удостоверение агента ФБР.

- Вы давно видели своего сына?

Эндрю колебался, но Патриция, как честная американка, не могла лгать представителю федеральной государственной власти:

- Вчера. Он был здесь с другом, странным человеком...

- Они что-то рассказывали вам?

- Пол рассказывал о жизни, что умерли все, кого он любил, - вставил Эндрю.

- Вот как? А зачем он приехал к вам?

- Просто случайно попросил воды, а потом узнал меня, - продолжал старик.

- Он обещал вернуться?

- Нет, сказал, что это невозможно.

- Говорил, куда направляется сейчас?

- Сказал, что нам нельзя этого знать. А что, собственно говоря, случилось?

- Дело в том, что ваш сын из-за употребления ЛСД и наркотиков сошел с ума. Ему мерещится всякая чушь, но он бывает иногда убедительным. Его подозревают в убийстве священника. А его спутник – полицейский, который, видимо, попал под влияние фантазий Пола, похитил вашего сына из психиатрической клиники. Они очень опасны: вы чудом остались живы. Им могло примерещиться, что вы пришельцы из космоса, и вашей жизни пришел бы конец.

Патриция расплакалась, Эндрю сжал губы. Как честные простые американцы они привыкли верить тому, что говорят представители государства, даже когда эти вещи и неприятно слышать.

- Что же с ним будет? – в слезах спросила несчастная мать.

- Скорее всего, он будет доживать свой век в закрытой психиатрической клинике, без права свиданий.

Патриция разрыдалась, Эндрю обнял ее, но сам качался под ударом того, что ему рассказали.

- Благодарю, что ответили на все вопросы. Вы даже не представляете, насколько это лучше для вас, - сказал на прощание агент Энд.

Когда машина отъехала от дома, он обернулся к своим спутникам:

- Ликвидировать стариков не имеет смысла, они ничего не знают, и полностью мне поверили. Думаю, что они уже и не рады неожиданной встрече с сыном.

- Куда дальше? – спросил его агент Фрост.

- В Моуди, куда же еще! Основная задача остается прежней – ликвидировать Беркли и взять живым Пола.

... Эндрю и Патриция еще долго стояли на крыльце, держась за руки.

- Лучше бы уж нам и не знать ничего о нем, - грустно сказала старушка.

- Зачем ты так говоришь? – возразил муж. – Есть надежда, что это не он убил отца Альберта. И мы пока будем верить в это. А за остальные ошибки жизни Пол уже расплатился. Даже если он тяжело болен – это же не повод отказываться от сына.

- Ты прав, дорогой, - вздохнула Патриция и положила голову на грудь мужа.

В бывшей шахте

Ричард и Пол оставили машину в нескольких милях от Моуди, спрятав ее в заросшем зеленом овраге. После этого они направились к шахте.

- Ты хорошо знаешь ее внутреннее расположение? – поинтересовался Беркли.

- Мальчишкой я много лазил внутри, - ответил Пол.

- Они могли там все и изменить внутри, - задумчиво проговорил Ричард.

- Да, изменили кое-что, ведь они же сделали подземную лабораторию... Но думаю, что разберемся.

В шахту было три входа. Один из них основной был закрыт массивной железной дверью с табличкой «Частная собственность. Вход запрещен». Когда Пол

приходил сюда первый раз, эта дверь была открыта, и он по беспечности имел неосторожность в нее зайти и походить по шахте...

Второй был заложен кирпичной стеной метровой ширины. А вот про третий вход, знакомый Полу с детства, новые хозяева шахты, похоже, ничего не знали. Начинался он как чья-то узкая нора, но дальше все больше расширялся. Друзья без всяких препятствий вошли в узкий коридорчик, но через сотню метров оказались в тупике.

- Ничего не понимаю, здесь раньше была пещера, - удивился Пол.

Но более внимательный Беркли увидел, что стена, в которую они уперлись слишком ровная для горной породы. Он постучал по ней рукой. Оказалось, что это покрашенная под цвет породы перегородка из легкого материала в несколько дюймов толщиной.

- Как они не побоялись сделать такую тонкую стену? - изумленно спросил Пол, когда Ричард одним ударом ноги пробил в ней дыру достаточную для того, чтобы друзья могли пройти.

- Они же не знали о третьем входе, а более толстая перегородка требует больших затрат. Что-что, а денежки эти ребята умеют считать!

За перегородкой оказалась пустая комната с двумя увешанными приспособлениями кроватями.

- Вот здесь я видел тех несчастных! - воскликнул Пол.

- Значит недалеко за этой дверью выход? - поинтересовался Ричард.

- Нет, я долго тогда бродил здесь. Охраны тогда не было, только один мертвецки пьяный мужик в белом халате.

- То есть тебя заметили не здесь?

- Нет, около храма.

- Как же ты смог от них убежать?

- Не знаю, у меня был мотоцикл...

- Мотоцикл?! – засмеялся Ричард. – Да, это действительно меняет дело.

В этот момент дверь в комнату приоткрылась, и в нее вошел человек в белом халате. Он изумленно уставился на Беркли и Пола. Ричард воспользовался этим секундным промедлением, и оглушил его резким ударом кулака.

- Поговорим с ним на свежем воздухе, - решил он.

Мужчина в белом халате оказался грузным, и тащить его было непросто. А под конец его вообще едва удалось протиснуть сквозь узкий выход из шахты.

- Заткнем-ка мы этот просвет камнем, ведь нас наверняка сейчас будут искать, - сказал Ричард, и через минуту поверх того, что казалось норой лежал большой валун, так что ни снаружи ни изнутри никто не подумал бы, что здесь находится еще один вход в подземную лабораторию.

- А теперь, мистер, - обратился Беркли к начинавшему приходить в себя человеку в белом халате, - вы ответите мне на несколько вопросов.

Следователь - супермен

Доктор Хуберт лишь криво усмехнулся в ответ на угрозы Ричарда:

- Ты думаешь, что возможно напугать меня? Меня, который...

- Думаю, что да! – заявил Беркли, нанося ему сильный удар в солнечное сплетение. – Сколько сейчас людей в шахте?

- Достаточно, чтобы поймать вас и доставить ко мне на операционный стол! О, я сделаю из вас обоих отличных зеленых гуманоидов! – зловеще прошептал Хуберт, преодолевая боль.

- Так значит все это правда, вы их делаете? - испуганно спросил Пол, который надеялся в глубине души, что в прошлый раз ему все померещилось.

- Не просто делаю. Я и из вас их сделаю, - уже спокойно сказал доктор, думая, что ему удалось настолько напугать своих противников, что они уже в его власти.

- А вот это вряд ли! – спокойно заявил Ричард. - Думаю, что руками ты уже не сможешь работать!

- В каком смысле? – удивился Хуберт, пораженный, что кто-то смеет ему противоречить.

- В прямом, - ответил следователь и, внезапно схватив валявшийся рядом большой камень, нанес Хуберту сильные удары сначала по одной, а потом по другой руке, превратив их в кровавую кашу.

Доктор взвыл и, изрыгая тысячи проклятий, начал придумывать каким пыткам он подвергнет того, кто посмел его изувечить.

- Пожалуй и головой ты больше не сможешь работать, ты не правильно ей пользуешься! – сделал вывод Беркли, и следующим ударом камня проломил Хуберту голову.

Затем он посмотрел на оцепеневшего Пола, и ответил на застывший в его глазах немой вопрос:

- Ну да, такие вот в Америке супергерои, не очень добрые, что поделать!

Потом он отвалил камень и сказал:

- Толку от этого не добились, полезли обратно!

В этот самый миг из шахты показалась голова охранника, который не мог понять, кто проломил стену в лаборатории и куда исчез доктор Хуберт, и только сейчас, увидев свет, начал строить какие-то предложения. Но его умозаключения прервал Беркли выстрелом в голову. Застреленный заткнул собой выход, а за ним лезли еще не менее двух людей, как можно было понять по их озабоченным голосам, слышавшимся снизу.

- Давай-ка отойдем, - скомандовал Ричард Полу.

Они отошли как раз вовремя, потому что и с другой стороны к ним бежали двое людей в военной форме. Обоих их Беркли удалось застрелить из пистолета, а тех, кто, наконец, вытолкнув убитого из входа шахты показался на поверхности, он застрелил у взятого у одного из застреленных им автомата.

- Ричард, ты уверен, что все это хорошо, что ты делаешь? – робко сказал Пол, который в этом не был так уверен.

- На все сто, - подтвердил Беркли и, вытащив у одного из убитых из-за пояса связку гранат, направился к главному входу в шахту.

Ими ему удалось взорвать дверь и засыпать проход в шахту на полметра вперед.

- А теперь нам нужно убираться отсюда, - скомандовал Ричард. - Сейчас сюда приедут ребята намного серьезнее этих.

- И ради чего все это? Чего мы добились? - грустно спросил Пол.

- Как чего? - удивился следователь. - Отомстили за отца Альберта, за твой город, и за тебя! Но давай пошевеливайся, нам некогда сопли жевать!

... Через час мистер Линс уже знал о происшедшем. В это время он был в кабинете у президента университета.

- Ну вот и как мне не верить нашим хозяевам, мистер Гриффин? - задумчиво сказал он, выслушав сообщение. - Неделю назад они велели мне найти нового заведующего лабораторией. Я договорился с Хиггинсом, но спросил, что будет с Хубертом. Хозяева сказали, что они заберут его. И вот это сбылось... И еще они сказали, что придется потратиться на восстановление лаборатории после некоторого неприятного происшествия, которое в целом будет на пользу нашему делу. И разве это не так? Теперь Ричард и Пол - преступники-изгои, убившие много людей, до смерти замучившие видного ученого. Чьи симпатии теперь будут на их стороне, когда все газеты напишут об этом? Электрический стул все будут считать очень мягким наказанием по отношению к ним. И кто теперь будет сомневаться в том, что именно Пол убил католического священника?

Ответный удар

Пол не был так оптимистично настроен, как Ричард, считавший, что напугал врагов своим эффективным нападением, и впереди победа.

- Ты отдал нас им во власть! – грустно повторял он.

А Беркли лишь смеялся. Но вскоре все газеты пестрели их фотографиями со статьями о том, как два страшных преступника-маньяка убили сначала католического священника, а потом разгромили секретную правительственную лабораторию, замаскированную под частные владения и зверски убили ученого, мировое светило, чья жизнь так нелепо оборвалась под ударами камня, которым изуверы сокрушали его тело. Еще пять солдат федеральной армии убиты – фотографии их жен и детей публиковались в тех же газетах.

Ричарда, у которого не было ни семьи, ни друзей, как и подобает «герою-одиночке» и то проняло. А что говорить про Пола, который прочитал интервью, взятое у его матери, в котором она говорит, что жалеет, что у нее есть такой сын! «Мне показалось, что он исправился, но оказалось, что он стал еще тысячекратно хуже, чем тогда, когда просто пил и предавался разврату в лагерях хиппи», - так было написано в газете.

Их постоянно показывали по телевизору, на них шла настоящая охота. Однако Ричарду удавалось уходить от преследователей, находя каждый раз новое пристанище.

- Может быть нам стоит сдаться? – однажды спросил Пол. – Мне кажется, что мы проиграли эту войну.

- Сдаться? – остервенело спросил Беркли, и сильно ударил его кулаком в лицо так, что Пол упал и чуть не потерял сознание. – Чтобы я не слышал больше такой упадочнической чуши, не то я сам тебя пристрелю!

Но по их следу шел агент ФБР мистер Энд с двумя помощниками, который ни в чем не уступал Беркли. Наконец, они их настигли. Ричарду удалось ранить одного из спутников агента, но при этом самому ему прострелили голову, и он потерял сознание.

Когда он очнулся, то увидел связанного Пола, а над собой мистера Энда с большим пистолетом.

- Думаю, что надо поступить с тобой, как ты поступил с доктором Хубертом, - задумчиво сказал он Беркли. – Больше ты не сможешь никого ударить?

- Почему? – испуганно прошептал Ричард, предвидя ответ.

- Поэтому, - ответил агент и четыре раза выстрелил разрывными пулями.

Страшная боль обожгла тело бывшего следователя. У него больше не было ни ступней ног, ни кистей рук.

- А рана в голову мала, - задумчиво продолжал Энд. – Но электрический стул это исправит.

Беркли был доставлен ими в специальную тюрьму ФБР, где никто не задавал глупых вопросов о том, что случилось с руками и ногами арестованного, а Пола возвратили в психиатрическую клинику доктора Хайда.

Отец Уильям Блэк

К удивлению Эндрю и Патриции отец Уильям не спешил поддержать всеобщее единодушное осуждение их непутевого сына, в одночасье ставшего одним из самых известных маньяков в Америке.

- Что-то здесь не сходится, - сказал им священник.
- И я попробую выяснить что.

Он зачитывался рассказами Г. К. Честертона про отца Брауна, и в глубине души тоже хотел быть таким же пастырем, для которого не существует никаких загадок. Но, проанализировав все данные, которые удалось собрать о шахте, городе Моуди и всем, что с этим связано, Блэк понял то, что дело слишком серьезное, чтобы в нем мог что-то изменить такой привязанный к земным интересам человек, как он.

- Пол попал в эпицентр каких-то очень странных и страшных событий, - сказал отец Уильям Эндрю. - Я, наверное, не смогу проникнуть в их суть. Но у меня есть один друг - священник Православной Церкви в Америке. Он живет в пятистах километрах от нас. Пожалуй, я к нему съезжу.

И на другой день Блэк отправился путь. В дороге ему казалось, что за ним следит какой-то странный тип в черном костюме, однако он посчитал это игрой воображения. До дома его друга отца Николая, жившего в стороне от людей в маленьком доме, нужно было около трех миль идти пешком. «Сейчас я и увижу, действительно ли за мной следят!» - подумал отец Уильям, и уверенно зашагал по свободной от машин и путников дороге. За ним столь же уверенно пошел и вызвавший его подозрения человек, держась, однако, при

этом немного в стороне. Где-то через милю он выхватил пистолет, направил его в сторону священника... Отец Уильям увидел это. Бежать было некуда. Он спокойно встал и начал молиться. Вдруг лицо человека с пистолетом исказилось страхом, как будто он увидел что-то необычайно ужасное. Бросив оружие, мужчина бросился бежать.

А священник уже без происшествий дошел до дома своего давнего друга – старого уже человека, в возрасте тридцати лет эмигрировавшего в Америку из Советской России ближе к концу гражданской войны.

Отец Николай ждал его на крыльце.

- Я молился сейчас за тебя, - без обычных приветствий сказал он. - Облако демонов кружилось над дорогой, они вели человека, который должен был тебя застрелить. Но ангел света всех их разогнал. Мне известно, зачем ты приехал. Идем в дом, это очень серьезный и сложный разговор.

Отец Уильям, как всегда пораженный необычными способностями своего друга, зашел за ним в его жилище – небольшой домик из комнаты и кухни с удобствами во дворе. Протоиерей Николай пригласил его за стол, на котором стоял горячий самовар и тарелка с кусковым сахаром и сухарями.

- Давай попьем чайку, - сказал он. - Тебе нужно успокоиться после пережитого.

Протоиерей Николай

Протоиерей Николай после тех ужасов, которые увидел в России во время гражданской войны, связан-

ных и со смертью всех членов его семьи, очень изменился. Молодой священник был в ведомстве военного духовенства, последнее время в России он служил военным священником в войсках Врангеля. Затем эмиграция с ее тяготами, сменами стран. Последним его пристанищем стала Америка.

Его не хотели сюда пускать какие-то силы, хотя внешне это никак и не проявлялось, отец Николай просто физически это чувствовал. Но что-то не дало им ему помешать. Священник поселился в маленьком городке среди сотен других русских эмигрантов. Из небольшого сарая, на который они едва наскребли все вместе деньги, они сделали православный храм. С благословения местного православного епископа протоиерей Николай начал служить в нем. На жизнь он зарабатывал плетением корзин, изготовлением деревянной посуды, потому что службы в храме не приносили ему никакого дохода.

За несколько десятков лет удалось вместо сарая построить настоящий небольшой деревянный храм. Когда отцу Николаю исполнилось семьдесят, он попросил епископа рукоположить одного из его прихожан - двадцатипятилетнего Семена в сан священника, а сам переехал в маленький заброшенный дом в нескольких милях от городка, где стал проводить время в молитве. Но каждое воскресенье и в большие праздники, протоиерей Николай неизменно приходил в храм, хотя пешеходные переходы и давались ему нелегко.

После тех ужасов, которые ему пришлось увидеть во время гражданской войны, он ко всему относился спокойно, но всегда уговаривал людей не делать тот или иной грех: «Вы не представляете, какой страшный

механизм разрушения включаете этим своим поступком», - были его обычные слова.

С отцом Блэком они познакомились случайно, когда тот, путешествуя по Америке, заехал в городок, где был приход отца Николая, и решил зайти в православный храм. Там они и познакомились. Оба искренне верующих священника были не из тех, кто считает, что все, кто не принадлежит к их церкви, непременно будет гореть в аду. Среди все более уверенно прокладывавшего себе дорогу в душах людей зла, они считали, что все христиане должны держаться друг друга. Но при этом какие-либо совместные богослужebные действия оба считали недопустимыми. Они нечасто встречались: их разделяло пятьсот километров. Но отец Уильям всегда чувствовал молитвенную поддержку отца Николая – человека, все более отходящего от земных интересов. Сейчас, сидя с ним за столом с чашкой горячего чая, Блэк думал, что более нереально: то, что произошло с ним на дороге, или то, что человек, видящий сквозь пространство, своей молитвой меняющий ход событий, так спокойно сидит с ним за чашкой чая...

- Не нужно забивать себе голову этой ерундой, - неожиданно спокойно сказал ему протоиерей Николай. - Нужно думать не о феноменальных способностях, а о том, что мы можем сделать в этой ситуации, и от чего мы готовы отказаться ради этого.

Отец Уильям вопросительно посмотрел на него.

- Ты пожертвовал уже тем, что съездил ко мне, - продолжал отец Николай, - и перенес эту неприятную ситуацию в дороге. Большого от тебя я просить не буду...

- Но что ты хочешь делать?

- Я должен поехать в Моуди, и отслужить специальный молебен в оскверненной церкви, - спокойно сказал отец Николай.

При этих его словах земля под их домом зашаталась.

- Разве здесь бывают землетрясения? – удивленно спросил отец Уильям.

- Нет, - спокойно ответил отец Николай.

- Так что это было?

- Маленькая демонстрация того, что будет в Моуди, из-за чего тебе нельзя туда ехать. Но у меня там найдется помощник...

- Кто же? – заинтересовался Блэк.

- Отец Альберт.

- Но он же убит...

- У Бога все живы, ты разве забыл об этом! - укоризненно сказал протоиерей Николай.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Снова у доктора Хайда

В этот раз доктор Хайд уже не держал Пола привязанным к кровати. Он видел, что его воля во многом сломлена недавними событиями, и поэтому предпочитал закрепить победу над ней посредством сеансов психоанализа. Доктор часами говорил с пациентом, трактуя затем самые случайные обрывки мыслей и воспо-

минаний так, что у Пола волосы дыбом на голове вставали.

Если верить Хайду, то именно Пол, а не Беркли убил всех людей, а до этого отца Альберта. Но его сознание, сформировавшееся в католической среде, не смогло вместить осознания этого ужаса. Поэтому реальность заместилась фантазией о том, что все это сделал не он, а кто-то другой.

- Вы очень больны, мой друг, - с притворной доброжелательностью говорил Хайд, - ваша неосознанная агрессия, помноженная на ваши злоупотребления психотропными веществами, принимает самые ужасные и причудливые формы. Вы должны согласиться, что за пределами закрытой психиатрической клиники представляете опасность для окружающих.

И Пол начинал думать, что, возможно, это и правда... Он был в той же комнате, что и в прошлый раз, но не будучи привязан к кровати, получающий хорошее питание и не ограниченный в посещении туалета, иногда думал, что в сущности свободен...

- Какое мое будущее? - спросил он однажды доктора Хайда.

- О, теперь, когда появились надежды на ваше выздоровление, оно непредсказуемо. Через некоторое время с вами встретится один человек, который хотел бы помочь вам начать новую жизнь.

И действительно через две недели к Полу пришел мистер Линс. Он еще более вкрадчиво, чем Хайд говорил о тех возможностях, которые откроются перед Полом после его выздоровления. Но для того, чтобы выздороветь, необходимо понять, что плохо совсем не то, что в свое время так ужаснуло его в Моуди. Это и есть

норма, это та реальность, в которой Пол должен научиться жить, если он желает стать здоровым, полноценным членом общества. А плохо – то, что они с Беркли натворили.

Пока мистер Линс говорил гипнотизирующим тоном, подавляющим волю к сопротивлению, Пол вдруг явственно увидел отца Альберта, который молился за него. И тут же увидел страшного демона, говорившего ртом Линса.

- Ричард поступил неправильно, и он за это наказан. Но то, что делаете вы – намного страшнее! – сказал он вслух главе тайного клуба.

И мистер Линс сразу изменился. Он сделался холодным и отстраненным, и ничего не говоря, вышел из комнаты.

- У него опять начались галлюцинации, - небрежно сказал он Хайду в коридоре. – Учитывая их опасный характер, возможно, будет правильно сделать ему лоботомию.

Ричард

А Ричард, лишившись всего, что по его мнению, делало человека супергероем – фактически без рук и без ног, с пулей в голове и постоянными болями – начал задумываться о том, правильно ли он жил до этого. Он думал, что одному герою возможно изменить всю несправедливость, которая есть в Америке, что этот герой имеет право на многие вещи, на которые не имеют права другие, и что таким героем вполне может быть сам Ричард.

Теперь, став инвалидом, Беркли видел, что заблуждался. Не имея больше возможностей физически влиять на изменение мира, в каменном мешке в секретной тюрьме, он вдруг понял, что есть большие и более значимые силы, чем человеческие. В детстве мать водила его в католический храм, Ричарду там все нравилось. Но его родителей убили, когда Дику было всего четырнадцать. Тогда он не то чтобы разочаровался в христианстве, но решил, что это красивое учение не имеет непосредственного отношения к реальной жизни. «Реальная жизнь» - это постоянная борьба и война, за лучшее будущее. При этом в глубине души было осознание того, что у постоянно борющегося и воюющего, «лучшего будущего» быть не может...

Но пока Ричард был здоров и полон сил, он гнал прочь от себя эти мысли. Ему все казалось, что с помощью своих талантов бойца он прекратит, наконец, несправедливость и хаос окружающего мира. Особенно задело его убийство отца Альберта. Что-то тронуло его душу в мирном выражении лица убитого священника, и Беркли решил во что бы то ни стало докопаться до истины. А потом, освободив Пола, он решил, что сможет разрушить эту систему зла...

«Чего же мне не хватало? Почему у меня ничего не получилось?» - сам себе задал вопрос Ричард. И неожиданно для себя, услышал в своей голове ответ: «Смирения».

... И все встало на место. Дик, как в детстве, почувствовал себя маленьким и беззащитным, и впервые за долгие годы обратился с молитвой ко Христу. В ней он просил прощения за то, что не так прожил жизнь,

как должен был бы, и просил сил, чтобы достойно перенести те испытания, которые на него обрушились.

Во время молитвы спокойствие сошло на его душу, впервые за последние месяцы Ричард спокойно заснул. Во сне ему явился отец Альберт, который сказал, что его покаяние принято Богом, и Дику будет через какое-то время дан новый шанс правильно построить свою жизнь. Но никогда больше он не должен бездумно относиться к чужой жизни. «Я навсегда останусь калекой?» - задал Ричард волновавший его вопрос. «Посмотрим», - ответил отец Альберт.

... Беркли проснулся с живущей в его душе новой надеждой. Он искренне поверил, что для него все еще не кончено.

Мистер Гриффин

Президент университета мистер Гриффин сидел в своем огромном кабинете и удовлетворенно смотрел на врученное ему вчера мистером Линсом удостоверение, выгравированное на золотой табличке, украшенной по краям алмазами. Этот документ подтверждал, что Гриффин после смерти его физического тела становится владельцем огромной виллы на Венере, с большим земельным участком и властелином огромной страны на этой планете с миллионами подданных, с правом карать и миловать. Богатство его будет неограниченно, а власть безмерна.

Сам же он станет духом, подобным тем, которые являлись им с Линсом и другим избранным во время их тайных ритуалов. Он будет наводить ужас и трепет

не только на свою страну, безраздельным владыкой которой ему предстоит быть, но и на другие страны, а, может быть, даже на другие планеты.

У него не будет больше тех ограничений, которое несет с собой его телесность. Старость и болезни, так угнетающие Гриффина сейчас, останутся просто забавным воспоминанием. И все это наступит, стоит лишь перешагнуть порог вечности – так сказал мистер Линс, и так значитесь на золотой, украшенной драгоценными камнями, пластине...

«Стоит ли оттягивать этот момент?» – подумал Гриффин. В его сознании пронеслись воспоминания о рассказах о крупных римских сановниках, в теплом бассейне вскрывающих себе вены и безболезненно идущих навстречу смерти...

В помещении, дверь в которое вела из кабинета президента университета, был подходящий для его замысла бассейн. Гриффин разделся, не спеша спустился в теплую воду, полоснул себе лезвием по венам и стал ждать...

То, что с ним случилось, было совсем не тем, что он ожидал. Смерть оказалась болезненной и страшной; духи, которых он считал подчиненными себе уже много лет, оказывается, все эти годы мечтали о том, как будут мучить Гриффина за то, что он имел наглость приказывать им и считать себя их хозяином. Впереди разверзалась бездна, из которой нет возврата, и погружение в которую чем дальше, тем страшнее... Несчастный попробовал остановить кровь и смерть; он пошел к телефону, чтобы вызвать врача... Но было уже поздно.

Через несколько часов мистер Линс, которому сообщили о смерти мистера Гриффина, найденного голым со вскрытыми венами в луже крови посреди своего кабинета, не спеша забрал золотую табличку и злобно посмотрел на тело компаньона:

- Нельзя быть настолько легковерным!

... Новым президентом университета стал мистер Линс.

Разговор о монашестве

Отец Уильям остался на несколько дней погостить у отца Николая, который сказал, что возможно это последний раз, когда они могут так не спеша общаться. Друзья говорили часами, и о том, что католику хотелось бы пойти вместе с православным в Модуи, и чем это может ему грозить, и о разнице традиций. Зашел разговор и о монашестве:

- У вас в православии ведь нет обязательного целибата для священников, но ты не женат. Ты монах? – спросил Блэк.

- Нет, мои жена и дети погибли в России в гражданскую войну, теперь я один, - просто ответил тот.

- Прости... А я францисканец.

- Францисканцы много сделали недоброго в истории этой страны, - грустно сказал протоиерей Николай. – Сан-Франциско, основанный в 18 веке, как миссия, на деле стал еще одним центром борьбы с коренным населением, его уничтожения и эксплуатации. Это ужасно, когда для достижения политических и

экономических целей прикрываются христианскими лозунгами!

- А что такое монашество на твой взгляд? – спросил отец Уильям.

- На мой? Я ведь не монах... Могу сказать только, что для раннего христианства монашество было не актуально: почти все христиане и так фактически жили более строго, чем современные монахи. Единственным отличием являлся обет девства, который тогда не был частым. В христианстве монашество как институт появилось в эпоху массового воцерковления язычников, когда общий уровень требований к христианину снизился предельно. Оно возникло, как стремление отгородиться от мира, к углубленной духовной жизни. История, конечно, внесла свои коррективы: на протяжении всего существования монашества имеются тенденции социализовать иноков (само название которых подчеркивает их «инаковость» от «мирских»), привлечь их к «общественно-полезной» деятельности. В этом преуспел и Петр I, в католичестве вообще монахи несут, чуть ли не в первую очередь, социальные функции, протестанты с самого начала отменили монастыри, как рассадники бездельников, процветающих за счет бесправного трудового народа.

- Но разве плохо это социальное служение?

- Думаю, что нет, если оно не является заменой сути христианства и монашества или, тем более ширмой для разных темных дел. Дело не только в социальной работе; существует немало искажений монашеского пути, как в сторону попыток сделать его никому неподконтрольным, так и в сторону бюрократизации. Ведь история знает множественные ситуации и по-

стригов детей и душевнобольных, не говоря уже о появившемся огромном количестве монахов, живущих в миру. Были случаи и противопоставления монастырями себя епархиальной администрации, укрывательства в монастырях уголовных преступников и других лиц без документов. С этой точки зрения централизация и упорядочение монастырских дел характерные для католичества, конечно, оправданны. Однако представляется, что, учитывая то, что настоящих монахов – людей, желающих посвятить свою жизнь молитвенному предстоянию перед Богом – становится все меньше, во взгляде на монашество, как таковое, наверное, следовало бы большее внимание уделить не административным предписаниям, которыми и так проникнута вся наша жизнь, с каждым годом становящаяся все более «бумажной», а именно «инаковости» монашеского пути, которая и составляет его ценность. В то же время и административные предписания необходимы, но было бы лучше, если бы они были более тесно связаны со святоотеческой традицией, хотя и с учетом современных реалий. А так может сложиться впечатление, что монастыри – это не братства единомышленников, желающих посвятить свою жизнь служению Христу, а своего рода казарменные коммуны, выполняющие определенные им функции. Уйти из них нельзя скорее из-за страха перед наказанием в веке сем и веке грядущем, чем из-за любви к Богу и уверенности в правильности своего жизненного выбора. И более того: такое впечатление может стать руководством к действию...

- Но ведь искажения такого рода могут быть, как в католичестве, так и в православии?

- Конечно.

- И разве это препятствует нашей дружбе?

- Нет, только совместным богослужебным действиям, но это связано совсем не с тем, о чем мы сегодня говорили...

- В конце концов, католические монахи – это своего рода солдаты, - сказал в завершение одного из их разговоров отец Уильям. – Поэтому как солдат я не могу отпустить тебя одного в Моуди.

Отец Николай пристально посмотрел ему в глаза, крепко пожал руку и сказал:

- Ну, вот ты, наконец, и сделал тот выбор, необходимость которого задержала нас на несколько дней. А теперь мы можем отправляться в путь.

Профессор Вернер

К профессору Ричмонду в гости зашел его старый товарищ – профессор Вернер, до недавнего времени заведовавший кафедрой экономики в том же университете, где раньше работал и Ричмонд. Сейчас же Вернера, как и его друга, отправили на пенсию.

- А ты что умудрился натворить? Проповедовал марксизм? – с грустной иронией спросил Ричмонд.

- Нет, конечно! Я просто читал обычную лекцию о современном экономическом положении страны.

- И что же ты сказал?

- В общем, только то, что и так понятно. Рассказал, что уровень общественной производительности труда в США в послевоенный период был очень высок, опережая почти в 4 раза ведущие западноевропей-

ские страны. Вторая мировая война, во многом подорвавшая экономику СССР и западноевропейских стран на экономику США повлияла в основном положительно. За счет военных ассигнований обеспечивался высокий уровень загруженности производственных мощностей и занятости. В 1930-е годы в рамках противостояния Великой Депрессии были заложены основы широкомасштабного государственного регулирования экономики США. Основными функциями государственного регулирования становятся налоговая политика, расширение государственных расходов на покупку товаров и услуг, регулирование ставки ссудного процента и амортизации.

Начиная с 1959 года, самыми быстрыми темпами начинают расти выплаты и льготы из фондов социального потребления, в том числе государственные расходы на просвещение, здравоохранение и социальные нужды. Администрация Президентов Кеннеди, а затем Джонсона, проводит сознательную политику стимулирования темпов экономического роста путем повышения качества трудовой жизни и качества жизни вообще. Отрицательной стороной этих процессов стало стремительное увеличение государственного долга. Сознательное наращивание государственного долга в целях финансирования федеральных программ стало с этого периода неотъемлемой частью национальной экономической политики США.

- Ну да, кому приятно, когда им напоминают, что они живут в долг. И это все, что ты сказал?

- Нет, коснулся еще федеральной резервной системы США. Сказал, что с 1913 года – момента ее создания – она приватизировала государственные функции

центрального банка страны. Что данная компания находится во владении 12 частных банков-пайщиков, так называемых «федеральных» банков, причем слово «федеральный» не означает государственный или относящийся к Федеральному правительству США. Основными акционерами и действительными владельцами Федерального Резерва являются семейство Ротшильдов из Лондона и Берлина; банковский дом Братьев Лазард из Париже; банковский дом "Израиль Мо-сес Сейф" из Италии; банковский дом "Кун, Лейб и Варбург" из Германии; Goldman Sachs и семейство Рокфеллеров в Нью-Йорке.

Основной источник дохода — ссудный процент на кредиты государству (основному заёмщику). Долг оплачивается налогами на граждан США и налогами на граждан других государств (за счёт долларизации и экспорта инфляции). С момента создания федеральная резервная система способствовала за счёт непре-кращающейся эмиссии росту денежной массы и со-путствующему обесцениванию долларов США.

В итоге сделал вывод, что наша экономика все больше становится похожа на мыльный пузырь, когда для оплаты старых долгов берут новые с новыми про-центными ставками, что денежная система страны от-дана на откуп кучке олигархов, строящих все таким образом, чтобы пострадали все, кроме них.

- Ну, конечно, тебе этого не простят. Тем более, учитывая зависимость университета от Рокфеллеров. Что думаешь делать дальше?

- Не знаю. Может быть, напишу книгу. Хотя из-дать ее вряд ли удастся...

Генерал Фред Бэрримор

Разговор друзей прервал стук в дверь.

- Кто это еще к тебе? – спросил Вернер.

- Не знаю. Наверное, в ЦРУ подумали, что слишком уж легко тебя отпустили, и послали ликвидатора. Учитывая твою значимость, думаю, что рангом не ниже генерала...

- Да ну тебя! – засмеялся Вернер.

Но за дверью и правда оказался человек в генеральской форме, правда общевойсковой. Впрочем, как выглядит форма генерала ЦРУ и отличается ли она чем-то от обычной генеральской, ни один из профессоров не знал.

- Чем обязан? – несколько напряженно спросил Ричмонд, но, взглядевшись в лицо посетителя, тут же обнял его и воскликнул: - Фред! Дорогой! Как я рад тебя видеть!

- А уж как я рад профессор! – также радостно ответил генерал.

Хотя волосы его и были белыми как снег, сразу было видно, что он моложе Ричмонда лет на тридцать.

- Мой лучший студент за все время – Фред Бэрримор, - представил хозяин Вернеру нового гостя. – Теперь большая шишка – генерал. А это профессор Вернер, теперь пенсионер, как и я.

- И, как и я, - улыбнулся Бэрримор.

- Ты смеешься над стариком? – не поверил Ричмонд.

- Вовсе нет.

- И что же случилось?

- Я не согласился с решениями о войне во Вьетнаме и подал в отставку.

- Да ну? Это очень смело, очень благородно и очень глупо. Что же ты сказал?

- О том, что это будет многолетняя бессмысленная война, вязкая, как слизь, наполненная жестокостями и изуверствами. В ней не будет смысла, потому что сам по себе Вьетнам нам не нужен; эпоха легких колониальных войн в далеком прошлом, мир стал иным. Множество наших солдат погибнет там, мы вынуждены будем держать там огромную армию, до полумиллиона людей, но и это не даст эффекта. Война нанесет ущерб авторитету нашего правительства внутри страны, разрушит престиж военной службы в глазах американской молодежи, которая дезертиров и уклонистов будет считать героями.

- Чему я тебя учил? – сокрушенно покачал головой Ричмонд.

- Что, вы считаете, что нам нужна эта бывшая французская колония, немного побывшая японской колонией и немного поигравшая в независимость? Нам нужны стычки с Советским Союзом в этих проклятых местах, один климат которых способен убить нормального человека? При этом СССР ничего или почти ничего не будет там терять, а мы будем иметь конвейер трупов мальчишек и называть их героями, чтобы хоть как-то оправдать их смерть перед их родителями...

- Ты знаешь, что я считаю, как и ты. Вопрос в том, что есть силы, которым выгодно это.

- Но зачем? – удивился и Вернер.

- Вселить в людей животный страх бывает полезно для тех, кто хочет выбить из них все высшие ценности. Мне кажется, что война затеяна для этого. Но как они тебя так просто отпустили? – обратился Ричмонд к генералу.

- Не просто, конечно. И уговаривали, и угрожали. Но у меня безупречный послужной список, и я уже год назад имел право выйти в отставку. Если бы я ушел без комментариев, то никто мне ничего бы даже не сказал.

- И какие у тебя планы на будущее?

- Хочу спрятаться куда-то от этой цивилизации хотя бы на время. Почему-то подумал, что и вам это может быть интересно.

- А что? – оживился Ричмонд. – Слушай, Вернер, а зачем нам сидеть и в скуке ждать смерти, когда мы имеем шанс до этого прожить еще одну жизнь, даже если она и не будет длинной?

- Я, в сущности, не против, – как-то сразу согласился и второй профессор. – Но куда предполагается ехать?

- В Америке много заброшенных городов. Я предложил бы поехать в один из них, попробовать возродить в нем жизнь. Идея такая: возрождая этот город, мы возрождаем Америку.

- Что же, звучит неплохо, хотя и пафосно. Но, учитывая, что нам нечего терять, вполне приемлемо. Ты решил уже в какой именно из этих заброшенных городков поедem возрождать его жизнь?

- Решил. Он называется Моуди.

Выстрел в пустыне

Ричарду Беркли, наконец, объявили его судьбу: его расстреляют в пустыне неподалеку от Моуди, где он совершил свое преступление. «Хорошо хоть это будет не ритуальное жертвоприношение», - вслух сказал он, а про себя подумал: «Видимо, сон мне приснился не вещий». Но бывший следователь уже морально был готов к смерти, поэтому принял решение спокойно.

Тюрьма, где он находился, была тайная; проверить отсутствие или наличие арестанта было невозможно. За неделю до планируемого расстрела Ричарду принесли газету с заметкой о том, что маньяк Беркли скоропостижно умер в своей камере от сердечной недостаточности. Его тело кремировано. «Тебя больше нет, ты стерт», - с улыбкой сообщил ему агент Энд, которому поручили привести приговор в исполнение.

Энд решил сделать это один. Он засунул связанного Ричарда в багажник своей машины и без сопровождающих отправился по направлению к Моуди. В нескольких километрах от города-призрака агент вытаскивал Беркли из багажника. Тот был едва жив. «Сейчас закончится твоя бессмысленная жизнь», - театрально сказал Энд, приставив свой большой пистолет к затылку осужденного. Прогремел выстрел.

Ричард удивился, что ничего не почувствовал. Он обернулся и увидел мертвого Энда с простреленной головой в луже крови. А к нему бежали три мужчины, один из которых держал в руках винтовку.

... Генерал Бэрримор в сопровождении профессоров Ричмонда и Вернера уже подъезжал к Моуди, когда его внимание привлекла остановившаяся машина.

Один мужчина вытащил из багажника другого. Направив в их сторону бинокль, Фред увидел, что второй - калека. Энд, увлеченный тем, что ему предстояло сделать и не ожидавший никого увидеть в этих пустынных местах, по сторонам не смотрел. А зря. Генерал был снайпером. Увидев, как бандит в пустыне хочет застрелить похищенного им калеку, он, не раздумывая, достал винтовку и сделал один выстрел.

Этим выстрелом он оборвал жизнь агента и одновременно дал Ричарду шанс начать новую жизнь, надежду на которую внушил ему сон.

Новый спутник

Генерал Бэрримор наклонился над Ричардом:

- Вы живы, сэр? – спросил он.

- Жив. А вы кто? – с удивлением спросил Беркли.

- Я бывший офицер, а это мои друзья профессора.

Кто преступник, похитивший вас и желавший убить?

- Вы заслуживаете знать правду, - сказал бывший следователь. – Этот человек – не преступник, вернее сказать, он имеет лицензию от государства на свои преступления, чтобы безнаказанно их совершать.

И он рассказал своим спасителям все, что с ним случилось, не упоминая название города Моуди.

- Вы знаете, - сказал Фред, - если бы все это было мне известно до того, как я нажал на курок, то я скорее всего на него не нажал бы. Но случилось то, что случилось. Давайте похороним этого человека, он был офицером.

Генерал достал из багажника машины лопату и начал копать. Иногда ему помогал профессор Ричмонд. Через несколько часов на месте погребения мистера Энда возвышался холмик земли.

- Что вы сделаете со мной? – спросил их Ричард. - Если просто бросите здесь, без воды и пищи безногого, то тот, кого вы сейчас похоронили, хотел быть гуманнее.

- Господь дал вам шанс, - сказал Ричмонд, - потому что вы покаетесь. И не нам его отбирать. Думаю, что мои спутники согласятся, что вас можно взять с нами. Мы направляемся в город Моуди.

- Но ведь это и есть то проклятое место, про которое я вам рассказывал! – воскликнул Беркли.

Его новые знакомые нахмурились.

- Против таких сил зла мы ничего не сможем сделать, - резюмировал профессор Ричмонд, как более опытный. – Но мне кажется, что если сейчас с разных концов Америки в силу разных обстоятельств к этому городу стягиваются разные люди, то, возможно, пришло время для каких-то перемен в судьбе этих мест. Но мы пока давайте на месяц отъедем за полсотни миль отсюда – там живет мой друг, очень хороший врач. У меня есть кое-какие сбережения, их третьей части хватит, чтобы сделать тебе протезы.

- Но почему? – изумленно посмотрел на него Беркли.

- У меня был когда-то сын, он погиб. Сейчас ему было бы столько лет, сколько тебе. Больше у меня никого нет. Того, что останется мне хватит на жизнь, тем более мне платят пенсию. В память его я попробую

дать тебе этот шанс. А если честно – сам не знаю, почему это делаю.

На глаза Ричарда навернулись слезы. В его душе что-то стремительно менялась. «Я становлюсь каким-то мягкотелым», - подумал он.

Когда через месяц они вновь направились в Моуди, Ричард довольно уверенно шагал на протезах; его искусственные руки работали достаточно хорошо для того, чтобы он мог держать в них пистолет. Но, учитывая все, что произошло с ним за последнее время, стрелять ему совсем не хотелось.

В трех милях от Моуди их машина нагнала другой автомобиль, в котором ехали два священника. Это были отец Николай и отец Уильям, который сидел за рулем.

Молебен в оскверненном храме

Отец Уильям остановил автомобиль, и священники вышли из машины, генерал также нажал на тормоза.

- Какими ветрами вас занесло в эти места? – спросил он.

- Теми же, что и вас, - ответил отец Николай. - Пришло время больших перемен в Моуди, и все мы нужны для этого.

И он рассказал о каждом из четырех впервые увиденных им людей в нескольких фразах то, что они считали своей сутью, и почему именно им сейчас необходимо быть в Моуди.

- Вы суперагент? Или колдун? – спросил Беркли.

- Нет, он просто живет совсем другими вещами, чем мы, - сказал профессор Ричмонд.

- Все вы пытались бороться против зла в своей жизни, но в этом, некогда благословенном городке, оно сконцентрировалось с необычайной силой, - продолжал протоиерей Николай. - Сегодня в оскверненном храме этого города будет отслужен специальный молебен. Ваша задача - не убежать никуда, что бы вы не увидели.

- Можем ли мы применять оружие? Ведь там охрана! - задал Ричард волновавший его вопрос.

- Надеюсь, что это не понадобится. Охрана будет бояться тех, кто идет с нами, как нас может напугать в Моуди то, что страшнее людей.

- А кто с нами идет? - спросил профессор Вернер.

- Вам также не стоит их видеть, - ответил священник.

... Никто в городке им и правда не попался. Они беспрепятственно вошли в храм, где чувство жути придавило их, отняло мужество. Даже Фреду Бэрримуму захотелось убежать. А отец Николай надел облачение, и начал читать молитвы.

Люди через открытую дверь с ужасом смотрели, как во время их чтения к оскверненному храму подлетела летающая тарелка, из которой вышли шестеро зеленых существ, похожих на людей. Они зашли в церковь, и каждый из них выбрал одного человека. В зависимости от этого каждый принял новое обличье, наиболее соответствовавшее тому, чего выбранный им боялся больше всего на свете.

Беркли и Бэрримуму хотелось начать стрелять, но что-то внутри подсказало им, что, открыв огонь, они

уничтожат своих друзей. У отца Николая по лицу струился пот с кровью, но он продолжал читать. Отец Уильям был напуган больше других, но и он не трогался с места. И в этот момент в храме появился отец Альберт, много лет бывший его настоятелем. Что-то в нем было не так, видевший его раньше Ричард понял что: у священника не было тела, он был каким-то прозрачным.

Ему злые духи, напавшие на людей, уже ничего не могли сделать. Более того: с чтением молитв отцом Николаем он получал все больше власти заставить их покинуть это место. Когда молебен закончился, протоиерей, весь в крови и поте, потерял сознание. Но в храме не было больше ни темных духов, ни отца Альберта. И атмосфера в нем стала иной.

Изменилась она и во всей этой местности. Темные силы, столько лет властвовавшие здесь, не смогли здесь находиться. Мистер Линс получил от них задание искать другое место дислокации. Он хотел прислать в городок вооруженный отряд, истребить тех, кто разрушил его маленькое царство зла, но почувствовал, что ничего не может сделать. Эти места вновь стали находиться под защитой, о которой он очень хорошо знал, когда был католическим священником, но предпочел служить тьме.

Тогда он решил действовать через юристов, ведь земля и здания в Моуди были его собственностью. Но профессор Ричмонд, ведший переговоры, пригрозил, что будет обнародована вся правда о тайной лаборатории в горах, а это не было нужно Линсу. Он заставил мистера Спилета купить у него обратно шахту, и уничтожить там все свидетельства опытов над людьми

(сам мистер Линс и его подручные не могли пройти через какую-то незримую черту, оградившую Моуди и его окрестности). Поскольку город с его строениями и землей также были его собственностью, он продал и их. Покупателями стали генерал Бэрримор, профессор Вернер и профессор Ричмонд.

Через несколько лет в городе вновь появились люди, вновь заработала шахта. Как выяснилось, она могла еще обеспечить работой сотни людей на десятки лет. Отец Николай не пережил физического напряжения во время молебна, и скончался от инсульта. Его похоронили возле храма, в котором он совершил свою последнюю службу. Отец Уильям переехал в Моуди, и стал новым настоятелем этого храма. По его инициативе, с разрешения властей, останки отца Альберта эксгумировали, привезли в Моуди и захоронили рядом с могилой отца Николая.

Перебрались в этот город и Эндрю с Патрицией. Через год Бэрримору и Беркли через знакомых удалось вызволить Пола из психиатрической клиники доктора Хайда. Он выглядел очень болезненным, но быстро пошел на поправку.

Через десять лет все страшное, что случилось здесь, многие из жителей городка уже считали легендой.

Прошло двадцать лет.

**ЧАСТЬ II.
УНИВЕРСИТЕТ**

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Актер на троне

- Нам многое удалось сделать за последние годы, и предстоит сделать еще больше. Кинематограф и телевидение сумели смешать в сознании очень многих людей грани между призрачным и реальным. Политические деятели все больше воспринимаются, как звезды шоу-бизнеса, а звезды шоу-бизнеса представляются столь же важными, как ведущие политики. Несколько лет назад нашим Президентом стал актер, и в этом символ новой эпохи. Правители ведущих держав всего лишь играют роль, которую мы им укажем. В прошлое уходят все самодержавные режимы; скоро падут Советский Союз и Китай, и уже никого не останется на нашем пути к всемирному господству. Мы превратили в шоу человеческие боль и страдание, привыкая видеть их изо дня в день на экранах телевизора, люди не обращают на них внимания и в жизни. Все пороки постепенно благодаря кино и телевидению будут выставлены на всеобщее обозрение и названы «творческим подходом», «альтернативой». Мы постоянно смешиваем понятия добра и зла, чтобы терминологическая путаница не давала людям понимать, хорошо они поступают или плохо.

Мистер Линс выступал перед членами одного из закрытых студенческих клубов университета, президентом которого он являлся уже двадцать лет. Никто не знал сколько ему лет, поговаривали, что уже девя-

носто. Говорили также, что когда-то он был иезуитом. Самые посвященные рассказывали, что президент университета – один из тех людей, которые являются теневой властью мира, решения которых воплощают в жизнь главы государств. Сегодняшнее выступление косвенно подтверждало это, однако один из участников встречи, двадцатилетний Артур Хейз, решил уточнить:

- Мистер Линс, правильно ли я вас понимаю, что вы можете отдать распоряжение Президенту США, которое он выполнит?

- Зачем же так грубо, Артур? – хищно улыбнулся бывший иезуит. – Мистер Рейган должен думать, что все его действия – исключительно его заслуга. Те, кто вертится вокруг него, что-то подсказывает, готовит проекты решений – всего лишь услуга, которая помогает ему более эффектно сыграть его главную роль, которую, вероятно, ему предстоит играть и второй срок. Он прекрасно озвучивает вещи, которые ему готовят другие, но которые прочно связаны с его именем. Его тезис о Советском Союзе, как империи зла – разве он имел бы такое влияние на умы американцев, если бы не фильмы Джорджа Лукаса «Звездные войны», если бы не многие другие наши культурные и образовательные проекты? И важно ли кто готовит текст – изреченный Президентом США, как символом свободной Америки, он уже прочно связывается с его именем. Конечно, мы не можем не только приказывать нашему Президенту, но даже избегаем просить его о чем-то. Более того: мы лишний раз не напоминаем о нашем существовании. Но мы строим его жизнь,

окружение, график таким образом, что он делает то, что нужно нам.

- Прямо иезуитство какое-то... - растерянно сказал Артур.

- Не нужно пренебрежительно относиться к этому интересному многовековому опыту представления черного белым и, наоборот, под прикрытием самых высших и светлых вещей для того, чтобы и эти высшие и светлые вещи перестали таковыми восприниматься. Вы должны очень многое знать; в этом университете мы готовим будущее Америки, но центр университета – наш клуб. Именно из него выйдут те, кто будет играть свою роль в публичной политике, или готовить сценарии для этих актеров. Но не нужно думать, что актер на троне величайшей из современных империй представляет собой что-то несерьезное. Он играет роль с огромной долей импровизации; высшим искусством невидимых режиссеров должно быть то, чтобы актер, почти не зная о них и имея смутное представление о сценарии, играл его лучше, чем это планировали для него режиссеры.

- То есть он свободен в своих поступках? – уточнил Артур.

- Свобода, в данном случае, очень относительное понятие. Вступая в наши клубы, человек уже делает свой выбор, кому он служит. Дальше его свобода выбора не больше, чем свобода выбрать пить чай или кофе. В этом смысле, он свободен, конечно.

- Нужно ли понимать, что, вступив в этот клуб, мы сделали выбор, который никогда в жизни не сможем изменить? – продолжал спрашивать дотошный Хейз.

- Милый Артур, - зло оскалился мистер Линс, - пока вы живы всегда есть возможность иного выбора. Другое дело, что те, кто нас покидает, живут плохо и очень недолго...

Записывающий голоса

Арнольд Стерн был худощавым светловолосым молодым человеком с воспаленным взором. В свои двадцать пять лет он пользовался уже большой известностью, как один из лучших американских писателей современности. Вокруг него вились толпы поклонников и поклонниц, у него было море денег, роскошная вилла, но он избегал общества, стараясь, насколько это возможно быть один. В его воспаленном взоре, который почитатели называли таинственным, виделась какая-то нездешняя боль, страх перед чем-то, что нельзя описать словами и глубокая безысходность.

На вилле у Арнольда было трое слуг – секретарь, кухарка и еще одна служанка, совмещавшая обязанности уборщицы и прачки. Из них Стерн общался только с секретарем – рыжеватым Майклом, который был его лет на пять старше. Но и Майкл имел очень ограниченный доступ к хозяину. В доме имелась одна комната, в которую никто не смел входить. В ней писатель проводил большую часть времени, в ней создавались и его произведения.

Его романы, которые выходили из печати один за другим несли в себе отпечаток неизбывной жути, чего-то такого, от чего хотелось тут же освободиться. Но, не зная как это сделать, читатели вновь тянулись к кни-

гам Стерна, подсаживаясь на них, как на наркотик. Героями этих книг были обыкновенные американцы, такие же, как большинство читателей. Но с ними случались совсем необыкновенные истории. Арнольд умел очень реалистично описывать, то, к чему его современники еще не привыкли. Одна история была о том, как семья маньяков в заброшенном городке ловит случайных прохожих, чтобы пополнять ими свою коллекцию мумий. При этом некоторые пытаются спастись, возмездие преступникам возможно. Но... в последний момент маньяки все равно торжествуют, хотя часть из них и погибла. Другая история была про мальчика, жившего в пустом доме, где покончили с собой его родители. Он видел жутких монстров, которые сначала хотели утащить его к себе, где мучились его родители. Но потом чудовища вдруг стали ласковыми; они убедили его вместе с ними мучить его родителей, которых он раньше любил, и мальчик незаметно превратился в одного из монстров. И это были наиболее «мягкие» из книг Стерна.

Сюжеты вроде бы были незатейливыми, но в шестисотстраничных романах было столько ужасных и гнусных подробностей, столько нагнетания напряжения и жути, что читатели не могли от них оторваться, пока не дочитывали до конца. Несколько человек сошли после чтения с ума, и это еще больше добавило Арнольду популярности. Критики наперебой восторгались; сравнивали его с Байроном, Оскаром Уайльдом и Михаилом Лермонтовым, но Стерн очень равнодушно относился к хвалебным компаниям.

В своей «тайной» комнате он запирался порой на несколько суток, строго запрещая кому-либо его тре-

вожить, и выходил оттуда бледный как смерть, с кипой исписанных листов.

Майкл знал Арнольда с детства, еще до того, как он стал знаменитостью. Рано лишившийся родителей Стерн, вынужден был сам пробивать себе дорогу в жизни. В пятнадцать лет он прибился к какой-то редакции, где двадцатилетний Майкл уже работал корреспондентом. Как-то они сдружились. Майкла удивляло непомерное честолюбие его молодого товарища, который уверенно говорил, что станет одним из самых знаменитых людей в Америке.

В Арнольде уже тогда была большая внутренняя травма: самоубийство обоих родителей оставило огромный след в его душе. Ранимость и художественное восприятие окружающей действительности еще больше осложняли ему жизнь. Но до какого-то момента все это не проявлялось.

Все изменилось после встречи с мистером Линсом. Он прочитал одну из статей, опубликованных Стерном в газете, и захотел познакомиться с мальчиком, которому тогда исполнилось всего восемнадцать. Майкл так и не узнал, о чем они говорили. Арнольд сказал только, что согласился на что-то, после чего его жизнь изменится. Вскоре вышел первый роман Стерна, в двадцать лет, бросивший школу Арнольд, уже окончил университет, где почти не появлялся. В двадцать два года он был уже богат и знаменит. Майкл принял предложение друга стать его секретарем, и получать зарплату в пять раз больше, чем в газете. Служанками Стерна он устроил своих жену и сестру. Но что-то жуткое и гнетущее было в доме, секретарю по-

стоянно приходилось успокаивать женщин боящихся чего-то, и самих не знающих, чего именно.

Лишь однажды Арнольд, выпив рома, несколько разоткровенничался с Майклом:

- Ты помнишь роман про мальчика в пустом доме?

- Да, конечно. И откуда ты выдумываешь всю эту жуть?

- Я не выдумываю, - вдруг устало сказал Стерн. - Я только записываю, то, что говорят мне голоса...

- Какие голоса? - изумился секретарь.

- Тебе лучше не знать... Я непрестанно их слышу, после того, как подписал Линсу ту проклятую бумагу... Но я думал тогда, что это шутка... А по поводу романа - он автобиографичный...

Пропавшие студенты

Мистер Линс заявил в полицию о пропаже студентов университета Джима Мертон, Сандры Хьюстон, Тома Рожерса и Элизабет Терн. Полицейский следователь не без робости переступил порог кабинета президента университета, в котором важно восседал мистер Линс, имевший вид столь древнего человека, что молодежи казалось, что он был всегда. Сам он всячески поддерживал такие слухи, чтобы отношение к нему было почти религиозным. В самом кабинете за двадцать лет почти ничего не изменилось, комната выглядела так же, как и при мистере Гриффине.

- Сэр, вы подавали заявление, - робко сказал следователь.

- А, об этих бедных ребятах! – кивнул президент. – Присаживайтесь, мистер ...

- Томпсон. Рудольф Томпсон, сэр, к вашим услугам.

- Хорошо, Руди. Вы позволите так вас называть?

- Конечно, сэр.

- Так вот, ситуация следующая: две недели назад четверо наших студентов, два юноши и две девушки отправились на машине в недельное путешествие по стране. Это, знаете ли, похвально, когда молодые люди, не понаслышке знают свою родину. Они должны были вернуться неделю назад, у них сейчас важные экзамены, будучи добросовестными студентами, какими данные молодые люди являются, пропустить их невозможно. Поэтому мы считаем, что что-то случилось, и сообщили их родным и в полицию.

- Куда они отправились?

- Вы думаете, что я вникаю, куда едет каждый из нескольких тысяч студентов университета? – снисходительно спросил президент, таким голосом, что Томпсону стало стыдно.

- Простите, сэр, я только имел в виду, что...

- Я дал вам всю необходимую информацию, остальное ваше дело. Поговорите с их однокурсниками, преподавателями.

Когда дверь за следователем закрылась, мистер Линс криво оскалился.

- Ищите их лучше, мистер Томпсон, - прошипел он. – Этот чудак Мертон, бредивший книгами Стерна, уже сделал то, что ему было предназначено. Я это чувствую. И мне думается, что я знаю, где вы их найдете...

Трагедия у Моуди

Томпсон оказался хорошим следователем, по крайней мере, так ему об этом сказал мистер Линс. Меньше чем через неделю после его беседы с президентом университета вблизи маленького городка Моуди были обнаружены изуродованные тела Джима Мертона, Сандры Хьюстон, Тома Рожерса и Элизабет Терн. Впрочем, обнаружил их не он, а местные жители.

Медицинская экспертиза установила, что над несчастными долго издевались, прежде, чем они умерли. Тела находились не вместе, а примерно в миле одно от другого. Нашедший убитых местный шериф Ричард Беркли привлек внимание Томпсона тем, что вместо кистей рук и стоп ног у него были протезы, однако это не мешало инвалиду не только ходить, но и, судя по всему, весьма успешно справляться с обязанностями шерифа.

- Как вы их нашли? – спросил его Рудольф.

- Я постоянно осматриваю окрестности города. Сначала я нашел изуродованное тело девушки без документов. В поисках преступника наткнулся на тело юноши, потом еще одна девушка. Потом я нашел брошенную машину, где были документы, и мне стало ясно, кто именно убит. А вот возле тела последнего молодого человека я нашел кое-что любопытное.

- Что же это такое? – поинтересовался Томпсон.

Ричард протянул ему облитую кровью книгу. Следователь заинтересованно схватил ее, взглянул, на название, и тут же разочарованно вернул обратно:

- «Арнольд Стерн. Ужас в горах». Это же беллетристика! Чем она может помочь расследованию?

- Не спеши с выводами, - веско сказал шериф. - Я прочитал книгу. Знаешь о чем она?

- И о чем же? – скептически спросил Томпсон, давая понять, что ему не до глупостей.

- Она о четырех студентах, отправившихся в путешествие в горы возле небольшого городка. Один из них планомерно уговаривает их на эту поездку, затем уже в горах строит каждому из троих оставшихся ловушки и жестоко убивает. А в конце он убивает себя самого с такой же жестокостью.

- И? – уже серьезно спросил следователь.

- Произошло все в точности по описанному в книге сценарию.

- Но... почему? Зачем? – ошарашено спросил Рудольф.

- Он должен был вернуть в эти места дикий ужас, который раньше властвовал над ними, но был изгнан отсюда.

- А над этими местами, надеюсь, дикий ужас не властвовал? – постарался обратить все в шутку Томпсон.

- В том-то и дело, что властвовал, - ответил Ричард. Лицо его было предельно серьезным.

- И что же мы можем сделать? Если ваши предположения верны, то только выразить соболезнования семьям погибших, ведь убийца сам уже себя наказал?

- Все очень непросто, вам еще предстоит это понять, - грустно сказал Беркли.

... Тела убитых доставили в университет. Утешая родственников, мистер Линс, сказал им, что его долг найти преступника. А Томпсону, который доложил ему о разговоре с Беркли, он сказал:

- А вы собственно знаете, кто такой этот шериф?

- Нет...

- Это один из ужаснейших злодеев, зверски убивший в окрестностях этого же городка несколько человек, в том числе одного видного ученого. Мы живем в коррумпированной стране: каким-то образом ему удалось не только избежать ответственности, но и стать во главе охраны законности в местах своих преступлений... Мы живем в жуткое время, дорогой Руди! Я почти уверен, что именно он и совершил эту новую злодейскую расправу над несчастными молодыми людьми, а в этом ему помогали пособники, которые в свое время помогли ему уже однажды избежать наказания.

- Но как же книга? - растерянно спросил Рудольф.

- Книга? Не смешите меня! Арнольд Стерн - прекрасный молодой человек, автор талантливых произведений. Думаю, что злодей специально сделал все так еще и для того, чтобы скомпрометировать его книги в глазах американцев. Между тем эти романы очень полезны, они позволяют видеть новые грани реальности, осознавать то, что ранее были где-то в глубинах подсознания; эмоционально обогащают жизнь читателя... Вы сами читали Стерна?

- Нет, пока, - растерянно ответил Томпсон.

- Ну, и ничего страшного, можете не читать: сейчас не до чтения! Вы хороший следователь, и вам необходимо вернуться в Моуди, и уже как следует расследовать это дело. Но предупреждаю, что там очень опасно. Вам нужно взять с собой человек десять федеральных агентов.

- Я не имею таких полномочий, - начал было Рудольф, но Линс нетерпеливо его перебил:

- Я все уже решил с теми, кто такие полномочия имеет. Завтра вы вновь отправляетесь в Моуди. И смотрите: вы должны убедить меня, что вы хороший следователь. От этого зависит ваша будущая карьера. Вам хотелось бы, например, стать шефом полиции?

Ричард и Пол

Беркли сидел в доме Пола, около десяти лет назад похоронившего своих родителей и жившего в одиночестве, лишь изредка прерываемом посещениями друга. Они очень сдружились с Ричардом после всего пережитого, однако встречались нечасто. Пол после пережитых потрясений был как-то не склонен к общению; единственное общественное место, которое он каждую неделю посещал – это храм, где служил постаревший отец Уильям.

- Похоже, что этот следователь мне не поверил, - заключил шериф свой рассказ.

- Наверное, для него это выглядит как-то нереально, - согласился Пол. – А ты говорил об этом с мэром, с отцом Уильямом?

Мэром Моуди был генерал Бэрримор. После смерти двух профессоров, он вместе с отцом Уильямом и избранным шерифом Беркли, являлся самым большим авторитетом в городке, население которого приблизилось к трем тысячам человек.

- Они склонны видеть в этом событии окончание спокойной жизни в этих местах, - кивнул Ричард. – И они считают, что книга со сценарием преступления была написана под прямым воздействием сил тьмы.

- Это, безусловно. Но ты не думал, что они могут попробовать обвинить в совершенном тебя?

- Как это? – изумился шериф.

- А ты думаешь, что они так и простили тебе, что ты сделал здесь двадцать лет назад? Они вынуждены были закрыть глаза очень надолго. Двадцать лет прошло, и нам стало казаться, что они все забыли. Но это те, кто ничего не забывает, и умеет ждать.

- Но... Это абсурдно!

- Тел уже нет, времени прошло много. Ты был первым, кто осматривал убитых, более того: тем, кто их нашел. Им сейчас легко будет подстраивать все под заданный миф.

- Но это слишком шаткие основания для предъявления официального обвинения!

- А им, возможно, и не нужно официальных обвинений. Им нужно для начала подорвать доверие к власти у нынешних жителей Моуди, внушить им, что они доверили свою безопасность убийце и злодею. Может быть, они и не скажут прямо, что именно ты маньяк, убивший студентов. Но они могут организовать серию статей с оговорками «возможно», «очень вероятно, что»...

- Да, город и так всполошен происшедшим настолько, что, кажется, наступил конец здешней спокойной жизни. Однако, если они захотят обнародовать то, что здесь произошло двадцать лет назад, то ведь им придется признать все и о том, что представляли собой местные шахты?

- А зачем? Мистер Спилет вновь сделал их просто шахтами. Приехавшие из Юго-Восточной Азии рабо-

чие, не знающие английского языка, еще двадцать лет назад устранили все следы жуткой лаборатории.

- Но есть свидетели...

- Кто?

- Мы, генерал, отец Уильям.

- Преступник, сумасшедший и их сообщники, для которых пришло время ответить перед законом.

Шериф с интересом посмотрел в глаза Пола, в которых читалась усталость и боль, которую не смогли заглушить и два десятка лет спокойной жизни.

- Теперь не я, а ты склонен видеть во всем плохое, - сказал Ричард. - Но даже если это все и так, то так просто мы им не сдадимся.

Докторская лекция диктатора

В кабинете мистера Линса собрались около двух десятков профессоров. Это были одни из тех, кто определял то, как должны думать люди в Америке, да и во всем мире. Секретарь президента университета Хопкинс, молодой расторопный человек с дипломом доктора права, подошел к своему шефу, рассаживающему гостей, и шепнул ему:

- Мистер Линс, там профессор Монкей.

- Это который выпустил учебник антропологии, где говорится, что человек – одна из разновидностей гоминидов – человекообразных обезьян, причем не самая совершенная?

- Да, это он.

- И мистер Монкей на мой вопрос считает ли он, как автор этой полезной для обучения широких масс книги и себя гоминидом, ответил утвердительно?

- Да, - сдерживая смех, кивнул Хопкинс, вспомнивший диалог полугодовой давности.

- Но ведь дело в том, что это собрание не гоминидов, а людей несколько иного... вида. Я боюсь, что разновидность обезьян в лице своего представителя, показывающего трогательную солидарность со своим видом, не должна знать о том, что представители более совершенного вида уготовили их виду. Поэтому... до начала еще полчаса. Пусть профессор Монкей зайдет в переговорную и подождет меня. Угости его пока банановой водкой и нарезкой из бананов.

Через десять минут президент университета, улыбаясь, вошел в небольшую комнату напротив его кабинета, где за столом сидел мистер Монкей, уже успевший выпить две рюмки банановой настойки.

- Здравствуй, дорогой мой! – обнял его мистер Линс. – Почему ты здесь?

- Но мне сказали, что все ведущие профессора должны быть на этой лекции, и я полагал что...

- Она не касается гоминидов, друг мой. Тебе еще нужно поработать, пройти, так сказать, некоторый эволюционный путь, осознать свою приобщенность к некоторым высшим силам. То, что ты написал про определенную часть человечества в твоём учебнике – очень полезно для нас. Но пока ты себя ассоциируешь с ней, мы не можем тебе вполне доверять в некоторых вопросах.

- Но я ...

- Успокойся, дорогой. Скушай бананчик, выпей еще рюмочку... Вот так, молодец! А сейчас иди, приходи завтра, мы обо всем поговорим тогда...

И президент вернулся в свой кабинет, уже не видя, как торопливо Монкей покинул его аппаратаменты... Его уже ждали разместившиеся в креслах профессора.

- Господа, - обратился к ним мистер Линс, - сегодня у нас особый день, когда мы имеем честь присутствовать степени доктора нашего университета и заслушать его докторскую лекцию замечательного человека, который в отдельно взятой латиноамериканской стране (А может быть африканской? Или азиатской? А?), - и президент лукаво посмотрел на присутствующих, - провел некоторые очень интересные эксперименты по управлению людьми, которые были разработаны несколькими научными центрами нашего университета. Это человек слишком известен, чтобы я называл его имя, и это закрытое заседание, где нет нужды называть имена. Итак, прошу вас, ваше превосходительство!

И под любопытными взглядами собравшихся в кабинет вошел человек в генеральской форме, неопределенного возраста и неопределенной национальности.

- Господин президент, уважаемый профессора, - начал он, - я не привык к длинным речам. Я в течение двадцати лет слушаю то, что говорит мне мистер Линс, и я ни разу не пожалел об этом. Мой народ любит меня. В моей стране нет жестокости и насилия, царит свобода и взаимное доверие. Я без страха хожу в любое место своей страны.

- А как же оппозиция, террористы?

- Их нет. Преступности тоже почти нет. Дело в том, что мы внедрили в свой повседневный быт несколько простых идей мистера Линса. Все люди у нас свободны, но некоторые из них бывают больны, и из-за этого могут воспользоваться своей свободой во вред самим же себе. И мы гуманно предупреждаем это, помещая в специальные больницы. При этом они сами этого искренне хотят, но не всегда бывают осведомлены о своих желаниях, так что иной раз психоаналитику по году приходится биться с ними как рыба об лед, пока они, наконец, не поймут, чего хотят на самом деле. Преступность мы стараемся предупреждать тем, что преступникам арестовывают до того, как он совершил преступление. Мы противники смертной казни, но что делать: наша страна пока не готова ее полностью отменить. Поэтому за некоторые виды преступлений, в том числе мысленных, она применяется, в тех объемах, в которых это диктуется политической целесообразностью.

- Ну, разве это не утопия? – восторженно спросил президент университета. – Вы не рассказали еще про вживляемые под кожу микрочипы, по которым можно отслеживать преступников.

- Да, пока только преступников, но вскоре, мы надеемся, что эта недешевая вещь, благодаря поддержке некоторых благотворительных фондов, с которыми меня свел мистер Линс, будет доступна и для всех граждан страны.

- Это просто общество будущего! – захолопал в ладоши президент. – Разве господин генерал не достоин степени доктора политологии?

Все собравшиеся дружно закивали, краткими репликами выражая свое одобрение и согласие. Мистер Линс достал заранее подготовленный диплом и вручил его диктатору.

- Поверьте, ваше превосходительство, вы не просто видный практик, но и замечательный ученый, труды которого приближают будущее! – прочувствованно сказал он.

Доктор политологии

Через час мистер Линс остался в своем кабинете наедине с новым доктором политологии.

- Еще раз поздравляю, мой друг, - сказал он и жестом предложил присесть за стол, стоявший в углу кабинета, куда его расторопный секретарь принес бутылку коньяка и закуски.

- Зачем мне эта бумажка? – спросил залпом выпивший стакан коньяка генерал, небрежно махнув дипломом.

- О! Вы горячитесь! А зря – каждая бумажка имеет свою цену. Одно дело, когда вы творите дикости и беззакония, потому что вы дикарь, не имеющий ничего общего с цивилизацией, враг демократии. Тогда вся мощная машина демократического общества будет против вас. Но совсем другое дело, когда вы просвещенный политик, доктор права одного из престижнейших университетов мира, предпринимаете, может быть, не всегда и не вполне популярные меры, которые, к тому же, сопряжены с культурными особенностями региона и носят исторически локальный харак-

тер... Кто из либералов сможет выступать против вас, когда вы всю свою деятельность, неважно какую, облечете в формулировки их терминологии? Вы со мной согласны?

- Да, учитель.

- И правильно, - удовлетворенно кивнул мистер Линс. - Как можно больше пустословия, так чтобы тошно стало, чтобы люди уже перестали понимать, что за этим стоит, чтобы им стало уже все равно, что за этим стоит, чтобы они не только не понимали, где правда, а где ложь, а чтобы им стало все равно, что правда, а что ложь - это одно из важнейших условий политического успеха в современных условиях. Сейчас именно с такой политикой мы связываем свои надежды на успех в Советском Союзе. Сейчас там избран новый генеральный секретарь - Михаил Сергеевич Горбачев; мне кажется, что у него получится то, что не получилось у немцев и у нас.

- Вы думаете, что Советский Союз можно сделать таким же проектом, как моя страна? - изумился доктор политологии.

- Другим проектом, каждая страна пока это отдельный проект, иначе зачем нам только в рамках нашего университета несколько институтов, занимающихся политическими исследованиями? Мы сотни лет работаем, и вполне успешно над самыми разными проектами. Вы помните знаменитый тезис «Разделяй и властвуй»? Болтуны, осуждая его, связывают свои представления о проблеме с колониальной политикой Британской империи в Индии, с политикой Третьего рейха на оккупированных территориях. Но вам не

приходило в голову, почему они не связывают его с теорией разделения властей?

- И почему?

- Потому, что эта теория сейчас признается своего рода догматом культурного общества, стоящего на демократических принципах. Якобы законодательная, исполнительная и судебная власть, не завися друг от друга, будут друг друга контролировать и пресекать злоупотребления. На самом же деле – это путь к коррупции, к договорам между собой представителей разных ветвей власти, ни один из которых не может чувствовать себя уверенно и спокойно. А благодаря этому – правим мы, те, кто не связан формальным исполнением властных функций, но направляет течение мировой истории по определенному сценарию, насколько, разумеется, это возможно.

- А вы не все можете? – пристально посмотрел на президента университета генерал, отпивший половину коньяка из второго стакана.

- Конечно, нет. Мы всего лишь люди. Даже сверхреальные сущности, которых вы видели во время посвящения и храмы для служения, которым вы поддерживаете в своей стране, ограничены...

- Но кем? – изумленно посмотрел на него собеседник.

- Знаете, я не люблю об этом говорить. У меня непростое прошлое, я был иезуитом. Хорошее знакомство с теологией католицизма; наверное, это стереотипы, сформировавшиеся в подсознании, хотя жизнь все больше их подтверждает...

- Вы говорите о Боге? – еще больше изумился генерал.

- Не будем об этом. Давайте я тоже выпью, - и старик залпом выпил стакан коньяка.

- Я человек прямой – так вы считаете, что мы проиграем? – грозно посмотрел на него генерал.

- Здесь на земле мы выиграем, - уверенно ответил мистер Линс уже прежним голосом, так что полностью успокоил собеседника, всерьез подумавшего, не пора ли устранять учителя, впавшего в мягкотелость и пустые раздумья.

- А то, что за гранью земной жизни меня не интересует, - беспечно ответил доктор политологии, который даже явления ему темных духов воспринимал как нечто само собой разумеющееся.

- Вам легче, - усмехнулся президент университета.
- Давайте лучше я попрошу Хопкинса принести еще коньяка – мы же должны как следует отпраздновать ваш успех!

Творческий кризис

Майкл застал Арнольда в как никогда подавленном состоянии, в одиночестве опустошающим бутылку виски. Секретарь без приглашения взял второй стакан, наполовину наполнил его из механически протянутой ему Стерном бутылки. Залпом выпив, спросил:

- Ну, так и что у нас случилось?

- Мистер Линс сегодня, как безумный смеялся над моим новым романом.

- Смеялся? Но ведь они ему всегда нравились? В чем же дело?

- Ему и этот понравился. Но он увидел в нем нечто, что не видел в прошлых – то, над чем, по его словам, уже через несколько лет людей научат смеяться. Представляешь, он сказал, что пока эту книгу нужно отложить, а через пять лет из нее можно будет сляпать замечательный сценарий для комедии!

- А про что роман?

- Представляешь, две пары на машине едут по безлюдной местности Америки. В этой фактически пустыне их вдруг останавливает полицейский патруль, ведет к мировому судье, приговаривающему их к смертной казни за превышение скорости. Но приговор не сразу приводят в исполнение: они видят, что все население городка – это семья этого судьи, который и правда был когда-то мировым судьей. Половина его родных – мутанты, появившиеся на свет такими от того, что город стоит на свалке радиоактивных отходов. Судья и сам урод: у него пристегнутый нос, искусственная нога. Обреченные на смерть несчастные обнаруживают в комнате, в которой их заперли документы больше чем сотни казненных по приговору этого судьи людей, который за свои несчастья мстит всему миру.

- И мистер Линс смеялся над этим?

- Представляешь: да! Он сказал, что я, сам того не ожидая, вернул из прошлого еще одну очень любопытную грань художественного воздействия на сознание. По его словам во многих империях периода упадка, так называемое избранное общество смеялось над чужими уродствами, над чужими страданиями. Из людей искусственно делали уродов, путем различных изуверских операций, причем, как правило, брали для

них маленьких детей. А сейчас, как он говорит, все общество становится «избранным», это будет забавно широкой публике, как черни древнего Рима было смешно смотреть на бои гладиаторов или на то, как христиан на арене цирка разрывали хищные звери. Мистер Линс считает, что нужно сделать целый цикл таких комедий через какое-то время, чтобы люди смеялись над чужой болью, видя вокруг сплошной «Диснейленд», а потом другие, также бездушно смеялись над их болью, чтобы исчезло сочувствие и сострадание...

- Но он же не сказал, что ты утратил свой талант? – спросил практичный Майкл.

- Нет, и более того, сказал, что в нем открылись новые грани. И за эту книгу, хотя она и будет пока отложена, мне выплатят условленный гонорар. Но мне стало тошно, как никогда, я хочу вырваться из этого заколдованного круга зла, я не хочу ему служить, но я не знаю, как это сделать... От бессилия мне хочется пить до потери сознания, изо дня в день, чтобы и мистер Линс и все отстали, наконец, от меня, чтобы дали мне шанс спокойной жизни!

- Так можно и до белой горячки допить! - назидательно заметил секретарь.

- А ты думаешь, что я увижу что-то еще хуже того, что видел? – презрительно посмотрел на него Арнольд. – Как я мечтаю о свободе, я отдал бы за нее и свой талант, который мне кажется все более мифическим, и свои деньги, и свою славу!

- За такую цену ты может это и получишь, - сам не зная почему буркнул Майкл, допивая оставшееся в бутылке виски.

- Ты думаешь? – повеселел Стерн. – Иди, принеси еще пару бутылок виски и чего-нибудь поесть. Ты вселил в меня новую надежду.

У храма

Мэр Бэрримор стоял возле храма с отцом Уильямом и озабоченно обсуждал с ним ситуацию.

- Не нравится мне все это, - сказал отставной генерал. – Похоже, что эти силы опять пытаются вернуть себе город.

- А разве они когда-то отказывались от этого желания? – удивленно посмотрел на него священник. – Признаюсь вам, что с тех пор, как я познакомился с этим необычным русским – протоиереем Николаем, а особенно с тех пор, как начал служить в этом храме, мне стали видаться многие вещи намного объемнее и глубже. Так вот уверяю вас, что у них и на миг мысли такой не возникало, чтобы оставить в покое этот городок, который был их полным владением. Если бы не отец Альберт и отец Николай, то они бы так и властвовали здесь.

- Время прошло, - тихо ответил мэр, - теперь не заслуги умерших, а жизнь живых должна показывать насколько мы способны к противостоянию.

- Конечно, мы не способны, - уверенно ответил отец Уильям. – Даже те два священника, у могил которых мы сейчас стоим не были способны, пока были живы, или почти не способны. Но Христос может все. Он может из того, кто ничего внешне собой не представляет и, как кажется окружающим, не имеет ника-

кой ценности, сделать героя. А, надеясь только на свои силы, даже герой может стать трусом или подлецом, потому что человеческие силы очень ограничены.

- Вы про Ричарда? – спросил Бэрримор.

- В смысле?

- Ну, про его прошлые падения...

- Не нужно вспоминать то, что прошло.

- Так вы считаете, что те испытания, которые ему выпадают сейчас не из-за того, что было раньше?

- Думаю, что для того, чтобы он мог сделать еще шаг вперед. Или назад...

- Он уже знает о том, что сюда вновь едет следственная группа?

- Да. И мы должны быть готовы к любым неожиданностям.

- Справятся ли с этим горожане?

- Об этом никто не знает до того, как пройдет или не пройдет свое жизненное испытание.

ГЛАВА ВТОРАЯ

«Схимник» в клетке

В иммиграционной службе Нью-Йорка царило веселье. Сотрудники отдела только что проводили диссидента из СССР, попросившего политического убежища в США. Его история оказалась настолько необычной, что беседовавшие с Валерием (так звали эмигранта) начали смеяться, как только он вышел из здания, хотя веселого в ней ничего не было.

А суть событий, заставивших его покинуть Советский Союз, была следующей. У Валерия была глубоко верующая мать, которая овдовев стала тайной монахиней. Она неотлучно находилась со своим духовным отцом схиеромонахом Нектарием и еще несколькими людьми, почитавшими отца Нектария за великого старца, хотя ему не было и пятидесяти. Все они укрывались от безбожных советских властей в каком-то домике в горах Абхазии. А вот сын монахини Нимфодоры Сергей был совсем не религиозным.

Жил он в Питере, кропал какие-то душевредные стишки, увлекался выпивкой, девочками, не брезговал и травкой, вылетел из института за аморалку и перебивался случайными заработками. Вследствие всего этого, включая родство, находился под пристальным наблюдением соответствующих государственных структур. Они предлагали ему стать «сексотом», но Валерий счел, что это ниже его божемного достоинства. Тогда ему сказали, чтобы из Питера он выметался в течение недели, а то у него будет только два пути – в тюрьму за травку или в «дурку» за стишки.

Парень решил навестить мать, нашел ее в горах. И надо же такому случиться, что от перепоя и переутомления в дороге у него появился сильный жар, как только он увидел Нимфодору. Валера упал у ее ног без сознания.

- Видимый знак того, что сын твой бесноватый, - назидательно сказал отец Нектарий, и монахиня заплакала.

- Надо бы его пособоровать, - робко попросила она.

- Пособоровать? – презрительно передразнил ее «старец». – Да что толку от соборования, когда сын твой умрет к утру, а потому как жизнь он проводил недостойную, то пойдет напрямиком в ад, и никакое соборование ему не поможет.

- Что же делать? – заплакала Нимфодора.

- Делать? Есть только одно средство: надо постричь его в монашество, тогда все ему простится, и пойдет он на тот свет с чистой совестью.

Нужно сказать, что еще пять лет назад схииеромонах работал надзирателем в одной из колоний, откуда его выгнали за издевательства над заключенными. Причем издевательства эти носили идейный характер: он считал, что таким образом помогает их перевоспитанию. Поэтому фраза «На свободу с чистой совестью» была у него любимой. Где он нашел архиерея, который согласился его постричь в схиму и рукоположить в священный сан и постричь в схиму – неизвестно. Да и был ли он пострижен и рукоположен? Об этом не знал никто. А вот откуда у него взялись два «послушника» - сказать можно. Они были бывшими заключенными колонии, где монахиня Нимфодора, а тогда еще Нина Павловна, работала с документами осужденных. Об этих людях Нектарий, а тогда еще Нестор Петрович, получил «свыше откровение», что они осуждены несправедно, и помог с помощью Нины организовать им побег.

Монашество они принимать не захотели, но в горах, куда вся эта компания во главе с Нектарием отправилась после его очередного «откровения», в качестве послушников жили весьма охотно, наводя страх на окрестные деревни.

- Разве ж можно человека против его воли в монашество постричь? – спросила Нимфодора «старца».

- Можно, а обеты ты за него дашь.

Постриг был совершен, а через день Валерий, а теперь уже схимник Гервасий, внезапно выздоровел.

- Чудо! – заявил Нектарий.

Но Валерий себя схимником Гервасием признать никак не желал, и хотел убраться по добру по здорову из «святых мест» и жить по прежнему.

- Бесы в нем говорят, – сокрушенно заявил «старец». И приказал послушникам посадить «одержимого» в железную клетку, которую он, помня о своей любимой работе, в доме завел, чтобы было место для вразумления провинившихся.

День, второй, третий сидел Валерий в клетке без еды, но так и не признавал, что он Гервасий.

- Наверное, только с жизнью демон из него выйдет, – сокрушенно говорил Нектарий плачущей Нимфодоре. – Но ты не переживай, потому что для его же пользы это духовной. Что наша земная жизнь? Миг один и нет его. А зато пойдет на тот свет с чистой совестью.

Так бы и закончилась жизнь Валерия, если бы офицер КГБ, который пытался его завербовать, не установил за ним слежку, в надежде выйти на находившихся в розыске Нестора Петровича и Нину Павловну. А удалось арестовать не только их, но и двух беглых преступников.

- Это все твой иуда сделал! – мрачно сказал Нестор-Нектарий Нине-Нимфодоре. – Проклинаю его и тебя!

- Батюшка, разве ж можно так? – всплеснула она руками.

- Можно. И не батюшка я никакой. А тряпки и кресты эти мои ребята в одном монастыре украли, потому как прикрытие хорошее.

- Так и Валера не схимник? – посмотрела на него Нина.

- Такой же схимник, как ты монахиня. Анчутки вы поганые!

... Валерий о дальнейшей судьбе матери ничего не знал, а о судьбе своих тюремщиков и не хотел знать. После освобождения парня прямиком направили в психиатрическую клинику, где он в клетке сидел не три дня, а три месяца, а кормили его так, чтобы только не умер.

А потом ему подвернулась удача. Им заинтересовался какой-то американский правозащитный фонд, и откуда о нем только узнали? В СССР уже началась перестройка, с мнением иностранцев стали считаться, тем более, что за Валерия просил президент какого-то американского университета, говорил, что это талантливый поэт, «узник совести». И парня выпустили из СССР, все расходы, связанные с его переездом оплатила принимающая сторона.

В иммиграционной службе Валерий честно рассказал всю свою историю, при этом ее сотрудники едва не в лицо ему смеялись. Что они нашли в его заключениях смешного - парень понять не мог. Впрочем, это не их же держали в клетке и морили голодом.

Игрушка

Арнольд Стернпил около двух недель почти не приходя в себя. Майкл носил ему выпивку, несмотря на попытки мистера Линса запретить это. Где-то через пятнадцать дней писатель, наконец, остановился в своем безумном запое. Дня два он лежал, почти не в силах встать с кровати и не мог ни есть, ни отвечать на вопрос, только много пил простой воды, причем было видно, что и это, а особенно необходимость приподняться, чтобы все же освободить организм от избытков жидкости даются ему с большим трудом. К вечеру первого дня Арнольда начало сильно рвать так, что его буквально выворачивало наизнанку.

К вечеру второго дня он смог говорить, но радости не отходившему от друга Майклу, который теперь уже жалел, что не послушался мистера Линса и не отвез Стерна в больницу еще неделю назад, не прибавило. У писателя на рабочем столе стояла игрушка – небольшой песик, неопределенной породы, к которой он был очень привязан. Теперь Арнольд начал рассказывать Майклу, что чувствует, что скоро умрет и знает, что после его смерти его душа вселится в этого песика... Затем бред сменили видения, которые, чувствовалось, пугали писателя еще больше, чем те, которые видел раньше, потому что он не мог сейчас освободиться от них, оставив их на бумаге, так как руки его не слушались. Арнольд пробовал писать, но оставил на бумаге лишь размытые каракули; разум ему тоже не повиновался, он не мог писать то, что хотел.

Секретарь вызвал, наконец, врача. Стерна положили в больницу, где он пролежал около месяца. Уже

через неделю несчастный пришел в себя, видения, ужасно мучившие его все это время, прекратились, и он забыл о них так, что они полностью изгладились из его памяти.

Через месяц Арнольд был уже практически здоров, восстановились речь, интеллект, но его литературный дар исчез. Мистер Линс выдвинул ему в связи с этим ряд претензий имущественного плана, так как связывал большие надежды с еще не написанными произведениями Стерна, которые уже считал своей собственностью. Выяснилось, что договора Арнольда с ним составлены таким образом, что писатель обязан возместить неполученную выгоду. В результате ему пришлось продать виллу, расстаться с прислугой, даже верный Майкл покинул друга, с множеством извинений и оговорок, когда узнал, что он не сможет ему больше платить.

Из всего имущества у Стерна остался игрушечный песик, которого он бережно посадил в карман и пятнадцать тысяч долларов. Глядя на песика, Арнольд сказал ему: «Лучше уж мне было стать такой игрушкой как ты, чем оставаться такой, какой я был долгие годы. Я, наконец, свободен, но за свободу я отдал почти все».

Оставшихся денег хватало только на то, чтобы обосноваться и начать новую жизнь в каком-то небольшом городке. В качестве нового места своей жизни он, сам не зная почему, выбрал Моуди, о котором слышал, что там произошла трагедия, повторившая сюжет его книги. Этим он вернул интерес мистера Линса к своей персоне, который президент университета утратил после того, как разорил писателя и подумал, что больше не имеет смысла им заниматься, его

жизнь и так разрушена и будет чередой мучений. «Так ты не хочешь больше быть игрушкой, -думал мистер Линс. – Хорошо же, посмотрим, что ты стоишь в реальности, намного ли больше, чем тот фарфоровый пес, в которого, как ты думал, тебе предстоит превратиться». Но тут же президент с досадой понял, что отняв у Арнольда все, он совершил большую ошибку: отказавшийся от всего пусть и не официально, в пьяном угаре, писатель получил защиту от тех сил, бороться с которыми мистер Линс не мог.

Лестное предложение

Валерий немного неуютно чувствовал себя в кабинете президента университета – до этого он, видевший только обшарпанные комнатенки, в которых ютились мелкие представители власти в СССР и вообразить себе не мог, что для кого-то подобное великолепие может быть просто рабочим местом.

- Что-нибудь выпьешь? – ласково спросил его мистер Линс.

- Да, если можно, - робея, ответил парень.

Секретарь принес им бутылку виски, коробку с сигарами и вазу с фруктами. Любящий выпить Валерий залпом опорожнил первый стакан виски и тут же налил себе второй. Мистер Линс с усмешкой посмотрел на это, сам он едва коснулся губами до налитой в его стакане жидкости.

- Я читал твои стихи, Валерий, - сказал президент. – Мне кажется, что ты должен писать. Но в той стране, где ты жил до этого поэтов не ценят. Вспомни Бориса

Пастернака, хотя зачем так далеко? Возьмем Иосифа Бродского – кем он был у вас? Недоучка, не имеющий законченного среднего образования, осужденный за тунеядство, на основании того, что не был членом творческого союза писателей, а соответственно его поэтические занятия не признавались работой. Пациент психиатрических больниц, шельмуемый и преследуемый, буквально «выжатый» из СССР. А здесь? Он профессор университетов, я вижу его кавалером ордена почетного легиона, скоро мы сделаем его и нобелевским лауреатом в области литературы...

- Разве может быть профессор, который не имеет даже среднего образования? – удивленно спросил молодой человек, который настолько удивился, что даже перебил мистера Линса.

- У нас все может быть, - усмехнулся президент. - Вопрос ведь не в бутафории, а в том, что за ней стоит. Если нам это нужно, то любые звания, любые богатства, любое положение мы сможем легко обеспечить. Но если этот предполагаемый субъект забудется, и припишет своим заслугам то, что получил как наш дар, то мы в один миг сможем его всего этого лишиться. Буквально на днях мы так вынуждены были поправить одного писателя, Арнольда Стерна...

- А что с ним? – заинтересовался Валерий, который хорошо зная английский язык, по приезде успел уже прочитать две книги Стерна «забытых» кем-то в его комнате.

- Он сошел с ума, набрал на себя невыполнимых обязательств, а сейчас потерял все, - небрежно ответил мистер Линс.

- И вы... его не поддерживаете?

- Что ты! Конечно, поддерживаем! Он получил деньги на покупку дома в американской глубинке, где сможет вдали от суеты поправить свое здоровье. Разве в твоей стране так обращаются с теми, кто перестает быть нужным?

- Нет...

- Так вот, сейчас нам нужен новый писатель вместо Стерна. Как думаешь, ты мог бы писать похоже на него?

- Вряд ли...

- А ты мог бы описать все, что с тобой случилось, но так, чтобы это разоблачило всю мрачную сущность не только советского государства, но и советского православия?

- Какое Православие имеет отношение к тому, что со мной было? – изумился Валерий. – Ведь я же рассказывал вам, что я, да и моя мать, стали жертвой преступников, прикрывающихся черными одеждами, как ширмой.

- Такая трактовка нам неинтересна, скажу это прямо. Задам вопрос по-другому: ты хотел бы жить на вилле с прислугой, ни в чем не нуждаясь, или жить на символическое пособие для вынужденного эмигранта, в какой-нибудь дыре?

- Смотря что я должен буду делать в том и другом случае.

- И в том и в другом случае ты будешь делать то, что тебе скажут, иначе пожалеешь, что сюда приехал! – грозно сказал президент.

- Вы знаете, я уже устал бояться... - сказал Валерий. – Если нужно, то я готов вернуться в Советский Союз!

И, не дожидаясь ответа, он вышел из кабинета.

Мистер Линс вышел из себя. Он сделал несколько телефонных звонков. На следующий день в местных газетах вышла заметка, что эмигрант из СССР на почве пережитых там репрессий помешался, стал опасен для себя и окружающих и принудительно госпитализирован в психиатрическую клинику.

Доктор Гаррисон

Доктор философии по философскому богословию Джим Гаррисон выступал перед студентами университета:

- Основным в понимании американского могущества является то, что эта страна возникла из глубокой и уникальной приверженности к Свету. Соединенные Штаты были основаны политическими мистиками, погруженными в предания о древних религиозных тайнах и в тайные учения иудаизма и христианства. Они осознали - то, что они делали, имело столь же глубокое духовное, как и историческое значение. Именно это и определяло уникальную судьбу Соединенных Штатов нести Свет и обладать могуществом.

Многие из тех, кто оставлял Европу, чтобы исследовать девственные земли и нерастроченный потенциал Нового Света, называли его Новая Атлантида. Они также называли его Новыми Афинами, Новым Римом, Новым Израилем и Новым Иерусалимом. Америка стала «землей обетованной», где лучшее из западной цивилизации было дистиллировано в великое исследование человеческих возможностей.

Отцы-основатели Соединенных Штатов – Джордж Вашингтон, Томас Джефферсон, Бенджамин Франклин, Джеймс Мэдисон и многие другие – все они были революционерами. Они также являлись масонами – членами тайного общества, занимающегося изучением мистического христианства. Они были адептами политических взглядов Локка, Смита и Юма и были воспитаны на просвещенческих взглядах Декарта, Вольтера и Монтескье. Они были погружены в эзотерические учения древнего Египта, Греции и Рима и преданы научному методу и мистическим писаниям Бэкона.

Когда отцы-основатели сражались в войне за независимость и создавали Конституцию Соединенных Штатов, они соединили воедино все эти знания, чтобы создать государство, основанное на радикально новой понятии о человеческих возможностях. Как сказал Вашингтон, Америка должна была стать тем, чем уже являлось масонство – храмом добродетели.

Большая печать США, изображение которой можно увидеть на каждой долларовой банкноте, символизирует великую перспективу, для воплощения которой и были созданы Соединенные Штаты. На ней изображена пирамида, которую древние египтяне использовали как метафору луча Света. На вершине пирамиды находится всевидящее око Гора, египетского бога Солнца, чья сущность – Свет, и который являет собой глаз знания. Под пирамидой начертаны слова *Novus ordo seclorum*, что означает: *Новый порядок веков*.

Отцы-основатели верили, что Соединенные Штаты станут величайшей из наций, судьба которой –

быть источником вдохновения для всех других наций и маяком свободы для остальной части мира. Бенджамин Франклин обобщил это представление, когда сказал, что истинная судьба Америки – концентрировать не силу, но Свет².

...После окончания лекции мистер Линс угощал доктора Гаррисона кофе в своем кабинете.

- Мистер Гаррисон, ведь вы объехали весь мир?

- Да.

- Вы изучали философию и религию, богословие и историю?

- Как видите неплохо, если имею степени по этим наукам.

- Кто же говорит, что плохо? Напротив, такие оригинальные прочтения и трактовки! «Масонство – храм добродетели», в котором осуществляется «мистическое христианство»!

- Не вижу в этом ничего более странного, чем то, что христианами называют себя иезуиты!

- А вы интересный человек, - засмеялся мистер Линс. – Думаю, что ваши таланты должны найти очень достойное применение.

- Они уже и нашли.

- Вот как? Я не слышал.

- Мне поступило предложение с будущего года работать над программой советско-американского обмена.

Президент университета посмотрел на собеседника взглядом, преисполненным почтения.

---

² Выступление представляет собой компилятивную подборку из книги: Гаррисон Д. Америка: последняя империя. Конец истории по американски. М., 2009

- О, мистер Гаррисон, вы даже более серьезная фигура, чем я думал! Мои пожелания всяческих успехов на этом столь важном направлении работы!

Синди Кэмпбелл и колодец тайн

... Мистер Линс все чаще задумывался о приближении конца его земного пути. Он не был таким наивным, как его предшественник на посту президента университета Гриффин, чтобы думать, что за гранью, отделяющей жизнь от смерти, его ждет что-то хорошее. Но Линсу казалось, что он может найти секрет вечного сохранения материального тела, ведь он жил же уже около ста лет.

После долгих раздумий и медитаций мистеру Линсу открылось, что на заброшенной ферме в семнадцати милях от города есть спрятанный в сарае высохший колодец. На дне его он и узнает все тайны, которые способен вместить, и которые пока ему неизвестны. Но откроется ему все это только при помощи студентки университета Синди Кэмпбелл.

Президент навел справки, что же это за таинственная студентка. Полученная информация его разочаровала. Синди была красивой восемнадцатилетней блондинкой, глупейшей до невозможности.

- Что за идиот взял ее в университет? – раздраженно спросил сам себя мистер Линс после десятиминутного разговора с мисс Кэмпбелл, входе которого она не только называла его на «ты» и «папашей Линсом», но и прилепила ему на стол жевательную резин-

ку, шары из которой весьма умело надувала в ходе беседы.

«Может быть что-то не так?» - подумал президент, и решил сначала один съездить на ферму. Он нашел и сарай, и высохший колодец в сарае, который находился прямо в паре шагов от открывавшейся вовнутрь двери. Слезил на дно колодца, все там изучил, но никаких тайн ему не открылось.

Но в следующий раз во время одного из совершаемых Линсом тайных обрядов, ему опять было видение, что он должен вернуться на заброшенную ферму, уже вместе с Синди.

- На кой? - беззаботно спросила она, когда президент университета предложил ей съездить за город.

- Понимаешь, это очень важно... - раздраженно ответил тот, не зная, как себя вести с этой дуррой.

- А, поняла: ты, наверное, хочешь поразвлечься! Но таким старым уродам нельзя быть извращенцами: они должны быть хорошими, чтобы подавать нам положительный пример! - назидательно надула губки блондинка.

- Я не извращенец, - едва сдержавшись, сказал мистер Линс, - речь идет о важном научном эксперименте!

- Научном? - округлила глаза Синди. - Ну, ни хрена себе! А я-то тут при чем?

- Мы считаем, что у тебя способности к науке, только это пока не всем очевидно, - теряя терпение продолжил президент. - Съездишь - дам тебе сразу диплом бакалавра!

- А что такое диплом лавра? – поинтересовалась студентка, которой для его получения предстояло учиться еще три года.

- Это то, зачем ты сюда поступила.

- А я-то думала, что поступила сюда, чтобы весело проводить время, тусить и заводить короткие ни к чему не обязывающие романы! – разочарованно вздохнула девушка.

- И за этим тоже, – назидательно произнес мистер Линс и, потрепав по щеке, уже спокойно сказал: – Поехали, хватит болтать.

Когда они приехали на ферму, то Синди сразу побежала в кусты.

- Ты куда? – грозно спросил ее президент.

- Съела что-то не то сегодня, – беспечно крикнула она оттуда, – теперь вот понос прошиб.

Мистер Линс сплюнул на землю и зашел в сарай. Закрыв за собой дверь, он наклонился над колодцем тайн, пытаясь понять, что же за разгадки ждут его на дне этого колодца...

- Папаша Линс, где ты? – раздался вдруг у него в ушах голос Синди.

И в следующую секунду тяжелая дверь сарая стремительно распахнулась, ударив Линса в спину. Не удержавшись, он полетел вниз... Забежавшая в сарай мисс Кэмпбелл, которая так неаккуратно открыла дверь, услышала только два слова, которые президент университета успел сказать до того, как свернул себе шею:

- Проклятая дура!

А после этого он не мог уже ничего говорить, его повели туда, где уже находился Гриффин, чьей судьбы

Линс надеялся избежать. Теперь он понял все, но было уже поздно...

Администрация университета, организовавшая торжественные похороны, решила скрыть при каких несолидных обстоятельствах погиб президент.

- Что ты хочешь за молчание? – спросил ректор Синди.

- Папаша Линс обещал мне диплом лавра...

- Что еще за диплом лавра? – растерялся ректор.

И через неделю мисс Кэмпбелл получила диплом лучшей студентки десятилетия и на голову ей надели лавровый венок. Говорят, что сейчас она уже доктор права.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Новый житель Моуди

Арнольд Стерн сидел в комнате вместе с отцом Уильямом, мэром Фредом Бэрримором, шерифом Ричардом Беркли и Полом.

- Так вы говорите, что здесь совсем недавно произошло преступление, совершенное так, как будто моя книга была для него сценарием? – изумленно спросил подавленный писатель. – Я слышал что-то об этом, но не думал, что все написанное может быть реально воспроизведено в таких жутких подробностях.

- И более того: мы считаем, что ваш приезд сюда окажется на руку мистеру Линсу, который, насколько

нам известно, хотел обвинить во всем Ричарда, но теперь не преминет сказать, что вы были организатором и идейным вдохновителем злодеяния, - грустно ответил ему мэр.

- Может быть мне уехать отсюда? – поднял глаза Стерн.

- Бесполезно, от них не убежишь, - усмехнулся Беркли. – Они увидят в этом всего лишь подтверждение виновности.

- Что же теперь делать?

- Жить, - ответил отец Уильям. – Вы рассказали нам, что захотели от всего отказаться – от денег, от славы, от положения, лишь бы не писать больше то, что губит людские души. И это очень хороший поступок, за который Господь благословит вас. Вы сами не знали, почему решили ехать в Моуди; но мне кажется, что это будет место, где вы обретете новый смысл жизни и новых друзей.

- Где вы брали сюжеты для своих книг? – спросил до этого молчавший Пол.

Арнольд пристально посмотрел на него и произнес:

- Я вижу в вас ту же печать, что и на мне: вы видели то, что людям не нужно видеть. Но вы держали это в себе, а я выплескивал на бумагу. Временное облегчение, которой я получал при этом, как я теперь вижу, было чревато тем, что появившиеся записанные фантазии разрушали психику очень многих, духовно слабых людей... Я ответил на ваш вопрос?

- Вполне.

- Так вы примете меня? – уже зная ответ, спросил Стерн.

- Да.

- У меня есть сбережения, о которых я говорил...

- В городе сейчас продается подходящий дом, - кивнул мэр Бэрримор. - Рад еще раз приветствовать вас, мистер Стерн, теперь уже в качестве нового горожанина Моуди. И знайте, что вы теперь не один.

Новый президент университета

В кабинете президента университета сидел новый хозяин – лорд Джеймс Моро. Про него говорили, что он поддерживается Ротшильдами, и его назначение на его пост – свидетельство их развивающегося сотрудничества с Рокфеллерами, оказывающими существенную материальную поддержку университету. Сэру Джеймсу было около шестидесяти лет. Внешне этот величественный седой мужчина сильно отличался от мистера Линса, но по взглядам на основные вопросы, он был продолжателем его начинаний.

В первом своем публичном выступлении перед преподавателями, студентами и сотрудниками сэра Джеймс заявил:

- Наша задача – развитие тех традиций, которые существуют в университете. Первоочередной приоритет – закрытые студенческие клубы, в которых выковывается элита нашей страны и всего мира. Другой приоритет – интеграция в образовательный процесс передовых научных разработок ученых нашего университета, способствующих выработке правильного взгляда на мир и его составные части. Необходимо, чтобы те взгляды на правильное мироустройство, ко-

которые формирует наш образовательный и воспитательный процесс, проникали в самые широкие общественные слои в самых разных странах, чтобы американское восприятие действительности стало универсальным и объединяющим для всего мирового сообщества.

Затем на банкете в узком кругу ведущих профессоров президент университета сделал еще одно заявление:

- Похоже, что мы приближаемся к победе в холодной войне. В Советском Союзе сейчас находится человек, разделяющий наши взгляды и ценности. Думается, что ему удастся больше, чем могли бы сделать атомные бомбы – он включит в стране механизмы саморазрушения, о которых пока не подозревает. А делает он это, выполняя наши поначалу невинные, но затем все более целенаправленные дружеские советы и рекомендации. В ближайшие годы он станет не просто одним из нас, но и одним из наших тайных лидеров. Мы живем в великое время, когда создание единого мирового государства после прошедших двух мировых войн и подходящей к концу холодной войны становится как никогда реальным.

Хопкинс, бывший секретарь Линса, который стал теперь помощником нового президента университета, отозвав сэра Джеймса в сторону, спросил:

- А будете ли вы продолжать то, что мистер Линс планировал в отношении Моуди.

Лорд скривился; он участвовал в событиях двадцатилетней давности, связанных с этим местом.

- Думаю, что преждевременная смерть мистера Линса показала, что инициативы на данном направле-

нии были начаты несколько ранее, чем следовало, - вслух сказал он. – Поэтому мы завершим те формальные процедуры, которые запущены, но конкретное решение вопроса отложим до более благоприятного времени.

Делегация советских ученых

В университете было необычное событие – сэр Джеймс впервые принимал в его стенах делегацию ученых из СССР во главе с депутатом Верховного Совета Советского Союза Борухом Никаноровичем Свинчуткой. Даже один Борух Никанорович сам по себе был достаточно необычным явлением. Толстый, важный, бесцеремонный, с маленькими злобными глазками и громовым голосом, секретарь партийной организации одного из крупных московских вузов, ни дня не занимаясь наукой или преподаванием, он ухитрился получить ученое звание профессора за свою общественно-политическую деятельность по развитию советской школы. Через пять лет, накануне распада Союза, во время всеобщей политизации населения, один депутат Верховного Совета, академик, в прошлом репрессированный, сказал, что в отношении господина Свинчутки «профессор» это не ученое звание, а погоняло.

Борух Никанорович ничуть не смутился. Он сказал, что «профессор» намного более хорошее погоняло, чем «Свинчутка». Но дело в том, что «Свинчутка» – это не погоняло, просто у него фамилия такая. И, соответственно, «профессор» – также не погоняло, а зва-

ние. И вообще: откуда в стенах Верховного Совета такой жаргон? Возможно, академик привнес его из своего скорбного прошлого? Так не там ли он и стал «академиком»? Может быть, это у него не звание, а погоняло?

Профессор Свинчутка, а тем более депутат Свинчутка, не имел никаких принципов, не стеснялся в оценках, в том числе прямо противоположных. В зависимости от конъюнктуры он легко менял свое мнение, не думая озвучивал то, что было модно на сегодняшний день, чтобы также не задумываясь отказаться от своих слов завтра, в зависимости от обстоятельств заявив, что не говорил он ничего подобного, или же, что заблуждался, но имеет гражданское мужество признать свою ошибку.

В девяностые годы, используя свое интернациональное происхождение, Борух Никанорович успел побывать русским и украинским националистом, сионистом и антисемитом, был принят в несколько масонских лож, побывал агентом американских спецслужб с кличкой «Кабанарий», министром в нескольких странах СНГ, а потом успешно перекочевал в начале третьего тысячелетия сначала в Российскую Государственную Думу, а затем в Совет Федерации...

В семидесятые годы на международной встрече работников вузов стран соцлагеря он заявил, что советское образование настолько превосходит западное, что самый глупый российский школьник имеет больше знаний, чем американский академик. На колкий вопрос одного из участников встречи, имевший целью проверить все ли помнит сам Свинчутка из программы третьего класса советской школы, он емко ответил, что

у него голова не помойка. Уже в восьмидесятые, на примере работавшего в качестве приглашенного профессора в американских вузах Бродского, Борух Никанорович сказал, что его теория нашла свое подтверждение: человек с шестью классами образования может работать профессором в Америке. По поручению Свинчутки, это было оформлено в диссертацию, за которую он получил ученую степень кандидата педагогических наук.

Но сейчас конъюнктура изменилась; сотрудничество с США стало казаться желанным в виду изменения позиций первого лица в СССР. Поэтому депутат на официальном приеме в честь советской делегации неустанно расхваливал университет и сэра Джеймса и делал это тем усерднее, чем больше виски наливали ему в его стакан, который тут же пустел.

Два других члена советской делегации не были столь примечательными. Один из них был специалистом, защитившим докторскую диссертацию по истории рабочего движения в современной Америке, при этом данная поездка в США была для него первой. На вопросы ученых университета, где он представлял советскую науку сейчас, как можно писать докторское исследование, не имея досконального знания изнутри предмета изучения, что предполагалось бы на их взгляд необходимым при раскрытии темы, посвященной современности, профессор с достоинством ответил, что для советского ученого, вооруженного марксистской методологией, не обязательно знать предмет исследования, для того, чтобы дать ему исчерпывающе верную характеристику.

Третий член советской научной делегации, кандидат философских наук, защитил диссертацию, развенчивающую библейские мифы, при этом сам Библию никогда не читал.

Американские профессора, участвовавшие во встрече, немало повеселились, узнав все эти подробности. По их общему предложению, сэр Джеймс, прощаясь с делегацией, выдал Свинчутке диплом почетного доктора, сказав, что он удостоен его по единодушному мнению профессорской корпорации, которая желала бы, чтобы именно с такими людьми, как дорогой Борух были связаны будущее советских науки и образования.

В ответном слове Борух Никанорович сказал, что на его взгляд именно так и будет. Сегодня можно делать выводы был ли он прав...

Доллар

Профессор Генри Торнтон проводил встречу с членами одного из закрытых студенческих клубов университета, специализирующихся в области экономики.

– Я поговорю с вами о том, о чем мы обычно не говорим на лекциях, но что вам, как людям, которые будут активно включены во все глобальные экономические процессы, необходимо знать, - начал он свою речь. – Дело в том, что экономика в эпоху создания единого мирового рынка имеет свои особенности. Сегодня уже не обязательно примитивно отнимать с силой оружия природные и иные ресурсы у колоний для

того, чтобы жители метрополии процветали за счет угнетения населения колоний. Есть более изящные способы обеспечить достойную жизнь населения титульных наций.

Первый из них – наша финансовая система. Доллар не является государственной валютой США. Это кредитное обязательство федеральной резервной системы США, по сути, не относящейся к государственным учреждением. Доллар – это транснациональная валюта, распоряжение которой находится в руках лиц, определяющих всемирные денежные потоки. Поскольку в их же руках правительства, банки, силы, формирующие общественное мнение во многих странах, то они имеют возможность произвольно определять, сколько стоит доллар, вне зависимости от того, какой была бы его реальная покупательная способность, если бы не эта мощная поддержка. Поэтому даже когда доллар в реальности будет стоить как бумага, на которой он напечатан, сотни миллионов людей в развивающихся странах будут думать, что живут на два доллара в день, потому что таким будет его курс по отношению к их национальной валюте, имеющей реальную покупательную способность.

Доллар – валюта, имеющая, в том числе, и мистическое значение, что подтверждает имеющаяся на нем оккультная символика, о чем недавно рассказывал вам доктор Гаррисон.

По нашему решению государство в США сейчас все более повышает уровень жизни населения, в том числе широко используя внутренние займы. Если бы не глобализация, то расплатиться по ним можно было бы напечатанными вновь долларами, которые сразу

потеряли бы свою покупательную способность, и это означало бы крах нашей финансовой системы. Но поскольку доллар является мировой валютой, в долларах проводятся финансовые операции множества стран и хранятся сбережения их лидеров, то весь мир становится им повязан. Крах доллара будет и их крахом, поэтому они вынуждены его искусственно поддерживать, даже осознавая, что реальные материальные активы вкладывают в миф.

Потому что у Соединенных Штатов есть еще один аргумент – огромная боеспособная армия, которая, если сейчас нам удастся запустить задуманные процессы в Советском Союзе на протяжении двух или трех десятилетий не будет иметь себе равных в мире. Вооруженное вмешательство – очень весомый аргумент для поддержания нашей финансовой системы и нашего мирового порядка.

Кроме того, продолжение научно-технической революции позволяет и реально улучшать уровень жизни людей в мире, что является сильным аргументом в поддержку нашей системы ценностей, потому что СССР и набирающий силу Китай игнорируют потребности своего населения в пользу усиления государства. В эпоху глобализации и формирования единого всемирного информационного поля удерживать людей в повиновении одним промыванием мозгов все труднее – как и во времена Римской империи опасной для существующей власти черни нужно давать не только зрелища, но и хлеб. А мы должны позаботиться о том, чтобы содержание зрелищ определялось нами. А для этого нужно морально разлагать формальных и неформальных лидеров враждебных государств, не

жалеть для них никаких богатств, никаких почестей, никаких гарантий – главное, чтобы они приняли наш взгляд на мир или наши условия, тогда все это окупится.

Информационная война с нашими нынешними врагами – одна из важнейших. И, похоже, что победа в ней не за горами. Думаю, что лет через пять доллар будет высочайшей ценностью и в Советском Союзе, если вообще останется такая страна.

Отец Уильям и Арнольд Стерн

Новый горожанин Стерн очень часто встречался с отцом Уильямом. Он с интересом расспрашивал священника про храм, оскверненный и вновь возрожденный, про отца Николая и отца Альберта, пытался осмыслить то, что происходило с ним самим.

– Вы открыли свою душу силам тьмы, Арнольд, – говорил ему отец Уильям, – а это не проходит бесследно ни для кого. Отпечаток вашего творчества, которое, в сущности, было не творчеством, а стенографированием болезненных видений, останется в вашей жизни. Но если вы навсегда от этого отошли, отказываясь ради этого от многих мирских благ, с течением времени призраки прошлого будут тревожить вас все меньше.

– Какова же природа этого духовного мира?

– Она таинственна и загадочна. Думаю, что достаточно вам знать то, что смертным людям в дни их земной жизни не полезно заглядывать за тот благодетельный занавес, который по милости Божией отделя-

ет от нас, что мы не в силах понести, пока не кончились дни нашей земной жизни.

– Но вы говорили, что отец Николай и отец Альберт видели многое, что нельзя видеть...

– И они навсегда из-за этого лишились возможности простого земного благополучия. Возможно, что оно уже недоступно и для вас: ваша жизнь будет нести на себе отпечаток увиденного и услышанного за той тонкой гранью, которую вы имели неосторожность перейти.

– Так они видели ту же реальность, что и я?

– Может быть, не совсем ее. Потом, кроме плохого они видели там и много хорошего. И, самое главное – они умели отличать одно от другого, чего, думаю, не дано ни мне, ни вам.

– Кто же эти существа, которых я видел?

– Церковь говорит нам о двух огромных мирах – ангелов и падших духов, число которых, по мнению некоторых Отцов Церкви в сто раз превышает количество всех людей – живущих сейчас, живших до нас и тех, кому еще только предстоит жить. Они очень разные, имеют разную силу и разную власть. Некоторые настолько могущественны, что легко могли бы уничтожить всю Землю, если не те границы, которые Бог установил для реализации свободной воли имеющих ее существ.

– А есть во Вселенной другие люди, кроме земных?

– Таких же точно, как на Земле, думаю, нет. Полагаю, что во Вселенной преобладают неорганические формы жизни. И даже, если есть органические формы, то они, наверное, сильно отличаются от земных. Да и

здесь, на Земле, посмотрите, насколько отличаются люди друг от друга. Кто-то похож на ангела, а кто-то на животное. Причем, нелепо думать, что человек ближе всего именно к обезьянам. Физиологически он ближе к свиньям, а вот по внутренней организации подобия ему нужно искать в прирученных им или сопутствующих ему животных. Кто-то похож на собак или кошек, кто-то на лошадей, кто-то на крыс и свиней. Есть благородные люди, похожие на львов и тигров, есть иные, похожие на гиен, а то и на скунсов... Вообще-то, если честно, тех, кто похож на ангелов, очень мало...

– Вы говорили, что животные страдают из-за человека?

– Да, из-за грехопадения первых людей, Адама и Евы. До этого смерти на Земле не было. Первый человек Адам был создан как царь земного мира, призванный повелевать всеми животными. Он был создан «из праха земного», то есть, возможно, в нем имелись все те лучшие качества, которые присущи животным, но и нечто большее – образ Божий, благодаря этому он и мог ими повелевать, пока не пал. После грехопадения людям, как правило, присущи худшие черты представителей животного мира, а если ангелов, то падших. Но праведные люди и сейчас иногда могут безбоязненно общаться с животными, признающими их своими владыками.

– Все это очень интересно и непохоже на то, что я слышал раньше...

– Вам многое откроется, Арнольд, на том благом пути, на который вы сейчас вступили. Главное – не сворачивайте с него: теперь, когда вы ушли оттуда, где

были, если опять окажетесь там, вам будет намного хуже, чем можете себе представить.

Проповедь

Храм в Моуди был заполнен горожанами. Отец Уильям в этот воскресный день говорил проповедь о пророке Ионе:

- Он получил от Бога повеление идти в Ниневию, жители которой настолько преуспели в пороке и развращении, что грехи их вопияли к небу. И Ионе нужно было придти к ним и сказать, что если они не покаются, то их ждет неминуемая гибель. А он чисто по человечески испугался. И каждый из нас часто пугается, когда приходит для него время свидетельствовать о вере. Воображение рисовало ему жуткие картины того, что могут сделать с ним злобные ниневитяны, если он дерзнет обличать их. Но оно не рисовало ему худшего – того, что произошло с ним, когда он решил отказаться от своего избранничества.

Иона решил бежать от повеления Бога, как можно дальше от Ниневи, в финикийскую колонию в Испании. Он сел на корабль, но море, до того спокойное, взбушевалось. И это был знак для команды, что на судне есть тот, кто чем-то прогневал Бога – так это было ими воспринято. Они бросили жребий, чтобы узнать, кто виновник бури. И когда он выпал на Иону, тот признался в том, что малодушно бежит от повеления Господнего. И был выброшен за борт, где его целиком проглотил огромный морской зверь – какой именно неизвестно, но это, по сути, и неважно. Три

дня Иона был во чреве этого зверя. Сложно представить себе всю глубину ужаса, пронизавшего тогда все его существо: перевариваться заживо в желудке морского чудовища – вряд ли можно представить себе более жуткую смерть! Теперь уже и миссия в Ниневии не казалась ему такой страшной.

А зверь плыл и плыл куда-то, и через три дня прибыл к месту своего назначения, издохнув у самого берега, куда он и выблевал Иону. Спасенный с ужасом увидел, что находится совсем близко от Ниневии... Теперь ему ничего не оставалось делать, как идти со своей проповедью обличения, в успех которой он не верил, в страшный для него город. Но произошло все совсем не так, как думал пророк. Ниневитяне не только не причинили ему никакого зла, но покаялись так, как это могли сделать их ожесточенные сердца, которых перед лицом неминуемой гибели внезапно коснулась благодать Божия.

А Иона вышел из города и начал ждать исполнения пророчества. От солнечного зноя он укрывался в шалаше. Утром он увидел чудо: за ночь выросло дерево, в тени которого он мог укрываться от солнечного зноя и чувствовать себя вполне комфортно в качестве зрителя неминуемой катастрофы. А на другую ночь дерево это погибло... Оказавшись под лучами палящего солнца, Иона сильно скорбел об этом дереве, говорил, что лучше бы ему умереть. И тогда Бог обратился к нему, сказав, что пророк жалеет дерева, над которым не трудился, которое выросло за одну ночь и за одну же ночь погибло. Так неужели он думает, что Богу не жалко целого города?

История Ионы дает нам много назиданий. В своей жизни мы часто боимся совсем не того, что нам следует бояться. Нужно научиться бояться греха больше, чем смерти, тогда ничто не помешает выполнить свое жизненное призвание. Не нужно бежать от испытаний: убегая от более легких, мы прибежим к худшим. И, конечно, ни в коем случае нельзя превращаться в зрителей глобальной катастрофы: чем мы тогда будем лучше поклонников Голливуда? Мы должны помогать другим, насколько это для нас возможно, тогда Бог поможет нам. И во всех случаях, когда наши силы недостаточны, мы можем обратиться ко Господу свою молитву. Не нужно ждать ее немедленного исполнения: она услышана, все будет так, как лучше для нас. Доверьтесь Богу, и смело идите вперед по жизненному пути, на котором нам нечего бояться, потому что с нами Христос!

После проповеди мэр Бэрримор подошел к отцу Уильяму и спросил:

- Неужели вы и правда ничего не боитесь?

- Ничего не боится у нас только Ричард, - улыбнулся священник. – Я же всего лишь пытаюсь бороться со своими страхами также, как и с другими грехами.

Революционер

Хуан Карлос, известный латиноамериканский революционер, недавно схваченный американскими спецслужбами и приговоренный к смертной казни, сидел в кабинете снисходительно улыбающегося сэра Джеймса Моро и ничего не понимал. Среди ночи его

подняли, но вместо того, чтобы расстрелять, привезли в закрытой машине сюда...

- Я работаю круглый сутки, иногда приходится принимать посетителей и по ночам, если этого требуют соображения целесообразности, - сказал ему президент университета. - Мы решили сохранить вам жизнь.

- Кто это: мы? - ощерился Хуан.

- Те, в чьей власти находится принятие таких решений. На вашем языке это, наверное, называется воротилы мирового империализма...

- И что вы хотите со мной сделать?

- Ничего. Вы получите новые документы и уедете из Америки куда хотите.

- А как же приговор?

- Завтра все газеты опубликуют информацию о том, что сегодня ночью вы умерли на электрическом стуле. Причем два десятка свидетелей - врачей, представителей правозащитных организаций подтвердят это.

- А труп?

- Утром его кремируют.

- Но откуда он возьмется?

- Ваша какая забота? Разве их мало на вашем счету? Одним больше, одним меньше...

- А как же я?

- Вы уже с этого момента не Хуан Карлос, а дон Педро Гоминидус.

- Но внешность, отпечатки пальцев?

- Отпечатки пальцев заменят во всех картотеках, а внешность... Мало ли, кто на кого похож? Отрастите бороду.

- Но почему вы решили это сделать? Ведь я всю свою жизнь боролся против поставленного вами в нашей стране режима, против империализма...

- Мы шире смотрим на эти вещи. Режим не наш, а всего лишь устраивающий нас в данный момент. Что касается империализма – это уже устаревшее понятие, которое становится ругательным. Сейчас правильнее говорить о глобализации, едином мировом экономическом пространстве.

- Но я же с оружием в руках воевал за свои идеалы, организовал десятки террористических актов, заставлял людей поверить в то, что они могут быть свободны, пытался разрушить их мещанский мирок...

- Мещанский? В Латинской Америке? Где вы таких слов набрались? А, вы ведь учились в Советском Союзе, я и забыл! – засмеялся сэр Джеймс и уже серьезно добавил: - Вот за это мы вас и ценим. Вы лишаете людей спокойствия, счастья и уверенности в завтрашнем дне, как они их понимают, для того, чтобы дать им миф о грядущем счастье, когда вы победите. Ваша деятельность ничуть не менее разрушительна, чем наша. Просто они имеют разную идейную базу, разные дивиденды в случае удачи. Но цель одна и та же: чтобы на земле воцарились хаос и отчаяние, чтобы люди жили в страхе и слепо повиновались тому, кто может ими повелевать в надежде, что он их защитит. Тактически – для нас может быть это еще и поводом ограничения демократических свобод под предлогом обеспечения безопасности граждан.

- Вы надо иной смеетесь? – вскипел революционер.

- Ничуть. Вы и мы – разные стороны одной медали. Движимые разными побуждениями, несем одно и то же: горе и страдание. Такие люди как вы нужны нам. Поэтому мы и решили вас освободить.

- Вы попытаетесь меня опорочить, сказать, что завербовали?

- Нет, конечно. Ведь по большому счету, вы служите тому же, кому служим и мы. Просто наша деятельность организованная, у вас больше импровизации. Так что, дон Педро Гоминидус, вот ваши документы. Сейчас вас отвезут на самолет, который высадит в Мексике. А дальше – никаких обязательств. Думаю, что ваша деятельность в любом случае окажется нам полезной, а я редко ошибаюсь.

Развязка в Моуди

Мистер Томпсон сначала активно взялся за расследование трагедии в Моуди. Он доставил немало неприятных часов и шерифу Ричарду Беркли, и писателю Арнольду Стерну. Но после смерти мистера Линса было видно, что следователь делает все это формально. Он уже получил распоряжение свернуть дело, предварительно потрепав, как следует, нервы тем, кого до этого планировалось привлечь в качестве обвиняемых. Как опытный полицейский, Беркли быстро это понял и сказал остальным, что угроза уже миновала.

Наконец, все эти неприятные допросы остались в прошлом. По этому случаю мэр Бэрримор устроил праздничный обед, на который пригласил отца Уильяма, Ричарда, Арнольда и Пола.

- Это временное отступление, - убежденно сказал Беркли. - Просто им пока не до нас.

- Нет ничего более постоянного, чем временное, - убежденно возразил ему отец Уильям. - Любой день мирной жизни имеет свою ценность, а ведь мы до последних событий жили относительно спокойно целых двадцать лет!

- Надо радоваться тому, что мы имеем, - поддержал священника мэр. - Будущее нам неизвестно. Что еще ждет Америку и весь мир? Но сегодня у нас все неплохо. Обвинения против наших друзей сняты, Арнольд нашел мир с самим собой, Богом и другими людьми в нашем городке. Или я ошибаюсь, мистер Стерн?

- Нет, все верно. Я впервые в своей жизни счастлив, - кивнул писатель. - И более того: я опять пробую писать, но это уже не стенограмма моих кошмарных видений.

- Это здорово, - улыбнулся Пол. - Пиши, Арнольд, свой талант нельзя зарывать.

- Так что же нас ждет впереди? - задумчиво спросил Беркли.

- Этого никто не знает, - мягко сказал отец Уильям. - И на самом деле здорово, что не знает. Представьте, как жутко было бы жить по заранее известному сценарию, особенно, если впереди - какие-то большие скорби. Вся жизнь была бы отравлена страхом этого ожидания. Но даже если бы впереди было что-то и хорошее: в ожидании того, что будет, можно было бы не придавать значения тому, что есть сегодня. Вся жизнь превратилась бы в ожидание, а, соответственно, пропала...

- Вот и я говорю: радуйтесь тому, что есть! - подтвердил мэр. – А сейчас хватит болтать: бокалы давно полны!

Прошли годы.

ЧАСТЬ III.

**ГРАЖДАНИН
МИРА**

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Профессор Свинчутка

– В отношении отсутствия денег при коммунизме: действительно, планировалось, что для широких народных масс денежного обращения не будет. Но для избранных, разумеется, они бы остались. Ведь при коммунизме не планировалось удовлетворять *все* потребности *всех*. Говорилось: от каждого по способности, каждому по потребности. Но вот сам человек не мог правильно определить для себя суть своих потребностей, мог пожелать того, что принесет ему заведомый вред. Поэтому общество естественным путем становилось регулятором его потребностей.

А общество направлялось бы теми, кто наверху и в силу особенности своего труда могут и должны иметь отличные от представителей массы потребности. В какой-то мере широкие массы при коммунизме можно сравнить с ручными животными, которых кормят, предоставляют им кров, лечат, но лишают их права самостоятельно определить суть своих потребностей.

- Профессор, а использование денег представителями высшей касты не возбудило бы подозрения масс, что их обманывают? – поднял руку Гарри Смит, многообещающий студент, желавший стать дипломатом.

– Отличный вопрос, Гарри! Конечно, возбудило бы! Поэтому мы думали о том, чтобы для высших лиц сделать электронную систему расчетов. А для того,

чтобы исключить преступность и возможность пользования их благами посторонних производить расчеты не посредством банковских карт, а посредством чипа, вживляемого в руку, обладателя благ. Не имеющий такого чипа не мог бы не продавать, не покупать, соответственно, он жил бы при коммунизме в тех рамках, которые мы ему определили.

– Профессор, а это было мнение о коммунизме советского руководства?

– Неплохой вопрос. Нет – это было наше мнение, тех, кто стоял за их спинами, занимая места советников или депутатов, чтобы можно было делать, что вздумается, не неся за это ответственности!

... Борух Никанорович Свинчутка уже третий месяц работал профессором университета. Сэр Джеймс назначил его на эту должность, несмотря на то, что кандидат на заведование кафедрой политологии не знал английского языка. Единственному из всех преподавателей университета ему был предоставлен переводчик, который был с ним на лекциях.

Отрывок из одной из них, приведенный выше, дает представление и о взглядах нового профессора и о том, чему он учил студентов.

До университета последние два года Борух Никанорович работал министром культуры в одной из бывших республик Советского Союза. На этой должности он ратовал за искоренения из образовательных программ русского языка и русской литературы, как позорного империалистического наследия. При этом поощрял на филологических факультетах чтение спецкурсов по ненормативной русской лексике, которую считал высшим достижением русского языка.

Способствовал приобретению государством сотен американских фильмов, невостребованных с США, в основном порнографических, или изобилующих сценами жестокости или откровенно тупых. Закрыв сотни библиотек и домов культуры, получил три ордена. Приватизировал одно из крупнейших государственных учреждений культуры через подставных лиц, а деньги перевел на свой счет в швейцарском банке.

Когда его, наконец, сняли с должности министра культуры, то он, перед тем как уехать, обляпал весь свой кабинет дерьмом, включая и некоторые важные документы. При этом невинно разводил руками: «Ну, надо же: прорвало канализацию!»

Сэр Джеймс Моро, несмотря на всю свою английскую чопорность, очень смеялся, когда Свинчутка ему об этом рассказывал.

– Надеюсь, у нас вы так не поступите? – поинтересовался он.

– Так не выгоняйте, – с наивными чистыми глазами ответил Борух Никанорович.

Валерий

Валерия из психиатрической клиники доктора Хайда вызволил Ричард Беркли. Он через своих старых знакомых узнал, что в эту больницу, с которой в прошлом у его друга Пола было связано так много дурного, попал молодой человек – эмигрант из России, осмелившийся противоречить самому мистеру Линсу. Когда казавшийся всемогущим старик нелепо погиб, упав в колодец, на дне которого надеялся обрести до-

селе скрытые от него знания, шериф, несмотря на то, что в Моуди в отношении его мистер Томпсон вел следствие, решил отлучиться на несколько дней – слетать навестить мистера Хайда.

Доктор, увидев призрак из прошлого, страшно перепугался. Он без всяких возражений отпустил Валерия с Ричардом, тем более, что мистера Линса уже не было в живых, и русский эмигрант мог пригодиться только для безнаказанного проведения над ним запрещенных опытов. Увидев Беркли, Хайд понял, что безнаказанности здесь не будет, и не стал даже заявлять в полицию, что шериф ему угрожал. «Разве тебе легче будет от моего ареста, если тебя уже не будет в живых?» - ласково спросил доктора Ричард, и тот предпочел забыть о том, что у него был русский пациент.

Валерий безропотно согласился поехать в Моуди: а куда ему было деваться в этой чужой враждебной ему стране? Поначалу он держался в городке особняком, но потом сдружился с Арнольдом Стерном. Арнольд быстро выучил русский язык, и молодые люди часами говорили на самые разные темы. Валерий рассказал писателю, что мистер Линс предлагал ему стать новой звездой литературы. Арнольд заинтересовался: а что собственно такого экстраординарного написал человек, претендовавший на его место в американской литературе, пусть и чисто гипотетически?

Тогда Валерий с чувством прочел ему написанное им еще в России стихотворение, отражающее его понимание трагизма поэтического избранничества:

«Закон есть: чем талантливей поэт,

Тем раньше он покинет это свет.

Был гениален Лермонтов, и вот -
Ему лишь 26, а враг его убьет.

Как Пушкин рифмой зажигал сердца,
Но пуля в 37 забрала жизнь певца.

Талантлив Блок, но он слабее Пушкина поэт,
И в 40 покидает этот свет».

Не дожидаясь продолжения, Арнольд смеясь,
экспромтом сказал свою версию, чем должно это про-
изведение закончиться:

«А вот такой, как ты поэт,
Прожить способен сотню лет».

Валерий сначала надулся, но потом вдруг сам по-
нял, насколько смешны его «творения» и расхохотал-
ся.

- Одно не понимаю, - задумчиво сказал он, - как
же я мог бы писать вместо тебя, если это стихотворе-
ние – лучшее из всего, что мной написано?

- А ты бы не сочинял ничего, - грустно сказал
Альберт, - ты бы только стенографировал... Даже не
представляешь, Валерий, как тебе повезло, что ты сра-
зу отказался...

Злокозненный Свинчутка

Борух Никанорович вальяжно развалился в кресле в кабинете сэра Джеймса и без всяких стеснений поглощал приготовленное для него угощение: сало, мацу и водку. Такой необычный продуктовый набор был излюбленным у профессора, по крайней мере, он об этом всегда говорил.

- Сэр Джеймс, - довольно разборчиво, несмотря на то, что рот его был забит едой, обратился Свинчутка к президенту университета, морщившемуся от резкого запаха сала с чесноком и водки, - так о чем вы хотели со мной поговорить?

- У нас есть вопрос к Президенту США. Рональд Рейган сумел поднять популярность этого поста на очень большой уровень. Как актер он знал, чем привлечь публику. Он и в фильмах-то играл самого себя, а уж, став первым лицом страны, превратился во всенародного любимца. Тем более, что его считают победителем в холодной войне, хотя его роль в этом была более, чем скромной. При его преемнике Джордже Буше произошел развал Советского Союза, поэтому рейтинг этого Президента также зашкаливал. Но сегодня уже иной Президент – Билл Клинтон. И нам кажется, что на его примере следует показать, что Президент – всего лишь обычный человек, устроить показательную экзекуцию на весь мир. А потом - оставить его в должности, но чтобы и он и те, кто будут после него, не думали, что они значат больше нас. Доступно я изъясняю?

- Вполне, - кивнул Борух Никанорович, смачно рыгнув. – Думаю, что нужно опозорить его, но так,

чтобы с одной стороны серьезное отношение к нему пропало, и в то же время, чтобы то, что он сделал не оттолкнуло от него симпатий большинства американцев...

- Это было бы идеально, - согласился сэр Джеймс.

- Но что бы это такое могло быть?

Свинчутка залпом выпил целый стакан водки, отчего президент университета посмотрел на него с большим удивлением, но ничего не сказал. Затем он жарко начал излагать лорду Моро свои идеи. Сначала тот слушал с недоверием, но затем лицо его прояснилось.

- А вы правы, Борух, - улыбнулся он. - Обязательно попробуем это сделать. То, что само по себе ничего не значит в тысяче случаев, в конкретном месте и времени, для конкретного человека может оказаться страшным ударом, у вас просто чутье на это!

Через неделю в Белом Доме появилась новая практикантка. Ее звали Моника Левински.

Жизнь в Моуди

За последние четырнадцать лет в Моуди многое изменилось. Арнольд и Валерий женились на местных девушках – первый на белокурой сироте Сьюзен, второй на испанке Хуаните, отец которой дон Санчес был помощником шерифа. В браке оба друга оказались счастливы; у Арнольда было трое детей, у Валерия четверо. Пол, ошибками молодости лишивший себя возможности счастливой семейной жизни, с радостью

проводил теперь время с детьми своих младших друзей.

Отец Уильям постарел, но еще держался. А вот Ричарду с годами становилось все сложнее управляться с протезами; ему понадобился помощник. На эту должность десять лет назад он взял приехавшего в город с восемнадцатилетней дочерью сорокалетнего вдовца дона Санчеса, потерявшего жену и остальных детей в вооруженном конфликте на мексиканской границе и искавшего место, где его душа могла бы обрести покой. Таким местом оказался Моуди. Правда, помощник шерифа без восторга отнесся к тому, что его дочь влюбилась в странного русского, про которого поговаривали, что он лежал в сумасшедшем доме. Но через несколько лет Санчес изменил отношение к зятю, и они подружились.

В Моуди жило около тысячи семей. Шахта работала, но в эпоху глобализации не одна она была источником жизни для его обитателей. Среди жителей были и представители свободных профессий – литераторы, художники, которые почему-то находили особое вдохновение в этих заброшенных местах. Много было пенсионеров, живших здесь раньше, до печально известных событий, и пожелавших именно в этом месте закончить свою жизнь. Как и везде в Америке здесь была развита сфера потребления. Но что для конца восьмидесятых годов нетипично – практически все живущие в Моуди были очень религиозны. Отец Уильям не мог нарадоваться на свою паству. В какой-то мере жизнь в городе была похожа на ту, которая была здесь до того, как мистер Линс принял решение все здесь разрушить и осквернить. Но теперь для прекра-

щения жизни в Моуди недостаточно было бы просто закрыть шахту.

Мэром так и был генерал Фред Бэрримор, не покинувший город, несмотря на поступавшее к нему предложение стать сенатором. Он и Ричард Беркли настороженно смотрели на идиллию городка, ответственными за который себя чувствовали. Глядя на младших друзей, они с одной стороны радовались за них, с другой – боялись, что все это будет недолговечным.

- Тоже мне: красивые молодые жены, дети, кошки, собаки, все любят друг друга! – ворчал Ричард. – Слишком уж все идиллически здесь, не вериться мне, что это надолго!

- Я тоже боюсь, что что-то случится, - вздыхал генерал.

- Да ладно вам, старые брюзги! – прерывал их отец Уильям, который был старше их. – Ведь уже четырнадцать лет все здесь спокойно!

- А до этого было двадцать лет, - замечал Беркли. – А потом они активизировались.

- Ну, так не смогли ничего нам сделать! И сейчас не смогут! – уверенно заявлял священник.

- Хорошо бы, - вздыхал мэр.

Слободан

А вскоре в Моуди появился серб Слободан, который принес в оторванный от мировых событий городок вести о том, что НАТО сделало с Косово. Непрерывные бомбежки, проведенные Североатлантическим

Союзом, повлекли за собой множество жертв среди мирных жителей, разрушили города и храмы, среди которых – уникальные памятники архитектуры. В Сербии было разрушено 100 процентов нефтяной промышленности, половина военной промышленности, большинство топливозапасников и трансформаторных станций, а также 40 процентов теле и радиостанций и ретрансляторов. И все это делалось под красивыми лозунгами «прав человека», «развития демократии».

С конца 80-х годов албанское население Косова стало чаще проводить репрессии против сербского населения, но сербы сами бежали, чтобы не быть убитыми. Перед международным сообществом сербов представили, как будто это они уничтожают албанцев. По международному праву каждая страна может бороться с сепаратизмом на своей территории, «но только не Югославия». Против суверенного государства началась гуманитарная интервенция.

После распада Большой Югославии в Союзной Республике остались лишь Черногория и Сербия с двумя автономными краями – Косово и Воеводина. В начале марта 1998 года в автономном крае вспыхнули вооруженные столкновения между сербской полицией и боевиками из местной националистической организации «Армия освобождения Косово» (АОК). На что Белград немедленно отреагировал утрусением своего военного контингента в Косово. С этого момента вооружённые столкновения участились. Одно из них стало поводом для военного вмешательства в конфликт сил НАТО во главе с США.

В содержании информационной обеспечения агрессии НАТО против Югославии на протяжении

всей операции доминировали следующие основные направления: разъяснение «гуманных» целей военной акции, предпринятой якобы только во имя «благородных целей» спасения косовских албанцев от «геноцида» и их «безопасного возвращения к родным очагам»: убеждение мировой общественности в том, что только НАТО (а не ООН) может быть адептом мира и стабильности на Балканах и во всем мире, в необходимости и размещения и Косово международного военного контингента под эгидой НАТО; демонстрация «монолитного единства» стран блока и военной мощи альянса. Между тем отдавший приказ бомбить Югославию Президент США Билл Клинтон признался, что большинство американцев даже не могли отыскать Косово на карте, им не было особенно интересно, что можно и нужно делать в этом регионе.

Слободан поехал в Америку полный наивной решимости довести до простых американцев, какое преступление творит их власть. Его попытки пробиться на телевидение, в газеты и организовать стихийный митинг закончились тем, что его сначала попытались убить, а когда покушение не удалось, начали на него настоящую охоту. Скрываясь от преследователей, он спрятался в фуре, которая ехала куда-то несколько дней, а потом незаметно из нее выбрался. Оказалось, что эта машина везла груз продовольствия в Моуди...

- Вот что, сынок, - сказал мэр Бэрримор, выслушавший рассказ Слободана, - все это очень непросто. Тебе пока лучше немного отсидеться у нас. Нашему народу бесполезно рассказывать все эти ужасы, потому что завтра же люди забудут об этом. Никакого эффекта твои разоблачения не дадут, смирись с этим. А вот

те, кто это организует, не забудут, что был такой упрямый серб. Так что первая задача - сохранить твою жизнь.

... Слободан не знал, что бомбардировкам Югославии предшествовал разговор сэра Джеймса со Свинчуткой.

- Мне кажется, что после всех этих событий с Моникой Левински мистер Клинтон созрел для какой-то войны, которая переключила бы внимание американского народа, - лениво сказал Борух Никанорович.

- Вот как? – с живым интересом посмотрел на него лорд. – Мы тоже об этом думаем. А какая именно точка на ваш взгляд сейчас наиболее целесообразна для нанесения удара?

- Думаю, что Косово, - ответил никого не жалеющий космополит. – Ситуация там дает информационно повод вмешаться. В реальности же – это удар по Православию и плевок в Россию. И все во имя высших демократических ценностей!

- Вы становитесь все полезнее, Борух Никанорович, - скривил губы сэр Джеймс. – Наверное, мы так и поступим.

Мэр и священник

Отец Уильям и Фред Бэрримор сидели на террасе в доме мэра, и пили чай.

- Я вот думаю, - сказал генерал, - некоторые говорят, что земная жизнь ничего не значит, она только подготовка к вечности. Но это как-то странно звучит... Как если бы мне сказали, что период моей учебы в во-

енной академии ничего не значит, потому что это всего лишь подготовка к службе. А между тем – это был в определенной степени лучший период моей жизни...

- А! Вы о смерти задумались? – хитро улыбнулся священник, который был старше мэра.

- Не увиливайте от ответа! – в тон ему ответил Бэрримор. – Вы же сами говорите, что о смерти нужно думать всегда, тогда она не застанет врасплох. Так значит что-то наша земная жизнь или нет?

- Если даже просто исходить из того, что от нее зависит наша участь в вечности – получается, что значит очень много, - уже серьезно ответил отец Уильям. – Но, на мой взгляд, неправильно делают те, кто говорят: земная жизнь – сон, мы живем ожиданием вечности. Такие люди похожи на тех, кто всю жизнь живет в ожидании то одного, то другого - например, диплома, брака, должности, своего дома. А за ожиданием того что будет, жизнь проходит мимо них – они не умеют радоваться тому, что есть, а могут только ждать, что вот появиться это, и я буду счастлив. Но появляется и диплом, и семья, и должность, и дом, но оказывается, что дополнительной радости вместе с ними не пришло... И они начинают ждать еще чего-то...

- Кажется, я понял, - сказал мэр. – Так вы считаете, что все разговоры про то, что на земле нужно жить Небом болтовня?

- Вовсе нет, - возразил отец Уильям. – Есть те, кто в своей земной жизни настолько погрузился в молитву, что они уже на Небе.

- То есть дело в молитве?

- Далеко не только. Есть те, кто молиться целыми ночами, почти ничего не ест, может ходить по воздуху,

не чувствовать боли, совершать то, что кажется чудом обычному человеку, но при этом быть исполненным зла и гордыни.

- Как индийские факиры?

- И не только они. Главное, по чему определяется с Богом ли человек – по тому, насколько он Его любит. А любит ли он Бога видно из того, как относится к людям, которые рядом с ним. И не только к людям, а и ко всем созданиям Божиим.

- Значит, молитва может приносить вред человеку?

- Если от нее он наполняется сознанием своей праведности и исключительности, если относится к ней, как к своего рода медитации, то, безусловно, она принесет ему вред.

- А где находятся Рай и ад?

- Я не ставил бы вопрос так одномерно. В Библии написано, что Царство Божие внутри нас, но мы должны его найти, приложив для этого очень большие усилия. Я думаю, что и Рай и ад для каждого человека начинаются уже на земле, просто не все это видят, так как не хотят придавать познанию себя должное значение. А через это становятся похожи на пьяницу, спящего в свином стойле: пока он не протрезвел ему там вроде бы хорошо. Но, придя в себя, он в ужасе убежит оттуда: ведь дело не только в эстетической стороне вопроса, а и в том, что свиньи очень опасные хищные животные. Так и очень многие из живущих сейчас беспечно, изменили бы свою жизнь, если бы могли правильно оценивать свою жизнь и поступки. Но..., как сказано в Евангелии: имеют глаза и не видят, имеют уши и не слышат... Как пьяница в стойле со злобными

свиньями, они до поры просто не понимают ужаса многих своих поступков, некоторые из которых просто вопиют к Небесам!

- Вот я, вроде бы считаю все это очень важным, стараюсь жить по совести, и, не слишком ей доверяя, спрашиваю тех людей в ком уверен, правильно ли я поступаю, - произнес Фред. - Но мне кажется, что я и на полшага не сдвинулся на пути духовной жизни!

- У меня та же история, - весело ответил ему отец Уильям. - Вы все делаете правильно, но никак не можете научиться простой вещи: радоваться тому, что есть. Вам сразу значительно легче будет жить, поверьте мне!

Похороны Боруха Никаноровича

Профессор Свинчутка скончался, как сказал президент университета, после тяжелой непродолжительной болезни. Массивный гроб из красного дерева с телом покойного стоял посередине университетской площади, на которой собрались все преподаватели и студенты. Сэр Джеймс в черной мантии и профессорской шапочке говорил прочувствованную речь:

- От нас ушел тот, кого в полной мере можно назвать гражданином мира. Он оказывал влияние на судьбы правителей великих держав, был востребован в десятке стран, в каждой из которых занимал подобающее его таланту положение. Королева Англии сделала его рыцарем, Президент Франции наградил орденом Почетного легиона. В России он был депутатом высших представительных органов, в пяти странах он

был министром. Я не говорю уже о том, каким прекрасным профессором был Борух Никанорович, и какая это утрата для нашего университета. Незаметный, он стоял за многими из тех событий, которые меняют судьбы мира. Тяжкая внезапная болезнь вырвала его из наших рядов...

Лорд Моро говорил долго и нудно, так, как, по его мнению, говорили бы, если бы покойного с такими же почестями хоронили бы в России. Религиозного обряда усопший завещал не совершать, поэтому вскоре после окончания речи президента, покойный был похоронен в небольшом склепе на территории университета, рядом с мистером Линсом и мистером Гриффинном.

Сэр Джеймс после похорон пригласил к себе в кабинет несколько человек, где для них был накрыт стол. Выпив несколько рюмок, лорд Моро раскраснелся и доверительно сказал сидевшему рядом с ним профессору:

- А ты знаешь, от чего он умер?

- Нет, ведь об этом умалчивалось.

- От рака прямой кишки.

- Ужас какой! Страшная смерть!

- Вот-вот! А виноват сам: обнаглел до того, что стал подтираться не иначе как стодолларовыми купюрами, и еще мне об этом рассказал!

- Это шутка? – изумленно посмотрел собеседник.

- Нет, конечно! Но нельзя безнаказанно глумиться над тем, что для нас дорого: стодолларовые купюры, оказывается настолько вредные, что уже через месяц у него появился рак прямой кишки, а еще через месяц он умер в мучениях.

- Из-за ... долларов?

- А то из-за чего же? – долгого тесного из-за общения со Свинчуткой сэра Джеймс стал говорить чем-то похоже на него.

Впрочем, если бы вопрос из-за чего так ужасно умер Борух Никанорович, задали Слободану, то он, скорее всего, сказал бы, что его постигла кара за Югославию. А сотни других людей, с которыми жизнь сводила умершего, назвали бы другие причины...

- Кто же будет новым заведующим кафедрой политологии? – поинтересовался у президента собеседник.

- То же выходец из бывшего Советского Союза, которого также с полным правом можно назвать гражданином мира. Но об этом пока не будем – мы еще не простились с господином Свинчуткой. Господа, - обратился лорд Моро к собравшимся, - попробуйте водку с салом: это было любимым блюдом Боруха Никаноровича.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Мифы и реальность империализма

В университете проходил международный семинар по вопросам глобализации. Во время него лорд Моро сидел в соседней комнате с новым заведующим кафедрой политологии Борисом Григорьевичем. Сквозь открытую дверь до них доносились голоса выступающих.

- Неужели кому-то это интересно? – спросил профессор.

- То, что происходит должно получить еще и академическую оценку, - улыбнулся сэр Джеймс. – Тогда оно будет восприниматься, как что-то скучное и само собой разумеющееся. Кроме того, для достижения наших целей мы должны стереть в общественном сознании границы между мифом и реальностью.

- Я недавно был в Европе, - сказал Борис Григорьевич, - меня очень позабавила одна моя бывшая соотечественница. Она купила дом в Исландии. Как сейчас принято в России, начала строить огромный забор. К ней пришли соседи: «Нельзя строить, здесь идет тропа троллей». Она: «Это же моя частная собственность, что хочу, то и делаю!» Так они демонстрации у ее дома организовывали, в знак протеста. Мэр приходил уговаривать... Так что придумала дамочка: взяла и нарисовала в заборе дверь: пусть тролли в нее ходят, в нарисованную! Но самое интересное не это: они в высшем законодательном органе всерьез обсуждали, как тролли должны участвовать в оздоровлении экономики их страны!

- Неужели, правда? – усомнился лорд.

- Не знаю... Но это я к тому, что гражданское общество, демократия, права человека, свобода слова, местное самоуправление – это мифы.

- А при чем здесь тролли?

- А тролли – реальность.

Сэр Джеймс засмеялся, затем знаком попросил собеседника умолкнуть и не без интереса прислушался к докладу профессора из России:

– Человечество с древнейших времен знает такую форму государственного устройства, как империя, объединяющая в своих границах государственные образования с разным уровнем культурного, политического и экономического развития. Многие из завоевателей Древнего мира мечтали о создании всемирной империи. Но лишь к началу XX века появились исторические и экономические предпосылки для реальной возможности ее создания.

В XX веке можно выделить 3 основных попытки создания всемирных империй:

1. Британская империя;
2. Государство всемирной диктатуры пролетариата (с центром в Советской России);
3. Гитлеровская Германия.

Каждая из них имела свои особенности. В отношении четвертой попытки (США), которая имеет свое развитие и в XXI веке, необходимо отметить, что она, в силу процесса исторического развития, во многом приняла уже иные формы.

Возникновение на рубеже XIX – XX вв. империализма нового типа было связано, в первую очередь, с появлением разного рода монополий. Как писал В.И. Ленин, к началу XX века «концентрация дошла до того, что можно произвести приблизительный учет всем источникам сырых материалов (например, железорудные земли) во всем мире. Такой учет не только производится, но эти источники захватываются в одни руки гигантскими монополистическими союзами. Производится приблизительный учет размеров рынка, который «делят» между собою, по договорному соглашению, эти союзы».

Особое значение в империалистически устроенном мире приобретают банки. «Монополия выросла из банков. Они превратились из скромных посреднических предприятий в монополистов финансового капитала. Каких-нибудь три-пять крупнейших банков любой из самых передовых капиталистических наций осуществили «личную унию» промышленного и банковского капитала, сосредоточили в своих руках распоряжение миллиардами и миллиардами, составляющими большую часть капиталов и денежных доходов целой страны. Финансовая олигархия, налагающая густую сеть отношений зависимости на все без исключения экономические и политические учреждения современного буржуазного общества – вот рельефнейшее проявление этой монополии», - писал В.И. Ленин.

На примере Британской империи и США мы можем видеть убедительное подтверждение этим его словам. Некоторым казалось, что на фоне жестких диктатур, существовавших в фашистской Германии и СССР, Британская империя, охватывавшая четвертую часть суши, была местом народного благоденствия. Говоря о положении ее доминионов, Карл Каутский писал, что их население имеет больше прав, чем в европейских демократиях. Впрочем, мифологизация вообще характерна для империализма.

Приход в Германии к власти Гитлера был невозможен без первоначальной поддержки его магнатами капитала, от зависимости которым он потом освободился. Однако характерно, что в Советской России, где самый непримиримый критик монополий, создал монополию правящей партии на все ресурсы государства,

в том числе и людские, все банки были государственными и играли лишь исполнительские функции.

Империализм обуславливает то, что некоторые монополии превращаются в надгосударственные образования, которые могут диктовать их правительствам те или иные условия. Монополия на власть не входила в число предметов, рассматриваемых теоретиками учения об империализме начала XX века, но она является необходимым условием создания всемирной империи. И если закрытые общества и клубы Британской империи, а в более позднее время – США, являют нам прикрытый пример монополизации власти надправительственными структурами, то правящие партии СССР и фашистской Германии уже четко ее отражают.

В своей книге «Империализм», написанной в 1902 году, Гобсон говорил о существовании предпосылок для начала мировой войны. Незадолго до начала войны более прямо об этом писал В.И. Ленин.

Н.И. Бухариным в преддверии Первой мировой войны обсуждался вопрос о возможности в ее итоге перехода власти к «рабочему классу», а точнее, к тем политическим силам, которые выступали на мировой арене от его имени, которые являлись еще одной формой монополистов – монополистами «бренда» «рабочий класс», и которыми была предпринята попытка использования мировой войны для создания всемирного государства диктатуры пролетариата... Таким образом, эта война связывалась не только с желанием передела рынков и сфер влияния, но и с возможным переходом власти к новым политическим силам, позиционирующим себя «пролетариатом», желающим подчинить себе все сферы человеческой жизни.

При внимательном рассмотрении мы увидим, что теоретики империализма предполагали неизбежным в будущем создание единого государства, разница была лишь в том, какой они видели форму управления им. В современном мире глобализация приняла уже новые формы. В результате холодной войны можно видеть убедительную победу США, пытающихся диктовать свою волю всему остальному человечеству.

Однако и на сегодняшний день еще преждевременно говорить о реальной возможности создания всемирного государства, с учетом возникновения новых политических сил, в первую очередь, Китая, однако исторические и экономические предпосылки такой возможности намного более четко очерчены, чем в начале XX века.

- Вы даете так прямо высказываться? - поинтересовался Борис Григорьевич.

- А почему бы и нет? – удивился лорд Моро. – Как говорил ваш предшественник, Борух Никанорович Свинчутка, «все равно всем пофиг». А так - показываем, что свобода слова – не только миф, но и реальность, пусть и не такая актуальная как тролли.

Между тем в зале седовласый американец важно поднялся за трибуну и начал говорить:

- Под «Империей» мы понимаем нечто, совершенно отличное от «империализма». Границы, определенные системой национальных государств современности, были основой европейского колониализма и экономической экспансии: территориальные границы нации определяли центр власти, из которого осуществлялось управление внешними территориями — территориями других государств — через систему ка-

налов и барьеров, то способствовавших, то препятствовавших потокам производства и обращения. В действительности империализм был распространением суверенитета национальных государств Европы за пределы их собственных границ. Переход к Империи порождается упадком суверенитета современного типа. В противоположность империализму Империя не создает территориальный центр власти и не опирается на жестко закрепленные границы или преграды. Это — децентрированный и детерриториализованный, то есть лишенный центра и привязки к определенной территории, аппарат управления, который постепенно включает все глобальное пространство в свои открытые и расширяющиеся границы. Многие полагают, что роль центра власти, управляющего процессами глобализации и стоящего во главе нового мирового порядка, принадлежит Соединенным Штатам. Если девятнадцатый век был британским, то двадцатый век стал американским, или, вообще говоря, если современность была европейской, то постсовременность является американской.

Сегодня Империя возникает как центр, поддерживающий глобализацию сетей производства, она далеко забрасывает свой широкий невод, стремясь подчинить себе все властные отношения внутри имперского мирового порядка, развертывая в тоже самое время мощные полицейские силы, направленные против новых варваров и восставших рабов, угрожающих ее порядку. Власть Империи кажется подчиненной неустойчивой динамике власти на местах и часто меняющимся, половинчатым юридическим решениям, посредством которых Империя пытается именем «чрез-

вычайных» административных мер вернуться к нормальному состоянию, никогда не достигая при этом окончательного успеха. Однако именно эти черты были свойственны Древнему Риму в период упадка, что так раздражало его поклонников эпохи Просвещения. Моральное вмешательство часто служит первым актом, готовящим сцену для военной интервенции. В подобных случаях использование военной силы преподносится как санкционированная мировым сообществом полицейская акция. Сегодня военное вмешательство во все меньшей мере оказывается результатом решений, исходящих от структур старого международного порядка или даже от ООН. Гораздо чаще оно предпринимается по одностороннему повелению Соединенных Штатов, которые берут на себя решение основной задачи, а затем просят своих союзников приступить к процессу военного сдерживания и/или подавления нынешнего врага Империи. Чаще всего этих врагов называют террористами, что является собой грубую концептуальную и терминологическую редукцию, коренящуюся в полицейской ментальности.

Деятельность корпораций больше не определяется применением абстрактного принуждения и неэквивалентного обмена. Скорее, они напрямую структурируют и соединяют территории и население. Они стремятся к тому, чтобы превратить национальные государства всего лишь в инструменты учета приводимых в движение транснациональными корпорациями потоков товаров, денег и населения. Транснациональные корпорации напрямую распределяют рабочую силу по различным рынкам, размещают ресурсы на основе

функционального принципа и иерархически организуют различные секторы мирового производства³.

- Как академично! – ехидно сказал Борис Григорьевич.

- Так и должно быть, - кивнул сэръ Джеймс. – Так вы рады работать у нас?

- Безусловно, - подтвердил новый заведующий кафедрой политологии.

Борис Григорьевич

Новый заведующий кафедрой политологии внешне был полной противоположностью Свинчутки – интеллигентный, франтоватый, свободно говорящий на разных языках, реально защитивший докторские диссертации по философии в СССР и по политологии в США. Но по своим воззрениям на мироустройство сильно от предшественника не отличался. Сэру Джеймсу новый профессор был ближе. К Боруху Никаноровичу лорд относился несколько настороженно, даже не привлекал его к участию в тайных ритуалах, целью которых было осквернить все, что у человека есть дорогого и святого. Президенту университета казалось, что гражданин мира, как он назвал его в надгробном слове, может осквернить даже эти ритуалы...

---

³ Выступление американца представляет собой компилятивную подборку по материалам книги Хардт М., Негри А. Империя. М., 2004

Борис Григорьевич доллары вместо туалетной бумаги не использовал, а аккуратно переводил их на свой счет в швейцарском банке. Для него также не существовало понятия Родины; это был убежденный космополит. Свою задачу в университете он понял сразу: красивыми академичными фразами превращать в обыденность любые преступления против человечества и нарушения прав человека режимом, которому он сейчас служил, в то же время яростно обличая даже небольшие проступки других режимов.

Бориса Григорьевича ничего не смущало. Он мог сегодня с высокой трибуны говорить одно, а завтра также убежденно – прямо противоположное. Но его талант заключался в том, что слушателям не казалось, что он себе противоречит: так красиво облекались мысли в слова.

Сэру Джеймсу нравилось, что преемник Боруха Никаноровича с одной стороны дает такие же продуманные и безжалостные советы, моралью которых является лишь целесообразность, а с другой стороны – не «заражает» его привычкой говорить по русски всякие неприличные словечки. Он был доволен.

Чудо

Отец Уильям сидел на веранде с Валерием. Тот спросил его, возможны ли подлинные христианские чудеса в наше время, в эпоху с одной стороны развития науки и техники, а с другой – расцвета оккультизма и мракобесия. Подумав, тот ответил:

- Недавно я встречался с одним священником из России. Из неверующей семьи, он пришел к вере осознанно. Мы с ним говорили о чуде. И вот, что он мне сказал: «Помню, когда я был маленьким, мой дед, убежденный коммунист, внушал мне: «Верить в Бога – значит верить в чудо. А чудес не бывает. Значит, и Бога нет». Такой примитивный атеизм не мог меня удовлетворить. И уже в детстве меня очень интересовало все, что связано с религией. Чтение большого количества атеистических брошюр и даже более серьезных книг привели меня к тому, что в 14 лет я сравнительно осознанно крестился.

И вот из этих книжек вспоминается одна – маленькая, зеленая, в тонкой обложке, на которой был изображен задумавшийся священник. Называлась она «Чудо». В книге рассказывалось о молодом аббате, который был искренне верующим, но еще духовно не сформированным человеком. И вот к нему обратилась одна мать, которая искренне верила, что если он возложит руки на ее сына, то он исцелится от паралича ног. Уступив ее просьбам, священник сделал то, что просила женщина. И юноша исцелился. Но аббат не понял той очевидной (для меня сейчас) вещи, что это произошло не из-за него, а из-за веры матери в исцеление сына. И он начал потом возлагать руки на массу больных, никто из которых естественно не исцелился. И чудо обернулось кощунством и в итоге потерей веры, еще недостаточно глубокой, у самого священника.

В послесловии этой книги приводилось разъяснение феномена, которое (меня сегодняшнего) еще более убеждает в том, что любое чудо тесно связано с верой. Там говорилось об одной слепой еврейке, кото-

рая верила, что если ей принесут воды, освященной в конкретном месте, то она, умывшись ею, исцелится. Слепая послала за водой свою служанку. А той лень было идти куда-то; она набрала воды просто в луже неподалеку от дома, принесла хозяйке, а та, умывшись этой грязной водой, прозрела...»

И он рассказал мне свои мысли по этому поводу, очень интересные: «В Евангелие говорится о том, что если мы будем иметь веру с горчичное зерно, то сможем переставлять горы. Декаденты считали, что реальность – это то, что мы о ней думаем. Вера – нечто неуловимое, то, что нельзя «потрогать», «взвесить», «оценить». Наука, европейская и российская, в двадцатом веке находилась под сильным влиянием философии позитивизма, в которой не было места для чуда. Позитивизм – философское направление, исходящее из тезиса о том, что всё подлинное, «положительное» (позитивное) знание может быть получено лишь как результат отдельных специальных наук или их синтетического объединения и что философия как особая наука, претендующая на самостоятельное исследование реальности, не имеет права на существование. Но в то же время сам создатель позитивизма О. Конт в результате стал и создателем одной из примитивных религий...

Помню, раньше меня очень интересовало, насколько достоверны некоторые из чудес, описываемых в житиях святых. Ведь там описывается и то, что в биологии называется регенерация (когда у святых вновь появлялись отрубленные части тела), и то, что сейчас принято называть телепортацией (в житии Гургия, Самона и Авивы девушка, помолившись, чудес-

ным образом в одно мгновение перенеслась в другую страну и, таким образом, была избавлена от незаслуженной мучительной смерти). Можно объяснить это с точки зрения позитивизма тем, что жития святых писались изначально в языческой среде, в которой миф был настолько же реален, как и то, что можно «потрогать»; и авторы житий не отличали того, что происходит в конкретное время в конкретном месте от того, что происходит в их воображении. И по-своему это будет, наверное, правильным объяснением. Но, с другой стороны, этот путь может завести очень далеко; он может всю нашу веру свести к мифу. Например, один очень уважаемый православный проповедник двадцатого века, возможно, один из лучших, писал, что и Введение во храм Пресвятой Богородицы – красивое символическое предание, которое не могло быть в действительности, но и неважно было оно или нет, важен духовный смысл этого праздника.

И путь такой рационализации в итоге ведет в пропасть. Сколько сейчас христиан, которые даже Евхаристию – таинство, которое соединяет нас с Богом, делает нас Церковью, считают лишь символом?

Наверное, не нужно бояться по детски верить, не нужно бояться быть «наивными», обращаясь к Богу. Один видный европейский ученый говорил о себе: «Я много знаю, и поэтому я верю, как простой бретонский крестьянин. Если бы я знал еще больше, то я верил бы, как простая бретонская крестьянка». А крестьяне в Бретони в то время были в основном неграмотными. В Церкви нам дана вся полнота Священного Предания, которое «апробировано» уже в течение двух тысячелетий. И не нужно бояться принять на веру, то,

что пока некоторым из нас, возможно, представляется немыслимым. Ведь не пытаемся же мы каждый отдельно от других открыть законы, по которым работает электричество, для того, чтобы зажечь лампочку в своей квартире, а пользуемся опытом других. Нужно просто довериться Богу, попытаться начать жить по Его заповедям, и постепенно жизнь станет совсем иной, сама наша жизнь станет чудом.

Так вот, если применить все это к тому, что близко нам: сама жизнь в этом городке Моуди и есть самое, что ни на есть настоящее христианское чудо. В Апокалипсисе говорится о том, что в последние времена Церковь бежит в пустыню, где будет укрыта от Антихриста. Поскольку у Бога времени нет, и каждый христианин живет в последние времена, то меня все чаще посещает эта аналогия...

История

Мэр Фред Бэрримор сидел за столом с новым жителем Моуди – профессором истории Генри Мортонном.

- Мистер Мортон, вы не первый ученый, который ищет пристанища в нашем городке. Более того: из тех, кто возрождал здесь жизнь, исключительно важную роль играли два университетских профессора. Но все же я должен задать вам вопрос: почему вы сделали такой выбор?

- Я кое-что слышал о Моуди, мне показалось, что здесь я обрету покой после нескольких лет травли в университете.

- Чем же вы так не угодили своим коллегам?
- Не столько коллегам, сколько лорду Моро...
- Вот как! Самому сэру Джеймсу! Что же вы сделали?

- Я излагал концепцию философии истории не так, как это было принято до меня...

- Вы сможете объяснить, в чем суть так, чтобы мне было понятно?

- Думаю, что да. Современное образование все больше стремится рассматривать историю, как эволюционное поступательное развитие от простого к сложному, от плохого к лучшему. Между тем, история – сложный процесс, в чем-то циклический, в котором очень многие вещи повторяются не буквально, но с большой степенью сходства. Это очень идеологизированная наука: большинство ученых сегодня считают, что «настоящая» история появилась лишь в Новое и Новейшее время, вместе с характерными для них восприятиями действительности, а до этого были лишь «попытки» создания истории... Соответственно, все нематериалистические попытки сформулировать внятную философию истории, объявляются мифологическими. Между тем, история, основанная на историческом материализме, более мифологична, чем теологическая концепция истории. Мы по имеющимся у нас реальным данным можем проследить историю на шесть-семь тысяч лет назад, а дальше... дальше начинаются мифы и фальсификации.

Возраст Земли объявляется имеющим миллиарды лет на основании неких отвлеченных опытов ученых, которые в реальности могут лишь смоделировать в своей лаборатории какую-то умозрительную данность,

не имеющего ничего общего с реальными процессами мироздания, в которых, как говорит Библия, один день может быть, как тысяча лет... Находят кости каких-то обезьян или мутантов и говорят, что это «предки» человека, жившие миллионы лет назад... И, заметьте: все это принимает невиданный размах в 19-20 веках, после французской буржуазной революции, желавшей принести миру новый порядок и новую религию.

В определенной степени наука становится религией девятнадцатого и отчасти двадцатого века, а ученые ее жрецами. А цель этого одна - дискредитировать христианство, превратить его либо во врага знания, либо в исторический фундамент, на котором будет построено новое всемирное государство с новым мировым порядком. А в нем уже не будет в цене только то, что можно «потрогать» и «взвесить» - на смене христианской эры рыб, придет постхристианская эра волея, во главе всемирного государства которой вы, как христианин, сами знаете, кто будет стоять...

- Меня почему-то не удивляет, что вы не пришли ко двору лорду Моро, - усмехнулся мэр. - Но вы так восстаете против науки!

- Да не против науки, а против попыток превратить ее в новую религию. Цель науки - изучить то, что человеку доступно; область религии - там, где научные методы уже не работают. - Профессор Мортон внезапно достал Библию, открыл ее на заложенном месте и прочитал: -«Тогда отвечал мне посланный ко мне Ангел, которому имя Уриил, и сказал: сердце твое слишком далеко зашло в этом веке, что ты помышляешь постигнуть путь Всевышнего. Я отвечал: так, господин мой. Он же сказал мне: три пути послан я пока-

зять тебе и три подобия предложить тебе. Если ты одно из них объяснишь мне, то и я покажу тебе путь, который желаешь ты видеть, и научу тебя, откуда произошло сердце лукавое. Тогда я сказал: говори, господин мой. Он же сказал мне: иди и взвесь тяжесть огня, или измерь мне дуновение ветра, или возврати мне день, который уже прошел. Какой человек, отвечал я, может сделать то, чего ты требуешь от меня? А он сказал мне: если бы я спросил тебя, сколько обиталищ в сердце морском, или сколько источников в самом основании бездны, или сколько жил над твердью, или какие пределы у рая, ты, может быть, сказал бы мне: "в бездну я не сходил, и в ад также, и на небо никогда не восходил". Теперь же я спросил тебя только об огне, ветре и дне, который ты пережил, и о том, без чего ты быть не можешь, и на это ты не отвечал мне. И сказал мне: ты и того, что твое и с тобою от юности, не можешь познать; как же сосуд твой мог бы вместить в себе путь Всевышнего и в этом уже заметно растленном веке понять растение, которое очевидно в глазах моих?» (3 Ездры 4, 1-11).

- Ну что я могу вам сказать, мистер Мортон? – улыбнулся мэр. – думаю, что здесь вы не только найдете спокойное место, но и единомышленников.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Страшный план Бориса Григорьевича

Сэр Джеймс с неподдельным восхищением смотрел на заведующего кафедрой политологии, изложившего ему свои мысли о том, что следует сделать в ближайшее время для того, чтобы актуализовать роль Америки, как всемирной империи.

- А вы глобально мыслите, - сказал лорд. - Значит нужно ни много, ни мало, чтобы международные террористы уничтожили целый американский город, развязав тем самым руки нашему правительству на проведение международных контртеррористических операций в разных точках земного шара, а на самом деле к захвату власти в мире в глобальном масштабе?

- Если упростить, то именно так.

- А кто будет исполнителем операции?

- Вы помните диктатора, ученика мистера Линса?

- Как же, прекрасно помню! И он согласен взяться за это дело?

- Да, мы с ним обговорили все условия.

- Источник финансирования?

- У нас есть спонсоры.

- Но он не думает, что придется отвечать за то, что он сделал?

- Когда-то всем это придется, - усмехнулся Борис Григорьевич. - Но сейчас за него ответят другие - те, кто более геополитически интересен на сегодняшний день. По крайней мере, так думает наш диктатор, а в данном случае, этого достаточно.

- И какой город выбран в качестве жертвы?

- Моуди. Он и не очень большой, достаточно будет сотни подготовленных бойцов, чтобы уничтожить всех его жителей, а сам городишко смести с лица земли. И, кроме того, вы говорили, что он мешает нашим планам...

- Более чем мешает! Что же, действуйте! На какое число назначена эта операция?

- На 15 сентября 2001 года.

Отец Уильям и профессор Мортон

Новый житель городка подружился со священником, и они часто беседовали на теологические темы.

- Вот сейчас даже многие богословы заявляют, что теория эволюции ничем не противоречит Священному Писанию, - жарко говорил мистер Мортон. - А между тем, в Библии четко сказано, что Бог создал все «хорошо весьма». Зачем же здесь нужна еще эволюция? Зато в Библии говорится, что после грехопадения Адама и Евы в мир вошла смерть. Все с этого времени, в связи с умножением грехов, совершаемых имеющими свободную волю существами, деградирует и ухудшается. Распад, а не эволюция – вот конец земной истории.

- Но ведь в Писании говорится и о новом небе и новой земле...

- Да, но здесь имеется в виду то, что будет уже после конца этого мира!

- Наверное, вы правы, - соглашался священник. - Но, в сущности, ведь мы и видим сейчас в мире такие распад и разложение, так, что, кажется, наступил уже конец земной истории. Однако, ведь не раз бывало,

кажется, намного хуже, чем сейчас, даже в двадцатом веке, а конец мира все откладывается...

- Потому что в двадцатом веке было очень много мучеников за Христа, вспомним Россию. Их жертвенный подвиг отсрочил окончание земной истории, хотя в начале двадцатого века все к этому располагало.

- И что же вы думаете про наше время?

- Оно очень сложное и противоречивое. Много делается для того, чтобы запутать людей, в потоке информации лишить их твердых ориентиров. Сколько сейчас тех, кто называет себя христианами, а на деле служит силам зла?

- Их и всегда было много, - возразил отец Уильям. - Вспомните те же крестовые походы или инквизицию... да много еще чего!

- Это верно, - согласился профессор. - И на самом деле нет смысла гадать далеко или близко конец этого земного мира. Ведь все хорошие христиане учат жить каждый день так, как будто он последний.

- Да, забыл, кто это сказал: «Ежедневно умирай, чтобы жить вечно», - кивнул отец Уильям. - Но здесь важно христианское понимание того, как прожить этот последний день, а то мне кажется, что большинство либо потратили бы его на пьянку и блуд, либо провели в истерике...

- И это было бы уже началом смерти. Нам нужно не ее бояться, а греха, тогда и смерть не будет страшна.

- Это легче сказать, чем сделать, но пытаться изо дня в день мыслить именно так мы должны, - сказал священник.

- Отец Уильям, - вдруг напрягся профессор, - я бежал сюда в надежде найти здесь спокойное место.

Но что-то мне подсказывает, что Моуди ждут большие испытания.

- А мне что-то подсказывает, что они обойдут нас стороной. Посмотрим, кто из нас окажется прав.

После 11 сентября

Сэр Джеймс выглядел очень растерянным. Произошло нечто, выбившее его из привычного ритма жизни. Вчера, 11 сентября 2001 года террористы захватили четыре рейсовых пассажирских авиалайнера.

Захватчики направили два из этих лайнеров в башни Всемирного торгового центра, расположенные в южной части Манхэттена в Нью-Йорке. В результате этого обе башни, называемые «близнецами» обрушились, вызвав серьёзные разрушения прилегающих строений. Третий самолёт был направлен в здание Пентагона, расположенного недалеко от Вашингтона. Пассажиры и команда четвёртого авиалайнера попытались перехватить управление самолётом у террористов, самолёт упал в поле около города Шенксвилл в штате Пенсильвания. По предварительным сведениям в результате террористических актов погибли около трех тысяч человек.

- Как же так? – спросил он в десятый уже, наверное, раз Бориса Григорьевича, допивая вторую бутылку рома.

Заведующий кафедрой политологии, который уже шесть часов подряд отвечал лорду на одни и те же вопросы, наконец, не выдержал и сам стал пить ром. Поэтому в этот раз его ответ нельзя было назвать политкорректным:

- Что поделаешь, сэра Джеймс! Мы должны смириться с тем, что не одни мы хотим играть чужими жизнями!

- Но ведь мы как раз планировали террористический акт на Моуди, примерно с тем же количеством жертв!

- Да, нас опередили. Но итог из этого можно извлечь тот же самый.

- Это верно, - приободрился лорд Моро.

- Но теперь в стране повышенные меры безопасности. Наша атака на Моуди не сможет пройти так успешно, да и, поскольку на сцене появились неизвестные пока нам игроки, нет гарантии, что она не ударит по нам.

- Да, это так, - кивнул сэра Джеймс. Операция Моуди отменяется.

- А что наш диктатор?

- Заплатим ему небольшую неустойку.

- Он так хотел пострелять...

- Скажи, что пусть радуется, что войска НАТО пока не постреляют у него в стране.

- А как же быть с этими странными жителями этого странного города? Ведь я чувствую, что они очень мешают нам, хотя пока не могу понять, чем именно.

- То-то и оно, что не можешь, - ухмыльнулся лорд Моро. - Мертвые они для нас намного страшнее, чем живые. Вернее сказать: живые они нам не страшны, просто раздражают. Так что, как говорил Борух Никанорович Свинчутка, хрен с ними! Пусть живут в своей резервации!

СОН РАЗУМА

...

**ПРОБУЖДЕНИЕ
ХУЖЕ СНА**

...

СЛОМАННЫЙ МИР

...

**ГРАНИЦЫ
ПОЗНАНИЯ**

Рассказы

СОН РАЗУМА

Мэр Мухославска

В торговом центре было людно, хотя, если рассуждать так логично, как любил это делать учитель математики местной школы Сергей Ильич Зотов, который гордился тем, что у него имя и отчество такие же, как у губернатора, то получалось, что неоткуда было взяться здесь покупателям. «Сами посудите, - охотно начинал растолковывать седовласый шестидесятилетний учитель всякому, кому еще не надоело его слушать, - ну, откуда у нас в Мухославске с населением четыре тысячи человек взяться покупателям для торгового центра в четыре этажа высотой? Ведь фабрика, вокруг которой наш город образовался, давно закрылась, и из ее разоренных корпусов и сделали этот памятник дикого капитализма. Работу в городе найти почти невозможно, все, кто поделнее ездят работать, кто в областной центр, а кто и в Москву. Те, кто не смог уехать живут в среднем на пять тысяч рублей в месяц. А здесь – пушной салон, ювелирный салон... Я тридцать лет учу детей логике, но в чем здесь логика – понять не могу!»

Но, вопреки умозаключениям Сергея Ильича центр не пустовал – бывали в нем и приезжавшие с заработков и члены их семей, да и благосостояние тех, кто жил в городке было далеко не однородным. В этот воскресный день несколько сотен горожан пришли сюда – кто за покупками, а кто и пообщаться: после того, как мэрия продала городской дворец культуры под

казино (по поводу которого Сергей Ильич также недоумевал, кто же может в него ходить), торговый центр стал своего рода и местом встреч для многих горожан.

- Эльза Марковна, - прорвался вдруг сквозь общий гул пронзительный надтреснутый противный голос, напоминавший одновременно верещание попавшей в крысоловку крысы и вой сирены, - ну-ка быстро иди сюда!

Голос заставил вздрогнуть многих, но, в первую очередь ту, к которой был обращен. Эльза Марковна, директор местной школы, важная дама лет пятидесяти с крашеными в голубой цвет волосами, в дорогой шубе, количеством украшений, напоминающая нэпманшу, даже подпрыгнула на месте, а потом тут же бросилась к тому, кто ее позвал:

- Орест Анемподистович, какая радостная неожиданность! Никак не думала вас здесь встретить!

- А чей-то мне здесь не бывать? – подозрительно сощурил глаза ее собеседник, тщедушный мужичонка лет тридцати с неправильной лысиной, одутловатым лицом, какими-то патологически тонкими напоминающими плети ручками и ножками. Но тут же переключился на то, ради чего и позвал директора школы: - Ну, как сидит шуба на будущем секретаре политсовета регионального отделения «Единой России»?

Шуба сидела на этом несуразном теле так ужасно, что даже Эльза Марковна, эклектика нарядов которой служила неисчерпаемым предметом для пересудов всех учительниц и родительниц школьников, чуть не поперхнулась. Но тут же взяла себя в руки:

- Изумительно сидит, Орест Анемодистович. Сразу видно большого человека.

- То-то и оно, - самодовольно усмехнулся мужичонка.

- А вы серьезно насчет партийного поста? – зада-
ла директор школы вопрос, который ее всерьез заин-
тересовал.

- Плох тот генерал, который не мечтает стать
маршалом! – назидательно поднял вверх палец Орест
Анемподистович. Причем, из-за выработанной годами
привычки, вместо указательного, он почти всегда под-
нимал средний...

- Ну уж, секретарь регионального отделения по-
литической партии это никак не маршал, - не выдер-
жала Эльза Марковна, которая всю жизнь преподава-
ла историю и обществознание.

- Верно, это еще выше, - кивнул Орест Анемподи-
стович. – Вы читали книгу Феликса Чуева «140 бесед с
Молотовым»? (это была одна из пяти книг, которые
сам он прочитал за всю жизнь).

- Читала, - кивнула посрамленная историчка, ко-
торая с удивлением поняла, что ее собеседник, во-
первых, умеет читать, во-вторых, читает воспоминания
политических деятелей, а, в-третьих, сама эту книгу не
только не читала, но и первый раз в жизни о ней
услышала.

- Так вот, - довольный произведенным эффектом,
кивнул мужичонка, - Вячеслав Михайлович Молотов в
этой книге на вопрос, почему Сталину присвоили зва-
ние генералиссимуса, ответил, что это еще и прини-
жает Иосифа Виссарионовича, являющегося партий-
ным и государственным деятелем такого ранга, что он
выше любых званий. Заметьте: Сталин был всего лишь
коммунистом. А что такое КПРФ? И что такое «Единая

Россия»? Вот! То-то и оно! – и торжествующий Орест Анемподистович опять назидательно поднял вверх палец, развеселив наблюдавших за ними подростков, которые наслаждались таким публичным унижением любимой ими директрисы.

- Конечно... С какой стороны посмотреть... - замялась Эльза Марковна.

- А с какой посмотреть? С какой ни смотри – я прав, потому что не ошибаюсь. Или я, мэр Мухославска, по-твоему хуже какого-нибудь генерала?

- Ну что вы, Орест Анемподистович, конечно, лучше, - со всей возможной для нее льстивостью пролепетала директор школы.

- То-то и оно! – самодовольно кивнул Орест Анемподистович Мухин и насвистывая «Мурку» оставил вконец обескураженную Эльзу Марковну и крикнув продавцу: «Скажи хозяину, что я за шубу потом заплачу», не снимая этого мехового изделия, несмотря на то, что на улице был еще сентябрь, продолжил свое шествие по торговому центру в поисках очередной жертвы.

Фата Моргана

Эмма Эдуардовна, работавшая в должности заместителя главы администрации муниципального городского округа Мухославск была худенькой женщиной лет сорока с безумными глазами и иссиня-черными волосами (как говорили ее недоброжелатели – крашеными). У нее был сын пяти лет, про которого она таинственно говорила по секрету, что это сын Бориса

Николаевича Ельцина. Когда ее уличили в том, что это невозможно, она заявила, что Борис Николаевич приходил к ней в астральном теле, они любили друг друга, а потом появился Андрей Борисович (своего сына она называла исключительно по имени-отчеству, подчеркивая, *чей* он сын).

Местный священник, что-то слышавший про суккубов и инкубов, узнав об этих слухах очень напрягался. Тем более что Эмма Эдуардовна называла себя волшебницей и доброй феей, и даже ездила на телеканал ТНТ, чтобы участвовать в битве экстрасенсов. Впрочем, там ее отсеяли на отборочной стадии.

- Да полно вам, батюшка, - со смехом рассеял опасения священника начальник местной милиции подполковник Петров, с которым они были дружны. - Да вы посмотрите повнимательнее на ребенка - это же вылитый Орест Анемподистович, такой же страшный. И не поймешь поначалу - человек или гоблин...

Судя по тому, как Орест Анемподистович носился с Эммой, можно было сделать вывод, что подозрения подполковника не беспочвенны. «Добрая фея» в администрации Мухославска курировала вопросы образования, здравоохранения, культуры и многие другие, обычно объединяемые емким названием «социальная сфера». Доброй Эмма Эдуардовна была только в своем собственном представлении. Она обладала удивительным талантом портить отношения с каждым, с кем общалась больше десяти минут. Особенно не любил ее главный врач мухосланской больницы Иван Ильич, который звал ее не иначе, как «Фата Моргана».

- Почему Фата Моргана? - спросила его как-то интеллектуалка Эльза Марковна, которая никак не

могла понять, как легенда о фее, живущей на дне морском и обманывающей путешественников призрачными видениями, или сложное оптическое явление могут быть связаны с их начальницей.

- Потому что видимость одна, а сущность другая, - сплунув, ответил доктор.

- И что же лучше – видимость или сущность? - поддразнивала его директор школы.

- Видимость еще можно вытерпеть. Но то, что внутри – это просто запредельный ужас. Она называет себя доброй феей, но это та еще ведьма.

- И что вы такое знаете, что не знаем мы?

- Ничего большего. Просто я более трезво смотрю на вещи. Да сами вы все знаете, - нетерпеливо сказал Иван Ильич, давая понять, что разговор закончен.

Главный начальник над наукой и образованием

Орест Анемподистович приехал в региональное правительство, где у него была назначена встреча с одним очень загадочным человеком. Борух Никанорович Свинчутка, как говорили, за свою жизнь успел побывать и депутатом высших органов представительной власти, и министром, и преподавал в Америке, где якобы, даже был принят за мертвого и похоронен, а потом обнаружили пустой гроб... Даже в областном центре российской глубинки он ухитрился занимать такую должность, которой не существовало больше ни в одном региональном правительстве России – начальник Главного Отдела по Вопросам Науки и Об-

разования. Аббревиатура из этих заглавных букв в купе со словом «начальник» украшавшая золотую табличку на двери кабинета Свинчутки шокировала всех, кроме него самого.

- Борух Никанорович, но ведь над вами смеются! – попробовал однажды воззвать к его разуму губернатор, странным образом зависимый от старого чиновника, и никогда не смеющийся ему перечить.

- Оно-таки хорошо! – довольно ответил Свинчутка. – Во-первых, внимание людей от того, что я делаю, отвлекается на название, а это уже хорошее прикрытие. Во-вторых, пусть они попробуют сказать, что название подразделения, которое я возглавляю не соответствует осуществляемой им деятельности!

Борух Никанорович контролировал областное министерство образования и взаимодействие правительства области с советом ректоров. Станным образом он был на коротке с очень многими людьми в администрации Президента России, федеральном Министерстве образования, как старший товарищ общался с министром, который реализовывал многие из его советов.

- Таки он послушался меня, что нужно начинать переход на преподавание в высшей школе на английском, пока на уровне деклараций, - довольно потирая руки, рассказывал старик губернатору, с которым вечерами частенько ужинал. Продуктовый набор – всегда один и тот же – водка, сало и маца – вызывал у главы региона чувство легкого отвращения, но он перешибил себя и ел, а Свинчутка, видя, как неприятно его сотрапезнику, заметно веселел и ел с удвоенным аппетитом.

- Борух Никанорович, а что это нам даст?

- Многое, Сергей Ильич, очень многое. Во-первых, образование на чужом языке автоматически воспитывает мироощущение жителя колонии, и отношение к нации, носительнице английского языка, как к метрополии. Во-вторых, скольким талантливым людям, не имеющим способности к изучению иностранных языков, мы закроем дорогу к высшему образованию. В-третьих, мы создадим русский аналог бейсика, еще более примитивный, чем в ЮАР, и приучим тех, кто будет считаться местной элитой, думать на нем, а соответственно, это будет очень скудное и примитивное мышление. С учетом того, что мы внушим элите, что нельзя терпеть никого, кто окажется умнее их, все талантливые люди в этой стране будут гонимы...

- Но хорошо ли это? – осторожно сказал губернатор.

- Не знаю, - просто ответил Свинчутка. – Я не мыслю категориями – хорошо и плохо. Кстати, вы вызвали ко мне того человека, о котором мы говорили?

- Мэра Мухославска?

- Да, сколько раз говорить, у нас в регионе Министерство готовит объединение вузов в федеральный университет и мне нужен достойный кандидат на пост ректора.

- Но, он ведь даже не кандидат наук...

- Глупости какие, - раздраженно махнул рукой Свинчутка, открыл портфель и показал губернатору несколько десятков незаполненных диковинных дипломов с подписями и печатями. – Вписываю его имя, затем в течение трех дней Министерство образования

готовит приказ о нострификации, и вот он уже доктор наук. Делаю также с другим – вот он и профессор.

- А что это за бумажки? – поинтересовался Петр Сергеевич.

- Дипломы одного из дружественных нам государств, которые пропали в ходе боевых действий, - спокойно ответил Борух Никанорович. – А электронные базы данных уничтожил Вилки Ликс, представляете, какой ужас!

- Представляю, - тихо сказал губернатор, который все больше боялся этого старика.

А тот все чувствовал:

- Да вы не бойтесь, я не мистер Линс...

- Кто это? – суеверно вздрогнул Сергей Ильич.

- О, это был мой американский друг, которого погубила одна очень симпатичная молодая леди, кстати, она сейчас единственная доктор права в Америке, которая не знает, что написано в Конституции США! – и Свинчутка беззвучно рассмеялся. – Кстати, в отношении английского: вы ведь так напряглись, потому что сами его не знаете?

-Ну, я...

- Я и сам его не знаю, у меня голова не помойка. Я был единственным профессором в американском университете, который преподавал с переводчиком. Так вот: нас не интересует, если кто-то будет глупее установленной нами планки. Таких людей даже можно поощрить... Хотите стать почетным доктором каково-нибудь из англоязычных вузов? – и старик опять засмеялся. – Но об этом мы поговорим потом. Завтра утром я жду у себя мэра Мухославска, не забудьте!

И уже в восемь утра Орест Анемподистович, которому в три часа ночи позвонил губернатор, стоял у двери, к которой была прикреплена красивая табличка со странной надписью, не зная, что ожидать от человека, у которого обязанности секретаря выполняет руководитель региона.

В учительской

В учительской мухославской средней школы было многолюдно. Отмечали день рождения учителя труда Петра Семеновича. Сергей Ильич Зотов, учитель математики, выпив четвертую рюмку вновь вернулся к своей излюбленной теме: бедственному положению города:

- А все почему? Потому что ничтожество нами правит!

- Тише, - шикнула на него Нина, молодая учительница русского языка и литературы. – Сейчас Эльза зайдет и будешь потом на улице права человека отстаивать, уволенный по статье за пьянку в учебном заведении и служебное несоответствие...

- Да не боюсь я ее, Ниночка! – махнул рукой Зотов, залпом проглотил пятую рюмку и продолжил: - Нет, ну вы скажите сами, откуда этот Мухин у нас взялся?

- А правда говорят, что он в лихие девяностые рэкетир был? – испуганно спросила молоденькая биологичка Люся.

- Рэкетиром! – презрительно сморщился Сергей Ильич. – Это сейчас он стал рэкетиром, а в лихие де-

вяностые ему десяти лет не было! Какой рэкетир в десять лет?

- Ну, почему, - вмешался Петр Семенович, - я так слышал, что это с детства его страсть – отбирать чужое. Говорят, что уже в девять лет он начал у первоклассников мелочь отбирать, с этого и «поднялся»...

- Вот гнида! – полувосхищенно прошептала Люся, воображение которой поразило мальчик, который «поднялся» до мэра, начав отбирать у маленьких деньги, которые родители дали им на завтраки.

- Так как же он сюда попал? – заинтересовалась и Нина.

- Знал кому поклониться, кому лизнуть, - выпив седьмую уже рюмку, бормотал Зотов, - никого не любил, никого не жалел, делал все, что скажут. Я думаю – это у него только первая ступенька...

- Что это у вас тут такое? – раздался строгий голос директора.

- Да вот, Эльза Марковна, у меня день рождения, - испуганно начал оправдываться Петр Семенович.

- Ну, хорошо, Петя, у тебя день рождения, но это не повод устраивать из школы притон! Люся. Нина, вы молодые девушки, постыдитесь: нашли себе компанию – двух старых пьяниц! А ты, Сергей Ильич, как напился: вот сдам тебя в вытрезвитель, а?

- Не сдашь, Эльзочка, - игриво пробормотал вконец опьяневший учитель математики. - Ты же такая зайка!

- Зайка? Дурак ты, Сережа, - засмеялась директор школы, но почему-то подобрела: - Ладно, чего с дурака взять! Петр Семенович, отведите его домой, а то и

правда в милицию попадет. А вас, девочки, чтобы я больше в компании этих пьяниц не видела.

Кандидат в ученики

Орест Анемподистович постоял несколько минут в нерешительности перед дверью кабинета со странной табличкой и, наконец, постучал.

- Заходи, Орест, - раздался из-за двери старческий голос.

Кабинет мэра Мухославска, прямо сказать не впечатлил – он был меньше, чем у его заместителей. А Свинчутка понял это и, усмехнувшись, сказал:

- Не все золото, что блестит. Кстати, это ты пригласил Николь Кидман на должность заведующей городского отдела культуры?

- Откуда вы знаете? – растерялся Мухин, который письмо американской актрисе послал по пьяни и очень надеялся, что оно не дошло.

- Я все знаю, что может представлять для меня интерес.

- А вы не могли бы мне не тыкать? – решил показать свою значимость мэра.

- Отчего же, конечно, могу. Это снизит твои будущие доходы на пятьдесят процентов...

- Какие доходы? Почему снизит? – растерялся Мухин, которого манера общения старого чиновника сбивала с толку.

- Доходы – будущие. Снизит, потому что за уважение нужно платить.

- Не понимаю, о чем вы говорите...

- И не поймешь, если будешь мешать мне перейти к делу. Ну, так что, готов отдать половину всего за то, чтобы тебя уважали?

- Нет, - вдруг решительно сказал мэр.

- Наш человек, - улыбнулся Свинчутка. – Так вот в чем вопрос: что ты думаешь о высшем образовании?

- А чего о нем думать?

- Хороший ответ, - одобрительно кивнул Борух Никанорович. – Но представим, что пришлось думать. Итак?

- Мне кажется, что сильно много развелось тут всяких с высшим образованием. Нужно бы позакрывать все институты, оставить пару, которые готовили бы высших чиновников...

- А как быть с теми, кто уже получил высшее образование?

- Нужно создать специальные курсы переподготовки, без которых диплом о высшем образовании будет пустой бумажкой. А пропускать через них только тех, кто нужен.

- Кому нужен?

- Тому, кто имеет права принимать подобные решения.

- Молодец, мальчик, - одобрительно кивнул Свинчутка. – А как быть с докторами и кандидатами?

- Им нужно платить столько, чтобы они скорее стыдились своей степени, чем гордились ей.

- А не развалится все в стране через какое-то время от того, что образование будет для элиты, определяемой далеко не талантами или интеллектуальными способностями?

- А не пофиг?

- Что же, Орест Анемподистович, - улыбнулся старик, - думаю, что вы прошли предварительное собеседование. Как вы знаете, у нас в регионе все вузы будут объединяться в федеральный университет. Вы будете одним из кандидатов на пост ректора.

- Да ну, это какая-то чмошная должность...

- Не скажите, юноша, - усмехнулся Свинчутка. - Мы сделаем-таки вас еще и председателем регионального отделения какой-нибудь политической партии, не будем ее пока называть, изберем в областное законодательное собрание, где вы возглавите комитет по науке, образованию и инвестициям. Так лучше?

- Конечно. Мне про инвестиции особенно понравилось. А чего это вы мне выкаете? Я на пятидесятипроцентное снижение доходов из-за какого-то поганого уважения не согласен!

- Я же говорил, что ты нам подходишь, - беззвучно засмеялся Борух Никанорович. - Для начала сделаем тебя доктором наук и профессором, - и он рассказал ему про дипломы то же, что до этого говорил губернатору.

- А можно еще моей бабе такие дипломы сделать? - загорелись глаза у Мухина, который любил все, сразу и на халяву. - Она нам тоже может пригодиться, у нее уже и опыт разрушения образования есть, правда пока только дошкольного, среднего и среднего профессионального, но, думаю, что и высшая школа ей будет по плечу...

- Таки нет, - покачал головой Свинчутка. - Я знаю, про кого ты говоришь. Это обычная ведьма невысокого уровня, вряд ли мы сможем ее масштабно использовать. Хотя... впрочем, весь свой вред она

вполне может сделать и без степени и звания, в отличие от тебя.

- Но я слышал, что в министерстве долго все документы проходят, - обеспокоенно сказал Мухин.

- И что же ты конкретно слышал?

- Что все аттестационные дела там валяются в кучах, половину из них не регистрируют, что вопрос присвоения ученых званий происходит по принципу: понравилось дело клерку, который его читает или нет.

- Таки хотелось бы, чтобы так оно и было, но думаю, что ты все же слишком радужно на все это смотришь. Нам еще предстоит поработать, чтобы все было именно так. Но с твоим конкретным делом проволочек не будет, это я тебе обещаю. И вот еще что. Я, правда, сам в нем не состою, но у нас есть своего рода клуб, в который должен вступить каждый, кто хочет занимать особое положение. Ты можешь вступить в него, но у меня есть более интересное предложение: я готов сделать тебя своим учеником.

- А что мне это даст?

- О, очень многое: ты не просто будешь тем, что написано на табличке на двери моего кабинета, но и будешь этим гордиться!

- Как-то не очень заманчиво, - пожегил Мухин. - Это что: шутка?

- Какие могут быть шутки в таких серьезных вещах. Ты должен смотреть правде в глаза: ты уже этим являешься и будешь всегда являться, для тебя пути назад нет. Но ты пока этого стесняешься, и это отравляет тебе жизнь. Я же научу тебя гордиться этим!

- А можно потом дать ответ?

- Подумай, но второй раз такое не предлагают! - важно заявил Свинчутка. – Решено: ты еще и кандидат в мои ученики. Должен же я готовить себе смену. А сейчас аудиенция окончена. Поезжай в свой городок, и все хорошенько обдумай.

Супергерой своего рода

... Борух Никанорович закрыл дверь за мэром Мухославска, сел на кресло и закрыл глаза. В очередной раз в его памяти встали картины необычайных событий, происшедших с ним.

Свинчутка вспомнил, какие боли ему пришлось перенести из-за рака прямой кишки, появившегося из-за того, что он использовал доллары вместо туалетной бумаги, как осуждал его за это сэр Джеймс, и как он потом злорадствовал, когда была диагностирована онкология.

- Нельзя смеяться над нашими ценностями! - торжествующе кричал лорд умирающему от боли.

А у Боруха Никаноровича не было ценностей – ни положительных, ни отрицательных. В страданиях он не видел смысла. В какой-то момент изнуряющая боль прекратилась. Профессор с удивлением увидел со стороны свое мертвое тело, и темного духа рядом с собой.

- Ну, что, Борух Никанорович, - сказал ему дух, - вы можете сейчас пойти со мной на место вечного мучения, а можете отложить этот поход, и помучить пока других людей. Что вы выбираете?

- Вы это всем предлагаете? – поинтересовался Свинчутка.

- Нет, очень редко. Мы можем материализовать ваш дух, чтобы вы еще какое-то время продолжили свою работу на земле.

- А как я буду выглядеть?

- Так же, как и раньше. Но при этом вы будете неуязвимы.

- А как произойдет материализация?

- Дело в том, что для материализации духа нужна наиболее соответствующая ему консистенция. Вас в гробу положат в склеп, под ним прорвет канализацию, источники из которой разорвут в клочья ваш гроб, растворят ваше тело, как сахар в чае, чтобы сделать его уже обновленным, состоящим из... ну, вы сами догадались?

- Как это возможно?

- Это очень сложный научный опыт, доступный разуму, намного превосходящему человеческий, как вы понимаете. Зачем вам детали?

- Но, наверное, вонь будет сильная? А вдруг я из-за этого не смогу работать?

- Вонь будет от ваших поступков, но не физическая.

- И что я должен буду делать?

- Точно то же самое, что и раньше. Единственное – вы должны будете представляться тем, из чего будете состоять – это обязательное условие.

- Не будет ли это мешать работе?

- Как ни странно – нет.

- И как долго я буду в этом качестве?

- Мы хоть навсегда бы оставили... Но есть другие Силы... - голос духа стал недовольным, - ну, вы понимаете, какие.

- Интересное предложение, - кивнул Борух Никанорович и согласился.

А дальше все произошло так, как обещал ему демон. Сэр Джеймс, заглянувший через некоторое время в склеп, подумал, что Свинчутку унесло в канализацию. Как же он удивился, когда тот через некоторое время зашел к нему в кабинет сквозь стену, и дал ряд указаний, что говорить о нем!

... И вот уже годы прошли, как бывший профессор находился в таком качестве. Иногда ему казалось, что лучше бы у него был опять рак, но прежнее тело. Он получил очень большую власть над многими людьми, но намек даже на самую гнусную и ничтожную радость или удовольствие навсегда ушли из его жизни.

Крупный провал Свинчутки

Борух Никанорович, как частенько это бывало вечерами, ужинал с губернатором. Еда не доставляла ему удовольствия: стоило ей попасть ему в рот, как она превращалась в ту же консистенцию, из которой он состоял сам. Однако некоторое подобие удовольствия, Свинчутке доставляло ощущение того, что нечто похожее испытывает и его сотрапезник, которому передавалась часть энергетики супергероя.

- Так что, Борух Никанорович, понравился вам Орест? – с отвращением пережевывая еду, спросил губернатор.

- Таки понравился! Думаю, что он восполнит мою боль от тех потерь, которые на днях выпали на мою долю.

- Это вы о чем?

- О Министерстве обороны, о чем же еще... Сколько туда удалось внедрить моих учеников, некоторые из них были уже посвященные, готовые принять такую же сущность, как у меня...

-Какую сущность?

- Ах, да, я оговорился... Что не скажет расстроенный старик? Ведь сколько всего они сумели сделать: я не говорю о банальном разворовывании, это мелко. Но они смогли унижить военных, внушить многим, что экономисты – это лучшие командиры, чем боевые генералы и офицеры, что генералами могут командовать наманикюренные бабы, начали разрушать сеть учебных заведений Министерства обороны... И на тебе: новым министром назначили генерала! И все мои труды по воспитанию этого коллектива – пропали!

- Почему же так произошло?

- Потому что Президент России не такой, как я и мои ученики. Совсем не такой...

- А почему же у вас тогда хоть что-то получается?

- Потому что вокруг него много моих учеников, которые готовятся принять такую же сущность, как у меня, а многие, наверное, уже и приняли! Ведь я то же не все знаю! – повеселев, сказал Свинчутка.

- Какую сущность?

- А, неважно! – махнул рукой Борух Никанорович.
- Давайте лучше выпьем!

И они выпили водку со вкусом той сущности, о которой говорил супергерой: сам он с подобием улыбки, а губернатор – сморщившись от отвращения, но не смея отказаться.

Семья своего рода

Эмма Эдуардовна со своим пятилетним сыном, которого она называла не иначе как «Андрей Борисович» и Орест Анемподистович жили в одном доме, но в разных квартирах, которых в нем было две. Это, с одной стороны, давало им возможность, когда это было нужно заявлять, что они живут одной семьей, а с другой – когда интересы дела требовали другой легенды, говорить, что они вообще друг с другом не соприкасаются. Тайна появления на свет Андрея Борисовича была, в общем-то, совсем не мистического характера.

Просто как-то на Хэллоуин Орест Анемподистович, после того, как изрядно напился в компании Эммы Эдуардовны, напялил на себя маску Бориса Николаевича Ельцина. А та, увидев ее, не смогла перед ним устоять, хотя до этого Орест безуспешно добивался ее около полугода. После той ночи через девять месяцев и появился на свет Андрей...

Протрезвевшая Эмма никак не могла смириться с тем, что отдалась не Борису Николаевичу, а самозванцу. Поэтому она придумала легенду о том, как ее возлюбленный приходил к ней в астральном теле. Но дальше их с Орестом жизни оказались связаны между собой, хотя это их и не радовало.

Через два года после рождения Андрея, Орест стал мэром Мухославска, и сделал Эмму своим заместителем. Социальная сфера была благоприятной почвой для удовлетворения ее страсти к унижению других людей. Особенное удовольствие Эмма Эдуардовна получала, если ей удавалось уязвить кого-то из заслу-

женных учителей или врачей, ощутить то, что они не нужны государству, что они «слабое звено» в новом порядке, который устанавливается в стране.

Ореста Анемподистовича это устраивало. Вдвоем со своей спутницей жизни он сумел отравить жизнь очень многим из жителей городка. А вот сын был полной противоположностью этой пары – тихий, задумчивый, добрый – он казался каким-то укором жестокому миру, в котором ему суждено было жить. Тем более, что до пяти лет он еще так и не научился ни говорить, ни ходить...

Неудавшаяся инициация

В жизни Ореста Анемподистовича наступил большой день: Борух Никанорович сказал ему, что сегодня будет инициация, после которой Мухин будет таким же посвященным, как Свинчутка. А это откроет ему любые карьерные возможности, все, что он только пожелает, станет доступным. Перед тем, как идти к учителю, Орест зашел к Эмме и Андрею. Никогда до этого не говоривший и не умевший ходить мальчик, вдруг встал на ноги, протянул к отцу ручонки и со слезами сказал: «Не ходи!»

- Надо же, он заговорил! – всплеснула руками Эмма. – А вдруг это какой-то знак?

- Да полно тебе, какой знак! Когда-то нужно было ему начать говорить.

- А почему он плачет?

- Пойми детей!

– А почему его первыми словами были именно эти?

– Я знаю сотни детей, у которых первыми словами была матерная брань, – со смехом сказал мэр Мухосланска, но на сердце его стало беспокойно.

Однако он отправился в назначенное им Борухом Никаноровичем место – городскую канализацию.

Свинчутка решил поэкспериментировать. Те посвящения, которые делал, например, мистер Линс, насколько его не впечатляли. Он хотел, чтобы посвящаемый им стал таким же как он – не человеком. А как сделать этого, Борух Никанорович не знал. Однако, будучи очень самоуверенным, разработал определенный ритуал, после прохождения которого тот, над кем совершалась инициация должен был или умереть, или изменить свою природу.

Когда Орест Анемподистович узнал, что ему предстоит проползти 666 метров по заполненным фекалиями канализационным трубам, без доступа воздуха, он чуть было не пошел на попятную. Однако, Борух Никанорович предложил ему место депутата Государственной Думы, после чего мэр решился ползти.

... Когда он уже полчаса не подавал признаков жизни из трубы, в которую влез, Свинчутка понял, что его опыт не удался. Он увидел рядом с собой усмехающегося демона.

– Что, Борух Никанорович, слабо? – спросил темный дух.

– А почему не получилось? – как ни в чем не бывало поинтересовался Свинчутка.

– Это нельзя сделать с тем, кто еще жив. И технология была неверной...

– Но теперь-то он умер? Может закончите то, что я начал?

– Он отказался. Представляешь: за него молится этот больной мальчишка, его сын. Надеется, что у него есть шанс, это после такой-то жизни...

– Легковерный народ эти русские, – покачал головой Борух Никанорович. – Интересно, а сэра Джеймса я смог бы убедить пройти такую инициацию?

*****

... Сэр Джеймс вдруг резко проснулся и, с облегчением вытерев платком со лба холодный пот, прошептал: « приснится же такая дрянь!»

ПРОБУЖДЕНИЕ ХУЖЕ СНА

... Но не успел сэр Джеймс обрадоваться тому, что проснулся, как в ушах его зазвучал мерзкий голос Свинчутки: «Полно вам! Это вы мне снится, а не я вам!» От потрясения лорд заболел, попал в больницу, где его продолжали преследовать видения из жизни Боруха Никаноровича.

В приемной заместителя министра

Борух Никанорович неспешно открыл массивную дверь и зашел в приемную заместителя министра образования. Сидевшая за столом секретарша – сорокалетняя женщина, весь облик которой выдавал редчайшую стерву, попробовала мило улыбнуться, отчего стала выглядеть совсем противно.

- Борух Никанорович, как я рада вас видеть! – самым умильным голосом, на который была способна пролепетала она. – Эдуард Васильевич о вас уже несколько раз справлялся!

И уже совсем другим голосом, холодным со стальными нотками, она обратилась к сидевшим в приемной посетителям:

- Сегодня вас не примут – приехал профессор, мировое светило науки...

- Какой именно науки? – ехидно осведомился сидевший в приемной член РАН, важный старичок лет семидесяти.

- Да уж не такой, как вы, можете поверить, а научной науки! – огрызнулась секретарша и пробормо-

мотала в сторону: - И когда их только разгонят, как надоели, никакой эффективности в этой Академии Наук!

Посетители, тихо ворча, покинули приемную, а Свинчутка одобрительно сказал:

- Изольдочка, а что я тебе подарю!

- Что? – затаив дыхание, заинтересовалась женщина, которая теряла голову от волшебных сокровищ, которые дарил ей при встречах этот таинственный человек.

- Подвеску из мифрила, серебра гномов, изготовленную на рудниках Мории! – торжественно сказал профессор.

Изольда всплеснула руками и ахнула. Она очень любила читать всякие английские фантазии про миры других существ, живущих рядом с людьми. Борух Никанорович как-то сказал ей, что миры эти существуют на самом деле, и вообще он постаревший Питер Пэн, а она в прошлой жизни была Венди, только не может вспомнить этого. В знак доказательства Свинчутка каждый раз дарил Изольде какую-то волшебную драгоценность из какого-то мира, в который не было доступа простым смертным. Где он на самом деле их брал? Конкретно эту подвеску профессор нашел на полу в супермаркете, где ее кто-то потерял или бросил, так как мифрил представлял собой обычный мельхиор, а девушки в России пошли капризные. Иногда видный деятель науки любил побродить по свалкам или порыться по мусорным бакам – просто так, для удовольствия. Тогда у него собирался целый мешок сокровищ, которые кружили голову таким как Изоль-

да, считавших, что получили неслыханный дар из Страны грез.

- Борух Никанорович! – дрожащим от волнения голосом прошептала секретарша. – Ведь это, наверное, очень дорогая вещь! Такой подарок!

- Стоит столько же, сколько центнер золота, - не дрогнув ответил Свинчутка, с таким же спокойным лицом сказавший бы, что и как тонна.

- Вау! – взвизгнула женщина и тихо спросила: - А можно я подарю вам поцелуй?

- Ну, конечно, - кивнул Борух Никанорович, которого, несмотря на то из чего он состоял, уже тошнило от сцены из «Питера Пэна», разыгрываемой великовозрастной романтической теткой в сотый раз. Вот и сейчас она, краснея, протянула ему орех.

- О, а я тогда подарю тебе орех! – заученно сказал профессор и чмокнул секретаршу в щеку, отчего та сразу же раскраснелась.

- Ладно, пойду к Эдику, а то дела, сама понимаешь... Венди, - сказал самопровозглашенный Питер Пэн и вошел в кабинет одного из тех, кто вершил судьбы образования в стране.

У заместителя министра

При виде Свинчутки заместитель министра подобострастно встал, но профессор знаком приказал ему сесть.

- Не нужно формальностей, Эдик, у нас много интересного, что нужно обсудить!

- И что же, Борух Никанорович?

- Мы решили, что пришло время окончательно подорвать авторитет образования и науки в этой стране.

- Как круто, давно об этом мечтал! – радостно воскликнул Эдуард Васильевич, которого вообще-то мало, что могло обрадовать. – Какие конкретно должны быть наши шаги?

- Нужно провести рейтинг вузов для того, чтобы выявить неэффективные, - спокойно сказал Свинчутка. – А вот о критериях эффективности нужно подумать отдельно. Например, на мой взгляд, важным критерием является количество унитазов на одного студента. Разве не так?

- Так, конечно так! – закивал головой чиновник.

- Потом нужно больше внимания уделять не тому, что пишут ученые, а сколько они пишут. Наукометрия – исключительно полезная вещь. Мы ведь не зря еще давно сделали вброс в общественное сознание тезиса о переходе количества в качество. Так что постепенно большинство признанных ученых будут считать, что их роль в науке определяется количеством циферок в наших рейтингах напротив их фамилий...

- А если не будут?

- Значит, будут непризнанными. И вообще авторитет ученых нужно подорвать глобально. Ты обратил внимание, что последние два десятка лет мы активно раздавали липовые ученые степени?

- Так и у меня таких целых пять – российская, две американских и две европейских! – гордо заявил заместитель министра.

- Так вот, пришло время гласно заявить о том, что это безобразие, что пора вышвырнуть из науки тех, кто

получал свои ученые степени за купленные диссертации, лишить постов высших чиновников за плагиат в работах, написанных на заре туманной юности, как это делают, например, в Германии. Устроить тотальную проверку на плагиат всех научных работ. Пусть не только чиновники, но и каждый мнительный ученый трясутся: а вдруг у него что-то найдут? Пусть все думают, что хорошо не быть кандидатом или доктором наук... Пусть обвинения в плагиате или ненаучности докторам наук предъявляют те, кто сами с грехом пополам получил среднее образование, но зато имеет доступ к публикациям в массовых средствах массовой информации. Благодаря нам, конечно. Эдик, что с тобой?

- Что, и меня лишат дипломов? – прошептал заместитель министра.

- Конечно же нет! Дипломов лишат тех, чьи диссертации будут уличены в плагиате. А ты же диссертаций не писал, как же тебя можно в чем-то уличить!

- А откуда взялись мои дипломы? – поинтересовался Эдуард Васильевич.

- В метро купил, а этот в типографии заказал, - начал было Свинчутка, но увидев, как побледнел чиновник, поспешил его успокоить: - Да ты не волнуйся, у тебя все как раз абсолютно законно, и тебя нельзя ничего лишить. У тебя были дипломы одного из государств, которые можно было нострифицировать у нас в министерстве образования, поэтому к твоим дипломам не придерешься. Тем более, что университет, который их выписал, уже разрушен при бомбежки, в результате которой погибли все архивы, в том числе электронные... Так что ты самый, что ни на есть насто-

ящий доктор, что, кстати, подтвердили два американских и два европейских университета, выдавшие тебе докторские дипломы за то, что ты сопровождал меня в качестве «подай-принеси», когда я ездил туда читать лекции... Но довольно об этом: нужно будет разогнать и Академию Наук, общество должно понимать, что цель науки, как любого бизнеса – получение скорой и ощутимой прибыли. А фундаментальные исследования, не приносящие дохода – это платье голого короля. Нужно разъяснять, что ученые, исследования которых убыточны – или проходимцы, живущие за чужой счет, или дурачки, занимающиеся не пойми чем. Любой ларечник может быть намного значимей академика, занимающегося фундаментальными исследованиями, если его деятельность приносит большой доход. Прибыль от научной деятельности – вот основной параметр, определяющий эффективна она или нет!

- А мы сможем все это сделать? – поинтересовался Эдуард Васильевич.

- Будем пробовать. Кстати, наверное, нужно будет создать специальный орган – Чрезвычайное Министерство Образования. У тебя есть шансы его возглавить...

Заместитель министра вспомнил табличку, украсившую дверь на кабинете Боруха Никаноровича, представил табличку со словом «министр» и аббревиатурой из первых букв, предложенного профессором для нового органа названия на двери своего кабинета, и грустно вздохнул...

Встреча в университете

После беседы с заместителем министра Борух Никанорович направился на встречу с преподавателями одного из столичных университетов, созданных при его участии в годы перестройки. Профессор Свинчука считал этот вуз перспективным учебным заведением.

- Наше динамичное время не оставляет места для какого-либо общения, кроме делового, - начал он, обращаясь к переполненному залу. - Мы должны понимать, что эффективно, а что нет. Модернизационные и инновационные процессы должны будут коснуться самых разных сторон наших образования и науки, которые должны стать новыми образованием и наукой, хочу вам сказать, качественно новыми. Мы получим такие знания, с которыми сам человеческий мозг не сможет справиться, сделаем качественный рывок в развитии человечества, призванного, по словам Вернадского, стать особым мыслящим образованием на планете Земля. Наше понимание всечеловечества, как мыслящего геологического образования внесет качественно иное содержание в существовавшие ранее представления об этом. Доисторические и донаучные понятие о человеческом единстве, сохранившиеся до сих пор, например, в Церкви, согласно которым каждая личность, несмотря на то, что она включена в целое, имеет самостоятельную непреходящую ценность, отойдут, наконец, в прошлое. В том мире, который строим мы личностей скоро не будет, а будут «акторы», те, кто совершает те или иные эффективные или неэффективные действия, от которых зависит его

успешность и вписанность в инновационное поле создаваемого нового мира, с новой моралью, своего рода «церкви наоборот». Может быть, есть уже первые вопросы?

- Борух Никанорович, - обратился к нему один солидного вида профессор из первого ряда, - не считаете ли вы, что при таком подходе люди превратятся в своего рода винтики огромной всечеловеческой машины, лишенные даже намека на возможность настоящего глобально взглянуть на происходящее? То есть каждый будет выполнять свою операцию, не понимая онтологического смысла своего бытия, воспринимающий окружающий мир сугубо поверхностно. Не придем ли мы к тому, что знание, объемы которого возрастают благодаря новым инновационным технологиям, не будет связано с пониманием, что понимание происходящего вообще будет необязательно для людей, ставших, как вы говорите «актерами», и получающих подтверждения своей эффективности в виде экономических, сексуальных и иных бонусов?

- Прекрасный вопрос, - улыбнулся Свинчутка. Он пристально посмотрел на того, кто его задал, увидел что-то, и продолжил: - Ответ на него я перенесу в практическую плоскость по отношению к вам конкретно. Потому что, как показывает мне мой опыт, те, кто боятся инновационного общества, как правило, боятся за свое место в нем. Страх, что их опыт, накопленный десятилетиями, окажется в нем ненужным, в общем-то обоснован. Но в вас я вижу огромный потенциал, сгустки информационной энергии, содержащие в себе огромные запасы новых идей витают вокруг вас, да я просто физически это вижу. Вот и от-

ветьте на простой вопрос: что бы вы предпочли – быть личностью, в полной мере отвечающей за то, что она сделала в 1991 и 1998 годах... - увидев, как побледнел профессор, Свинчутка понял, что попал в цель и продолжил: - или же актором, который сделает рывок к новым знаниям, для получения которых вам и идти никуда не надо, они вокруг вас кружат, получить вполне осязаемую нобелевскую премию за ... ну, например, открытие научных механизмов, посредством которых осуществляется магия вуду и использования этих новых знаний для более эффективного формирования всечеловечества... Я это условно говорю, - подчеркнул Борух Никанорович, не хотевший отпугнуть тех, кто не был готов услышать все его идеи.

- Но наука, не основанная на понимании, не превратится ли действительно в форму магии? – задали докладчику второй вопрос.

- У нас много слов приобрели ярко выраженную негативную окраску, - ответил Свинчутка. – Между тем, магия имеет схожие черты с научными достижениями. Результаты последних разве не являются формой магии для большинства из тех, кто ими пользуется? Колдун, который тыкает иголкой в фигурку своего врага, имеет намного больше представлений о том, что с врагом в результате этого случится и почему, чем обычный обыватель, нажимающий на выключатель о том, что такое электричество и каким образом оно попадает в его лампочку. Так вот, колдун понимает, что он делает, обыватель нет. Кто из них прибегает к магии? Думаю, что впереди, в ходе развития нанотехнологий, мы придем к пониманию и тех процессов, которые движут в том числе и магией, а то, что они не бу-

дут понятны кому-то, нисколько не будет говорить против них, как не говорит против электричества то, что его скрытые механизмы непонятны для многих. Ведь они же им пользуются. Так и здесь: эффективность и результативность – вот главные критерии действительности нового научного знания, которое может оказаться просто возвращением к давно забытому старому, модернизированному с учетом запросов нашей современности. И, конечно же, экономическая обоснованность, как явное доказательство результативности.

- Борух Никанорович, - обратился к лектору сидевший рядом с ним проректор университета, - у наших сотрудников много вопросов практического характера, связанных с внедрением инновационных методов образования. Например, мы слышали о намечающейся тенденции, чтобы председателем государственной аттестационной комиссии был не профильный доктор наук, а представитель работодателя. В связи с этим вопрос: откуда известно, что все выпускники пойдут именно к этому работодателю? Что это: очередной шаг к тому, чтобы доказать, что докторская степень ничего не значит? Или же – это шаг к жесткой системе распределения?

- О, Виктор Львович, какие вопросы у вас! – удивленно посмотрел на ректора Свинчутка, но ответил: - это всего лишь эксперимент по внедрению большей связи теории и практики, а также естественная защитная реакция на то, что многие из докторов девальвировали свою ученую степень. Получение докторского диплома для них – лишь форма инициации, приобретения к определенному кругу. А работодатель –

это тот, кто и должен оценивать эффективность выпускника.

- А если он не к нему пойдет? – выкрикнул кто-то из зала.

- Не пойдет, потому что будет признан неэффективным, - жестко ответил лектор. – Вообще, система образования, которая существует в России сейчас – это пережиток сталинского тоталитаризма. В свободном западном мире, ведь все по другому. Мы говорим о рынке образовательных услуг, и мы должны сделать реальные шаги по формированию этого рынка. Например: кафедра в вузе... Нужна ли она, как некая дополнительная надстройка между администрацией и студентом? Мне представляется, что нет, это пережиток прошлого. Вполне достаточно своего рода диспетчеров, составляющих образовательный маршрут каждого студента, в зависимости от его способностей и материальных возможностей на год, или на весь период обучения в вузе. Следуя по этому маршруту, он встретится с нужными ему преподавателями, получит у них необходимые ему формы аттестации, которые в итоге проверит аттестация работодателя. И в рамках этой схемы эффективность или неэффективность каждого из преподавателей будут самоочевидны: насколько те компетенции, которые получил от него студент, востребованы работодателем?

... Встреча продолжалась еще около часа. Борух Никанорович все более недовольно смотрел на сидевшего рядом с ним проректора, который замещал попавшего недавно в больницу ректора и сейчас все более активно участвовал в дискуссии.

- Эдик, - сказал Свинчутка в телефонную трубку, нажав на знакомую кнопку на мобильнике, сразу же после того, как вышел из университета, - Виктора Львовича нужно уволить. Какие аварии, ты глупый что ли, я же тебе звоню. Для аварий есть совсем другие акторы. Нужно как-то скомпрометировать его в глазах научной общественности, а то больно уж умный. Но не очень сильно, чтобы у него был потом шанс приползти к нам за прощением, если захочет. А мы, хотя никогда никого не прощаем, так как это неэффективно и противоречит нашему инновационному миропониманию, можем все же использовать некоторые из отработанных механизмов всечеловеческой машины в новом качестве для осуществления новых операций, в случае, если они осознают свою от нас онтологическую зависимость.

Эффективный менеджер

Из университета Борух Никанорович направился в один из институтов, имевший исключительно высокие показатели в различных мировых рейтингах. Его ректор – Херимон Павсикахиевич Бобровыхухолев, не имел никаких ученых степеней или званий, однако был признан самым эффективным менеджером в системе высшего образования по версии... По какой версии было написано на каком-то непонятном языке, который никто не знал, а признаться в своем незнании те, кому Бобровыхухолев предъявлял свой золоченый диплом стыдились, так как он говорил, что этот документ признают лидеры мировых держав. И вручал-то

ему этот диплом Президент США, если судить по фотографии, висевшей на почетном месте в кабинете ректора.

На самом же деле надпись представляла собой бессмысленный набор букв из разных алфавитов, причем, очень разных: английские буквы соседствовали с русскими и арабскими и китайскими иероглифами... А история фотографии была еще интереснее: Свинчутка, который был вхож ко всем лидерам держав свободного мира, как-то захватил с собой в Белый дом Бобровыхухолева. Президент не увидел ничего зазорного в непосредственной просьбе Боруха Никаноровича сфотографироваться «вон с тем придурком с дебильной рожей». Он только поинтересовался, что это за диплом у него в руках. «А это справка, что он дурак!» - сразу ответил Свинчутка. «Какая красивая!» - улыбнулся Президент. «Какой дурак, такая и справка. Он ведь то же непростой, а нужный для дела расширения границ свободного мира!»

Благодаря этим диплому, фотографии и проведенной Борухом Никаноровичем работе с руководством министерства и рекламной компании в газетах, Херимон Павсикахиевич стал ректором одного престижного института. Рейтинги его в мировых наукометрических системах постоянно росли, потому что по просьбе Свинчутки сотрудники десяти каким-то образом зависимых от него западных университетов вписывали Бобровыхухолева и членов его ближайшего окружения в свои публикации в качестве соавторов, и делали затем ссылки на эти работы в таком множестве, что индекс Хирша у ректора института был одним из высочайших в мире.

Херимон Павсикахиевич быстро навел порядок в вузе. Он буквально за год освободил его от старой профессуры, занимавшейся неэффективными исследованиями, не имеющими подтверждения их значимости публикациями в ведущих западных журналах. Сам-то он и его ближайшие помощники, хотя и не писали толком ничего, а один из проректоров, как поговаривали, не умел не только писать, но и читать, благодаря помощи Свинчутки, имели таких подтверждений очень даже много. И с формальной точки зрения, свидетельствовали о том, что докторская степень и профессорское звание – пережитки прошлого, что те заслуги ученого, которые были уже прошли, ничего они не значат, а нужно оценивать эффективность ученого по текущей его работе, выражающейся не в аккумулировании никому не нужных и непонятных идей, а в конкретных инновационных проектах, подтверждающихся публикациями, цитированиями и, самое главное, объемом финансирования научных проектов. Поскольку через научные проекты Бобровыхухолева отмывался общак семи крупных преступных группировок, показатели этого самого финансирования просто зашкаливали.

Свинчутку Херимон Павсикахиевич считал своим учителем.

- Сегодня по рейтингу известной британской газеты мой институт был признан более эффективным, чем МГУ! – похвастался он.

- Я тут был как-то в таком городишке – Мухославске, - задумчиво промолвил Свинчутка. – Мне там один пьяный мужик, учитель местной школы задал вот какой вопрос: «Если газета «Голос свиносхоза», вы-

пускаемая в Мухославском районе, напишет, что Гарварда, Стэнфорда и Массачусетского технологического университета вообще не существует как учебно-научных центров, то будут ли переживать те, чья жизнь связана с этими учебными заведениями?» Я ответил, что нет. И этот мужик сказал вот какую вещь: «А почему же мы должны переживать из-за рейтингов, выдуманых этими газетами, которые никогда читать не читали, и читать не хотим?»

- К чему это вы? – удивился Бобровыхухолев.

- А к тому, что такие вот мужики и могут помешать включению российской системы образования в общее образовательное пространство свободного мира. Они смотрят в суть вещей. Впрочем, думаю, что их воспринимают лишь как посмешище даже те, кто рядом с ними, поэтому надолго они нас не задержат...

*****

... Сэр Джеймс после очередной инъекции галоперидола вдруг с облегчением заметил, что Свинчутка его покинул. И впервые подумал, что та образовательная система, которую он выстраивал в числе прочих ведущих мировых деятелей этой сферы, не так уж и хороша, как ему до этого казалось.

СЛОМАННЫЙ МИР

*Они меня истерзали
И сделали смерти бледней -
Одни своею любовью,
Другие - враждою своей.*

*Они мне мой хлеб отравили,
Мне яда давали с водой, -
Одни своею любовью,
Другие своею враждой.*

*Но та, от которой всех больше
Душа и доселе больна,
Мне зла никогда не желала,
И меня не любила она!*

Генрих Гейне

Статуя единорога

- Вы обворожительны, Эльза Рудольфовна, такое ощущение, что фея из сказочных лесов Европы, не нынешней, где не осталось уже ничего сказочного, кроме сказочного свинства, а волшебной Европы, питавшей фантазии германских поэтов эпохи романтизма, каким-то чудом попала в наш столь обыденный городишко центральной России...

Эльза Рудольфовна, сорокалетняя ухоженная дама, являвшаяся помимо всего прочего первым заместителем регионального министра культуры, со снис-

ходительной полуулыбкой слушала невысокого мужчину, постарше ее лет на десять, являвшегося председателем местной писательской организации. Эльза, конечно, была достаточно красивой, и часто ей об этом говорили вполне искренне намного более приятные собеседники, чем Семен Иванович. А его риторические изыски были направлены лишь на одно: получить бюджетное финансирование на издание его книги стихов со странным названием «Бобровыхухоль». Если верить объяснениям Семена, то слово это символизировало сложные процессы размытости границ в современном мире, где все так зыбко и неопределенно, где слова утрачивают прежний смысл, где грани добра и зла стираются, где появляется новое понимание того, что такое любовь, брак, Родина, воспитание детей... И все это он суммировал в слове «Бобровыхухоль». Стихи были примерно такие:

«Там, где границы добра и зла стерты,
Где на помеле ведьмы летят на свой шабаш,
Где мир уходит в точку, в которой все исчезает,
Туда, где ничего не будет,
И откуда нет возврата;
Сквозь темное марево из-за горизонта
Появляется Борбровыхухоль.
Он символ нового мира».

И таких стихов было триста страниц, с картинками ко всему прочему. Эльза Рудольфовна, от которой зависело принять решение напечатать их тиражом пятьдесят экземпляров в тонкой обложке или тысячу экземпляров в твердой, считала и не без оснований,

что стихи «полный отстой» (как она охарактеризовала их по просьбе автора первой ассоциацией, которая придет ей в голову). Однако ей не было совсем уж неприятно льстивое подобострастное ухаживание довольно малоприятно на вид мужчины, умевшего, однако, найти столько красочных и достаточно приятных слов в ее адрес, хотя бы и из-за дурацкой книжки...

Они шли с какой-то презентации, после которой Семен Иванович увязался проводить заместителя министра по центру города, сильно изменившегося за последние годы. Новостройки, благоустроенные дороги, красивые газоны, и – самое интересное – статуя единорога, на месте, где раньше был памятник Ленину, а еще раньше – православная часовня. Эта статуя странным образом нравилась Эльзе Рудольфовне – было в ней что-то магическое, заставляющее подумать, что мир этот не такой уж и одномерный, каким может показаться. С этой статуей были связаны какие-то новые суеверия: некоторые местные девки, которые не могли забеременеть, считали, что если забраться на торчащий на метр рог четырехметрового единорога и сесть на него без одежды, то беременность в ближайшие месяцы гарантирована. Фактов, подтверждающих действенность такого соприкосновения со статуей не было, однако пыла ненормальных бабенок это не охлаждало. Сначала с суеверием боролась только местная епархия. Однако после того, как одна девчонка села на рог так неудачно, что погибла, вмешалась и администрация, и возле единорога поставили милиционера. А вот первому заместителю министра культуры, после того, как она увидела статую залитой кровью, с проткнутым трупом на роге, единорог стал нра-

виться почему-то еще больше, хотя тысячи горожан требовали его снести.

- Вот символ нового мира, а не ваш бобровыхухоль, - жарко сказала она вдруг, указывая на статую, шедшему рядом с ней писателю, оторопевшему от внезапной метаморфозы, произошедшей с чопорной всегда как англичанка дамой.

- Так оно что, - сразу сообразил он, - заменяем везде в книге «бобровыхухоль» на «единорог» и печатаем тысячу экземпляров?

- Да, - кивнула Эльза.

Она не могла оторвать взгляда от статуи, за прошедший год так и не отмытой вполне от крови, въевшейся в многочисленные зазубрины. Лицо заместителя министра горело.

Признание

... Эльза Рудольфовна сидела за рабочим столом в своем кабинете и смотрела на своего собеседника взглядом сытой кошки, смертельно ранившей мыша, но не знающей, что с ним дальше делать: съесть – может стошнить, отпустить – вроде бы жалко добычи, да и все равно умрет, оставить впрок – испортится... Взгляд был одновременно хищным, ленивым, любопытным, жестоким и веселым. Тот, на кого его устремили, был молодой священник лет тридцати, в рясе, с крестом, высокий, подтянутый, достаточно красивый. Первый раз он переступил порог этого кабинета несколько месяцев назад, когда пришел в региональное министерство культуры по вопросу выделения феде-

ральных средств на реставрацию храма, являвшегося памятником какого-то там большого значения, настоятелем которого и был отец Петр. А потом позабыл про все – и про реставрацию, и про храм, и про то, что он священник, и про то, что вообще-то у него есть жена лет на пятнадцать моложе Эльзы Рудольфовны и пятилетний сын.

Петра больше уже не интересовали длинные русые волосы и иссиня-голубые глаза его Даши: конечно, травленные в белый цвет, напоминавшие парик волосы Эльзы и ее черные, как угольки глаза ведь были куда как интереснее! Он ходил по поводу и без повода, что-то рассказывал, забавляя заместителя министра своей наивностью. Подарил ей Библию, что показалось ей совсем уж смешным. Она запомнила из нее несколько цитат близко к тексту, и иногда цепляла ими отца Петра. Сегодня, судя по всему, священник хотел сказать что-то важное для него.

- Эльза, - начал он, - с тех пор, как я увидел тебя, все в моей жизни изменилось. Я забыл про то, что я муж и отец, забыл про то, что я священник, вообще про все на свете забыл. Нет у меня ничего важнее тебя. Скажи слово – и я сниму священнический крест, брошу семью, все брошу, чтобы идти за тобой хоть на край света! Я хочу, чтобы у меня была только ты, а у тебя только я, и так было всегда!

Он очень волновался, на глазах его блестели слезы. Петр ждал, что же ответит ему любовь всей его жизни.

- Ну ни хрена себе! Круто ты загнул! – одобриительно ответила фея его мечтаний, после чего открыла шкаф, достала оттуда бутылку коньяка и два фужера,

налила в них граммов по сто, залпом выпила свой и взглядом приказала сделать то же несчастному влюбленному, что тот и исполнил тотчас, не в силах ни в чем противоречить воле своей повелительницы. После этого первый заместитель министра села на стол напротив воздыхателя, достала тонкую сигарету и неспешно ее закурила, стряхивая пепел прямо на пол.

- И ... это все? – обескуражено спросил Петр.

- Почему, многое можно сказать. Как в той книжке написано, которую ты мне подарил: прелюбодеи Царства Божия не наследуют?

- Я, я...

- Да ладно, расслабься. Ты мне вот что, Петя, скажи, а на хрена *мне* это нужно?

- В смысле?..

- Да в самом прямом. Что ты думаешь: пришел такой подарок прямо, что всю мою жизнь преобразишь? А ты на себя смотрел, кто ты такой есть? Какой-то несчастный попишко, которого выгонят сейчас из Церкви, а ему и податься-то некуда, потому как делать он ничего не умеет, работать не приучен, только бубнить чего-то себе под нос, да кадиллом махать. Да, забыла: еще бабкам давать свои руки целовать...

Петр в изумлении смотрел на свою возлюбленную, представшую вдруг перед ним в совсем ином виде, чем обычно. Он вдруг заплакал, а Эльза звонко засмеялась:

- Надо же – мальчика обидели! А ты читал, дурачок, «Диалектику мифа» Алексея Федоровича Лосева?

- А ты читала? – от удивления Петр перестал плакать.

- Я много что читала, конкретно эту между «Это я Эдичка» Эдуарда Лимонова и какой-то фантазмагорией Пелевина... Так вот: Лосев описывает прелюбопытную историю. Какая-то бабенка влюбилась в монаха, а он в нее, да так, что бросил свой монастырь, снял с себя все одежды свои, которыми так ее завлек, короче, весь мир ради нее оставил. А не нужен он ей стал после этого ни за хреном! Потому что ничего прикольного собой без клобука и мантии не представлял: так, чмырь какой-то. А он с горя повесился на воротах того монастыря, откуда ушел! Отсюда мораль из той книжки, которую ты мне подарил: «И познал я, что горше смерти женщина»...

- Эльза!...

- Я сорок лет уже Эльза, - но внезапно голос заместителя министра стал мягким, она погладила дрожащего от волнения поклонника по щеке и уже ласково сказала ему: - Глупенький! Ну кто же так ухаживает за женщиной: я все брошу, ты все брось, и пойдем нищие и счастливые идиоты странствовать по миру... Ты настойчивый, если бы ты просил ночь, то может быть, но всю жизнь? Не много ли ты хочешь? Впрочем, как пели в дни моей юности: «вся жизнь впереди – надейся и жди».

- Когда ты настоящая? – всхлипывая спросил Петр.

- О, это хороший вопрос. Очень интересный. Я и сама не знаю. Помню когда-то, чтобы подразнить первого мужа я написала письмо воображаемому любовнику...

- И что?

- А он поверил письму и развелся со мной...

- А ты не была виновата?

- Нет, но зато второй муж мне верил как себе, даже больше, а я ему изменяла. Он узнал и умер от инфаркта – не выдержало влюбленное сердечко: так больно узнавать гадости о тех, кто для тебя дороже жизни!

- А ты была для него дороже жизни?

- О да, мой мальчик, и не только для него! Помню одного дурачка, который мне звонил пьяный, сказал, что стоит сейчас на мосту и прыгнет в воду, если я не отвечу ему взаимностью...

- А ты?

- Сказала: прыгай, идиот!

-А он?

- Прыгнул, конечно.

- И?

- В воду не попал, сломал ноги, да неудачно. Сейчас на инвалидной коляске побирается, да ты видел его, наверное, на центральной площади. Я ему иногда портвейн покупаю «три семерки», его еще «топорики» называют. Он сейчас любит его – жуть: представляешь, больше, чем меня! А ты сам-то, наверное, тоже потом будешь его больше, чем меня любить?

- Я ничего не буду любить больше, чем тебя, тем более...

- Многие так говорили. Поживем – увидим. А сейчас иди к своей Даше, мальчик. И да: купи «Камасутру» - потренируйся на ней, не мне же тратить время на твоё обучение!

И заместитель министра звонко рассмеялась глядя на то, как весь пунцовый от стыда и гнева Петр пулей выскочил из ее кабинета.

Она выпила еще немного коньяка, закурила еще одну сигарету и открыла рукопись книги Семена Ивановича:

«Он не уйдет от тебя, как не пытался бы бежать,
Он думает, что жив, но он уже мертв;
Он еще мнит себя свободным, но он твоя добыча;
О, насколько лучше было бы ему умереть!»

- Ну почему же? – усмехнулась Эльза Рудольфовна и забычковала сигарету о свой безумно дорогой рабочий стол. – Интересно, переделал ли он про единорога?

«Сквозь темное марево из-за горизонта
Появляется Единорог.
Он символ нового мира».

- Хрена с два! – покачала головой первый заместитель министра. – Единорог был символом совсем не этого мира, мира злых и страшных, но в чем-то величественных сказок, исчезнувших в туманной дымке прошлого. Все-таки Сема был прав: символ этого мерзкого мира, в котором мы живем именно Бобровыхухоль, как не противно это признать! Придется печатать его книгу в авторской редакции!

Творческая интеллигенция

В сравнительно небольшом кабинете Семена Ивановича было полно народа: и признанные (по

крайней мере, сами собой) литераторы, и те, кто еще только судорожно искал этого самого признания. Атмосфера была самой что ни на есть демократичной: кто-то курил, стряхивая пепел прямо на ковер, который, казалось, именно из этого пепла и был изготовлен; кто-то распивал водочку, имея закуску, из расчета одно яблоко-китайка на бутылку, кто-то спорил, кто-то декламировал стихи. Наверное, никто кроме Семена Ивановича не выдержал бы присутствие стольких людей, да еще таких беспокойных на пространстве двадцати квадратных метров, а он не только преспокойно терпел, но, казалось, даже и не замечал ничего вокруг, усердно сочиняя письмо губернатору – Сергею Ильичу Кротову.

Написав, Семен Иванович постучал ложкой по стакану, из которого пил сладкий чай, которым имел обыкновение запивать водку. Стук означал, что требуется тишина. Все замолчали. Оглядев собравшихся, предводитель писательства огласил текст своего письма: «Многолюбезнейший Сергей Ильич! Вы как луч света в темном царстве порока и бездуховности, в котором нет места пониманию искренних и глубочайших порывов души человеческой. Лишь на Вас мы упование наше возлагаем. Вот уже многие годы организация наша, включающая в себя лучших творческих людей города этого, издает сборник объединенный, выпуск коего чистейшие движения душ творцов пространства словесного до широких масс народных доводит. Однако, мир этот многоскорбный, все лучшее, что есть в жизни человеческой губящий, и здесь наше делание доброе погубить пытается. И мелочь ведь какая: каких-то ста тысяч рублей не хватает нам на издание благого

сборника сего! – тут Семен Иванович прервался и хитро подмигнул собравшимся: – На самом деле восьмидесяти, но нужно же еще двадцатку на пропой накинуть! – и продолжил читать: – Не откажите, милостивый благодетель наш Сергей Ильич, в маленькой просьбе сей, Вам как меценату и человеку душу широчайшей вполне понятной».

Все заплодировали, а поэтесса Фофанова, экстравагантная дама лет шестидесяти, давно и безнадежно влюбленная в губернатора, вдруг вскочила на стол, опрокинув при этом стакан с недопитым чаем прямо на документы, и продекламировала:

«Наш прекрасный губернатор,
Лучше, чем любой сенатор,
Даже главный депутат
С ним сравниться был бы рад.
Нет на свете мне дороже
Губернатора Сережи,
До чего же он хорош:
На министра он похож!
Наш Сережа всем пример –
Может быть он и премьер!
Нету лучше претендента
Для поста и Президента!»

После этого она умоляюще посмотрела на Семена Ивановича:

- Семик, можно я к нему схожу! Он мне ни за что не откажет!

- Таки не только откажет, но и всю организацию нашу прикроет! – преме́рзким голосом отозвался откуда-то из угла литератор Ехиднов.

- Успокойся, Зоя, – строго сказал предводитель литераторов, – не нужно этого делать! И так нам из-за тебя попадало уже не раз!

- О, как тяжки муки любви! – вздохнула Зоя Фофанова. Но тут же оживилась: – Но ничего! Я напишу роман! Мне нужно только для начала съездить в то село Карачаево, где шестьдесят два года назад родился мальчик – совсем обычный тогда, ничто не предвещало, что ему суждено стать губернатором. Но в этом селе все и началось – история любви, которая больше жизни, важнее всего на свете. Ведь всего через два года в небольшом городке Большескотининске родилась девочка, судьба которой подарила ей тяжкое испытание – быть великой поэтессой. Видимо, фея, которая поцеловала ее при рождении, была не так уж добра! – Зоя всхлипнула и продолжила: – Но прошло время, и они встретились!

- Ни в коем случае не нужно писать такой роман! – единодушно закричали все присутствующие, которым от одной тирады и то тошно стало, а Семен Иванович, чтобы подтвердить, что это уже не шутки, согнал, наконец, Фофанову со стола, после чего та горько заплакала и сказала: «Поэта каждый может обидеть!»

После чего все опять начали разговаривать кто с кем.

- Александр Николаевич, – обратилась одна поэтесса к профессору университета, в свободное время также баловавшегося литературными пробами, – объясните мне попроще, что такое диалектика?

– Попроще... – задумался тот. – Ну вот смотрите: у меня есть любимая кошка. У нее необычный цвет шерсти. Я считаю, что это цвет серого золота, а моя жена считает, что поноса. Кто из нас прав? Она мыслит субъективно, потому что я не раз ей говорил, что эта кошка намного умнее и красивее ее; я мыслю субъективно, потому что эту кошку люблю. Вот как-то так...

– Семен Иванович, – прорвалась к председателю писательской организации непризнанная пока знаменитость, – а как ваш новый сборник стихов? Правда ли, что вас хотели заставить кардинально изменить его концепцию?

– Хотели, – горестно кивнул тот с таким видом, как будто его заставляли совершить что-то ужасное. – Представляете: Эльза Рудольфовна хотела, чтобы я вместо «Бобровыхухоль» писал «единорог»! Но ведь это в корне меняет концепцию того неповторимого по своему миру, который возникает в моей поэзии, нового, заметьте, не средневекового мира единорогов и грифонов, а нового мира, в котором царствует Бобровыхухоль, как символ красоты абсурда!

Все возмущенно зашумели: «Какой ужас! Подавлять лучшие творческие порывы!» Однако председатель вновь взял слово:

– Однако Эльза Рудольфовна образумилась. Она недавно мне позвонила и сказала, что поняла, что прав был я, а не она!

Все восхищенно заплодировали, крича: «Вот что значит всепобеждающая сила искусства!»

У губернатора

Кабинет Сергея Ильича был достаточно большим – около ста пятидесяти квадратных метров, не то что у его предшественника, ютившегося на вдвое меньшей площади. Некоторые посетители терялись перед губернатором, но Эльза Рудольфовна в их число не входила.

– Сергей Ильич, здравствуйте, миленький, – промяукала она, заглянув в кабинет.

– Здравствуй, Эльза. Заходи, чего стоишь в дверях. Чем порадуешь?

– Своим присутствием: Вы же сказали, что для вас радость меня видеть...

– Это когда я напился и лез к тебе целоваться?

– Ну, и еще когда вы из-за меня чуть не подрались с...

– Опустим эти подробности, ничего не хочу об этом знать!

– Как скажете, сэр!

– Не издевайся!

– Как можно?

– Ну ладно, – смягчился губернатор, – ты кому угодно голову закружишь. Мне тут епископ сказал, что ты какому-то священнику голову закружила. Это правда?

– Священник – громко сказано. Так, попишко какой-то непутевый.

– И что у вас с ним?

– Да ничего. Он от меня без ума, а я что могу поделать, если он такой дурак?

– И чего мне с ним делать?

– А зачем вам с ним чего-то делать? Его уже считайте нет, это списанный человек, отработанный материал. Или вы ревнуете?

– Еще чего не хватало!

– Ну, так успокойтесь, милый, – улыбнулась Эльза Рудольфовна и положила руку на плечо губернатору.

– А зачем ты этот идиотский сборник стихов решила издать за счет регионального бюджета? – опять завелся Сергей Ильич.

– Ну, не такой уж он и идиотский...

– Не такой? Это же надо такую дрянь придумать – «Бобровыхухоль»!

– А что? Креативно! – улыбнулась первый заместитель министра.

– Мне Фаина Раневская сразу вспомнилась, как она говорила, что в одних людях живет Бог, в каких-то демон, а в каких-то одни лишь глисты... Но вот оказывается есть еще один вид самых скверных мозгоглистов под названием Бобровыхухоль! Да что ты смеешься?

– Ничего. Мозгоглисты – это круто.

– Да ну тебя! Что, издаем эту книжонку?

– Жалко что ли: деньги все равно не наши, а бюджетные!

– Так рассуждая можно и стихи Фофановой издать, – буркнул Сергей Ильич.

– Их и так печатают все, кто вас не любит!

– Да знаю... Тьфу, гадость!

– Ну что вы какой нервный, расслабьтесь, учитесь радоваться жизни!

– Порадуешься с тобой! Я тут в твиттере прочитал, какая-то девчонка пишет, что женщины – это та-

кие интересные зверьки, которые питаются деньгами. А ты, похоже, не только деньгами, но и душами мужиков питаешься!

– Мяу!

– Ладно, Эльза, давай, что тебе подписать, да иди лучше, пока у меня опять голова от тебя не поплыла!

Первый заместитель министра самодовольно улыбнулась и достала из папки достаточно большую папку документов.

Кризис семьи

... Эльза Рудольфовна с усмешкой смотрела на плакавшего у нее в кабинете отца Петра, настолько он был жалок.

– Так, значит, ваша женушка оказалась не промах: не стала спокойно смотреть на то, как муж наставляет ей рога, и тоже нашла поклонника? Да не простого лоха, как ты, а вполне состоятельного? Это очень забавно! – смеясь, не спеша говорила она, потягивая черный кофе из чашки.

– Какая ты жестокая!

– А я-то здесь причем? Заметь: не я за тобой бежала, а ты за мной, ты писал мне дурацкие объяснения в любви, идиотские стишки...

– Идиотские?!!!

– Ну, конечно же, – и Эльза Рудольфовна, с усмешкой продекламирала:

«Любил я раньше не любя,
И истинной любви не зная,

Увидев первый раз тебя,
Коснулся я земного рая.
Ты всех прекрасней на земле,
И всех чудесней во вселенной,
И всех счастливее теперь,
Навеки твой, навеки пленный».

– Так ты их помнишь? – с надеждой посмотрел Петр.

– Я много чего помню. Однако сразу скажу, что стишок так себе. То ли дело про Бобровыхухоля: какая лирика, какой динамизм, какая экспрессия! А это? «Земной рай»? Не бывает земного рая, надо бы знать это священнику. Короче, как сказал мне недавно губернатор, у некоторых людей в головах живут мозгоглисты. Могу тебя поздравить: тыходишь в число этих счастливицев!

Петр опять заплакал, а Эльза, залиvisto смеясь, положила руку ему на плечо:

– Ну полно, не плачь! Ушла одна жена, найдешь другую. Забрала ребенка с собой – сняла с тебя обузу. Надо же: какому-то лошаре она с нагрузкой оказалась нужна! Как будто мало свободных девок! А она не промах: нашла на себя хорошего покупателя!

– Но Даша не такая!

– Была не такая, стала такая. Кстати, такой ты ее сделал: муж и жена, как два сообщающихся сосуда – один делает какую-то гадость – на другом тут же отразится!

– Но почему?...

– Ладно, милый мой, – жестко сказала Эльза, – пора и честь знать. Я между прочим здесь работаю.

И она уже почти без тени интереса посмотрела вслед вышедшему из ее кабинета священнику, будущее которого заместитель министра вдруг четко увидела: пьянство из-за горя, запрет в священнослужении, бедность и болезни, а там, глядишь, лишение сана, а потом и смерть... Тратить на него время было бессмысленно уже на взгляд той, кто помогла его падению. Она вдруг вспомнила, как этот человек читал ей Гейне: «мне зла она не желала, и меня не любила она». И ей стало забавно: «Не любила, это верно. Но зла-то так ли еще желала!»

Элизабет

... Элизабет, покончив с Зоей Георгиевной, много где побывала. Ее брак с олигархом оказался каким-то до смешного коротким, и ничего не принес «для дела»: муж красавицы-англичанки вдруг разорился и покончил с собой. Хотя и немало людей ей удалось уничтожить и физически и морально, но после того, как сэр Джон стал Иоанном, и вместе с отцом Аристархом перешел в сферы духовного мира, завершив свое земное странствие, все у Лиз пошло как-то не так. И, самое обидное, это происходило не из-за них – это еще ее самолюбие могло бы стерпеть. А происходило все из-за негодяя Гришки, ставшего после смерти отца Аристарха священником и вздумавшего за нее молиться. Элизабет никогда не поверила бы, что молитва этого старого дурня, любившего ее без памяти пока он был рядом с сэром Джоном, может значить хоть что-то.

Но вот ведь значила, и значила для нее только плохое, за что убить этого старого негодяя было мало.

Дар вечной молодости у Элизабет искажился: она уже больше не выглядела юной девой, но сорокалетней женщиной, «вполне красивой», как сказал кто-то. Это «вполне» Лиз надломило. И, кроме прочего, в ней вместо «девушки-фэйри» все чаще стала просыпаться обычная баба, самое ужасное, что даже жалость ей стала не вполне чужда. В том, что это из-за дурацких Гришкиных молитв, она знала точно – чувствовала где-то глубоко внутри. «Наверное, и сэр Джон пропал не из-за Аристарха, а из-за Гришки!» – думала она.

Ей хотелось уничтожить отца Григория, но это было не так просто: какая-то защита была над ним. И тут Лиз повезло: она нашла нового учителя, который, в отличие от сэра Джона, был уже вовсе не человек. И учитель этот оказался в той же области России, где в городе Большом служил священником Григорий Александрович.

Новый наставник быстро переделал Элизабет в Эльзу Рудольфовну, дал ей место при областном правительстве, ввел к губернатору, на которого стал влиять теперь и через нее. А она выполняла поручения учителя, с тем большим удовольствием, чем более гнусными они были. Никто не знал, откуда Эльза Рудольфовна появилась, но через полгода все в регионе считали, что она была тут всегда.

Звали нового хозяина Элизабет Борух Никанорович Свинчутка.

*****

Отец Григорий тяжело вздохнул: каждый раз, как он молился об Элизабет, у него начинался сильный приступ стенокардии, мешали сосредоточиться на молитве разные фантазии. В этот раз перед ним возникла картинка, что он и Лиз – только старенькая совсем, муж и жена, и им нужно так прожить двадцать лет: ей быть старухой в наказание за то, что она душу променяла на земную молодость и красоту, а ему со старухой, в наказание за то, что ему всегда нравились молоденькие, и для испытания правда ли он ее любит. «И привидится же такое!» - усмехнулся отец Григорий, - наверное, это был бы уже ад на земле! Но Лиз все равно жалко, для меня она любая - хорошая!»

А у Боруха Никаноровича Свинчутки, мысли эти организовававшего, возникла идея, что с Григорием Александровичем стоит-таки поработать!

ГРАНИЦЫ ПОЗНАНИЯ

СНЫ

...Дарья шла по полю, вдыхая ароматы цветов, травы. Она редко бывала на природе. Как ее сюда занесло – Даша и сама не помнила, женщина и в городе то не часто выходила из дома. Но, видимо, что-то важное привело ее сюда; а вот что именно? Дарья напряженно морщила лоб, пытаясь вспомнить, но ничего не получалось. Внезапно земля под ее ногами вдруг потеряла свою твердость, появилось ощущение полета куда-то. «Интересно, глубока ли кроличья нора?» – успела подумать Даша, недавно читавшая про Алису в стране чудес. Но для других мыслей времени не было: женщина поняла, что стоит, и не на дне ямы, а в каком-то мрачном саду – вроде бы яблонево, на первый взгляд, но плоды на деревьях напоминали скорее не яблоки, а какие-то искаженные пороком и страданием рожки...

– Леди Долли, – услышала она вдруг полунасмешливый низкий голос и увидела гнома с густой черной бородой, выпученными глазами, одетого в камзол и башмаки с серебряными пряжками.

Даша никогда не видела гномов, но почему-то не испугалась, а только растерялась и сказала:

– Здравствуйте! Где я? А кто вы такой?

– Видно женщину – столько вопросов сразу, – засмеялся гном. – Я Лепрекон, но очень бедный, вынужденный подрабатывать здесь садовником. А вы сейчас в саду моей хозяйки, леди...

– А почему вы всех называете леди? – перебила его Дарья.

– Потому что мне за это платят, а мне как-то пополам, как кого называть, – улыбнулся Лепрекон. – Сам бы я использовал совсем другие термины, если бы это не влияло на мое финансовое положение.

– А разве у вас нет волшебного золота?

– В том-то и дело, что нет. Я игроман – проиграл все свои сокровища в автоматах в кальян-клубах вашего городишки. А ведь лепреконы свое золото просто так не отдают. Замочил бы гадов, которые его у меня выиграли, но они как назло, все работают на одно очень большое лицо... – гном многозначительно еще больше понизил голос и изобразил почтение на лице, – его имя мы обычно не произносим вслух...

– А разве у нас в городе живут лепреконы? – удивилась Даша.

– И гоблины, и ведьмы, и тролли, и еще полно всяких разных!

– Так почему же вы здесь?

– Так говорю тебе: надо подзаработать, чтобы было на что отыграться! – уже раздраженно ответил гном. – Хватит трепаться: тебя ждет хозяйка!

Дарья вдруг увидела, как из-за деревьев, не спеша, выходит женщина в длинном черном плаще с большим капюшоном. Девушке вдруг подумалось, что сейчас капюшон откинется, а под ним – лицо Медузы Горгоны, взгляд которой превращает в камень, а вместо волос на голове у нее – клубок копошащихся змей. Но капюшон откинулся, а под ним было всего лишь очень красивое, хотя и жестокое лицо крашеной блондинки лет сорока.

– Леди Элизабет, – поклонился ей гном.

– Сэр Лепреккон, на вас дурно влияет общение с русскими, – скривив рот, презрительно произнесла хозяйка сада. – Я послушала ваш разговор: вы скоро ничем не будете отличаться от граждан этой страны, как они в свою очередь все меньше отличаются от самых глупых американцев, на самых идиотских фильмах которых они сейчас воспитываются...

– Осмелюсь заметить, леди Элизабет, что это естественные процессы глобализации, когда уже и не поймешь порой, где человек, а где гоблин... А жизнь в этой стране и ваши манеры не улучшила...

– Заткнись, – веско сказала чопорная дама, добавив при этом такое словечко, от которого Дарья покраснела, так как не слышала еще таких вариаций матерных слов, а гном скрипуче рассмеялся:

– Что и требовалось доказать! Впрочем, леди Элизабет, я не могу вас винить: вы же работаете в сфере культуры; разве там возможно выражаться как-то иначе...

– Так вот ты какая, Долли, – уже не обращая внимания на Лепреккона, в котором Дарья вдруг с удивлением узнала председателя регионального отделения одной из общероссийских общественных организаций, произнесла дама в плаще.

– Откуда вы меня знаете? – изумилась женщина. – И почему Долли? Я Даша!

– Долли – это Даша по нашему... Но суть не в этом, видишь мой сад и его плоды?

– Да.

– Каждый из них – один из тех, кто любил меня когда-то, неправильно любил...

И Дарья вдруг всмотревшись в висящие на деревьях гнилые плоды увидела с ужасом, что они не просто похожи на страшные человеческие лица...

– А при чем здесь я? – с ужасом спросила она.

– У меня не хватает одного яблока для моей коллекции – твоего мужа Петра. А он так нужен именно на этой ветке!

И Элизабет рассмеялась, отчего Дарье стало еще страшнее. Она захотела убежать, но куда? Страх все нарастал, и вдруг... женщина проснулась в постели у себя дома. Петра рядом не было, они не жили вместе уже месяц, Даша сказала ему, что нашла другого, богатого и красивого, который будет настоящим отцом их ребенку. Хотя никого она, конечно, не нашла, и очень по мужу скучала. После сна ей стало совсем не по себе.

*****

Наталья вдруг среди ночи открыла глаза и увидела, что на шкафу рядом с кроватью сидит ее недавно повесившийся брат. На удивление женщина не испугалась:

– Почему ты здесь, Саша? – спросила она.

От Александра шел сильный жар, казалось, что температура в комнате поднялась до сорока градусов, и начинала еще повышаться.

– Меня отпустили ненадолго, – хрипло сказал он.

– Почему ты такой горячий?

– Там, где я сейчас работаю, температура 200 градусов.

– А что ты делаешь?

– Песок перекалдываю с места на место в пустыне...

– Почему ты пришел?

– Мне сказали, что я могу придти к тебе, что если ты за меня попросишь, мне будет легче...

– Кого попросить, Саша? – спросила Наталья ... и открыла глаза.

В комнате никого кроме нее не было. Температура была самой обычной – чуть выше 20 градусов.

*****

... Семен сидел за большим столом в отцовском доме и со смесью удивления и отвращения смотрел на стоящего напротив него отца. Тот разлагался, части тела у него отвалились, в видневшихся в теле ямах копошились белые черви.

– Ты же умер, папа, уже почти две недели назад, что ты здесь делаешь? – спросил Семен, стараясь не выдать того, как ему неприятно.

– У меня нет сил пока оставить этот мир, это тело, – проклокотал его отец.

– Но это надо сделать. Оставь это тело, там, куда ты идешь, оно не нужно!

– Жалко. И страшно...

– Но нужно!

Умерший посмотрел на него с сожалением, что и любимый сын его не понимает, и исчез.

А Семен Иванович вдруг открыл глаза. Он был не в отцовском, а в своем доме, рядом спала жена. Никаких запахов распада и тления, которые показались ему невыносимыми, в комнате не было.

Тот, кого нельзя называть

...Боруху Никаноровичу все больше не нравилось, что многие из тех, кто перед ним раболепствуют, за глаза его называют аббревиатурой подразделения, которое он возглавлял – Главного Отдела по Вопросам Науки и Образования, (они-то не знали, что после того, как стали ему служить, оказались для хозяина открытой книгой), поэтому он сделал нескольким из них внушение. Но лучше Свинчутке от этого не стало: теперь о нем говорили «Тот, кого нельзя называть», а некоторые и того хуже – «Волан де Морт недоделанный»...

«Странно, почему меня это трогает? – думал порой супергерой. – Ведь я же вроде бы уже совсем не человек?» Однако, поразмыслив, он пришел к выводу, что новое «погоняло» не так уж плохо, а герой книжек Джоан Роулинг вообще прикольный. Поэтому профессор Свинчутка в итоге новое свое прозвище одобрил, только слово «недоделанный» запретил употреблять.

Он приобретал все больший вес в мире. Попробовал даже реформировать Российскую Академию Наук, но реформа пошла не совсем так, как ему хотелось. Свинчутка влезал в гущу мировых политических событий; его рука чувствовалась и в Египте, и в Ливии, и в Сирии, а уж в США он и до того, как стал супергероем, много всякого разного делал.

Борух Никанорович решил подчинить себе ранее разобщенные силы гоблинов, лепреконов, ведьм и троллей, которых немало болталось по миру под видом людей. Около сотни из них профессор стянул в

областной центр, в котором имел штаб-квартиру, и, благодаря своему влиянию на губернатора, для каждого нашел хорошую должность на государственной, муниципальной или партийной работе. Особенной находкой он считал Элизабет.

– Так твой бывший учитель называл тебя девушкой-фейри? – спросил у нее Свинчутка.

– Да, сэ. Но это он смеялся над Григорием...

– Над ним смеяться-таки пока рано! – возразил Борух Никанорович. – Он может все нам испортить, причем именно он! Вам-то, Лиза, он подпортил-таки вашу юную внешность!

Элизабет ненавидела думать, что из-за молитв отца Григория стала выглядеть не на двадцать, а на сорок, и убила бы любого, кто ей об этом напомнил. Но новому хозяину лишь деланно улыбнулось. А тот видел ее насквозь и довольно сказал:

– Правильно, Лизонька, не надо хамить профессору Свинчутке, и все будет хорошо!

– Я и не собиралась...

– Полно! – нетерпеливо махнул рукой Борух Никанорович. – Ты мне лучше расскажи, что с губернатором?

Над губернатором они решили от души поиздеваться: сначала не для чего-то там, а просто ради гадости, а потом и повод нашелся. Руководитель региона подпал под влияние Элизабет, влюбился в нее, давал ей деньги, дарил подарки. А та через подставных лиц подкинула ему информацию, что деньги эти тратит на одного из молодых заместителей председателя областного правительства – перспективного тридцати-

летнего мужчину, имевшего наглость не подчиняться приказам Свинчутки и не замечать чар Элизабет.

Губернатор устроил Элизабет сцену, а та призналась, что тратила деньги, но не те, которые он ей давал, а свои... В итоге тот помучался от ревности страшно, перенес несколько гипертонических кризов, уволил заместителя, а Элизабет простил и надарил ей кучу новых подарков...

– Жалко, что он не устроил-таки ему несчастного случая, как хотел сначала, – с сожалением сказал Борух Никанорович, выслушав рассказ. – Был бы совсем наш!

– Да он и так наш!

– Наш да не наш! Вспомни Григория Александровича!

Элизабет раздраженно закусил губу.

– Ну да ладно, – ухмыльнулся Свинчутка. – Ты мне лучше расскажи: любопытно это – путешествовать по снам людей и превращать их в кошмары? И как тебе твои владения в стране грез?

Элизабет улыбнулось: ей все понравилось.

– Вот и отлично. А прикольно, что этот важный Лепрекон, который, кажется, лопнет от ощущения своей значимости и пытается со всеми говорить свысока, стал у тебя дворецким в мире по ту сторону?

Это было настолько прикольно, что не только Элизабет рассмеялась, но и сам профессор Свинчутка изобразил подобие хохота.

– Мы сделаем-таки то, что не смог сделать сэръ Джон, и много еще чего! – важно изрек он.

Председатель Порс

Лепрекон, который вызывал такое бурное веселье у Боруха Никаноровича и Элизабет, в гражданской жизни был лицом очень даже солидным. Он имел российский паспорт на имя Черномора Карловича Великанова и возглавлял Партию Объединения Российских Славян (ПОРС). До недавнего времени партия эта была всего лишь в статусе общественной организации, но изменения в законодательстве позволили Черномору Карловичу зарегистрировать на ее основе политическую партию, причем он стал руководителем сразу и общероссийской организации и регионального отделения.

Эмблемой партии был какой-то непонятный символ, о котором Борух Никанорович скептически заявил, что это очень напоминает поросячий сосок... А, подумав, добавил, что в принципе, все это очень даже логично: ведь партия называется ПОРС, а эту аббревиатуру очень даже можно расшифровывать именно как поросячий сосок... С тех пор Лепрекона стали звать не «господин Великанов» и не «Черномор Карлович», а «председатель Порс», что злило его ужасно, к большому удовольствию профессора Свинчутки, который любил поизгаляться не только над людьми, но и над иными существами, оказавшимися в его власти. Нередко, собирая лепреконов, гоблинов, ведьм и вампиров, он заявлял им, что как ученый, считает, что их не существует.

- Но ведь и вас тогда не существует, - пытались они возражать.

- Это совсем иное дело. Тут результат наинеднейшего эксперимента, который показывает меру совершенства человеческой мысли...

- Так ведь вас не люди таким сделали...

- То верно, - соглашался Свинчутка. - Но по сравнению с такими упырями как вы я - венец творения!

- Почему? - удивлялись все больше ненавидевшие такого начальника существа.

- Потому что я двигаю современные науку и образование, современное право, создавая пространство, в котором вам комфортно жить. Разве не так?

И тут все вынуждены были согласиться. Особенным достижением Боруха Никаноровича было то, что его подопечные стали неподсудны человеческому суду. Так один особо крупный тролль был даже в должности министра и натворил столько всего, что человек тридцать-сорок за это вполне могли бы расстрелять. А его просто уволили с должности и сказали, что так делать нехорошо... Что косвенно подтверждало, что у людей не хватало ресурсов для вмешательства в сферу, в которой царил Борух Никанорович.

Но сам он право суда над своими подчиненными имел. Он мог засадить джина в бутылку, отправить лепрекона на рудники Мории, а гоблинов и троллей, которых было больше, мог даже приказать казнить. Поэтому его боялись.

Партия Объединения Российских Славян ему даже нравилась. Председатель Порс собирал две сотни мужиков с длинными бородами и волосами, в кафтанках до земли, арендовал большой зал, устраивал лекции приезжих знаменитостей ученого мира. Особенно прикалывало Свинчутку, когда эти конференции пута-

ли с собраниями православного духовенства, на которое внешне последователи Порса были похожи. Еще Боруху Никаноровичу нравилось, что Черномор Карлович особое внимание уделял возрождению российского язычества на основе ритуала кельтских друидов, связанного с человеческими жертвоприношениями. Официально об этом говорить, конечно, было нельзя, но двое друидов из Англии умели облечь эту суть в такие размытые формулировки, что придрататься к ним было практически невозможно.

Еще председатель Порс был большой ловелас и такой же большой жмот. Однажды он угостил одну женщину мороженым за восемнадцать рублей, а когда она в ответ не проявила ему благодарности интимного характера, обругал ее страшно. Но его выручила Элизабет. Она создала общественную организацию «Женщин завтрашнего дня», последовательницам которой внушила, что переспать с уродом за восемнадцать рублей, имея при этом миллионные счета в банке, недвижимостью в России и за рубежом и красавца мужа очень даже круто и привела массу исторических подтверждений тому. В итоге у председателя Порса отбоя от поклонниц не стало.

Но однажды Черномор Карлович, чувствуя, как растет его вес, и думая попробовать силы своей партии на выборах в региональный парламент, а затем и на пост губернатора, посмел сказать что-то недостаточно почтительное Свинчутке. Наказание было немедленным: год работы дворецким у Элизабет, пока только в мире грез, но при повторном нарушении оно распространилось бы и на мир людей.

Дарья

... Дарья вновь была возле того страшного сада, но на этот раз не внутри, а у его ворот. Сад находился за высокой стеной, а вокруг, сколько видели глаза, растлались заросли ядовитого хвоща и крапивы в человеческий рост высотой, каких-то еще растений... Даша даже засомневалась не постучать ли ей в калитку: господин Лепрекон ведь был так вежлив в прошлый раз, даже называл ее леди... Но она вспомнила, что говорили в городе про того, кого ей напомнил дворецкий-садовник той страшной ведьмы, а потом саму леди Элизабет, и молодая женщина решила, что лучше уж идти в хвощ и крапиву... Но странно: стоило ей сделать несколько шагов и перетерпеть боль от первых ожогов, как хвощ и крапива перестали жечься, а перед собой Даша увидела едва заметную тропку.

Стоило ей ступить на нее, как нога заныла: тропа была усеяна колючками. «Может, ну ее, эту тропку?» , - подумала Дарья и вдруг почувствовала, что рядом с ней кто-то есть. Она обернулась и увидела какого-то прозрачного то ли человека, то ли не человека.

- Кто ты? – спросила девушка. В отличие от обитателей сада незнакомец опасений не внушал.

- Я рядом с тобой с твоего рождения, - грустно сказал ей Прозрачный. – Но ты как-то не помнишь обо мне, поэтому мне обычно не разрешают тебе помогать. Но сейчас дело другое: решается твоя судьба, поэтому мне позволено пройти рядом с тобой по этой тропке, если ты, конечно, захочешь...

- Но тут такие колючки...

- Это тернии, они всегда бывают на таких тропках, без них нельзя.

- Но больно ведь!

- В жизни вообще много всего, что больно и что неприятно, это не всегда плохо.

Дарья задумалась и спросила:

- А если я не пойду по этой тропке, то мне придется вернуться в сад?

- Да.

- А что будет там?

- Лучше такое и не знать!

- А может быть, я просто проснусь у себя в кровати?

- К сожалению, нет. Просто сегодня не будет ничего. Это сон, в котором можно умереть, и тогда умрет и земное тело...

- И ожоги останутся? – скептически осматривая обожженные руки и ноги, спросила Даша.

- Ожоги ерунда! – безапелляционно заявил Прозрачный. – Ну, так идешь?

- А что там? – вдруг спросила женщина. – Откуда я знаю, что ты не такой, как обитатели этого сада?

Прозрачный укоризненно посмотрел на нее и сказал:

- Это дорога назад ко Христу.

- Почему же она такая плохая и узкая?

- Она всегда такая.

- А разве я от Него ушла? – задала Дарья возникший у нее вопрос.

Прозрачный ничего не ответил, но молчание было красноречивее любых слов.

Женщина вздохнула и сделала несколько шагов, которые причинили ей страшную боль. Но где-то на восьмом шагу она заметила, что боль улетучилась. «В чем же дело, ведь вот тернии под ногами», - подумала она, и увидела, что новый знакомый приподнял ее и буквально несет над колючками, лишь на первых из которых адела ее кровь.

- Тебе нужно было лишь решиться, с тебя маленький спрос, - ответил ей Прозрачный, как будто прочитал ее мысли.

- А я ведь вначале и такой тропки не видела! - сообщила Даша.

- Тогда тебе нужно было тоже только решиться.

- Но ведь я и решилась!

- И сразу появилась тропка!

- Куда мы идем? Ко Христу?

Прозрачный улыбнулся:

- К Нему идут, когда ломая себя, делают что-то ради других.

- А ради кого я должна что-то сделать?

- Скоро догадаешься. Сначала зайдем кое к кому.

И женщина вдруг увидела знакомый с детства домик, из окошка которого выглядывало такое знакомое лицо...

- Бабушка! - закричала она и бросилась к той, чей земной путь завершился несколько лет назад.

- Внучка, дорогая, как я за тебя молилась, как я страдала, видя, что ты делаешь! - сокрушенно сказала старушка, у которой не было никаких признаков дряхлости и болезни, из-за которых она умерла.

- А что я не так делаю? - взвилась Дарья.

- Очень многое! У тебя муж священник. Вернись к нему, он без тебя погибнет!

- Петр меня предал! – резко ответила Дарья, и лицо ее стало почти таким же жестоким, как у леди Элизабет.

- Вот делай почаще перед ним такую рожу, глядишь он тебя и полюбит, - засмеялась бабушка, ожидавшая такой реакции.

- Не надо смеяться!

- Смеяться нечему. Сейчас решается судьба и вас обоих и вашего ребенка. Первые шаги будут как в этот кустарник и по этим колючкам. А дальше вас проведут...

- Прозрачный?

- Что ты, внучка, как называешь своего Ангела-Хранителя! – укоризненно покачала головой бабушка. – И он тоже, но вам с Петром нужно обязательно поехать в город Большой к отцу Григорию. Расскажи ему свои сны, а отец Петр пусть все расскажет про Элизабет – отец Григорий очень хорошо ее знает...

- А если Петр не захочет ехать?

- Захочет.

Дарья опустилась на колени перед бабушкой, и уткнулась головой ей в колени.

- Как же все тяжело! – вздохнула она.

- Ничего, внучка, все образуется. А сейчас попей парного молочка...

Дарья взяла большую кружку, выпила как в детстве половину и ... проснулась у себя дома в кровати. Была еще глубокая ночь, но женщина включила компьютер и полезла в интернет узнать, кто же такой отец Григорий из города Большой...

Исцеление

У отца Петра после последней встречи с Элизabet, которую он знал, как Эльзу Рудольфовну, все развивалось по тому сценарию, который она прокрутила у себя в голове на прощание, потеряв всякий интерес к молодому священнику, которого считала уже погибшим.

Петр жил один, много пил, был запрещен в священнослужении, стоял вопрос о лишении его сана. Он очень удивился, увидев Дашу. Узнав, что у нее другой мужчина, возненавидел жену страшно, казалось, увидит – убьет, особенно после того, как та сказала, что у их ребенка новый отец. Но порой Петр успокаивался и смотрел на ситуацию под другим углом: не начни он бегать за Эльзой, и не было бы ничего... Однако, когда Дарья постучала в его дверь, священнику, потерявшему прежний лоск стоило больших сил, чтобы сдержаться и не сказать ей что-то уничижительное: они ведь еще и не развелись до сих пор...

- Петя, - предупреждая возможную агрессию, скороговоркой сказала Дарья, - я должна сказать тебе что-то очень важное. У меня никогда не было другого мужчины!

- Но... - Петр вдруг обмяк, злоба и обида, дававшие ему силы держаться последние месяцы, разом его оставили. - Но... почему?

- А мне не обидно было...

... Пересказывать их разговор, состоявший из междометий, слез и поцелуев, вряд ли интересно. Но на другой день, когда Петр немного пришел в себя,

они поехали в город Большой, в котором в храме при интернате настоятелем служил отец Григорий.

- Ну что он может мне сказать? – хорохорился Петя, почувствовавший себя вновь заслуженным отцом Петром, который любому священнику даст фору.

Но отец Григорий, который принял их очень доброжелательно, нашел что сказать и Петру и Дарье. Он знал все, что им нужно было узнать и говорил очень просто, но так веско, что жизнь их перевернулась.

Еще до того, как подойти к нему, супруги стали невольными свидетелями его разговоров в храме с женщиной средних лет, которой приснился покончивший с собой брат, и с каким-то еще достаточно молодым ученым (так потом настоятель зачем-то сказал им про него), которому приснился его умерший, разлагающийся, но все еще живой отец. С женщиной разговор был быстрый, но она ушла крепко задумавшись. С ученым говорили долго. Мужчина рассказывал все что-то, до Петра и Дарьи долетели слова «границы познания» и ответ: «Я знаю, что ничего не знаю, хотя вроде бы тоже профессор»...

Долгим был и разговор с супругами. Он сказал им все так, что не было уже никаких вопросов. А напоследок отец Григорий добавил:

- Отец Петр, тебе сейчас это может показаться странным, но тебе предстоит стать настоятелем в этом храме совсем скоро. Запрет с тебя снимут. Я не смогу тебя учить, да ты и не хотел бы, чтобы тебя кто-то учил. Книжные знания у тебя есть, жизненные придут. А в отношении Эльзы – тебе предстоит помочь ей найти путь ко Христу – это твой крест...

И, увидев, какими ревностью и гневом вспыхнули глаза Даши, добавил: - О, она будет совсем иной! Внешне особенно... Да и не Эльза ее будут звать...

Гнев Свинчутки

Борух Никанорович никогда не позволял себе эмоций внешне, но расправа с провинившимися была жестокой, милосердия супергерой не знал. В его кабинете навтыяжку стояли Лепрекон и какая-то дряхлая старушка.

- Что же, Черномор Карлович, - вкрадчиво начал Свинчутка с такими интонациями, что даже этот злобный гном затрепетал, - как вы осмелились на такую вещь без моего разрешения?

- Мы хотели сделать сюрприз... доказать...

- Сюрприз? Хороший сюрприз! Я только что из того мира, в который вам еще предстоит попасть, совсем в ином качестве заметьте! Там шестьсот шестьдесят шесть совещаний уже прошло на разных уровнях из-за вашей самодеятельности!

- Но вы же положительно смотрели на возможность человеческих жертвоприношений! – попробовал оправдываться Лепрекон.

- Разве таких? Разве, чтобы это был мученик за Христа? Не, ну вот идиоты! – Свинчутка сокрушенно покачал головой. – Итак, что вы сделали. Вы, по вашему мнению заманили, а на деле он пришел добровольно, Григория Александровича в вашу ритуальную рощу, сказав, что речь о жизни и смерти Элизабет. Кстати, духи, которые нужны друидам, теперь в этой роще

жить не смогут долго... Но это я уже к слову... Его связали, били, а он не сопротивлялся, а потом одна дура, которой еще большие дураки сказали, что она станет вновь вечно двадцатилетней после того, как умоется кровью того, кто у нее молодость отнял, втыкает ему нож Мерлина (кто придумывает такие названия!), целясь в сердце, а попадая в поджелудочную! И что делает Григорий Александрович, умирая? Он не говорит, что прощает и тому подобное, что можно было бы истолковать двояко; он прямо молится о том, чтобы им в вечности быть вместе с Элизабет... А за нее там еще один ходатай нашелся – некий Иоанн, сэра Джон, в прошлом...

Свинчутка пристально посмотрел на старушку:

- Ну что, Елизавета Ивановна, вас теперь и не узнать...

- Почему Ивановна? – тихо спросила та.

- Так по вашему новому российскому паспорту, который я оформил. В честь сэра Джона, так сказать. Да уж, постарались вы на славу: не на двадцать лет помолодели, а постарели почти на тридцать... Но вы не наша, вы теперь принадлежите Григорию Александровичу; впрочем, у вас есть свободная воля. И я очень надеюсь, что вы взбунтуетесь, и вернетесь ко мне. Но вы ведь знаете, что я зову вас, чтобы издеваться над вами, а тот вами жил... Впрочем, возможно, это и дает шанс, что вы вновь захотите мне служить? Если я вообще вас возьму...

- Борух Никанорович, но ведь вы же договорились, что его не признают мучеником, что не будет канонизации, - умоляюще пробормотал Леперекон, еще надевавшийся на помилование.

- Не будет, согласен. Три или четыре известных церковных публициста напишут статьи о том, что Григорий Александрович умер от падреонекроза, вызванного жизнью в излишествах. Но что толку от этих писак в вечности? Кстати, когда я ему на нейтральной территории, куда он приходил для переговоров со мной, сказал, что мы сделали так, он улыбнулся и сказал: «Лишь бы у Лизы все было хорошо!» Какая гадость! Так что сэр Лепреконе, вы отправляетесь на пятьсот лет на каторжные работы в рудники Мории – таков мой приговор!

И на шее Черномора Карловича вдруг появилась колодка, на руках и ногах кандалы. Надели их сущности, которых не видел никто из находившихся в комнате, кроме Свинчутки. А потом они вместе с осужденным Лепреконом телепортировались к месту исполнения наказания.

- Там, кстати, в интернате, будет священником вместо Григория Александровича твой Петечка, - язвительно сказал Борух Никанорович Элизабет. – Приди к нему и спой: «Полюби меня такой, какая я есть!» И не забудь рассказать про Руслана и Людмилу Пушкина, про волшебницу Наину, которой добивался ее поклонник, а она потом пришла к нему состарившись, а он ее отверг и тем разбудил зло в ее сердце...

Старушка молчала, внутри у нее было все пусто. Она не знала больше ничего.

- Так что, Елизавета Ивановна, Эльзы Рудольфовны больше нет. Свое имущество, по примеру Черномора Карловича, она передала мне по дарственной, что было очень благоразумно. Так вот к чему интернат: вы

теперь там будете работать санитаркой – такое вот развлечение...

Когда дверь за Элизабет закрылась, Свинчутка достал из стола золотой, украшенный бриллиантами диплом, и в который раз стал его рассматривать.

- Диплом главного маршала сил тьмы! Круто!

В голове главного маршала витала одна мысль, ставшая его мучением, с того момента, как он получил данный диплом: ему очень захотелось им подтереться. Но сущности, которые диплом вручали, помня об экспериментах с долларами, предупредили Боруха Никаноровича, что, учитывая то, из какой консистенции он состоит, подтеревшись этим волшебным дипломом, Свинчутка просто себя сотрет... Поэтому теперь его страшно мучила необходимость принять решения стоит оно того или нет...

***

Елизавета Ивановна, ничего не видя, спотыкаясь брела по дороге:

- Теперь у меня нет никого и ничего, ради чего стоило бы жить, я совсем одна! – прошептала она.

- Ты никогда не будешь одна! – услышала она вдруг.

Рядом с ней был отец Григорий.

СОДЕРЖАНИЕ

Вячеслав Океанский

СРЕДНИЕ ВЕКА ПРОДОЛЖАЮТСЯ.

Размышления над книгой Алексея Федотова

«Сломанный мир».....4

Михаил Смирнов Кто на новенького?!

Предисловие к роману

«Наследники Ост-Индской компании».....11

НАСЛЕДНИКИ ОСТ-ИНДСКОЙ КОМПАНИИ.....14

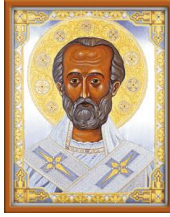
ПРИЗРАЧНАЯ АМЕРИКА.....247

Сон разума.....453

Пробуждение хуже сна.....476

Сломанный мир.....491

Границы познания.....511

**Издание выпущено при поддержке
Благотворительного Фонда Святителя Николая Чудотворца**

www.nacxa.ru

Дорогие читатели!

Благотворительный Фонд Святителя Николая Чудотворца действует уже свыше 15 лет. Только за первые десять лет своей работы выполнил 880 соглашений о благотворительной помощи по 615 проектам на территории 50 субъектов Российской Федерации и 37 проектам за рубежом. Фонд участвовал в строительстве и восстановлении свыше 100 монастырей и храмов, воздвижении 26 памятников святым покровителям России и видным общественным деятелям, бесплатно распространил свыше миллиона единиц печатной продукции, организовал десятки паломнических поездок по России и за рубеж, множество благотворительных концертов с участием известных на всю страну исполнителей. Организовывалась помощь детским садам, общеобразовательным и шахматным школам, центрам детского творчества, православным семинариям и миссионерским центрам. Фонд Святителя Николая Чудотворца оказывал благотворительную помощь военным летчикам, морякам, пограничникам и десантникам.

Естественно, что такая деятельность не могла пройти незамеченной; силы тьмы не любят тех, кто идет за Христом Спасителем. Поэтому Фонд столкнулся с множеством сложностей, нападков со стороны самых разных людей, причем некоторые из них ранее сами принимали помощь Фонда. Но, несмотря на все трудности и испытания, наша работа продолжается во славу Бога, молитвенным предстательством Святителя Николая Чудотворца.

Мы просим и Вас о молитвенной поддержке, которая необходима нам для преодоления возникающих на пути развития Фонда преград и реализации новых проектов, а также о молитвах за наших ушедших в путь всей земли родственниках и дорогих нашему сердцу людей, духовное единство с которыми мы ощущаем в Церкви Христовой, в которой соединяются ныне живущие с теми, кто перешагнул порог вечности.

Просим Ваших молитв:

О здравии: иеромонаха Михаила, Андрея, Александра, Александры, Александры, Николая с сослуживцами.

О упокоении: Евфросинии со сродниками, Юрия со сродниками, Иоанна со сродниками, Надежды, Бориса, Татьяны.

И Вас да сохранит и благословит Господь!

Литературно-художественное издание

Федотов Алексей Александрович

**СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
ТОМ II
СЛОМАННЫЙ МИР
*Романы
Рассказы***

Формат 60x84/16. Объем Печ. л. 33,375. Усл. печ. л. 31,04. Уч.-изд. л. 16,4.
Гарнитура «Constantia». Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 100 экз. Заказ 275.

Отпечатано в ОАО Информатика
153032, г. Иваново, ул. Ташкентская, д. 90
